

Сергей Чупринин

**ОТТЕПЕЛЬ
СОБЫТИЯ**

МАРТ 1953 — АВГУСТ 1968

Сергей Чупринин

**Оттепель. События. Март
1953–август 1968 года**

«НЛО»

Чупринин С.

Оттепель. События. Март 1953–август 1968 года / С. Чупринин — «НЛО»,

ISBN 978-5-44-481365-2

Непродолжительный период оттепели — один из самых значимых, но в то же время противоречивых и малоизученных в советской истории. «Культ личности забрызган грязью, / Но на сороковом году / Культ зла и культ однообразья / Еще по-прежнему в ходу», — отзывался на исторические вехи Борис Пастернак в мае 1956 года. Книга Сергея Чупринина построена как хроника главных событий, произошедших в русской культуре с марта 1953-го по август 1968 года. Их комментаторами выступают либо непосредственные участники, либо очевидцы и современники, чьи свидетельства представлены в дневниках, письмах, воспоминаниях и архивных публикациях. Культура оттепельной эпохи, увиденная на широком социально-политическом фоне, оживает здесь как в диалоге с ожиданиями советского общества, так и в драматическом конфликте с государственным тоталитаризмом и казенным единомыслием. Сергей Чупринин — литературный критик, литературовед, историк культуры, главный редактор журнала «Знамя».

ISBN 978-5-44-481365-2

© Чупринин С.
© НЛО

Содержание

ПРЕДУВЕДОМЛЕНИЕ	8
1953	10
Март	10
Апрель	26
Май	32
Июнь	38
Июль	43
Август	47
Сентябрь	50
Октябрь	52
Ноябрь	55
Декабрь	56
1954	61
Январь	61
Февраль	65
Март	69
Апрель	73
Май	78
Июнь	84
Июль	89
Август	95
Сентябрь	98
Октябрь	99
Ноябрь	101
Декабрь	105
1955	121
Январь	121
Февраль	124
Март	125
Апрель	128
Май	130
Июнь	133
Июль	136
Август	139
Сентябрь	142
Октябрь	144
Ноябрь	146
Декабрь	151
1956	156
Январь	156
Февраль	161
Март	168
Апрель	177
Май	182
Июнь	192
Июль	198

Август	201
Сентябрь	207
Октябрь	215
Ноябрь	225
Декабрь	232
1957	247
Январь	247
Февраль	253
Март	260
Апрель	268
Май	272
Июнь	283
Июль	290
Конец ознакомительного фрагмента.	291

Сергей Чупринин

Оттепель События Март

1953 – август 1968 года

А мы просо сеяли, сеяли...
А мы просо вытопчем, вытопчем...

А мы просо сеяли, сеяли...
А мы просо вытопчем, вытопчем...

А мы просо сеяли, сеяли...
А мы просо вытопчем, вытопчем...

А мы просо сеяли, сеяли...
А мы просо вытопчем, вытопчем...

А мы просо сеяли, сеяли...
А мы просо вытопчем, вытопчем...

А мы просо сеяли, сеяли...
А мы просо вытопчем, вытопчем...

А мы просо сеяли, сеяли...
А мы просо вытопчем, вытопчем...

А мы просо сеяли, сеяли...
А мы просо вытопчем, вытопчем...

А мы просо сеяли, сеяли...
А мы просо вытопчем, вытопчем...

А мы просо сеяли, сеяли...
А мы просо вытопчем, вытопчем...

Николай Заболоцкий

Оттепель после метели.
Только утихла пурга,
Разом сугробы осели
И потемнели снега.
В клочьях разорванной тучи
Блещет осколок луны.
Сосен тяжелые сучья
Мокрого снега полны.

Падают, плаваются, льются
Льдинки, втыкаясь в сугроб.
Лужи, как тонкие блюда,
Светятся около троп.
Пусть молчаливой дремотой
Белые дышат поля,
Неизмеримой работой
Занята снова земля.
Скоро проснутся деревья,
Скоро, построившись в ряд,
Птиц перелетных кочевья
В трубы весны затрубят.

(Новый мир. 1953. № 10)

ПРЕДУВЕДОМЛЕНИЕ

Прообразом этого издания можно считать трехтомник «Оттепель: Страницы русской советской литературы», составленный мною и выпущенный издательством «Московский рабочий» в 1989–1990 годах. К печати был подготовлен и четвертый том, охватывавший время с 1963 по 1968 год, но он по независящим от меня причинам издан не был, оставшись только в верстке.

Те книги задумывались, прежде всего, как антология, представляющая стихотворения, поэмы, рассказы, повести, пьесы, статьи русских писателей – необязательно самые художественно значительные, но обязательно самые значимые для своей эпохи.

Социальная значимость была положена и в основу «Хроники важнейших событий», замыкавшей каждый том.

С тех пор прошло тридцать лет. Художественные произведения оттепельной поры многократно изданы, переизданы, прокомментированы, и заново собирать их в антологию вряд ли целесообразно. А вот вернуться к хронике, пополнив череду литературных событий событиями в мире театра, музыки, кино, изобразительного искусства, других видов культурной деятельности, мне кажется, небесполезно.

За минувшие годы в печати и в интернете появились тысячи документов, сотни мемуаров, писем и дневниковых записей, принадлежащих перу тех, «кого там стояло», опубликованы десятки монографий и не поддающееся учету множество статей как российских, так и зарубежных исследователей оттепельной культуры. Доступная мне часть этих публикаций как раз и сведена воедино в летописи, предлагаемой вашему вниманию.

Важно подчеркнуть, что здесь представлена отнюдь не вся многонациональная культура СССР, создававшаяся в том числе в союзных и автономных республиках, но только и исключительно то, что мы можем называть русской культурой – безотносительно к этнической принадлежности ее деятелей и местам их проживания.

События в политической и государственной жизни отражены лишь в той мере, в какой они определяли общественную и творческую атмосферу в стране, сказывались на мироощущении и гражданском поведении художников.

Принцип построения книги прост: точно (насколько это возможно) датированное событие + (если они есть) комментарии его участников, очевидцев или просто современников.

Легко увидеть, что в ряде случаев эти комментарии не только дополняют друг друга, но и конфликтуют между собою, предлагая различные версии того либо иного события или их интерпретации. Что-то здесь объясняется различной степенью осведомленности авторов того ли иного высказывания, своеобразием их личной позиции или ошибками памяти. А в чем-то можно заподозрить и сознательную дезинформацию, квалифицировав некоторые сообщения, говоря нынешним языком, как фейки. Тем не менее после долгих колебаний я счел необходимым сохранить в книге и те свидетельства, которые либо заведомо недостоверны, либо вызывают сомнения в своей достоверности. Во-первых, они по-своему и иногда с неожиданной стороны характеризуют или авторов этих высказываний, или слухи, курсировавшие в тогдашнем обществе. А во-вторых, эти фейки все равно представлены в сегодняшнем публичном пространстве и, следовательно, должны быть не оставлены втуне, но соответствующим образом прокомментированы.

Нет сомнения, что внимательный читатель обнаружит в этой книге и досадные лакуны, и вопиющие противоречия, и непростительные ошибки. Заранее принимаю на себя всю полноту ответственности за эти несовершенства, особо отмечая, что их было бы несравненно больше, если бы не консультации и советы тех, кто бескорыстно взял на себя труд еще в руко-

писи познакомиться с некоторыми фрагментами и сюжетными линиями хроники. С чувством глубокой благодарности называю здесь имена своих советчиков:

Евгения Семеновна Абелюк, Марат Рустамович Гизатулин (Лимасол, Кипр), Яков Аркадьевич Гордин (Санкт-Петербург), Ефим Львович Гофман (Киев), Александр Юльевич Даниэль, Валерий Васильевич Есипов (Вологда), Виктор Михайлович Есипов, Наталья Михайловна Зимянина, Татьяна Викторовна Левченко, Андрей Семенович Немзер, Константин Михайлович Поливанов, Валентина Платоновна Полухина (Лондон), Владимир Владимирович Радзишевский, Ольга Михайловна Розенблюм, Людмила Георгиевна Сергеева, Анна Юрьевна Сергеева-Клятис, Ксения Андреевна Толоконникова, Георгий Иванович Трубников (Санкт-Петербург), Виктор Шлемович Юровский.

1953

Март

3 марта. Всем членам ЦК КПСС разосланы срочные вызовы в Москву для участия в пленуме. Повестка пленума не объявлена (*Р. Пихоя. С. 220*).

4 марта. В «Правде» (с. 1) «Правительственное сообщение о болезни Председателя Совета Министров Союза ССР и Секретаря Центрального Комитета КПСС товарища Иосифа Виссарионовича Сталина» и «Бюллетень о состоянии здоровья И. В. Сталина на 2 часа 4 марта 1953 г.».

Еще ранним утром, – записывает в дневник Сергей Дмитриев, – почувствовалось в радиопередачах смятение, появилась грустная музыка вместо обычных порядковых передач. Встали мы, как обычно, в 7 ч. утра. Последние известия в 7 ч. передавались обычные и закончились традиционной сводкой погоды. Но после известий передавать урок физкультуры по радио не стали. Стали передавать печальную музыку. Бородина, струнный квартет Глазунова, Грига и т. д. Так шло до 8 ч. И снова вместо обзора «Правды» и ее передовицы опять такая же музыка. Я сказал нашим, что, видимо, последует важное неожиданное сообщение о смерти кого-либо из членов ЦК или другого высокого органа. <...>

В 9 ч. 30 м. утра это зловещее сообщение и было оглашено по радио. Речь шла о серьезной болезни т. И. В. Сталина. <...> Читал сообщение по радио Левитан. Затем оно несколько раз передавалось через небольшие промежутки времени (Отечественная история. 1999. № 5. С. 144).

5 марта. В «Правде» (с. 1) второй «Бюллетень о состоянии здоровья И. В. Сталина на 2 часа 5-го марта 1953 г.», где, в частности, сказано:

К ночи на пятое марта состояние здоровья И. В. Сталина продолжает оставаться тяжелым. Больной находится в сопорозном (глубоком бессознательном) состоянии.

На специалистов была рассчитана фраза:

Наибольшие изменения наблюдались со стороны дыхательной функции: участились явления периодического (т. н. Чейн-Стоксова) дыхания (Там же).

Я уж не помню, после этого ли бюллетеня или после второго, в общем после того, в котором было сказано: «чейнстокское дыхание» – мы кинулись в санчасть, – рассказывает Лев Разгон. – Мы <...> потребовали от нашего главврача Бориса Петровича, чтобы он собрал консилиум и – на основании переданных в бюллетене сведений – сообщил нам, на что мы можем надеяться...

<...> Мы сидели в коридоре больнички и молчали. Меня била дрожь, и я не мог унять этот идиотский, не зависящий от меня стук зубов. Потом дверь, с которой мы не сводили глаз, раскрылась, оттуда вышел Борис Петрович. Он весь сиял, и нам стало всё понятно еще до того, как он сказал: «Ребята! Никакой надежды!!»

И на шею мне бросился Потапов – сдержанный и молчаливый Потапов, кадровый офицер, разведчик, бывший капитан, еще не забывший свои многочисленные ордена... (*Л. Разгон*. С. 382).

...Нет, не выжил! О радость и торжество! Наконец-то рассеется долгая ночь над Россией, – вспоминает Олег Волков. – Только – Боже оборони обнаружить свои чувства: кто знает, как еще обернется? <...>

Ссылные, встречаясь, не смеют высказывать свои надежды, но уже не таят повеселевшего взгляда. Трижды ура! (*О. Волков*. С. 312).

Пятое марта, вечер. В Свердловском зале должно начаться совместное заседание ЦК, Совета Министров и <Президиума> Верховного Совета¹, о котором было потом сообщено в газетах и по радио. Я пришел задолго до назначенного времени, минут за сорок, но в зале собралось уже больше половины участников, а спустя десять минут пришли все. <...> И вот несколько сот людей, среди которых почти все были знакомы друг с другом, знали друг друга по работе, знали в лицо, по многим встречам, – несколько сот людей сорок минут, а пришедшие раньше меня еще дольше, сидели совершенно молча, ожидая начала. Сидели рядом, касаясь друг друга плечами, видели друг друга, но никто никому не говорил ни одного слова. Никто ни у кого ничего не спрашивал. <...> Никогда по гроб жизни не забуду этого молчания (*К. Симонов*. Глазами человека моего поколения. С. 253).

По предложению Л. П. Берии председателем Совета министров СССР был единогласно утвержден Г. М. Маленков, и уже Г. М. Маленков без обсуждения назвал имена членов высшего политического руководства страны.

Сталин еще жив, – записывает в дневник Михаил Пришвин, – но то, что было при нем, потеряно: что это, еще трудно сказать. <...>

Все сейчас молчат в тревоге за то, кого посадят на место Сталина, за то, когда можно у нас за него посадить.

Осталось стадо без пастыря, а волки приглядываются к овцам (*М. Пришвин*. С. 303, 304).

В этот же вечер около 21 часа от кровоизлияния в мозг умер композитор Сергей Сергеевич Прокофьев.

Из воспоминаний сотрудника Министерства госбезопасности Ф. Д. Бобкова:

5 марта близко стоявший к медицине начальник отдела В. Иванов, возвращаясь с доклада от начальника Управления, зашел в мой кабинет и сообщил нам (нас было человек пять) о том, что Иосиф Виссарионович скончался. Это было около пяти часов вечера. До официального сообщения было еще далеко. <...>

Где-то в районе полуночи раздался телефонный звонок. Звонивший высказал Патрикееву² тревогу в связи с утечкой информации о кончине вождя. Ему стало известно это сообщение от московского корреспондента «Ассошиэйтед пресс». Звонок в службу охраны Колонного зала сразу же внес ясность. Уже час, как на фасаде Колонного зала и соседних домов

¹ Совместное заседание длилось всего 40 минут – с 20.00 до 20.40. «А через час с небольшим – в 21 час 50 минут – врачи констатировали, что Сталин умер» (*Р. Пихоя*. С. 222).

² Николай Патрикеев – полковник госбезопасности, начальник отдела, в котором служил Бобков.

(Госплан, гостиница «Москва») стали вывешивать траурные флаги. Так мир узнал о случившемся, хотя до официального правительственного сообщения оставалось еще несколько часов (*Ф. Бобков*. Как готовили предателей. С. 85, 86).

6 марта. По радио официальное сообщение о смерти И. В. Сталина 5 марта в 21 час 50 минут «прозвучало в шесть часов утра 6 марта» (Там же. С. 86).

То же сообщение в «Правде».

Как у нас принято, – иронизирует в дневнике Любовь Шапорина, – «за упокой» не может кончаться ни одно выступление, даже некролог, так и это сообщение говорило не столько о заслугах Сталина, сколько о роли «великой коммунистической партии Советского Союза» и кончалось за здоровье великой советской родины (*Л. Шапорина*. С. 228).

По всей стране, – пишет в дневнике Эрлена Лурье, – объявлен 4-дневный траур. Театры, кино не работают. На улицах, площадях включены репродукторы, и над городом льются мелодии Бетховена, Чайковского, Шопена. Ленинград в трауре (*Э. Лурье*. С. 252).

С 16 часов открыт доступ к телу Сталина в Колонном зале Дома Союзов.

<...> Колоссальная очередь, – отмечает в дневнике Сергей Дмитриев, – вытянулась к 7 ч. вечера уже за Белорусский вокзал. Милиция будто бы не знала, куда устанавливать сказочно быстро удлинявшийся хвост очереди желающих пройти перед гробом. Рассказывали, что будто бы были и несчастные случаи, задавили какого-то ребенка. Женщин с грудными детьми пропускали, кажется, без очереди. Было довольно морозно, к вечеру 11–12°, а утром 7/III даже понизилась температура до –18°, и стоял густой туман (Отечественная история. 1999. № 5. С. 144).

В поезде и на улицах, в метро, – процитируем еще одну запись Сергея Дмитриева, – много было явно подавленных, расстроенных людей, женщины заплаканные, но встречалось и много смеха и шуток, особенно среди женской молодежи. В общем же на улицах утром было полное спокойствие, даже какое-то затишье» (Там же).

В начале марта 1953 года по всей Москве, – вспоминает будущий диссидент Анатолий Иванов, – были расклеены афиши фильма «Мечта сбылась»³ – их срочно заклеивали. Мы это отметили не без ехидства. В общем, резвились и радовались как могли (*Л. Поликовская*. С. 233).

Особенно, – рассказывает Борис Павленок, – врезались в память видения пустых электричек, которые мчались сквозь морозную ночь к Москве, завывая на подъезде к безлюдным платформам – въезд в город был закрыт (*Б. Павленок*. С. 13).

6-го, – рассказывает ленинградка Любовь Шапорина, – была на траурном митинге в Союзе писателей. Зал был полон. Первым выступил сочинитель пошловатых эстрадных номеров и пьес В. Поляков. Говорил просто и тепло.

³ Румынский фильм 1952 года по роману М. Садовяну о крестьянине, который становится сознательным строителем социалистического общества.

За ним Леонид Борисов – чуть что не рыдал. Лицо искажалось судорогами, нижняя челюсть дрожала, он якобы старался не разрыдаться. <...> Поэты начали читать свои стихи. У всех слышались одни и те же слова и рифмы. «Отец» рифмовалось с «сердец». Елена Рывина, в черном, взойдя на эстраду, долго не могла начать, кусала губы, всем видом показывая, что еле удерживается от слез. Крашенная стрептоцидом Вера Панова говорила умно, не забыла слегка упомянуть о своем трехкратном лауреатстве: «Какое счастье, когда твой труд понравился ему...»

Я была там с А. А. Ахматовой, которая зашла за мной. Она была в Союзе первый раз после 46-го года. Всё же и теперь у нее вид королевы (*Л. Шапорина*. С. 229).

7 марта. В «Правде» сообщение о том, что на совместном заседании Пленума ЦК КПСС, Совета Министров Союза ССР, Президиума Верховного Совета СССР Председателем Совета Министров СССР назначен Г. М. Маленков, его первыми заместителями – Л. П. Берия, В. М. Молотов, Н. А. Булганин, Л. М. Каганович. На пост Председателя Президиума Верховного Совета СССР рекомендован К. Е. Ворошилов с освобождением Н. М. Шверника от этих обязанностей.

Членами Президиума ЦК КПСС утверждены Г. М. Маленков, Л. П. Берия, В. М. Молотов, К. Е. Ворошилов, Н. С. Хрущев, Н. А. Булганин, Л. М. Каганович, А. И. Микоян, М. З. Сабуров, М. Г. Первухин. Кандидаты в члены Президиума – Н. М. Шверник, П. К. Пономаренко, Л. Г. Мельников, М. Д. Багиров. Секретарями ЦК КПСС избраны С. Д. Игнатьев, П. Н. Поспелов, Н. Н. Шаталин, Н. А. Михайлов (с. 1). Хрущев в этом последнем перечне еще не упомянут.

«Сталина еще не похоронили, а министры уже пересели на местах, и появился Жуков. А может быть, будет и хорошо?» – комментирует эти сообщения Михаил Пришвин (*М. Пришвин*. С. 305).

Поминальные стихи опубликовали: в «Правде» – Александр Твардовский, Константин Симонов (7 марта), Николай Грибачев, Анатолий Софронов (8 марта), Михаил Исаковский, Степан Щипачев (9 марта), Анатолий Софронов, Михаил Луконин (11 марта), Ольга Берггольц (13 марта), Вера Инбер (15 марта); в «Известиях» – Сергей Михалков (8 марта), Лев Ошанин (9 марта), Владимир Луговской (11 марта); в «Литературной газете» – Александр Яшин (7 марта), Анатолий Софронов, Николай Грибачев, Назым Хикмет (10 марта), Владимир Луговской, Алексей Сурков, Платон Воронько, Юхан Шмуул (12 марта), Николай Рыленков, Павел Беспощадный, Маргарита Алигер (14 марта), Самуил Маршак (17 марта), Борис Лихарев (21 марта); в «Огоньке» – Александр Твардовский, Николай Тихонов, Сергей Орлов (8 марта), Сергей Смирнов, Александр Прокофьев, Владимир Луговской, Евгений Долматовский, Лев Ошанин, Самуил Маршак (15 марта); в «Новом мире» – Маргарита Алигер, Николай Асеев (1953. № 4). В этом же хоре – голоса Семена Кирсанова, Александра Межирова, Сергея Городецкого, Евгения Евтушенко и других поэтов⁴.

Среди тех, кто в газетах откликнулся на кончину Сталина, Михаил Шолохов («Прощай, отец!»), Александр Фадеев («Да живет и побеждает дело Сталина!», «Гуманизм Сталина»), Алексей Сурков («У гроба И. В. Сталина», «Великое прощание»), Николай Тихонов («Животворящий гений»), Федор Гладков («Бессмертие»), Борис Полевой («Вчера на Красной площади»), Леонид Леонов («Слово прощанья»), Константин Федин («Сталинские наследники»), Илья Эренбург («Великий защитник мира»), Николай Грибачев («Плечо к плечу.

⁴ Однако же не всех. «Эта смерть, – вспоминает Зинаида Николаевна, жена Б. Пастернака, – его потрясла, но, когда я попросила его написать стихи на смерть Сталина, он наотрез отказался, сославшись на то, что умер очень жестокий человек, погубивший всю интеллигенцию» (*Б. Пастернак*. Второе рождение. С. 403).

Сердце к сердцу»), Александр Яшин («Слова потеряли силу...»), Василий Ажаев («Он всегда с нами»), Галина Николаева («Не ослабев, не дрогнув...»), Валентин Овечкин («Сталин – жизнь!»), Николай Погодин («Единство»), Назым Хикмет («Вспоминаю...»), Анатолий Софронов («В Колонном зале...»), Дмитрий Шостакович («Самый близкий друг»), Арам Хачатурян, Юрий Шапорин, Тихон Хренников, Сергей Герасимов («Гордое знамя человечества»), Алла Тарасова («Родной, близкий»), Поль Робсон («Борьба будет продолжаться!»)...

Вчера утром, – пишет Борис Пастернак Галине Гудзь, жене Варлама Шаламова, – вдали за берегами пронесли свернутые знамена с черною каймой, я понял, что случилось. Тихо кругом. Все слова наполнились до краев значением, истиной. И тихо в лесу (Б. Пастернак. Т. 9. С. 721).

И еще одна цитата из пастернаковского письма, на этот раз Александру Фадееву от 14 марта:

Как поразительна была сломившая все границы очевидность этого величия и его необозримость! Это тело в гробу с такими исполненными мысли и впервые отдыхающими руками вдруг покинуло рамки отдельного явления и заняло место какого-то как бы олицетворенного начала, широчайшей общности, рядом с могуществом смерти и музыки, могуществом подытожившего себя века и могуществом пришедшего ко гробу народа. <...>

Какое счастье и гордость, что из всех стран мира именно наша земля, где мы родились и которую уже и раньше любили за ее порыв и тягу к такому будущему, стала родиной чистой жизни, всемирно признанным местом осушенных слез и смытых обид! (Там же. С. 722–723).

7–8 марта. В Колонном зале Дома Союзов продолжается прощание с И. В. Сталиным. Доступ к телу открыт с 6 утра до 2 часов ночи.

В почетном карауле у гроба стоят, среди прочих, А. Фадеев, И. Эренбург, К. Федин, Н. Тихонов, Л. Леонов, К. Симонов, А. Сурков. Непрерывно звучат произведения Моцарта, Генделя, Гайдна, Бетховена, Брамса, Шуберта, Шопена, Грига, Чайковского, которые исполняют, в частности, Д. Ойстрах, С. Рихтер⁵, Т. Николаева, Квартет имени Бетховена, Р. Баршай⁶ с Квартетом имени Бородина, «оркестр Союза ССР, оба радио, Большого театра» (Е. Мравинский. С. 122) под управлением К. Кондрашина, Э. Грикурова, К. Иванова и Е. Мравинского, А. Мелик-Пашаева.

Никогда не забуду, – вспоминает Евгений Евтушенко, – как люди шли к гробу Сталина.

Я был в толпе на Трубной площади. Дыханье десятков тысяч прижатых друг к другу людей, поднимавшееся над толпой белым облаком, было настолько плотным, что на нем отражались и покачивались тени голых мартовских деревьев. Это было жуткое, фантастическое зрелище. Люди, вливавшиеся сзади в этот поток, напирали и напирали. Толпа превратилась в страшный водоворот.

<...> Вдруг я почувствовал, что иду по мягкому. Это было человеческое тело. Я поджал ноги, и так меня понесла толпа. Я долго боялся опустить ноги.

⁵ «Над нами, – рассказывает Святослав Рихтер, – стоял гроб, его не очень хорошо было видно, да я и не старался смотреть. <...> когда я начал играть, обнаружилось, что правая педаль этого дрянного инструмента не действует. <...> Я собрал партитуры и попросил кого-то из оркестра помочь мне подsunуть их под педаль, чтобы она хоть как-то действовала. Мне нужно было играть медленную часть ре-минорного концерта Баха. Пока возился с педалью, я заметил, что люди на галерее вдруг засуетились. Верно, решили, что я подкладываю бомбу!» (Б. Монсенжон. Рихтер: Диалоги; Дневники. С. 28).

⁶ «Я не плакал, – вспоминает Рудольф Баршай. – Я с удовольствием смотрел на Давида Ойстраха, который в перерывах между выступлениями своего трио спокойно играл в шахматы, и думал: какой умица» (Нота. С. 127).

Толпа все сжималась и сжималась. Меня спас лишь мой рост. Люди маленького роста задыхались и погибали. Мы были сдавлены с одной стороны стенами зданий, с другой стороны – поставленными в ряд военными грузовиками.

– Уберите грузовики! Уберите! – истошно вопили в толпе.

– Не могу, указания нет! – растерянно кричал молоденький офицер милиции с грузовика, чуть не плача от отчаяния. И люди, швыряемые волной движения к грузовикам, разбивали головы о борта. Борты грузовиков были в крови. <...> И в этот момент я подумал о том человеке, которого мы хоронили, впервые с ненавистью. Он не мог быть не виноват в этом. И именно это «указаний нет!» и породило кровавый хаос на его похоронах (*Е. Евтушенко. Волчий паспорт. С. 98–99*).

День коронации царя на Ходынке, – сказано у Василия Гроссмана, – померк по сравнению с днем смерти земного русского бога – рябого сына сапожника из городка Гори (*В. Гроссман. Все течет. С. 271*).

И еще одна картина, уже апокалиптическая, из «Розы Мира» Даниила Андреева:

Похороны вождя, вернее, перенос его тела в мавзолей, превратились в идиотическое столпотворение. Морок его имени и его дел был так велик, что сотни тысяч людей восприняли его смерть как несчастье. Даже в тюремных камерах некоторые плакали о том, что же теперь будет. Толпы, никогда не удостаивавшиеся чести видеть вождя при его жизни, теперь жаждали улицезреть его хотя бы в гробу. Москва являла собой картину Бедлама, увеличенного до размеров мирового города. Толпы залили весь центр, пытаясь пробиться к Дому Союзов, где был выставлен для обозрения труп тирана и откуда должно было выступить траурное шествие. Прилегающие улицы превратились в Ходынку. Люди гибли, раздавливаемые о стены домов и столбы фонарей, растаптываемые под ногами, срывающиеся с крыш многоэтажных домов, по которым они пробовали миновать клокотавшее внизу человеческое месиво. Казалось, будто он, питавшийся всю жизнь испарениями страданий и крови, даже из-за гроба тянул к себе в инфракосмос горы жертв (*Д. Андреев. С. 445*).

Демонстрация Ходынки и хулиганства возле Дома Союзов показала нам, что будет, если поколеблется режим диктатуры. Но сердца верных сынов не тронулись с места, и души не были задеты сотнями задавленных и подавленных (*М. Пришвин. С. 306*).

8 марта

Умер Великий наш вождь... и сегодня мы похоронили его, – записывает в дневник Александр Довженко. – Мы уже без Сталина родного. Лежал в гробу, подложив богатырские руки творца. <...> Как тяжело на сердце. <...> Долгие годы мы были спокойны с ним, потому что всякий чувствовал в работе, в творчестве, в исканиях, в войне, что есть у нас Сталин, и поэтому, как бы ни было тяжело, трудно или опасно, – все закончится хорошо, потому что всегда и во всем решительно он был на высоте. И... не стало его (*А. Довженко. С. 704*).

А вот на оловянном руднике Бутугычаг в Озерлаге (Дальстрой), – как вспоминает Анатолий Жигулин, —

все обнимали и целовали друг друга, как на Пасху. И на бараках появились флаги. Красные советские флаги, но без траурных лент. Их было много, и они весело и дерзко трепетали на ветру. <...>

Начальство не знало, что делать, – ведь на Бутугычаге было около 50 тысяч заключенных, а солдат с автоматами едва ли 120–150 человек. Ах! Какая была радость! (Знамя. 1988. № 8. С. 94).

Восьмиклассник Владимир Высоцкий пишет свое первое стихотворение «Моя клятва» в память о И. В. Сталине. Последние строфы этого стихотворения (В. Высоцкий. С. 269–270) звучат так:

В эти скорбно-тяжелые дни
Поклянусь у могилы твоей
Не шадить молодых своих сил
Для великой Отчизны моей.

Имя Сталин в веках будет жить,
Будет реять оно над землей,
Имя Сталин нам будет светить
Вечным солнцем и вечной звездой.

Но вот – в противовес этим настроениям – стихотворение Наума Коржавина «На смерть Сталина», написанное тоже в марте, но впервые опубликованное спустя 35 лет (Октябрь. 1988. № 8. С. 147–148):

Все, с чем Россия
в старый мир врывалась,
Так что казалось, что ему пропасть, —
Все было смято... И одно осталось:
Его
неограниченная
власть.
Ведь он считал,
что к правде путь —
тяжелый,
А власть его
сквозь ложь
к ней приведет.
И вот он – мертв.
До правды не дошел он,
А ложь кругом трясинной нас сосет.
Его хоронят громко и поспешно
Соратники,
на гроб кося глаза,
Как будто может он
из тьмы крошечной
Вернуться,
все забрать
и наказать.

Холодный траур,
 стиль речей —
 высокий.
Он всех давил
 и не имел друзей...
Я сам не знаю,
 злым иль добрым роком
Так много лет
 он был для наших дней.
И лишь народ
 к нему не посторонний,
Что вместе с ним
 все время трудно жил,
Народ
 в нем революцию
 хоронит,
Хоть, может, он того не заслужил.
В его поступках
 лжи так много было,
А свет знамен
 их так скрывал в дыму,
Что сопоставить это все
 не в силах —
Мы просто
 слепо верили ему.
Моя страна!
 Неужто бестолково
Ушла, пропала вся твоя борьба?
В тяжелом, мутном взгляде Маленкова
Неужто нынче
 вся твоя судьба?
А может, ты поймешь
 сквозь муки ада,
Сквозь все свои кровавые пути,
Что слепо верить
 никому не надо.
И к правде ложь
 не может привести.

9 марта. Похороны И. В. Сталина.

На траурном митинге председательствует Н. С. Хрущев. С речами выступают Г. М. Маленков, Л. П. Берия, В. М. Молотов.

Как замечает Любовь Шапорина,

все они гораздо больше говорят о партии, монолитности партии, необходимости сплотиться вокруг партии и т. д., чем о Сталине (*Л. Шапорина. С. 228*).

Гудят все заводы, пушечный салют, всегда напоминающий обстрел (Там же).

10 марта. На траурном митинге советских писателей в Театре киноактера выступают А. Сурков, М. Прилежаева, П. Воронько, А. Кулешов, К. Симонов⁷, Г. Леонидзе, С. Вургун, Н. Грибачев, А. Чаковский, С. Капутикян, М. Смирнова, И. Эренбург. Свои стихи, посвященные памяти Сталина, читают О. Берггольц, А. Софронов, В. Инбер, М. Луконин, А. Лахути.

Я помню ужасный траурный митинг (вернее, собрание) в Союзе писателей после смерти Сталина, – вспоминает Валерия Герасимова. – Что-то завывал Сурков. Симонов рыдал – сначала я глазам не поверила, – его спина была передо мной, и она довольно ритмично тряслась... Затем, выступив, он сказал, что отныне самой главной великой задачей советской литературы будет воссоздание образа величайшего человека («всех времен и народов» – была утвержденная формулировка тех лет). Н. Грибачев выступил в своем образе: предостерегающе посверкивая холодными белыми глазами, он сказал (примерно), что после исчезновения великого вождя бдительность не только не должна быть ослаблена, а, напротив, должна возрасти. Если кое-кто из вражеских элементов, возможно, попытается использовать сложившиеся обстоятельства для своей подрывной работы, пусть не надеется на то, что стальная рука правосудия хоть сколько-нибудь ослабла. <...>

Ужасное собрание⁸. Великого «гуманиста» уже не было. Но страх, казалось, достиг своего апогея. Я помню зеленые, точно больные, у всех лица, искаженные, с какими-то невидящими глазами; приглушенный шелест, а не человеческую речь в кулуарах; порой, правда, демонстрируемые (а у кое-кого и истинные!) всхлипы и так называемые «заглушенные рыдания»⁹. Вселюдный пароксизм страха (В. Герасимова // Вопросы литературы. 1989. № 6. С. 141–142).

11 марта. Ректор МГУ академик И. Г. Петровский и руководители университетской партийной, комсомольской и профсоюзной организаций обращаются к Г. М. Маленкову с просьбой

присвоить Московскому государственному университету имя Иосифа Виссарионовича Сталина – великого корифея науки, лучшего друга советских ученых и советской молодежи (цит. по: Г. Файман. С. 39–40).

Г. М. Маленков, выступая на заседании Президиума ЦК КПСС с критикой того, как в газете «Правда» освещены похороны Сталина, подчеркивает, что

у нас были крупные ненормальности, многое шло по линии культа личности. И сейчас надо сразу поправить <...>

Считаем обязательным прекратить политику культа личности (Большая цензура. С. 649).

Постановлением секретариата Союза советских композиторов образована комиссия по творческому наследию Сергея Прокофьева, в состав которой вошли Д. Кабалаевский (председатель), Г. Хубов, Д. Шостакович, М. Чулаки, М. Ростропович, М. Прокофьева.

⁷ «И я помню, – говорит Владимир Огнев, – как плакали сотрудники „Литературной газеты“ в зябкий день траурного митинга, когда Симонов читал стихотворение на смерть вождя <...>» (В. Огнев. Амнистия таланту. С. 119).

⁸ «Все были подавлены, растеряны, говорили сбивчиво, как будто это не опытные литераторы, а математики или землекопы, впервые выступающие на собрании, – вспоминает Илья Эренбург. – Ораторов было много. Я тоже говорил, не помню что, наверное, то, что и другие: «выиграл войну... отстаивал мир... ушел... скорбим... клянемся...» (И. Эренбург. Люди, годы, жизнь. Т. 3. С. 313).

⁹ «– Разве тогда о нем плакали? – сказал Л. – О себе плакали. Одни плакали от страха; другие – думая о прошлом или, о будущем. Все – иногда сами того не зная – о том плакали, что прошлого не исправить» (Л. Гинзбург. С. 209).

В Ленинграде арестована Л. С. Рудакова-Финкельштейн, у которой хранились рукописи Николая Гумилева и Осипа Мандельштама.

Освобождена 15 апреля того же года.

12 марта. В «Правде» (с. 2) статья А. Фадеева «Гуманизм Сталина», где, в частности, сказано:

Совершенно исключительна роль Сталина в развитии советского искусства и художественной литературы. Сталин, как никто другой, определил великое гуманистическое значение художественной литературы как силы воспитания и перевоспитания человека в духе коммунизма, назвав писателей инженерами человеческих душ. Сталин открыл и теоретически обосновал метод социалистического реализма в советской литературе, развил ленинское учение о партийности советской литературы. Сталин был вдохновителем всех решений партии по вопросам литературы. На протяжении трех десятков лет он направлял развитие советской литературы, одухотворяя ее все новыми и новыми идеями и лозунгами, разоблачая ее противников, заботливо выращая кадры писателей, вдохновляя и критикуя их.

13 марта. Из дневника Любви Шапориной:

Митя Толстой рассказывал, что на траурном митинге в Союзе композиторов евреи рыдали искренними слезами больше русских, ожидая погромы от нового правителя (*Л. Шапорина*. С. 229).

Министр внутренних дел СССР Л. П. Берия подписывает приказание о создании следственных групп по ускоренному пересмотру следственных дел «арестованных врачей», «арестованных быв. сотрудников МГБ СССР», «арестованных быв. работников Главного артиллерийского управления военного министерства СССР», «арестованных МГБ Грузинской ССР группы местных работников» (Лаврентий Берия. С. 17–18).

14 марта. Пленум ЦК КПСС удовлетворяет просьбу председателя Совета министров СССР Г. М. Маленкова об освобождении его от обязанностей секретаря ЦК КПСС. Секретарями ЦК КПСС избраны Н. С. Хрущев, М. А. Сулов, П. Н. Поспелов, Н. М. Шаталин, С. Д. Игнатьев.

С марта по сентябрь Хрущев был одним из секретарей ЦК – Секретариат был как бы коллективным, и, между прочим, скажу, что было неплохо, – отмечает Л. М. Каганович в своих воспоминаниях (*Л. Каганович*. С. 564).

15 марта. Четвертая сессия Верховного Совета СССР утверждает решения, принятые 5 марта на совместном заседании пленума ЦК КПСС, Совета министров СССР, Президиума Верховного Совета Союза ССР.

Принят закон Верховного Совета СССР «О преобразовании министерств СССР», объединивший, в частности, «Министерство высшего образования СССР, Министерство кинематографии СССР, Комитет по делам искусств, Комитет радиоинформации, Главполиграфиздат и Министерство трудовых резервов СССР в одно Министерство – Министерство культуры СССР» (Правда, 16 марта. С. 2).

Министром культуры СССР назначен Пантелеймон Пономаренко (Там же). Время его недолгого руководства советской культурой (до 15 февраля 1954 года) будет его противниками в писательской среде названо «идеологическим нэпом» (см., напр.: *К. Чуковский*. Т. 13. С. 167).

ГУЛАГ по постановлению Совета министров СССР передан из МВД в ведение Министерства юстиции, а в промышленные и строительные министерства – 18 гигантских хозяй-

ственных управлений, применявших принудительный труд, в том числе Дальстрой, Спецстрой, Главспецнефтьстрой, Енисейстрой, Главзолото, Гидропроект.

Тем самым, – говорит Р. Пихоя, —

прекращали существование «великие стройки социализма», которые обеспечивались практически бесплатным трудом узников ГУЛАГа. Это – железные дороги Чум—Салехард—Игарка, Красноярск—Енисейск; Байкало-Амурская магистраль; тоннель, который должен был связать материк с островом Сахалин; многочисленные гидросооружения – от Главного Туркменского канала до Волго-Балтийского водного пути; заводы (Р. Пихоя. С. 233).

19 марта. В «Литературной газете» передовая статья «Священный долг писателей»¹⁰. Подчеркивалось:

Самая важная, самая высокая задача, со всей настоятельностью поставленная перед советской литературой, заключается в том, чтобы во всем величии и во всей полноте запечатлеть для своих современников и для грядущих поколений образ величайшего гения всех времен и народов – бессмертного Сталина.

Как вспоминает К. Симонов,

реакция на эту передовую внезапно оказалась очень бурной. <...> Никита Сергеевич Хрущев, руководивший в это время работой Секретариата ЦК, прочитавши не то в четверг вечером, не то в пятницу утром номер с моей передовой «Священный долг писателя», позвонил в редакцию, где меня не было, потом в Союз писателей и заявил, что считает необходимым отстранить меня от руководства «Литературной газетой», не считает возможным, чтобы я выпускал следующий номер. <...> Видимо, это был личный взрыв чувств Хрущева, которому тогда, в пятьдесят третьем году, наверное, была уже не чужда мысль через какое-то время попробовать поставить точки над «и» и рассказать о Сталине то, что он счел нужным рассказать на XX съезде (К. Симонов. Глазами человека моего поколения. С. 280, 281, 282).

О том, что произошло на другой день после выхода этого номера газеты, – свидетельствует Анна Берзер, – я узнала в этот же вечер от Ефима Яковлевича Дороша, работавшего в газете. Как утром был вызван в Центральный Комитет заместитель главного редактора Косолапов, как его ругали, как на него кричали. Косолапов сначала не мог понять – за что. И осталась в моей памяти одна-единственная фраза: «Нельзя же, чтобы советская литература всегда изображала только Сталина...»¹¹ Здравая и такая живая фраза... Не буду писать, как подняла она наш дух в те дни, какой замаячила надеждой... (С. Липкин, А. Берзер. С. 208).

Из дневника Михаила Пришвина:

¹⁰ «Передовая статья была подготовлена по стенограмме выступления Константина Симонова на траурном митинге писателей в Центральном доме литераторов» (В. Косолапов. С. 72).

¹¹ Самому Косолапову эта историческая фраза запомнилась так: «Разве правильно все задачи, стоящие перед советской литературой, сводить к воссозданию образа товарища Сталина?» Стоит внимания, что одновременно с Косолаповым нагоняй от секретаря ЦК КПСС П. Н. Поспелова получил и К. А. Губин, главный редактор газеты «Известия», где появилась передовица под названием «Забота о благе народа – высшая цель партии Ленина–Сталина», ибо, – цитирует Косолапов Поспелова, – «наша партия – это не партия усопших вождей, она – партия живая, развивающаяся, активно действующая» (В. Косолапов. С. 73, 72).

Нам сейчас все представляют в газетах покойного Хозяина человеком в высшей степени благожелательным, а зажим приписывают какому-то комплексному образованию вокруг него. Теперь же будто бы этот какой-то особый Рапп должен рухнуть (*М. Пришвин. С. 313*).

И вдруг, как по мановению волшебной палочки, все изменилось: с 19 марта ни газеты, ни журналы больше не писали о Сталине. Контраст оказался столь сильным, что в адрес ЦК пошел поток писем студентов и рабочих, пенсионеров и военнослужащих, коммунистов и беспартийных, требовавших объяснить им странную метаморфозу, развеять их недоумение, даже обиду. Но ЦК молчало, вернее, продолжало тихо, но активно действовать, отнюдь не разглашая своих мотивов и целей, скрывая их даже от партократии, оказавшейся в полной растерянности и вынужденной лишь догадываться, куда повеял ветер (*Ю. Жуков. С. 468*).

20 марта. В «Крокодиле» фельетон Василия Ардаматского «Пиня из Жмеринки». Это, – говорит Дмитрий Быков, – «чистейший образчик антисемитизма, опубликованный уже после смерти Сталина», но «остановить последнюю кампанию, начатую вождем, было не так-то просто, да и струны она затронула чересчур живые, многим понравилось» (*Д. Быков. С. 355*).

22 марта. Из дневника Любви Шапориной:

Сейчас, как в 50-м году, распространяются повсюду слухи «из самых верных источников» о вредительской деятельности евреев. <...>

Кому-то, очевидно, нужно вызвать погром и опозорить наше «коммунистическое государство», а с ним и весь русский народ на весь мир (*Л. Шапорина. С. 230*).

До 24 марта. Секретарю ЦК КПСС Н. С. Хрущеву поступает письмо генерального секретаря ССП А. Фадеева и заместителей генерального секретаря ССП А. Суркова и К. Симонина «О мерах Секретариата Союза советских писателей по освобождению писательских организаций от балласта».

В письме говорится:

В настоящее время в Московской организации Союза советских писателей СССР состоит 1102 человека (955 членов и 147 кандидатов в члены Союза советских писателей СССР).

Свыше 150 человек из этого числа не выступают с произведениями, имеющими самостоятельную художественную ценность, от пяти до десяти лет.

Эти бездействующие литераторы являются балластом, мешающим работе Союза советских писателей, а в ряде случаев дискредитирующим высокое звание советского писателя. <...>

Значительную часть этого балласта, – продолжают авторы письма, – составляют лица еврейской национальности и, в том числе, члены бывшего «Еврейского литературного объединения» (московской секции еврейских писателей), распущенного в 1949 году.

Из 1102 членов московской организации Союза писателей русских – 662 чел. (60%), евреев – 329 чел. (29,8%), украинцев – 23 чел., армян – 21 чел., других национальностей – 67 чел.

При создании Союза советских писателей в 1934 году – в московскую организацию было принято 351 чел., из них писателей еврейской национальности – 124 чел. (35,3%). В 1935–1940 гг. принято 244 человек,

из них писателей еврейской национальности – 85 человек (34,8%); в 1941–1946 гг. принято 265 чел., из них писателей еврейской национальности 75 человек (28,4%). В 1947–1952 гг. принят 241 чел., из них писателей еврейской национальности – 49 чел. (20,3%).

Такой искусственно завышенный прием в Союз писателей лиц еврейской национальности объясняется тем, что многие из них принимались не по их литературным заслугам, а в результате сниженных требований, приятельских отношений, а в ряде случаев и в результате замаскированных проявлений националистической семейственности (особенно в период существования в Союзе писателей еврейского литературного объединения, часть представителей которого входила в состав руководящих органов ССП СССР). <...>

Приводя изложенные выше факты по Московской писательской организации, руководство ССП СССР располагает сведениями, что близкое к этому положение существует в Ленинградской организации. Не вполне благополучно обстоит дело с состоянием творческих кадров и в Союзе писателей Украины.

Полностью сознавая свою ответственность за такое положение с творческими кадрами, руководство Союза советских писателей СССР считает необходимым путем систематического и пристального изучения членов и кандидатов в члены Союза писателей последовательно и неуклонно освобождать Союз писателей от балласта.

Руководство Союза писателей считает, что было бы политически неправильным проводить это мероприятие в порядке «чистки» или «перерегистрации». Эта работа должна проводиться постепенно, опираясь на пристальное изучение кадров. Вместе с тем мы считаем необходимым добиться того, чтобы в течение 1953–1954 годов существующее ненормальное положение с составом творческих кадров писателей было бы решительно исправлено.

За последнее время Секретариат и Президиум Союза Советских Писателей СССР приняли первые меры в этом направлении. За ряд месяцев Президиумом правления ССП СССР исключено из Союза писателей 11 чел.; Секретариатом ССП внесена в Президиум рекомендация – исключить еще 11 чел. Работа эта будет продолжаться.

Мы считаем необходимым довести до сведения ЦК КПСС об этих мероприятиях, учитывая, в частности, и то обстоятельство, что исключенные будут обращаться с жалобами в руководящие партийные и советские организации (Аппарат ЦК КПСС и культура. 1953–1957. С. 30, 32–33).

23 марта. Выпущен фильм «Возвращение Василия Бортникова» по мотивам романа Галины Николаевой «Жатва» (режиссер Всеволод Пудовкин).

24 марта. На заседании Президиума ССП с докладом выступает А. Фадеев, резко осудивший, в частности, роман В. Гроссмана «За правое дело» и статью Н. Гудзия и В. Жданова «Вопросы текстологии», опубликованные «Новым миром»¹². К. Симонов согласился с содер-

¹² Как рассказывает Федор Левин, «Фадеев долго крепился, отмалчивался. Но в конце концов ему пришлось заговорить. Уже был, помнится, объявлен процесс врачей – „убийцы в белых халатах“. И Фадеев выступил, под самый занавес. Это была ужасная речь. Он осуждал роман В. Гроссмана, тут же неизвестно для чего громил Лукача и М. Лифшица. Произнеся эту речь, он, ни на кого не глядя, прямой, высокий, прошел через зал и скрылся в какой-то задней комнате. Сейфуллина, взволнованная, пошла за ним. У двери ее остановила секретарша. – Александр Александрович велел никого не пускать. Сейфуллина отстранила ее и вошла. Фадеев ходил по комнате взад и вперед. – Саша, как ты мог! – воскликнула она. Фадеев остановился. – Лидя,

жащейся в докладе критикой передовой статьи «Священный долг писателей». Он подчеркнул, что, хотя у редакции «ЛГ» не было намерения применять приемы «новорапповской» критики, в статье оказались нечеткие, непродуманные формулы. А. Твардовский, признав верной оценку, данную роману В. Гроссмана «За правое дело» партийной критикой, сказал, что основная тяжесть вины за эту ошибочную публикацию в «Новом мире» ложится на него лично, как на главного редактора журнала. Общее, как сказано в газетном отчете, возмущение собравшихся тем, что В. Гроссман до сих пор ни в какой форме не ответил на критику, выразил А. Первенцев. Выступивший в конце прений Э. Казакевич заявил, что воспринимает суровую критику его повести «Сердце друга» как товарищескую и сделает из нее все выводы.

Президиум поручил Секретариату ЦСП «в недельный срок принять практические меры по укреплению состава редколлегии и редакционного аппарата „Нового мира“» (Аппарат ЦК КПСС и культура. 1953–1957. С. 27).

26 марта. Первый секретарь ЦК комсомола А. Н. Шелепин обращается в Президиум ЦК КПСС с предложением переименовать ВЛКСМ в ВЛСКСМ (Всесоюзный Ленинско-сталинский коммунистический союз молодежи), а газету «Комсомольская правда» в «Сталинскую смену». «<...> Ответа на свою записку Шелепин не получил <...>» (Ю. Жуков. С. 468).

В «Литературной газете» передовая статья «Достоинно показывать великие дела народа», где имя Сталина лишь вскользь упоминается, зато сказано:

Достоин, правдиво, с подлинным мастерством отобразить в высокоидейных художественных произведениях великие дела нашего народа, его борьбу за коммунизм – такова важнейшая задача всей советской литературы. Партия, народ ждут от советских писателей создания новых значительных художественных произведений, со страниц которых предстал бы перед нами во всем своем духовном богатстве и нравственной силе простой советский человек, строитель коммунизма.

Из дневника Михаила Пришвина:

Говорят, что отстранение евреев в наше время совершается под давлением угрозы погромов в стране. Вся эта борьба с еврейским засильем объединяется сюжетом медицинского заговора. Есть, однако, в этом сюжете и что-то от правды. Способ племенного распространения евреев тащить друг друга теперь стал им во вред: теперь если кто виноват, то виноватыми делаются и все, кого он за собою тащил. Но эта переборка всех служащих в поисках виноватых создает действительность самую гнусную, отравляет всех гораздо больше, чем и вправду отравили бы нас заговорщики-сионисты из Джойса¹³ (М. Пришвин. С. 318).

Л. П. Берия подает в Президиум ЦК КПСС докладную записку с проектом Указа об амнистии. В записке указано, что из 2 526 402 заключенных ГУЛАГа лишь 221 435 человек

уходи. Мы поссоримся. Уходи! Я член партии, я хочу им остаться. <...> Это было уже после смерти Сталина. Через несколько дней процесс врачей „лопнул“, как вонючий пузырь. Речь Фадеева, опубликованная в „Литературной газете“, нигде больше им не перепечатывалась. В сборник „За тридцать лет“ он ее, конечно, не включил. Потом он позвонил в Воениздат, который еще до статьи М. Бубеннова заключил договор с Гроссманом, но романа не издавал и даже пытался получить с него обратно выплаченные деньги. Фадеев сказал, что роман надо издавать. На II съезде Союза писателей Фадеев в речи заявил, что его ввела в заблуждение печать и что Гроссман сделал поправки в романе. И то и другое – неправда» (Наше наследие. 2015. № 112. С. 108). По дневниковому свидетельству Корнея Чуковского от 20 февраля 1954 года, Фадеев «сам повел откровенный разговор о себе: „какой я подлец, что напал на чудесный, великолепный роман Гроссмана. Из-за этого у меня бессонные ночи. Все это Поспелов, он потребовал у меня этого выступления. И за что я напал на почтенного, милого Гудзия?“» (К. Чуковский. Т. 13. С. 166).

¹³ Правильно: Джойнта.

(«шпионы, диверсанты, террористы, троцкисты, эсеры, националисты и др.») являются особо опасными государственными преступниками (Лаврентий Берия. С. 19–21).

27 марта. Проект Указа «Об амнистии» единогласно одобрен на заседании Президиума ЦК КПСС.

28 марта. Опубликован Указ Президиума Верховного Совета СССР «Об амнистии», где сказано, что «не вызывается необходимостью дальнейшее содержание в местах заключения лиц, совершивших преступления, не представляющие большой опасности для государства, и своим добросовестным отношением к труду доказавших, что они могут вернуться к честной трудовой жизни и стать полезными членами общества». Указано, что амнистия не применяется «к лицам, осужденным на срок более 5 лет за контрреволюционные преступления, крупные хищения социалистической собственности, бандитизм и умышленное убийство» (Правда. С. 1).

Согласно указу, из мест заключения надлежало освободить 1,203 млн человек, а также прекратить следственные дела в отношении 401 тысячи человек. На 10 августа 1953 года из мест заключения было освобождено 1,032 млн человек следующих категорий: осужденные на срок до 5 лет включительно; осужденные за должностные, хозяйственные и некоторые воинские преступления; несовершеннолетние; престарелые; больные; женщины, имеющие малолетних детей; беременные.

Под амнистию попало и очень небольшое количество политзаключенных, но не более одного процента от общего их количества.

28 марта. В «Литературной газете» (с. 2–4) доклад А. Фадеева «Некоторые вопросы работы Союза писателей». Жесткой критике подвергнуты «реакционная идеалистическая философия» романа В. Гроссмана «За правое дело», ошибки редакции журнала «Новый мир» («антипатриотическая статья А. Гурвича „Сила положительного примера“», «идейно неверное» стихотворение Н. Асеева «Ива», статья В. Огнева «Ясности!», «дававшая неправильную, исходящую из групповых позиций оценку наследия Маяковского», повесть Э. Казакевича «Сердце друга», которая «содержит крупные идейные пороки», статья Н. Гудзия и В. Жданова, «которая представляет собой замаскированную полемику с государственным требованием упорядочить издание классиков»). Критические замечания высказаны в адрес «новорапповца» А. Белика, «новолефовца» С. Трегуба, а также «защитников» романа «За правое дело» Л. Субоцкого, Г. Бровмана, А. Авдеенко.

29 марта. Из дневника Михаила Пришвина:

В административном восторге Валентин Катаев недавно сказал, что мысль его личная рождается в ЦК. Фадеев цитирует эти слова как образцовые. В этом же роде, поднимаясь в административном восторге, высказывается и Вс. Иванов (*М. Пришвин*. С. 319).

30 марта. Из стенограммы собрания московских критиков и литературоведов. Говорит Виталий Озеров:

25% критиков, членов ССП, не имеют никакого отношения к литературе. Кто же эти критики в кавычках? Часть из них окончательно скомпрометировала себя бесконечными грубейшими ошибками космополитического и формалистического толка и этих ошибок не исправляет, да видимо, и не может исправить. Это такие люди, как Субоцкий, Юзовский, Кирпотин и некоторые другие, не оправдавшие звание членов ССП (цит. по: *В. Кирпотин*. С. 606).

31 марта. Из дневника Сергея Дмитриева:

Вечером объявлено было по радио о новом снижении цен на продовольственные и промышленные товары с 1 апреля 1953 г. На овощи и фрукты снижение большое – на 50%. На прочие товары от 5 до 25%. Народ весело встряхнулся (Отечественная история. 1999. № 5. С. 147).

В первый день этого снижения, – записывает в дневник Любовь Шапорина, – в магазинах стояли в очередях толпы, можно было думать, что цены снижены всего на один день (Л. Шапорина. С. 231).

Журналы в марте

В «Новом мире» (№ 3) подборка иронических рассказов Гавриила Троепольского «Из записок агронома».

Апрель

1 апреля. В Президиум ЦК КПСС с грифом «Совершенно секретно» направлена записка Л. П. Берии с предложением о полной реабилитации и немедленном освобождении лиц, привлеченных по так называемому делу о врачах-вредителях.

3 апреля. Предложение о полной реабилитации и освобождении врачей и членов их семей «в количестве 37 человек» принимает Президиум ЦК КПСС (Лаврентий Берия. С. 21–25).

Начало апреля. Завершена работа над полнометражным цветным документальным фильмом Ильи Копалина, Елизаветы Свиловой, Ирины Сеткиной, Григория Александрова, Сергея Герасимова, Михаила Чиаурели «Великое прощание», посвященным похоронам И. В. Сталина.

В прокат фильм не был выпущен. В усеченном варианте (46 мин.) его показали на российском телеканале «Культура» в 2012 году.

4 апреля. В газетах сообщение МВД СССР о тщательной проверке всех материалов предварительного следствия и других данных по делу группы врачей, обвинявшихся во вредительстве, шпионаже и террористических действиях в отношении активных деятелей Советского государства.

Проверка показала, – говорится в сообщении, – что обвинения <...> являются ложными, а документальные данные, на которые опирались работники следствия, несостоятельными. Установлено, что показания арестованных, якобы подтверждающие выдвинутые против них обвинения, получены работниками следственной части бывшего Министерства государственной безопасности путем применения недопустимых и строжайше запрещенных советскими законами приемов следствия (Правда. С. 2).

Все привлеченные по этому делу врачи полностью реабилитированы и освобождены из-под стражи. Лица, виновные в неправильном ведении следствия, арестованы и привлечены к уголовной ответственности.

Здесь же сообщение о том, что Президиум Верховного Совета СССР постановил «отменить Указ от 20 января 1953 г. о награждении орденом Ленина врача Тимашук Л. Ф. как неправомерный, в связи с выявившимися в настоящее время действительными обстоятельствами».

«Ночью я несколько раз просыпалась от счастья, – сказала Анна Андреевна, когда разговор зашел об освобождении врачей», – 19 апреля записала в дневник Лидия Чуковская (Л. Чуковская. Записки об Анне Ахматовой. Т. 2. С. 58).

Соратники Сталина, – читаем дневник Нины Лашиной¹⁴, – чуть не на другой день после его похорон стали переустраивать страну. Прежде всего, сократили и объединили все министерства. Их было около 60-ти, осталось 24. Океан бюрократии еще кипит, но, когда он стихнет, освободятся сотни тысяч людей.

Затем произвели резкое снижение розничных цен. Заключение ряд договоров с другими странами по импорту. Теперь оттуда к нам пойдут не только оборудование и машины для тяжелой промышленности, но и товары, и предметы повседневной жизни: обувь, одежда, продукты питания.

А самое сногсшибательное сообщение о том, что никаких врачей-отравителей нет и не было. Об этом сообщает сегодняшняя «Правда».

¹⁴ Нина Сергеевна Лашина (Покровская; 1906–1990) в ту пору заведовала отделом писем в журнале «Крокодил».

Сообщает, что все арестованные выпускаются на волю и что все признания были получены нашими органами следствия незаконными и недопустимыми методами. И сообщается, что у врача Тимашук, что, якобы, раскрыла всю цепь преступлений и была за это награждена орденом, орден отбирается.

В этих сообщениях нет никакой ясности, никакой ответственности за все, что натворили. Кто и как ответит за все, как это распутается, ничего не ясно. Голое сообщение, и все тут! Ничего я не понимаю (*Н. Лашина. С. 230–231*).

Министр внутренних дел СССР Л. П. Берия подписывает (с грифом «Совершенно секретно») приказ «О запрещении применения к арестованным каких-либо мер принуждения и физического воздействия», где, в частности, сказано:

Ликвидировать в Лефортовской и внутренней тюрьмах организованные руководством б<ывшего> МГБ СССР помещения для применения к арестованным физических мер воздействия, а все орудия, посредством которых осуществлялись пытки, уничтожить (*Лаврентий Берия. С. 29*).

5 апреля. Из дневника Нины Лашиной:

В газетах опубликован акт амнистии. Такой массовой амнистии не было все 35 лет. По сроку, на какой осужден, по возрасту, по характеру преступления. Из тюрем, из лагерей сразу освобождаются сотни тысяч людей.

Вчера в «Правде» передовая статья о неприкосновенности прав советского человека и о том, что Михоэлс был порядочным человеком, оклеветанным напрасно (*Н. Лашина. С. 231–232*).

Из дневника Михаила Пришвина:

Всех восхищает открытое признание нынешнего правительства в том, что прошлое правительство добывало факты для процессов пытками. Кажется, будто непременно должна же начаться и нам другая жизнь. А когда берет сомнение, возвращаешься к факту признания пыток и думаешь опять, что прежнее невозможно, и жизнь будет скоро иная (*М. Пришвин. С. 325*).

6 апреля. В «Правде» передовая статья «Советская социалистическая законность неприкосновенна», где в связи с пересмотром дела «кремлевских врачей» выдвинуты суровые обвинения в адрес бывшего министра государственной безопасности С. Д. Игнатьева, бывшего заместителя министра и начальника следственной части по особо важным делам МГБ М. Д. Рюмина. Подчеркивается, в частности, что

презренные авантюристы типа Рюмина сфабрикованным ими следственным делом пытались разжечь в советском обществе <...> глубоко чуждые социалистической идеологии чувства национальной вражды. В этих провокационных целях они не останавливались перед оголтелой клеветой на советских людей. Тщательной проверкой установлено, например, что таким образом был оклеветан честный общественный деятель, народный артист СССР Михоэлс.

Полковник М. Д. Рюмин, непосредственно руководивший следствием по этому делу и к тому времени уже уволенный из органов госбезопасности, 17 марта был арестован по приказу Берии; 22 июля 1954 года, уже в ходе процессов над исполнителями репрессий, он был расстрелян.

С. Д. Игнатьев, персональный пенсионер союзного значения, мирно умер 27 ноября 1983 года в Москве; похоронен на Новодевичьем кладбище.

Как вспоминает Константин Симонов,

вскоре после сообщения о фальсификации дела врачей членов и кандидатов в члены ЦК знакомили в Кремле, в двух или трех отведенных для этого комнатах, с документами, свидетельствующими о непосредственном участии Сталина во всей истории с «врачами-убийцами», с показаниями арестованного начальника следственной части бывшего Министерства государственной безопасности Рюмина о его разговорах со Сталиным, о требованиях Сталина ужесточить допросы – и так далее и тому подобное. <...> Я в три или четыре приема читал эти бумаги на протяжении недели примерно. Потом чтение это было прекращено, разом оборвано (К. Симонов. Глазами человека моего поколения. С. 271).

10 апреля. Принято «строго секретное» постановление Президиума ЦК КПСС, где сказано:

Одобрить проводимые тов. Берия Л. П. меры по вскрытию преступных действий, совершенных на протяжении ряда лет в бывшем Министерстве госбезопасности СССР, выражавшихся в фабрикация фальсифицированных дел на честных людей, а также мероприятия по исправлению последствий нарушения советских законов, имея в виду, что эти меры направлены на укрепление Советского государства и социалистической законности (Лаврентий Берия. С. 41).

12 апреля. Из дневника Сергея Дмитриева:

Сегодняшний номер «Правды» имеет воскресный, праздничный характер. Небольшой, не сильно едкий фельетон. Значительный (1½ подвала) рассказ К. Паустовского «Клад». В рассказе природа занимает заметное место, а люди имеют свой язык и не говорят фразами из плохих передовиц. Обстоятельная театральная рецензия Н. Погодина «Веселый и содержательный спектакль» одобрительно отзывалась о спектакле «Стрекоза». Словом, газета всем своим обликом являет старую истину: воскресенье – праздник. И эта старая истина веселит и радостно входит в сознание: да, воскресенье – праздник. И это хорошо.

<...> Вообще полезно вспомнить, что «великий народ» – это ведь тоже люди, как и все люди. Просто люди. И хотят жить, как все люди живут (Отечественная история. 1999. № 5. С. 147–148).

13 апреля. Запись в дневнике Корнея Чуковского:

Дивные апрельские события! Указ об амнистии, пересмотр дела врачей-отравителей окрасили все мои дни радостью (К. Чуковский. Т. 13. С. 137).

13–20 апреля. В Московском доме кино фестиваль чехословацких фильмов.

16 апреля. В «Литературной газете» (с. 3) статья Ольги Берггольц «Разговор о лирике», восстанавливающая в правах понятие «лирического героя» и призывающая к большей раскрепощенности, искренности и субъективности лирической, и в том числе любовной, поэзии.

На одном из первых заседаний коллегии новообразованного министерства культуры СССР принято решение о съемках в 1954 году 40 кинофильмов¹⁵. Это означает постепенный отход от позднесталинской стратегии «малокартинья», когда в 1951 году на экраны было

¹⁵ На самом деле, в прокат был выпущен 41 фильм.

выпущено всего 7 фильмов (в это число входили документальные ленты и фильмы-спектакли), в 1952-м – 11 фильмов, в 1953-м – 22 фильма.

22 апреля. Запись в дневнике Корнея Чуковского:

Вера всех окружающих в то, что новое правительство будет давать народу новые и новые облегчения и льготы, так огромна, что все уверенно ждут к 1-му мая введения 7-часового рабочего дня, увеличения пенсий, повышения заработной платы и т. д., и т. д., и т. д. (*К. Чуковский*. Т. 13. С. 139).

«Правда» по советской традиции публикует «Призывы ЦК КПСС к 1 Мая 1953 года», где, уже вопреки традиции, отдельно ни разу не упомянуто имя Сталина¹⁶.

Михаил Зощенко обращается в президиум правления ССП с заявлением о восстановлении его в Союзе писателей.¹⁷

За шесть лет я мог бы написать значительно больше, однако следует учесть неблагоприятные условия для моей работы. Эти условия несомненно отягчаются тем, что я не состою в ССП и оторван от коллектива. <...>

У меня было много ошибок и погрешностей за 32 года моей литературной работы, но не советским писателем я никогда не был¹⁸ (цит. по: *В. Огрызко*. // Литературная Россия, № 38, 30 октября 2015. С. 8).

23 апреля. Выпущен фильм Михаила Ромма «Адмирал Ушаков». В заглавной роли Иван Переверзев.

23–24 апреля. В пятилетнем (1953–1957) плане проектирования и сооружения памятников, который рассматривается на коллегии министерства культуры СССР, не предусмотрено создание ни одного памятника Сталину. Не было осуществлено и распоряжение министерства от 26 апреля об установлении у Главного павильона Всесоюзной сельскохозяйственной выставки в Москве монументальных скульптур Ленина и Сталина (*М. Герizon*. С. 142).

26 апреля. Запись в дневнике Корнея Чуковского:

Была вчера жена Бонди – так и пышет новостями о «новых порядках». «Кремль будет открыт для всей публики», «Сталинские премии отменяются», «займа не будет», «колхозникам будут даны облегчения» и т. д., и т. д., и т. д. «Союз Писателей будет упразднен», «Фадеев смещен», «штат милиции сокращен чуть не впятеро» и т. д., и т. д., и т. д. Все, чего хочется обывателям, – они выдают за программу правительства (*К. Чуковский*. Т. 13. С. 140–141).

28 апреля. Отдел науки и культуры ЦК КПСС сигнализирует о том, что в редакционной статье «За боевую театральную критику!»

«Литературная газета» ни словом не обмолвилась об антипатриотической деятельности критиков-космополитов, которые нанесли большой ущерб нашей драматургии и критике. При чтении статьи создается впечатление, что в настоящее время невозможны вообще рецидивы космополитизма в театральной критике, что вопрос борьбы с подобными

¹⁶ По разу упомянуты победа «великого дела Ленина – Сталина» и «знамя Ленина – Сталина».

¹⁷ Этому заявлению предшествовали приглашения со стороны руководителей Союза писателей. См. письмо Зощенко Константину Федину от 3 мая: «В середине апреля вернулась из Москвы В. Кетлинская, которая сказала мне, чтобы я срочно послал заявление в ССП на предмет восстановления меня в Союзе. Об этом с ней говорил А. Софронов. Несколько дней спустя В. Саянов передал мне аналогичное предложение, исходящее от А. Суркова и А. Софронова. По этой причине 22 апреля с/г я послал в Москву заявление на адрес секретариата ССП» (Константин Федин и его современники. Т. 1. С. 359).

¹⁸ Анна Ахматова, исключенная вместе с Михаилом Зощенко, была восстановлена в ССП еще 19 января 1951 года.

рецидивами снят сейчас с повестки дня (Аппарат ЦК КПСС и культура. 1953–1957. С. 65).

29 апреля. Запись в дневнике Любви Шапориной:

Ходят слухи о всяких послаблениях усталому народу, но реальны ли они или выдуманы жаждущими их? Будто бы: не будет насильственного займа, увеличат пенсии, введут 7-часовой рабочий день, чтобы облегчить труд. Даже демонстрация 1 мая будет необязательной, пойдут только делегации. Может быть, и амнистия коснется политических «преступников»? (Л. Шапорина. С. 232–233).

30 апреля. Председатель Президиума Верховного Совета СССР К. Е. Ворошилов подписывает указ, где сказано:

Отменить пункт 60 Указа Президиума Верховного Совета СССР от 6 марта 1953 года о лишении Михоэлса Соломона Михайловича ордена Ленина и звания Народного артиста СССР как неправильный.

В тексте Указа важная оговорка – «без опубликования в печати».

Министр культуры СССР П. К. Пономаренко направляет председателю Совета министров Г. М. Маленкову план производства и выпуска художественных фильмов на 1953 и 1954 годы. В сопроводительной записке отмечено, что кинопроизводство в СССР в 1951 году по сравнению с 1939 годом снизилось в 10 раз, в 1952 году – в 5 раз. Поэтому «за последние 4 года на экраны страны выпущено 217 художественных фильмов, из них советских кинофильмов 52, или 24%, остальные фильмы – стран народной демократии и трофейные кинофильмы». Такое положение «снижает идеологическое влияние советской кинематографии, отрицательно сказывается на доходах от кино, сужает экспортные возможности и валютные поступления» (Летопись российского кино. 1946–1965. С. 244–245).

Апрель. Г. М. Маленков предлагает провести внеочередной Пленум ЦК КПСС и распространяет среди членов Президиума ЦК проект своего выступления:

Товарищи! По поручению Президиума ЦК КПСС считаю необходимым остановиться на одном важном принципиальном вопросе, имеющем большое значение для дела дальнейшего укрепления и сплочения руководства нашей партии и Советского государства.

Я имею в виду вопрос о неверном, немарксистском понимании роли личности в истории, которое, надо прямо сказать, получило весьма широкое распространение у нас и в результате которого проводится вредная пропаганда культа личности. Нечего доказывать, что такой культ не имеет ничего общего с марксизмом и сам по себе является не чем иным, как эсеровщиной (цит. по: Ю. Жуков. С. 469).

Составил Г. М. Маленков и проект итогового документа Пленума, где, в частности, сказано:

Центральный Комитет КПСС признает необходимым осудить и решительно покончить с немарксистскими, по существу эсеровскими тенденциями в нашей пропаганде, идущими по линии пропаганды культа личности и умаления значения и роли сплоченного, монолитного, единого коллективного руководства партии и правительства (Там же. С. 470).

Этот пленум – вероятно, натолкнувшись на сопротивление других членов Президиума ЦК, – созван не был.

В клубе МГУ премьера спектакля по пьесе выпускника Литературного института Виктора Розова «Страница жизни», поставленного университетским драматическим коллективом. 12 июня Мария Кнебель поставит эту же пьесу на сцене Центрального Детского театра.

Журналы в апреле

В «Звезде» (№ 4) статья Виссариона Саянова «Великий друг советской литературы».

В «Новом мире» (№ 4) статья Александра Фадеева «Гуманизм Сталина»¹⁹ и стихотворение Александра Твардовского «У великой могилы» (с. 14–15), где о Ленине и Сталине, в частности, сказано, что «знамена склонив У священной могилы, В самой скорби своей Обретаем мы силы Для того, чтоб идти К светлой избранной цели, Как они нас вели, Как они нам велели»²⁰.

Из подготовленного 4-го номера «Журнала Московской Патриархии» изъята статья «Вместе с народом», посвященная приемам церковных делегаций Сталиным.

¹⁹ «В статье не хватало только сказать, что куда тут Франциску Ассизскому до Сталина» (*М. Пришвин*. С. 337).

²⁰ Задумав «внеочередную» главу о Сталине в поэме «За далью – даль», 11 июля Твардовский записывает в дневник: «О нем я не могу не писать, и писать что-то безотносительное или обходящее его стороной сейчас было бы то же, что писать о нем, только о нем, когда это было почти обязательно. Даже если представить, что его ошибки в 100 раз больше, чем покамест говорят, он – всё равно он, он огромная, главная, может быть, половина нашей жизни» (*А. Твардовский*. Дневник. С. 84).

Май

1 мая. На первой полосе «Литературной газеты» в подборке «Весеннее» любовные стихотворения Николая Грибачева, Сергея Смирнова, Маро Маркарян, Льва Ошанина, Вероники Тушновой, Евгения Евтушенко.

<...> Когда начали публиковать в журналах, в газетах стихи о любви, о природе, о смерти, стихи, свободные от идеологии, от морализирования, это уже само по себе воспринималось нами как приметы духовного обновления, – вспоминает Л. Копелев (*Р. Орлова, Л. Копелев. С. 35*).

Корней Чуковский рассказывает в дневнике о своей встрече с Валентином Катаевым, который

с большим уважением отзывается о министре культуры Пономаренко. «Я как-то ездил с ним в Белоруссию в одной машине – и он мне сказал: „Какая чудесная вещь у Пушкина ‘Кирджали’“. А я не помнил. Беру Пушкина, действительно чудо... Он спас в 1937 году от арестов Янку Купалу, Якуба Колоса и других. Очень тонкий, умный человек» (*К. Чуковский. Т. 13. С. 142*).

7 мая. В «Литературной газете» передовая статья «Писатель и критика», где подчеркивается, что

писатель, несомненно, имеет право возражать на критику и доказывать свою правоту, если он убежден в том, что не совершил ошибки или если, соглашаясь с одной частью справедливых и верных критических замечаний, он отвергает другую часть – неверных, субъективных, вкусовых. Творческая дискуссия, активная борьба мнений и литературных вкусов необходимы для развития нашего искусства.

В массе, – записывает в дневник Любовь Шапорина, – весенние настроения, ждут смягчения режима, улучшения жизни, перестали чувствовать этот тяжелый гнет, висевший над страной.

Странное дело, но это так! Кажется, ничего не изменилось, а легче стало дышать. В Москве расшифровывают СССР: смерть Сталина спасет Россию (*Л. Шапорина. С. 233*).

8 мая. Секретарю ЦК КПСС П. Н. Поспелову поступает докладная записка завотделом науки и культуры ЦК А. М. Румянцева, его заместителя П. А. Тарасова и завсектором отдела художественной литературы и искусства Б. М. Ярустовского о состоянии советской оперы, где о Дмитрие Шостаковиче, в частности, сказано:

Этот крупнейший и бесспорно талантливейший композитор также в течение многих лет не обращается к оперному жанру. Созданная им музыка к ряду кинофильмов и даже написанная им ранее формалистическая опера «Леди Макбет», несмотря на свои серьезные пороки и формалистический характер, свидетельствуют о больших возможностях композитора, его безусловной способности создать именно оперную музыку.

Однако Шостакович в известной степени подвержен идеологическим шатаниям; он находится под заметным влиянием групповщины, имеющей место среди композиторов. Серьезные сигналы о противоречивых влияниях и тенденциях в жизни и деятельности этого композитора свидетельствуют

о том, что он до конца и искренне в идейно-художественном отношении все еще не перестроился.

Шостакович не торопится выступить в оперном жанре, не ищет достойной темы и хорошего либреттиста. Он предпочитает сочинять музыку для кино, хоры, квартеты и другие произведения, не требующие особого труда, усилий и ответственности.

Министерство культуры и Союз советских композиторов не привлекают Шостаковича к работе над оперой и тем самым мало помогают ему в том, чтобы он твердо и окончательно укрепился на реалистических позициях (Аппарат ЦК КПСС и культура. 1953–1957. С. 69–70).

9 мая. Принято закрытое постановление Президиума ЦК КПСС, предписывающее во время праздничных демонстраций и шествий отказаться от использования портретов.

Чьих бы то ни было – и живых лидеров, и мертвых вождей. Два месяца спустя Президиум, испугавшись содеянного, отменил это решение (Ю. Жуков. С. 472).

11 мая. Обращаясь в МИД СССР, посол СССР во Франции А. Павлов не рекомендует запрашивать французские власти о передаче в Россию праха Федора Шаляпина, так как это «может быть демагогически истолковано и обыграно реакционной пропагандой» (Музыка вместо сумбура. С. 431).

Адресованное К. Е. Ворошилову 26 мая письмо вдовы и дочери Шаляпина с просьбой «перенести прах его с чужбины (из Парижа) в столицу нашей родины – Москву», оставлено без удовлетворения (Там же. С. 434).

Перезахоронение праха Шаляпина на Новодевичьем кладбище состоится только через три десятилетия, 29 октября 1984 года.

12 мая. На заседании секретариата правления ССП под председательством А. Суркова рассмотрено заявление Михаила Зощенко о восстановлении его в Союзе писателей. А. Сурков и Н. Грибачев поддержали эту просьбу, тогда как К. Симонов «предложил заново ознакомиться с <...> произведениями Зощенко». В итоге было принято постановление:

Поручить тт. Симонову К. М., Грибачеву Н. М. и Соболеву Л. С. ознакомиться с новыми произведениями М. М. Зощенко и свои предложения представить к следующему заседанию Президиума (цит. по: В. Огрызко // Литературная Россия, 30 октября 2015. С. 8).

13 мая. Николай Голованов освобожден от обязанностей художественного руководителя и главного дирижера оркестра Большого театра Союза ССР и отправлен на пенсию. Временное исполнение его обязанностей возложено на Александра Мелик-Пашаева.

Обоснование – в докладной записке, которую председателю Совета министров СССР Г. М. Маленкову 24 апреля подал министр культуры П. К. Пономаренко:

Прикрываясь высокой академической взыскательностью, Голованов Н. С. на деле своей абстрактной, недружественной критикой в большинстве своем дискредитирует советскую музыку, подрывает доверие к советским композиторам, насаждает в театре равнодушие и пренебрежение к их работе и возможностям и по существу глушит творческое стремление коллектива создать совместно с композиторами высокохудожественные советские оперы²¹ (Музыка вместо сумбура. С. 427).

²¹ Первая кампания политической травли этого дирижера была развязана еще во второй половине 1920-х годов. По мнению партийной, комсомольской и профсоюзной организаций ГАБТ Голованов стремился «перенести в советский театр старые,

Николай Семенович Голованов умер 28 августа того же года.

14 мая. Отдел науки и культуры ЦК КПСС направляет секретарю ЦК КПСС П. Н. Поспелову докладную записку о недостатках в работе с творческими кадрами в Союзе советских композиторов СССР.

Отмечены «перекосы» в национальном составе Союза: русских – 430, евреев – 256 человек. Обращено внимание на то, что «совершенно незначительно представлена в Союзе композиторов творческая молодежь. Из 1111 композиторов и музыковедов лишь 62 человека в возрасте до 30 лет». Недопустимым признано, что «в Союзе композиторов нашла приют и поощрение большая группа ремесленников, халтурщиков, наводняющих эстраду примитивными, а часто и пошлыми песенками и другими малопрофессиональными произведениями» (Аппарат ЦК КПСС и культура. 1953–1957. С. 81, 82, 83).

16 мая. Из дневника Сергея Дмитриева:

В научной, литературной, пропагандистской работе ведется борьба против злоупотребления цитатами. Разумеется, прежде всего цитатами из классиков марксизма-ленинизма. Борьба эта полезна. Труд литератора стал у нас зачастую трудом по подбору цитат, а т. к. набор их ограничен, то давно уже предлагали злые языки издавать справочники-цитатники с подбором цитат для экономистов, историков, юристов, критиков и др. Как обычно, борьба принимает и комические формы. Психологам разрешили издать сборник статей, но предупредили, что статьи с большим количеством цитат приниматься не должны. <...>

Как на пример, заслуживающий подражания, указывают на последний номер журнала «Коммунист», в котором-де на 8 листов текста всего 7 цитат. В «Правде» от 15 мая фельетон в стихах С. Васильева «Цитатчик» (Отечественная история. 1999. № 5. С. 148–149).

18–24 мая. Неделя венгерских фильмов в Москве, Ленинграде и столицах союзных республик.

19 мая. Отдел науки и культуры подает секретарю ЦК КПСС П. Н. Поспелову докладную записку «Об ослаблении идеологического контроля за содержанием и качеством исполнения репертуара в концертно-зрелищных учреждениях страны», где указано, что «на эстраде получили широкое распространение запрещенные ранее Главреперткомом идейно порочные и антихудожественные произведения», среди которых названы песни репрессированного Ю. Хайта и белоэмигранта П. Лещенко (Сталинские премии. С. 628).

23 мая. Из письма Александра Фадеева Алексею Суркову:

Советская литература по своему идейно-художественному качеству, а в особенности по мастерству, за последние 3–4 года не только не растет, а катастрофически катится вниз. <...>

Проза художественная пала так низко, как никогда за время существования советской власти (Аппарат ЦК КПСС и культура. 1953–1957. С. 91).

буржуазные нравы и методы работы» и был чересчур «консервативным» (Комсомольская правда, 5 апреля 1928. С. 4). В действительности – противился постановкам советского оперного «новоедела». «Нужно открыть окна и двери Большого театра, иначе мы задохнемся в атмосфере головановщины. Театр должен стать нашим, рабочим, не на словах, а на деле. Без нашего контроля над производством не бывать театру советским. Нас упрекают в том, что мы ведем кампанию против одного лица. Но мы знаем, что если нужно что-нибудь уничтожить, следует бить по самому чувствительному месту. Руби голову, и только тогда отвратительное явление будет сметено с лица земли. Вождь, идейным руководителем интригантства, подхалимства является одно лицо – Голованов» (Комсомольская правда, 2 июня 1928. С. 5). Результатом явились увольнение дирижера в 1928 году, в 1930-м он восстановлен, в 1936-м вновь уволен, в 1948-м вновь восстановлен.

«Чтобы не разносить содержание письма по литературным коридорам», Сурков лично снял копию и направил ее секретарю ЦК КПСС П. Н. Поспелову (Там же. С. 93).

Все попытки мои, – жалуется Фадеев в письме Владимиру Ермилову от 4 мая 1956 года, – поговорить с т. Поспеловым (единственным из больших руководителей, к которому я имел доступ)²² вызывали с его стороны резкую «проработку» за характер моих «заболеваний», чем он все и объяснял. Позиция моя была слабой, т. к. в *этом* вопросе я действительно был очень виноват (А. Фадеев. Письма и документы. С. 213).

25 мая. Народный артист СССР Борис Чирков обращается к министру внутренних дел СССР Л. П. Берии с просьбой об освобождении драматурга Алексея Каплера, уже отбывшего два 5-летних срока лишения свободы (Кинематограф оттепели. 1998. С. 19).

26 мая. Отдел науки и культуры ЦК КПСС докладывает Н. С. Хрущеву о том, что «в послевоенные годы установлено около 30 монументальных памятников В. И. Ленину и И. В. Сталину», причем распространилась практика бесконтрольного «тиражирования» одних и тех же монументов в разных городах СССР, что, по мнению авторов записки, «наносит вред самой идее монументальной пропаганды» (Аппарат ЦК КПСС и культура. 1953–1957. С. 97, 98).

Строго секретным постановлением Совета министров СССР, дополненным постановлением от 13 июня, утверждены размеры зарплаты и временного денежного довольствия (в просторечии «конвертов») для советских чиновников.

Теперь их ежемесячные доходы складывались следующим образом: у министра – 5000 рублей зарплаты и 9000 рублей «конверт», у замминистра – соответственно 4000 и 5000, у членов коллегии – 3000 и 3000, у начальника главка – 3000 и 2500; у председателя облисполкома – 4000 и 5000, у зампреда – 1600 и 5000, у заведующего отделом или группой – 1400 и 2500; у председателя горисполкома административного центра области – 1900 и 2500; у председателя райисполкома – 1800 и 2100 рублей.

Оценить реальную величину такого жалованья позволяет простое сравнение. В 1953 г. средняя месячная зарплата рабочего составляла 928 рублей, служащего – 652 рубля, инженера – 1230 рублей, работника министерства – 1100 рублей (Ю. Жуков. С. 476).

26 мая – 4 августа. Самое массовое и продолжительное в истории ГУЛАГа восстание заключенных в лагерных отделениях Горлага под Норильском. В забастовках и неповиновении лагерной администрации приняло участие более 16 тысяч человек, требовавших, в частности, пересмотра дел политзаключенных. Спустя несколько месяцев Горлаг был закрыт, позже закрыто было и Главное управление лагерей (ГУЛАГ), а условия содержания значительно смягчились.

27 мая. Из дневника Сергея Дмитриева:

В Комсомольской школе на кафедре по указанию Кульбакина²³ и Захаровой из экзаменационных вопросов вычеркнуты почти все вопросы, касавшиеся взглядов Сталина (и Ленина) на те или др. проблемы. Например, был вопрос «Крестьянское восстание под предводительством Пугачева. В. И. Ленин и И. В. Сталин о крестьянских

²² Как утверждает Альберт Беляев, секретари ЦК «незадолго до самоубийства Фадеева» договорились не принимать его (Коммерсантъ-Власть, 28 сентября 2009. С. 59). Позднее так же поступили с А. Твардовским.

²³ В. Д. Кульбакин – историк, директор Центральной комсомольской школы при ЦК ВЛКСМ.

восстаниях» – вторая фраза отброшена. Или вопрос – «Разработка и принятие Сталинской конституции» – заменяется другим – «Конституция СССР 1937 года». Совершенно упразднены отдельные вопросы: «Историческая речь И. В. Сталина на XIX съезде КПСС»; «Великие стройки коммунизма». Все течет, все изменяется. Ровно год тому назад, весной 1952 г. тот же Кульбакин силком предлагал напихивать чуть ли не в каждый вопрос формулировку с упоминанием Сталина.

Сегодня 250-летие со дня основания Петербурга Петром Великим. В газетах – ни слова, по радио – тоже. Полное молчание. Только один листок отрывного календаря напомнил об этом великом в истории нашей страны событии. Да и то потому, что календарь был отпечатан и распродан еще в конце прошлого года. Что же такое обмалчивание истории – тоже борьба против крайностей персонификации, на которые так щедры были до 5 марта 1953 г.?

Опять из слухов. Все теперь боятся обвинений в национализме. Потому, если нужно кого-либо сократить в учреждении (а сейчас только и делают, что сокращают повсюду), то уж ни в коем случае не сократят еврея (как это непременно бы сделали до 5 марта 1953 г., вернее, до 4 апреля 1953 г.). Говорят, будто бы на каком-то факультете МГУ впервые за много лет приняли в аспирантуру (вернее, выдвинули к приему) двух евреев. Какой прогресс! Какая демократия! (Отечественная история. 1999. № 5. С. 149).

29 мая. Секретари правления СП СССР А. Сурков, К. Симонов и Н. Тихонов направляют Н. С. Хрущеву письмо, где сказано:

На протяжении последних трех лет, в силу своей все прогрессирующей болезни и по другим обстоятельствам, А. А. Фадеев фактически отошел от повседневного руководства Союзом писателей, что создавало ненормальную обстановку <...>

Мы считаем, что в интересах самого А. А. Фадеева и для того, чтобы наконец наладилась нормальная работа Союза писателей, следует удовлетворить желание тов. Фадеева – работать только над своим романом и освободить его от обязанностей Генерального секретаря Союза писателей, оставив его в составе членов Секретариата (Аппарат ЦК КПСС и культура. 1953–1957. С. 100)²⁴.

30 мая П. Н. Пospelов в письме Н. С. Хрущеву поддержал предложение освободить Фадеева от должностных обязанностей. Подчеркивается, что «панический и бесперспективный тон письма т. Фадеева А. А. может быть объяснен только его крайне тяжелым болезненным состоянием».

И, как сказано в том же письме Пospelова,

полагал бы целесообразным рекомендовать первым секретарем ССП СССР т. Суркова А. А.

²⁴ О том, как готовилось это предложение, рассказывает Константин Федин в дневниковой записи от 19 мая: на совещании в ЦК КПСС «<...> обнаружилось, что существует единодушие в одном пункте у значительной и сплоченной группы секр<етариа>та. Пункт этот – требование „отставки“ Ф<адее>ва. Значит, он был прав, говоря мне о таком замысле..! Конечно, мотивируется требование отставки болезнью Ф<адее>ва, и конечно, не было при этом недостатка в жалких словах сочувствия несчастному больному и в высоких словах признания его „невозместимости“. <...> С уходом Ф<адее>ва может стать только тяжелее и хуже в Союзе, чем было при нем. И мы еще горько поплачем о нем... К удовольствию тех, кто его заменит» (Константин Федин и его современники. Т. 1. С. 362).

Секретарями ЦСП СССР, полностью освобожденными от других работ, следовало бы утвердить гг. Симонова К. М., Грибачева Н. М., Тихонова Н. С., Полевого Б. Н., Озерова В. М. (Там же. С. 104, 105).

Решение было отложено, но с этого момента Фадеева практически отодвигают от работы в Союзе писателей, что он и сам понял с несомненностью.

Дело уже шло, – процитируем его письмо Владимиру Ермилову от 4 мая 1956 года, – на явное отстранение меня как председателя, – все „указания“ мне передавались через Суркова, и фактически я видел, что не понят в лучших своих стремлениях и что относятся ко мне, как к нервнобо́льному или неуравновешенному и капризному человеку, который все хочет сделать «по-своему», вопреки уже налаженному руководству во главе с Сурковым (А. Фадеев. Письма и документы. С. 213).

31 мая. Умер художник Владимир Евграфович Татлин (род. в 1885).

Июнь

4 июня. Секретариат ЦК КПСС принимает решение об издании газеты «Советская культура». Ее главным редактором назначен Н. Н. Данилов.

6 июня. Запись в дневнике Корнея Чуковского:

Зощенко очень подавлен: он, по совету Союза Писателей, написал в высшие сферы прошение о том, чтобы его вернули в Союз, – и никакого ответа. А в Ленинграде – злорадствуют; знают, что он обращался с прошением и что ему не ответили. Это ухудшило его положение (*К. Чуковский. Т. 13. С. 147*).

9 июня. Из дневника Сергея Дмитриева:

Передовая в «Правде» на старую тему, но новая по тону. Тема «Преодолеть отставание литературоведения». Что же нового в тоне? Ни одной цитаты, ни одной ссылки или хотя бы упоминания о «Марксизме и вопросах языкознания» Сталина и даже ни одного упоминания имени этого автора. Вместо окриков и прямых доносов – увещевания и наставления по адресу литературоведов. Среди смертных грехов указаны «цитатничество и начетничество, догматизм и талмудистское повторение одних и тех же общеизвестных истин» (*Отечественная история. 1999. № 5. С. 150*).

13 июня. Обращаясь к председателю Совета министров СССР Г. М. Маленкову, министр культуры П. К. Пономаренко запрашивает разрешение на включение оперы Юрия Шапорина «Декабристы» в действующий репертуар Большого театра (Музыка вместо сумбура. С. 438)²⁵.

В официальной справке, 15 июня подготовленной по этому поводу в аппарате ЦК КПСС, обращено внимание, что

до сих пор Секретариат Союза Советских композиторов не высказал своего официального мнения об опере «Декабристы» и, в частности, Генеральный секретарь т. Хренников.

При обсуждении вопроса о судьбе оперы на заседании Президиума Совета министров СССР 19 июня министру культуры даны указания «решить этот вопрос (Там же. С. 438, 439).

14 июня. Из дневника Сергея Дмитриева:

Перед грозой в последние минуты всё стихает. <...> Всё молчит. Всё ждет. Так и в общественной жизни сейчас. Всё тихо и всё в ожидании перемен, разрядов, новостей. Кратер дымится, но тих. И все ждут, ждут, надеются, мечтают. Странное, томящее ожидание.

Понимание невозможности делать то, что делалось. Непонимание, что же следует делать. Тупик прошлого очевиден. Но где же выход? Как вернуться к человеческой и общечеловеческой жизни? Все чувствуют необходимость такой жизни. Но как к ней вернуться? (*Отечественная история. 1999. № 5. С. 150–151*).

²⁵ «Последние вести о „Декабристах“ знаю от Вс. Рождественского, – еще 29 апреля занесла в дневник Любовь Шапорина. – Они с Юрием Александровичем были у нового министра культуры Пономаренко. Мнение министра об опере, что такой музыки за всё советское время еще не было, прекрасной, человеческой и благородной. Опера могла бы идти и так, но ввезти Пестеля желал тот, кого уже нет среди нас! „Декабристы“ должны пойти еще в этом сезоне. <...> Пономаренко еще сказал: „Когда я слушал оперу, у меня сердце щемило. И не у меня одного, а у многих из нас!“ (*Л. Шапорина. С. 233*).

18 июня. Министр культуры СССР П. К. Пономаренко запрашивает у секретаря ЦК КПСС Н. С. Хрущева согласие на

поездку во Францию в июле 1953 года, сроком на один месяц, балетной труппы Большого театра совместно с концертной группой, с показом следующих балетных спектаклей: П. Чайковский «Лебединое озеро», Б. Асафьев «Бахчисарайский фонтан», А. Адан «Жизель», Л. Делиб «Коппелия».

Делегировать в эту поездку предполагалось солистов балета Галину Уланову, Ольгу Лепешинскую, Раису Стручкову, Майю Плисецкую, Юрия Кондратова, Александра Лапаури, Георгия Фарманянца, Сергея Кореня, дирижера Юрия Файера, солистов инструменталистов Мстислава Ростроповича, Эмиля Гилельса, солистов вокалистов Максима Михайлова, Зару Долуханову, Веру Фирсову, Ивана Петрова, Александра Огнивцева, Павла Лисициана и др. «Общий состав группы – 140 человек» (Музыка вместо сумбура. С. 439–440).

Согласия дано не было, и эти масштабные гастроли Большого театра во Франции не состоялись.

23 июня. На заседании президиума правления ССП рассмотрен вопрос о возвращении Михаила Зощенко в Союз советских писателей.

В поддержку его просьбы высказалась М. Шагинян:

Я видела М. Зощенко каждый год после постановления ЦК и должна сказать, что это по-настоящему советский человек. Он хорошо реагировал на постановление, понял свои ошибки. Он – работающий и по-настоящему талантливый советский писатель. И нам будет стыдно, если мы сейчас не протянем ему руку помощи. Он находится в очень тяжелом моральном и материальном положении. Вопрос о восстановлении Зощенко может быть решен нами единогласно.

Однако К. Симонов, председательствовавший на заседании, выступил против предложения о «восстановлении» («Мы в свое время исключили его из союза правильно, исключили за серьезные ошибки») и предложил заново принять М. Зощенко в члены ССП

на основании произведений, написанных им за эти годы, с 1946 г. по 1953 г., среди них и партизанские рассказы (это первое, что он опубликовал). Это не очень сильно художественно, но это очень честная попытка стать на правильные позиции. Там есть и хорошие вещи – в этих рассказах. Его переводческая деятельность во многом просто блестяща. Это тот случай, когда я принял бы в члены союза как переводчика за один перевод. Это блестящие художественные произведения.

М. Шагинян в споре с К. Симоновым выдвинула контраргумент:

Был прецедент: Ахматову мы восстановили. Слабый, чуждый нам поэт. А Зощенко, который сформировался при Советской власти, который ближе нам по существу, по внутренней позиции, которую он не менял все время, – его мы будем принимать, а не восстанавливать. Почему вы так отнеслись к Ахматовой?

Но этот тезис не был принят ни К. Симоновым («<...> я хочу сказать, что я не присутствовал при восстановлении А. Ахматовой, а если бы присутствовал, несомненно, голосовал бы не за восстановление, а за прием. Считаю, что и А. Ахматову надо было бы принять в Союз заново, а не восстанавливать. А если есть формулировка о восстановлении, то

это – неверная формулировка»), ни А. Твардовским, Н. Грибачевым, А. Софроновым, Л. Соболевым, выступившими в его поддержку.

В итоге единогласным решением президиума М. Зощенко был заново принят в члены Союза советских писателей (*В. Огрызко // Литературная Россия*, 30 октября 2015. С. 8–9).

25 июня. Умер художник Александр Александрович Осмёркин (род. в 1892).

26 июня. На заседании Президиума ЦК КПСС²⁶ арестован член Президиума ЦК КПСС, первый заместитель председателя Совета министров и министр внутренних дел СССР Л. П. Берия²⁷.

Согласно общепринятой версии, Хрущев поднял вопрос о соответствии Берии занимаемым должностям и о снятии его со всех постов, кроме члена Президиума ЦК КПСС. Берия был обвинен в ревизионизме, антисоциалистическом подходе к обострившейся ситуации в ГДР и в шпионаже в пользу Великобритании в 1920-х годах. Берия²⁸ попытался доказать, что если его назначил пленум ЦК КПСС, то и снять его может только пленум, но по специальному сигналу в помещение вошла группа генералов во главе с маршалом Жуковым, которые арестовали Берию²⁹.

Существуют и альтернативные версии этого события. Так, в документальном фильме-расследовании журналиста Сергея Медведева, впервые продемонстрированном на Первом канале 4 июня 2014 года, утверждается, что Берия был убит по приказу Хрущева, Маленкова и Булганина непосредственно в ходе ареста в своем особняке на Малой Никитской улице.

Никто не решался произнести его фамилию, говорить об этом, – так Любовь Шапорина фиксирует в дневнике реакцию людей на это известие. – Боялись. Иносказательно называли Берлиозом. Надя рассказывала, что у них в столовой завода служащие сидели, читая газеты, но никто не промолвил ни слова об этой неожиданно разорвавшейся бомбе (*Л. Шапорина*. С. 238).

Я не видел человека, – говорит Илья Эренбург, – который хотя бы на мгновение усомнился в его вине, все радовались. Миллионы граждан еще верили в непричастность Сталина к злодеяниям, но Берию все ненавидели, рассказывали о нем как о человеке, развращенном властью, жестоком и низком (*И. Эренбург*. Люди, годы, жизнь. Т. 3. С. 337).

²⁶ Как говорит А. Н. Яковлев, работавший тогда инструктором ЦК КПСС, «Хрущев и тут обманул своих соратников. Он поведал им о своих конечных замыслах по Берии лишь в последние дни перед заседанием Президиума. Маленков в своих тезисах предстоящей речи на пленуме собирался сказать только о том, что Берия сосредоточил слишком большую власть, поэтому его надо передвинуть на одно из министерств. Будучи руководителем правительства, и он не знал, что у Хрущева совсем другие планы относительно их общего друга» (*А. Яковлев*. Т. 1. С. 171).

²⁷ По свидетельству генерала П. Судоплатова, портреты Берии в тот же день были сняты со стен в здании МВД на Лубянке, «к удивлению многих сотрудников этого учреждения, еще ничего не знавших о том, что произошло в Кремле». На следующий день его произведения и изображения стали изымать повсюду. Как вспоминает журналист Виталий Сырокомский, «портрет Л. Берия, висевший на стадионе во Владимире среди других портретов вождей, снимали прямо во время футбольного матча на глазах у сотен удивленных болельщиков» (*Цензура в Советском Союзе. 1917–1991*. С. 372).

²⁸ «Сначала, – вспоминает А. И. Микоян, – он не понял серьезности дела и нагло сказал: „Что вы у меня блох в штанах ищите?“ Но потом до него дошло» (*А. Микоян*. С. 588).

²⁹ «Почему мы привлекли к этому делу военных? – уже оказавшись в отставке, объясняет Н. С. Хрущев. – Высказывались соображения, что если мы решим задержать Берию и провести следствие, то не вызовет ли Берия чекистов, нашу охрану, которая была подчинена ему, и не прикажет ли нас самих изолировать? Мы совершенно были бы бессильны, потому что в Кремле находилось довольно большое количество вооруженных и подготовленных людей. Поэтому и решено было привлечь военных» (цит. по: Лаврентий Берия. С. 9). «В эти часы в Москву входили танки Таманской дивизии – по Киевскому шоссе, Дорогомиловской улице, через Бородинский мост. На Смоленской площади они свернули налево, на Садовое кольцо, и далее – к центру. К стратегическим точкам города» (*Ю. Жуков*. С. 491).

27 июня. В Большом театре Союза ССР второй спектакль оперы Юрия Шапорина «Декабристы» (либретто Всеволода Рождественского, постановка Николая Охлопкова, дирижер Александр Мелик-Пашаев).

На спектакле присутствовали руководители партии и правительства тт. Г. М. Маленков, В. М. Молотов, К. Е. Ворошилов, Н. С. Хрущев, Н. А. Булганин, Л. М. Каганович, А. И. Микоян, М. З. Сабуров, М. Г. Первухин, Н. М. Шверник, П. К. Пономаренко, В. А. Малышев³⁰ (Правда, 28 июня 1953. С. 1).

По мгновенно распространившемуся тогда же слуху, Берия намеревался арестовать «всё правительство» именно на этом спектакле.

Кто все это раскрыл или кто донес – неизвестно, но Булганин все узнал и дал знать Жукову. Тот со всей предосторожностью привел ночью в Москву целую дивизию (называли Кантемировскую). Они окружили казармы эмвэдэшников, всех разоружили и арестовали, никто не сопротивлялся <...> (*Л. Шапорина*. С. 238–239).

За музыку оперы «Декабристы» Юрий Шапорин будет выдвинут на Сталинскую премию 1-й степени за 1952 и 1953 годы, создатели спектакля «Декабристы» в Ленинградском академическом театре имени С. М. Кирова (8 человек) – тоже на премию 1-й степени, создатели спектакля в Большом театре (10 человек) – на премию 2-й степени, но присуждение премий не состоится.

29 июня. Президиум ЦК КПСС принимает постановление «Об организации следствия по делу о преступных антипартийных и антигосударственных действиях Берия» (Лаврентий Берия. С. 72).

Ведение следствия поручено Генеральному прокурору СССР Р. А. Руденко, утвержденному в должности на этом же заседании.

Из дневника Михаила Пришвина:

Говорят, что Меркуров закончил колоссальную статую Сталина, и на месте уже собрали железную ногу. Но приехал уполномоченный и приказал убрать. И объяснил, что Сталина, теперь существо идеальное, нельзя путать в простые житейские наши дела. – Но он же гений! – сказали художники. – Нет никакого сомнения, – ответил уполномоченный, – но все-таки эту железную ногу уберите (*М. Пришвин*. С. 383).

30 июня. Умер кинорежиссер, народный артист СССР Всеволод Илларионович Пудовкин (род. в 1893).

30 июня – 1 августа. Забастовки и массовый саботаж на шахтах Речлага в окрестностях Воркуты. Жестоко подавив волнения и приговорив зачинщиков к длительным срокам заключения, власти приступили к пересмотру дел политзаключенных, что и было в числе их требований.

Июнь. Председатель Совета по делам Русской Православной Церкви Г. Г. Карпов подает в ЦК КПСС докладную записку, где предлагает расширить права Совета, не входя в правительство, открывать храмы (не более 25 в год). Учитывая просьбу патриарха Алексия, Г. Г. Карпов рекомендует пойти на снижение налогового бремени (взимать налоги с духовенства как с лиц свободных профессий). Все его предложения были отложены, так как, по мнению Отдела

³⁰ Обращает на себя внимание последовательность, с какой на следующий день после ареста Л. П. Берии расположены фамилии в этом перечне.

пропаганды и агитации ЦК, расширение прав Совета могло привести к укреплению Церкви и усилению ее влияния на общество (см.: *М. Шкаровский*. С. 348–349).

Журналы в июне

В «Новом мире» (№ 6) первые шесть глав поэмы Александра Твардовского «За далью – даль» с подзаголовком «Из путевого дневника» и статья Федора Гладкова «О культуре речи».

Июль

2–7 июля. В Кремле проходит пленум ЦК КПСС, на котором, – как вспоминал Константин Симонов, —

о Берии было сказано все, что только можно было сказать о нем, по возможности при этом выгораживая Сталина, далеко не всегда убежденно и далеко не всегда удачно (*К. Симонов. Глазами человека моего поколения. С. 276*).

По оценке историка Ю. В. Аксютин,

Пленум ЦК КПСС <...> признал ряд недостатков в деле соблюдения ленинских партийных норм и большевистских принципов руководства: был затянута созыв XIX съезда, нерегулярно созывались пленумы ЦК, некоторые решения принимались поспешно, без должного предварительного изучения и коллективного обсуждения. Пленум подчеркнул, что пора переходить к коллегиальности в руководстве, отбросить принцип преклонения перед личностью (*Молодой коммунист. 1989. № 4. С. 40*).

9 июля. Из дневника Михаила Пришвина:

Тут интересные новости. В ЦК созвали редакторов и объявили Берия врагом народа, а все это сталинское наследство назвали «бонапартизмом», и в этом свете вынули из иконостаса Дзержинского. Можно себе представить, какая волна покатится в стране. Все было изложено в докладе Маленкова. Этот государственный переворот был столь ошеломляющим, что редактор коммунист поехал из ЦК не в редакцию, а к сестре. Это было так же ошеломительно, как манифест об оправдании врачей-отравителей, когда некоторые коммунисты бросились в церковь помогать женам святить куличи (*М. Пришвин. С. 390–391*).

10 июля. В «Правде» (с. 1) информационное сообщение о пленуме ЦК КПСС, проходившем «на днях»³¹.

Пленум ЦК КПСС, заслушав и обсудив доклад Президиума ЦК – тов. Маленкова Г. М. о преступных антипартийных и антигосударственных действиях Л. П. Берия, направленных на подрыв Советского государства в интересах иностранного капитала и выразившихся в вероломных попытках поставить Министерство внутренних дел СССР над Правительством и Коммунистической партией Советского Союза, принял решение – вывести Л. П. Берия из состава ЦК КПСС и исключить его из рядов Коммунистической партии Советского Союза как врага Коммунистической партии и советского народа.

Президиум Верховного Совета СССР постановил снять Л. П. Берия с поста первого заместителя председателя Совета министров СССР и с поста министра внутренних дел СССР, а дело о его преступных действиях передать на рассмотрение Верховного суда СССР.

Александра Твардовского, в качестве члена Центральной ревизионной комиссии принимавшего участие в работе пленума, охватило, – как он сам 3 июля записал в дневник, —

³¹ 2–7 июня.

чувство радостного и глубокого освобождения от недоуменных тягот, сомнений, опасений, даже тоски. Маленков, Хрушев, Молотов говорили о том, что важнее всего и дороже всего для жизни и дела, и говорили так, как равные тебе люди, сами радостно взволнованные освобождением от «бериевщины» (хотя не 3–4 месяца, а 16 лет!). Всё на месте, хочется жить, делать дело, верится с отрадой, что всё доброе можно и нужно, всё минется, а правда останется. Давно уж я так понимал, что если ты глубоко и бесповоротно веришь в партию, как в самое лучшее, разумное и доброе для людей, для жизни, прогресса, то всё нипочем. Такая вера и поведение в этом смысле множества тесно сплоченных людей и есть наша партия (А. Твардовский. Дневник. С. 82).

Гораздо трезвее оценила это событие рядовая москвичка Нина Лашина.

В нашей стране происходят нехорошие дела, – высказалась она в дневнике. – Сегодня в газетах сообщение о том, что Берия оказался врагом народа. Все делал для того, чтобы подорвать наше государство. Для этого добился дружбы со Сталиным и был вхож к нему днем и ночью. Восемнадцать лет он был министром внутренних дел и первым заместителем председателя совета министров. Теперь он снят с обеих должностей. Слухи по Москве ползут самые злые, но никаких подробностей, конкретных фактов против Берии пока никто не знает.

В понедельник будет закрытое партийное собрание «Правды». Вот там, по-видимому, все и разъяснится.

А вообще вокруг неспокойно. Осужденные когда-то и теперь выпущенные из лагерей и тюрем по широкой амнистии занимаются грабежами, убийствами и хулиганством. Об этом так много пишут в «Крокодил» со всех концов страны, об этом же можно прочитать в газетах в рубриках «Из зала суда», об этом рассказывают люди (Н. Лашина. С. 246).

13 июля. На партийном собрании московских писателей, посвященном итогам пленума ЦК КПСС, с докладом выступает секретарь парткома ССП Г. И. Владыкин. Оценка «преступным действиям врага народа, изменника Берия» дана в выступлениях Федора Гладкова, Федора Панферова, Ореста Мальцева, Владимира Ермилова, Мариэтты Шагинян, Аркадия Первенцева, Константина Симонова и других.

На партсобрании ленинградских писателей в поддержку решений пленума ЦК КПСС выступают Всеволод Кочетов, Илья Авраменко, Анатолий Чивилихин, Валерий Друзин, Всеволод Рождественский, Виссарион Саянов и другие.

14 июля. Из дневника Нины Лашиной:

Вчера было закрытое партийное собрание по поводу Берии. И снова я сижу в конференц-зале и вокруг меня две сотни знакомых лиц.

В генеральской форме входит главный редактор «Правды» Шепилов. На груди три ряда орденских колодок и орден Ленина. Ярko сверкают красные лампасы на синих брюках. Он докладчик. Сегодня для него регламента нет. Он говорит, стоя у стола, иногда делает несколько шагов в сторону.

Восемнадцать лет, занимая самые ответственные посты в министерствах госбезопасности и внутренних дел, Берия лелеял мечту о полном захвате власти. Он всеми силами добивался обострения национальной розни между республиками. Он намерен был натравить малые национальности на русский народ и во многом добился этого. Он сеял разногласия в ЦК, в правительстве,

ссорил между собой Молотова, Микояна, Маленкова, Ворошилова. Следил за ними при помощи целой сети своих агентов. В МВД насадил верных ему людей.

По поводу амнистии Шепилов сказал, что не предполагалось выпускать рецидивистов, убийц и грабителей. Намерены были выпустить тех, кто уже мог быть возвращен к общей жизни: прогульщиков, тех, кто в первый раз совершил небольшое преступление и т. д. Берия включил пункт, по которому открыл двери лагерей всем без исключения, так как готовился к перевороту, и это ему было выгодно. Потом Шепилов очень подробно говорил о том, почему было приостановлено строительство Туркменского канала, и об остановке создания лесозащитных полос.

Он говорил два часа. Говорил очень убедительно и честно. Он сказал, что единственная возможность не допускать ошибок – это коллективное руководство (*Н. Лашина. С. 247*).

15 июля. Восстановлены дипломатические отношения между Советским Союзом и Израилем.

16 июля. На заседании Президиума ЦК КПСС рассмотрен вопрос о публикации в «Литературной газете» (14 июля) стихотворения немецкого писателя Иоганнеса Бехера «Песня единства», носящего «националистический характер». Решение Президиума было оформлено постановлением Секретариата ЦК через месяц – 14 августа.

С демонстрации снят ряд фильмов с изображением Берии или упоминаниями о нем: «Сталинградская битва», «Падение Берлина», «Клятва», «Донецкие шахтеры», «Третий удар», «Великий перелом», «Смелые люди», «Спортивная слава», «Член правительства», «Щедрое лето», «Весна в Сакене», «Навстречу жизни», «Счастливая встреча».

В «Литературной газете» статьи В. Лациса «Никому не нарушить великой дружбы», Н. Погодина «Происки, обреченные на провал», М. Шолохова «Имя изменника проклято и забыто», подборка материалов «Народ считает всех, кто стоит на его пути» с требованием самой суровой кары для Берии.

В газетах, – в дневниковой записи комментирует Михаил Пришвин, – ежедневно отводится много места выражению радости всей страны по поводу «ареста агента иностранного капитала» Берии, хотя никто верно не знает, в чем именно он виноват (*М. Пришвин. С. 395*).

18 июля. В связи с 60-летием Владимира Маяковского торжественные вечера проходят в Колонном зале Дома Союзов (под председательством Константина Симонова, с докладом выступает Виктор Перцов) и в Зеленом театре ЦПКиО (под председательством Алексея Суркова).

День рождения Маяковского прошел невиданно пышно. Такого не знал, конечно, ни один поэт в мире, даже после смерти. Мы получаем вырезки, и не было буквально ни одного уголка в Советском Союзе, где бы не праздновали; во всех странах народных демократий, да и во всем мире (*Л. Брик – Э. Триоле. С. 201*).

20 июля. В «Правде» (с. 2–3) очерк Валентина Овечкина «На переднем крае» (из цикла очерков «Районные будни», окончание в «Правде» от 23 июля. С. 2–3).

25 июля. Из дневника Михаила Пришвина:

Итак, Саша³² умирает от печени <...> На его место целится, конечно, Симонов, но, говорят, и Панферов не дремлет. Он будто бы напустил в редакцию евреев, а Маленков вызвал и спросил: – Как же так? И будто бы Панферов своих евреев убрал. Вообще же говоря, положение наше после Сталина неустойчиво, и все мы чего-то ждем (*М. Пришвин. С. 404*).

27 июля. В Паньмыньчжоне в итоге успешно завершенных длительных переговоров подписано соглашение о перемирии в Корее.

Издан секретный циркуляр 2-го Главного управления МВД СССР, предписывающий повсеместное изъятие любых изображений Л. П. Берии (*История советской политической цензуры. С. 534–535*).

28 июля. Из письма Л. Пантелеева Лидии Чуковской:

<...> Союз писателей, по-видимому, все-таки не распустят, хотя и ходят такие легенды среди множества прочих легенд и мифов, которыми богата наша эпоха (*Л. Пантелеев – Л. Чуковская. С. 52*).

³² А. А. Фадеев.

Август

9 августа. В преддверии очередных выборов в Академию наук СССР Юлиан Оксман пишет Марку Азадовскому:

Вы знаете, вероятно, что кандидатура Фадеева в академики была отведена сверху <...> (М. Азадовский, Ю. Оксман. С. 335).

В то время советские писатели были представлены в АН СССР Михаилом Шолоховым (1939), Александром Корнейчуком и Сергеем Сергеевым-Ценским (оба 1943).

10 августа. Приказ министра культуры СССР о расформировании «Выставки подарков И. В. Сталину», с декабря 1949 года занимавшей все залы Государственного музея изобразительных искусств имени А. С. Пушкина.

14 августа. Исполняя решение Президиума ЦК КПСС от 16 июля, Секретариат ЦК постановил

указать К. Симонову на допущенную им ошибку при публикации стихотворения И. Бехера и удовлетворить его просьбу об освобождении от обязанностей главного редактора «Литературной газеты», объявить выговор заместителю редактора «Литературной газеты» по разделу международной жизни Тертеряну А. С. и освободить его от занимаемого поста. Главным редактором «Литературной газеты» был назначен Б. С. Рюриков. Первым заместителем главного редактора «Литературной газеты» – В. М. Озеров (Аппарат ЦК КПСС и культура. 1953–1957. С. 122).

Спустя четыре дня, 18 августа, это постановление утвердил Президиум ЦК КПСС.

15 августа. В «Литературной газете» (с. 3) напечатано стихотворение «Памятник» – первая публикация Бориса Слуцкого после войны.

20 августа. В «Правде» (с. 2) правительственное сообщение об испытании «на днях» водородной бомбы в Советском Союзе.

20 августа – 4 сентября. На XIV Международном кинофестивале в Венеции премия «Серебряный лев святого Марка» присуждена фильму Александра Птушко «Садко». Фильм Всеволода Пудовкина «Возвращение Василия Бортникова» отмечен специальным дипломом фестиваля.

21 августа. Из дневника Михаила Пришвина:

Все говорят сейчас о том, что Ленин был действительно русским культурным деятелем, а Сталин односторонним его учеником, восточным деспотом без восточной этики. В этом направлении теперь постепенно Ленина возвышают, а Сталина спускают, сохраняя в полной мере значение его заслуг (М. Пришвин. С. 428).

22 августа. На первой полосе «Литературной газеты» статья Ю. Карасева «Против перестраховки в литературной критике», рассказывающая, на примере судьбы романа И. Шамякина «В добрый час», о том, что

некоторые редакторы и критики неверно ориентируют писателей, толкают их на ложный и скользкий путь лакировки действительности. В таких случаях, – подчеркивается в статье, – писатель обязан выступить в защиту правдивого, честного изображения жизни и найти в себе мужество противостоять упрекам критиков, если они несправедливы.

25 августа. Александр Фадеев направляет в Президиум ЦК КПСС письмо «О застарелых бюрократических извращениях в деле руководства советским искусством и литературой и способах исправления этих недостатков», где, в частности, сказано:

Советская общественность справедливо недовольна уровнем нашей литературы и искусства.

<...> наряду с суровой критикой нас балуют чрезмерно, балуют, в частности, и завышенными гонорарами в области литературы³³, и развращающей системой премирования всех видов искусств, при которой невозможно разобрать, что же на самом деле хорошо, а что плохо. Это сопровождается ежедневными акафистами печати на общеизвестную тему, что советская литература и искусство самые передовые в мире. Однако общая неудовлетворенность уровнем литературы и искусства существует в народе и мучительно переживается лучшими представителями самой литературы и искусства.

Среди «способов исправления этих недостатков» Фадеев называет следующие:

Необходимо создать Союз творческих работников кино СССР <...>

Необходимо на базе этого <Всероссийского театрального> общества создать Всесоюзное театральное общество со своим уставом по типу всех других творческих союзов <...>

Признать, что «перегрузка небольшого круга самых лучших творческих сил страны общественными обязанностями» чрезмерна и ничем не оправдана». <...>

Передать идейно-творческое руководство искусством из ведения Министерства культуры непосредственно ЦК (и партийные органы на местах). Причем у ЦК появятся в этом деле новые помощники в лице новых творческих Союзов.

На письме помета: «Тов. Хрущев ознакомился. Копия послана П. Н. Поспелову» (А. Фадеев. Письма и документы. С. 154–155, 156, 157, 159, 160).

27 августа. «Литературная газета» вышла с обновленным перечнем редакционной коллегии. Вместо Константина Симонова главным редактором стал Борис Рюриков, заместителями главного редактора назначены Валерий Косолапов и Виталий Озеров. В редколлегию введен Леонид Леонов.

28 августа. Умер дирижер, народный артист СССР Николай Семенович Голованов (род. в 1891). Рассказывая о его похоронах, Анатолий Свенцицкий напоминает:

Н. С. Голованов был многолетним духовным сыном отца Николая Бажанова. Когда из дверей Большого театра при громе оркестра выносили гроб с телом Николая Семеновича, перед гробом, как и положено, шел о. Николай Бажанов, правда, конечно, не в облачении... Немногим было известно, что

³³ Слова Фадеева: «Слишком много денег. У писателей слишком много денег. Я об этом написал записку в ЦК. Надо умерить и подрезать доходы», – вызвали негодование Леонида Леонова, председательствовавшего в то время в Литфонде: «У кого много денег? У тебя – да. Но если они тебя мучают – отдай их в какой-нибудь детдом или, наконец, просто в Литфонд на ссуды писателям. Но ведь другие-то – я это знаю по Литфонду – писатели живут, еле-еле сводя концы с концами. Сколько у нас еще нищеты? Что это за жест? По Толстому получается, Алексею Константиновичу: «мы вчера осетра с трудом съели». Пересказывая этот заочный диалог двух классиков, Корнелий Зелинский не удержался, впрочем, от язвительного реального комментария: «А ты, брат, как председатель Литфонда, вымахал себе двухэтажную собственную дачу из фондовых материалов по казенной цене и на участке Литфонда. Вот какой был ты председатель. Да что себе. Еще и дочери на том же участке отдельную дачу построил. Дочерям квартиру отдал, а новую, пятикомнатную, получил для себя, с женой» (К. Зелинский // Минувшее, 5. С. 99–100). См. также рассказ А. Беляева о жалобах Л. Леонова (22–27 мая 1967 года) на свое скудное материальное положение (Коммерсантъ-Власть, 28 сентября 2009).

полукафтаны, поручи, епитрахиль скрыты были импортным габардиновым плащом батюшки. Отец Николай сел в машину и на переднем месте рядом с водителем двинулся впереди процессии перед автобусом, везшим гроб с телом Н. С., как и положено священнику, на Новодевичье кладбище. А когда гроб был опущен в могилу и прозвучали напутственные слова от партийной организации ГАБТа, местного комитета и прочей общественности, о. Николай, конечно же, совершил заупокойную литию по замечательному музыканту.

Мы – и верующие, а таких было совсем немало, и «коммунисты» – артисты Большого, Малого, Художественного и других театров «про себя», как бы «минутой молчания» вторили отцу Николаю Бажанову... Молча. Многие и в Большом, и в других театрах знали о необычной вышеупомянутой литии, но, как и было положено в то время, молчали (А. Свенцицкий. С. 11).

Август. Отпечатан специальный тираж 21–24-й страниц 5-го тома «Большой Советской Энциклопедии», где в 1950 году была размещена большая статья о Л. П. Берии с его поясным портретом на отдельной вклейке. Взамен предложены шесть фотографий к статье «Берингово море». Эти страницы были разосланы всем библиотекам и подписчикам с рекомендацией:

Ножницами или бритвенным лезвием следует отрезать указанные страницы, сохранив близ корешка поля, к которым приклеить новые страницы (Цензура в Советском Союзе. 1917–1991. С. 372).

Журналы в августе

В «Советской музыке» (№ 8) статья композитора Юрия Саульского «Еще об эстрадных оркестрах», где доказывается, что насильно внедряемые балльные танцы прошлого не соответствуют вкусам современной молодежи:

Одно дело – танцы, имеющие народные корни: гопак, полька, лезгинка, краковяк, молдовеняска, чардаш и т. д. Эти танцы живут и будут жить; их музыка жизнеспособна. А вот такие танцы, как па-де-катр, па-де-труа, па-де-патинер и т. д., выдуманные балетмейстером Царманом, являются не чем иным, как порождением мещанского музыкального быта конца XIX и начала XX века. <...>

До каких же пор нашу молодежь будут поить этой приторно сладкой розовой водичкой? До каких пор слащавые звуки всех этих отменно скучных па-де-катров будут доноситься из репродукторов, звучать на танцевальных площадках, на летних эстрадах? (с. 70).

Сентябрь

1 сентября. Закрытым указом Президиума Верховного Совета СССР упразднено Особое совещание при МВД СССР.

2 сентября. Принято постановление Секретариата ЦК КПСС «об организации на подмосковной даче, где жил и работал И. В. Сталин, мемориального Музея И. В. Сталина по типу Музея В. И. Ленина в Горках, с подчинением Центральному музею В. И. Ленина» (Большая цензура. С. 653).

Это постановление выполнено не было.

4 сентября. Александр Фадеев в очередной раз³⁴ обращается к Г. М. Маленкову и Н. С. Хрущеву с письмом, где, после ритуальных восхитений «мудрыми» постановлениями ЦК партии и редакционными статьями в «Правде» («...я не хочу подвергать их ревизии...»), указывает, что эти «установочные» документы «написаны келейно, зачастую неизвестными руками, иногда неквалифицированными, невежественными и грубыми руками», носят «столь непреложный директивный характер, что ничего уже нельзя было делать, как только присоединяться и каяться, в первую очередь».

И далее:

Я глубочайшим образом убежден, что утверждение в правительстве или в партийной инстанции любого произведения кино, любого спектакля, плана художественной выставки должно происходить после того, как эти явления продискуссированы в среде творческих работников. И если мнение партийной или правительственной инстанции в силу более высокого понимания ею политической стороны дела разойдется с мнением творческих работников, не следует запрещать данное произведение или делать указание об исправлении его без участия творческих работников, без разъяснения им существа дела.

На письме помета: «Хрущев ознакомился» (А. Фадеев. Письма и документы. С. 161, 162, 163–164, 165).

6 сентября. В Москве в Зале имени П. И. Чайковского сольный концерт Лидии Руслановой – первый после решения от 31 июля 1953 года о ее освобождении и реабилитации.

7 сентября. Участники пленума ЦК КПСС, посвященного мерам по подъему сельского хозяйства, «буквально в последние минуты работы без какого-либо обсуждения, мимоходом³⁵, единодушно избрали Н. С. Хрущева первым секретарем партии, вверили ему тот самый пост, который совсем недавно занимал Сталин».

Вот как это зафиксировано в стенограмме:

³⁴ См. письма А. Фадеева от 23 мая (в соавторстве с А. Сурковым), 25 августа, 11 сентября, 14 сентября, 19 октября. «В связи с этими записками, – рассказывает Фадеев в письме Владимиру Ермилову от 4 мая 1956 года, – я просился тогда на прием к тт. Хрущеву и Маленкову. Но мне на это не ответили, и я не был принят. Тов. Пospelов – со слов Суркова – был „обеспокоен“ тем, „не показываю“ ли я эти записки писателям и не объединяю ли их таким образом на платформе, вызванной моей „депрессией“ в связи с моим, известным тебе заболеванием» (А. Фадеев. Письма и документы. С. 212).

³⁵ Как вспоминает Л. М. Каганович, «во время сентябрьского Пленума ЦК в перерыве между заседаниями Пленума, в комнате отдыха, где обычно происходил обмен мнениями членов Президиума по тем или иным вопросам, Маленков неожиданно для всех сказал: „Я предлагаю избрать на этом Пленуме Хрущева Первым секретарем ЦК“. Я говорю „неожиданно“, потому что о постановке такого важного вопроса обычно предварительно осведомляли. Когда я потом спросил Маленкова, почему он не сказал никому об этом предложении, он мне сказал: перед самым открытием Пленума ЦК к нему подошел Булганин и настойчиво предложил ему внести на Пленуме предложение об избрании Хрущева Первым секретарем ЦК. „Иначе, – сказал Булганин, – я сам внесу это предложение“. „Подумав, что Булганин тут действует не в одиночку, я, – сказал Маленков, – решил внести это предложение“. На совещании Булганин первый с энтузиазмом воскликнул: „Давайте решать!“ Остальные сдержанно согласились и не потому, конечно, что, как нынче могут сказать, боялись возразить, а просто потому, что если выбирать Первого секретаря, то тогда другой кандидатуры не было – так сложилось» (Л. Каганович. С. 564).

7 сентября, 6 часов вечера. Председательствующий – Маленков.

Маленков: Значит, с этим покончили, товарищи. Повестка исчерпана, но у Президиума ЦК есть одно предложение.

Президиум ЦК предлагает, товарищи, утвердить первым секретарем Центрального Комитета товарища Хрущева. Требуется ли пояснения этого дела?

Голоса: Нет.

Маленков: Нет. Голосую. Кто за то, чтобы утвердить товарища Хрущева первым секретарем Центрального Комитета партии, прошу поднять руки. Прошу опустить. Возражающих нет?

Голоса: Нет.

Маленков: Значит, работа пленума закончена. Заседание объявляю закрытым (цит. по: Ю. Жуков. С. 498–499).

В Париже умер Николай Николаевич Евреинов (род. в 1879).

11 сентября. В письме Г. М. Маленкову и Н. С. Хрущеву, откликаясь на передовую статью «К новому подъему театрального искусства» в «Правде» (6 сентября), Александр Фадеев подчеркивает, что в театральных бедах «виновата общая неправильная система руководства искусством, неправильное подчинение театров и их творческих кадров <...> людям, которые не имеют права на идейно-художественное руководство искусством», и предлагает перевести МХАТ, Большой и Малый театры, Ленинградский театр оперы и балета, Ленинградский драматический театр имени Пушкина, а также Московскую консерваторию из ведения Министерства культуры в непосредственное подчинение Центральному Комитету партии.

Если литература и искусство еще не дожили до того, чтобы иметь в ЦК КПСС специального секретаря по делам литературы и искусства, то вся советская культура настойчиво требует того, чтобы в ЦК был специальный секретарь по вопросам культуры. В этих условиях секретарь ЦК по вопросам культуры ставил бы все важнейшие вопросы искусства и литературы на рассмотрение Секретариата ЦК и Президиума ЦК <...> Литература и искусство от этого выиграли бы невероятно.

<...> Нельзя, чтобы Шолоховым руководил Вешенский райком, а не Центральный Комитет партии (Аппарат ЦК КПСС и культура. 1953–1957. С. 148, 150, 151).

18 сентября. Запись в дневнике Корнея Чуковского:

Я болен, простужен, никого не вижу. Был, впрочем, Нилин – говорил очень много о Маленкове – с восторгом: «Маленков явился на секретариат ЦК. Его встретили обычными аплодисментами. Он сказал: „Здесь не Большой театр, и я не Козловский“» (К. Чуковский. Т. 13. С. 154).

21 сентября. Письмо Михаила Шолохова председателю Совета министров СССР Г. М. Маленкову:

Дорогой Георгий Максимилианович!

Посылаю Вам и в «Правду» главы «Поднятой целины». Если найдется у Вас свободное время и чтение этих глав доставит Вам, хотя бы небольшое, удовольствие, – буду очень счастлив! (М. Шолохов. Письма. С. 293).

Эти главы из второй книги «Поднятой целины» будут напечатаны не в «Правде», а в «Огоньке» в апреле – июне 1954 г. (№№ 15–17, 21, 23). «Правда» напечатает другие главы из этой же книги только в 1955 году – 28 и 30 марта, 1, 3 и 5 апреля.

Октябрь

2 октября. На заседании коллегии Министерства культуры СССР принято решение «больше производить таких пластинок, которые пользуются большим спросом у населения».

И тиражи грампластинок с западной танцевальной музыкой действительно резко возрастут. Так, если в первом квартале 1953 года было выпущено 27 000 таких пластинок, то в четвертом квартале того же года – уже 327 000, а в первом квартале 1954 года – 665 000 экземпляров, то есть тираж за год увеличился более чем в 24 раза (М. Герizon. С. 167).

6 октября. Умерла скульптор Вера Игнатьевна Мухина (род. в 1889).

Секретариат ЦК КПСС принимает решение о созыве осенью 1954 года Второго съезда советских писателей. 8 октября Президиум ЦК утверждает это решение.

14 октября. Фильм Всеволода Пудовкина «Возвращение Василия Бортникова» отмечен первой премией «Золотой колос» на VII Международном кинофестивале в Риме.

16 октября. М. А. Суслову поступает докладная записка Отдела науки и культуры ЦК КПСС, где сказано:

14 октября состоялось собрание партийной группы Правления ССП, на котором обсуждался текст вступительного слова А. Фадеева на предстоящем Пленуме. <...>

Тов. Лебединский и особенно тов. Никулин настаивали на том, чтобы во вступительном слове на Пленуме были названы в положительном плане и такие писатели, как Б. Пастернак, А. Ахматова, М. Зощенко и некоторые другие.

Тт. Твардовский, Грибачев, Софронов и др. резко возражали А. Фадееву и Л. Никулину. Они заявили, что на Пленуме не следует объявлять какую-то «амнистию» ошибавшимся, особенно таким, как В. Гроссман, и зачитывать целый «поминальник», а можно ограничиться лишь указанием на то, что критика не всегда вовремя отмечает исправление писателями допущенных ошибок. <...>

Докладываем также о том, что среди писателей идут большие споры о кандидатурах предполагаемых секретарей Президиума ССП. В ЦК КПСС поступило письмо писателя т. Семушкина, в котором он решительно возражает против кандидатуры К. Симонова в качестве секретаря Президиума, считая, что при намеченном составе секретарей всю «власть» в Союзе писателей заберет в свои руки К. Симонов, известный своим пристрастием к группе писателей одной национальности. Тов. Семушкин считает неправильным устранение А. Софронова, который несет «чисто русское начало в нашей литературе», от должности секретаря Президиума. Сам тов. Софронов, попросив приема в Отделе науки и культуры ЦК КПСС, также выразил недовольство тем, что его «отстраняют» от работы в ССП, усматривая в этом волю К. Симонова. Он заявил, что известный ему предполагаемый состав секретариата, а также тенденциозная защита А. Фадеевым группы раскритикованных ранее писателей одной национальности вызовет решительные возражения со стороны другой группы писателей, к которой он относит тт. Панферова, Первенцева, Бубеннова, Ромашова, Гончара, Бровку и др.

Сегодня в отделе по его просьбе был принят т. Грибачев. Он считает, что если А. Фадеев в своем вступительном слове возьмет под защиту группу раскритикованных за идейные ошибки писателей одной национальности, то это может дезориентировать писателей и быть воспринято как указание ЦК

о прекращении борьбы за высокую идейность литературы. Такое выступление не только не сплотит писателей на решение стоящих перед ними задач, а, наоборот, вызовет среди них раскол. <...>

Просим ваших указаний (Аппарат ЦК КПСС и культура. 1953–1957. С. 167–169).

17 октября. На партийном собрании московских писателей, посвященном итогам сентябрьского пленума ЦК КПСС, с резким осуждением лакировки действительности выступили Елизар Мальцев, Александр Казанцев, Григорий Медынский, Анатолий Софронов, Надежда Чертова. Галина Николаева признала, что некоторые главы ее романа «Жатва» лишены жизненной правды. Произошло это, по словам Г. Николаевой, оттого, что она уступила требованиям редактора и сгладила наиболее острые конфликты романа.

19 октября. Александр Фадеев с пометой «Весьма срочно» направляет Г. М. Маленкову и Н. С. Хрущеву письмо, где сказано:

В связи с тем, что пленум правления Союза писателей откроется утром 21 октября, прошу ЦК дать мне указание или совет, встречает ли посланный в ЦК 16.X. с. г. проект моего вступительного слова на пленуме принципиальные возражения со стороны ЦК. Ибо без рассмотрения в ЦК проекта моего вступительного слова оно не может быть произнесено на пленуме (А. Фадеев. Письма и документы. С. 175).

20 октября. Запись в дневнике Корнея Чуковского:

Был у Федина. Говорит, что в литературе опять наступила весна. Во-первых, Эренбург напечатал в «Знамени» статью, где хвалит чуть не Андре Жида («впрочем, насчет Жида я, м. б., и вру, но за Кнута Гамсуна ручаюсь. И конечно: Пикассо, Матисс»). Во-вторых, Ахматовой будут печатать целый томик – потребовал Сурков (целую книгу ее старых и новых стихов), в-третьих, Боря Пастернак кричал мне из-за забора <...>: «Начинается новая эра, хотят издавать *меня!*»... (К. Чуковский. Т. 13. С. 155).

21 октября. Анна Ахматова сдает в издательство «Советский писатель» рукопись сборника «Избранное» (см.: Л. Чуковская. Записки об Анне Ахматовой. Т. 2. С. 74).

Эта книга будет издана только в 1958 году.

21–24 октября. XIV пленум правления ССП СССР.

Пленум открыл генеральный секретарь ССП Александр Фадеев. С докладами выступили Константин Симонов («Проблемы развития советской драматургии»), Борис Лавренев («Новые пьесы и перспективы театрального сезона»), Алексей Сурков («О созыве Второго всесоюзного съезда советских писателей»). Принято решение о новой структуре руководящих органов ССП СССР.

Председателем правления ССП СССР единогласно избран Александр Фадеев. В состав президиума правления избраны 35 человек. Для руководства повседневной практической работой избран секретариат: Алексей Сурков (первый секретарь), Константин Симонов, Николай Тихонов, Леонид Леонов, Николай Грибачев и Борис Полевой.³⁶

23 октября. На общем собрании Академии наук СССР утверждены избранные тайным голосованием члены-корреспонденты АН СССР по Отделению литературы и языка Н. Ф. Бельчиков, Д. Д. Благой, Д. С. Лихачев, Б. А. Серебренников.

Октябрь. У Галины Вишневской первая роль в Большом театре – Татьяна в опере П. И. Чайковского «Евгений Онегин».

³⁶ Как видим, Анатолия Софронова, возглавлявшего «русскую партию», в списке «рабочих» секретарей правления ССП уже нет. См. 16 октября.

Из дневника Дмитрия Голубкова:

Подписался на Гюго. Подписка – на Кузнецком, в старом двойном дворе. Стояло 18 тысяч, под дождем и холодным ветром. Сушились под аркой и зонтами. Два дня по утрам шла переключка. Первый человек каждой тысячи несет плакат (1001-ый, 2001-ый и т. д.). Объявления о переключке делал какой-то старик с 3 этажа. Сначала он кричал в картонную трубу – ничего не было слышно, тогда он взял старинную граммофонную трубу – загудели слова! У входа в черное парадное после проверки фамилии дают номерок, спускаешься с ним в мрачайший подвал, и только там – подписка и выдача первого тома. Знакомых встречаешь в этой очереди кучу (Д. Голубков. С. 172).

Журналы в октябре

В «Знамени» (№ 10) роман Леонида Леонова «Русский лес» (окончание – № 12)³⁷, статья Ильи Эренбурга «О работе писателя».

В «Новом мире» (№ 10) стихи Николая Заболоцкого, в том числе стихотворение «Оттепель».

³⁷ «Роман Леонова „Русский лес“ оказался тусклым, витиеватым и безжизненным», – записывает в дневник Корней Чуковский (К. Чуковский. Т. 13. С. 156).

Ноябрь

Не позднее 3 ноября. Гослитиздат выпускает «Фауст» Гёте в переводе Бориса Пастернака. Иллюстрации Андрея Гончарова, вступительная статья и комментарии Николая Вильям-Вильмонта.

11 ноября. «Правда» в четырех строчках, разверстанных в двух колонках в самом низу последней, четвертой страницы, сообщает о том, что 8 ноября в Париже в возрасте 83 лет скончался писатель Иван Бунин.

12 ноября. В Московском театре имени М. Н. Ермоловой премьера спектакля «Залог успеха» по пьесе Юрия Трифонова. Режиссеры Андрей Лобанов и Семен Гушанский.

16 ноября. Михаил Зощенко обращается в секретариат Ленинградского отделения ССП с заявлением: «Прошу Вашего разрешения – издать сборник моих рассказов и повестей».

24 ноября заместитель ответственного секретаря Ленинградской организации Анатолий Чивилихин пересылает это обращение в Москву с просьбой

дать указание издательству «Советский писатель» включить в издательский план 1954 г. книги рассказов и повестей М. Зощенко, составленной из лучших произведений писателя (цит. по: *Огрызко В. // Литературная Россия*, 30 октября 2015. С. 9).

В Московском доме кино вечер итальянского киноискусства.

17 ноября. Открыт доступ делегациям трудящихся в Мавзолей В. И. Ленина и И. В. Сталина.

Не позднее 20 ноября. Николай Охлопков ставит «Грозу» А. Н. Островского в Московском театре драмы (ныне Московский академический театр имени Владимира Маяковского).

25 ноября. В Малом зале имени М. И. Глинки Ленинградской филармонии премьера вокального цикла «Страна отцов» Георгия Свиридова на стихи Аветика Исаакяна – первое исполнение нового сочинения этого композитора после 1948 года.

26 ноября. Отменен указ «О воспреещении браков между гражданами СССР и иностранцами», принятый 15 февраля 1947 года.

Журналы в ноябре

В «Новом мире» (№ 11) роман Веры Пановой «Времена года» (окончание – № 12), очерк Владимира Тендрякова «Падение Ивана Чупрова».

В «Советской музыке» (№ 11) статья Леонида Утесова «О песне и легкой музыке», где впервые в советской печати сказано, что не «всякая музыка, исполняемая джаз-оркестром, обязательно порочна».

Как это ни смешно, – пишет Утесов, – но еще встречаются люди, определяющие «социалистическое» или «капиталистическое» звучание того или иного инструмента. Они считают, например, что саксофон (которым пользовались и классики) – порождение капиталистического быта и что на этом инструменте нельзя исполнять мелодии советских песен. Нельзя не протестовать против подобных невежественных взглядов (с. 40).

Декабрь

3 декабря. Директор Издательства художественной литературы А. Котов обращается к секретарю ЦК КПСС П. Н. Поспелову с просьбой о разрешении опубликовать воспоминания И. А. Бунина об А. П. Чехове.

5 декабря

Был с Фединым у Пономаренко, – записал в свой дневник Корней Чуковский. – Он больше часу излагал нам свою программу – очень простодушно либеральничая. «Игорь Моисеев пригласил меня *принять* его новую постановку³⁸. Я ему: „вы меня кровно обидели. – Чем? – Какой же я приемщик?! Вы мастер, художник – ваш труд подлежит свободной критике зрителей – и никакие приемщики здесь не нужны... Я Кедрову и Тарасовой³⁹ прямо сказал: отныне ваши спектакли освобождены от контроля чиновников. А Шапорин... я Шапорину не передал тех отрицательных отзывов, которые слышал от влиятельных правительственных лиц (Берия был почему-то против этого спектакля), я сказал ему только хорошие отзывы, нужно же ободрить человека... Иначе нельзя... Ведь художник, человек впечатлительный“» и т. д., и т. д., и т. д. Мы поблагодарили его за то, что он принял нас. «Помилуйте, в этом и заключается моя служба» и т. д. Говорили мы о необходимости переиздать книжку «Воспоминаний» Тихонова – и о памятнике Алексею Толстому, который из-за бюрократической волокиты стоит где-то на задворках, и мальчишки швыряют в него камни (К. Чуковский. Т. 13. С. 157).

В Московском театре сатиры премьера спектакля «Баня» по пьесе В. Маяковского в постановке Валентина Плучека и Сергея Юткевича.

Это незабываемый спектакль и активное созидательное чествование нашего великого Маяковского (*Пабло Неруда*. Из книги отзывов. 1955).

Незабываемый вечер – прекрасная постановка – совершенный ансамбль. Спасибо! (*Питер Брук*. Из книги отзывов. 1955).

Этот спектакль в 1954 году будет выдвинут на Сталинскую премию 3-й степени за 1952 и 1953 годы, однако присуждение премий вообще не состоится (Сталинские премии. С. 644).

12 декабря. Получено цензурное разрешение на постановку пьесы Леонида Зорина «Гости».

17 декабря. В газетах сообщение «В Прокуратуре СССР» о завершении следствия по делу Л. П. Берии, а также бывшего министра государственной безопасности, в последнее время министра государственного контроля СССР В. Н. Меркулова, министра внутренних дел Грузинской ССР В. Г. Деканозова, заместителя министра внутренних дел СССР Б. З. Кобулова, начальника одного из управлений МВД СССР С. А. Гоглидзе, министра внутренних дел УССР П. Я. Мешика, бывшего начальника следственной части по особо важным делам МВД СССР Л. Е. Влодзимерского («Правда». С. 2).

В Большом зале Ленинградской филармонии премьера Десятой симфонии Дмитрия Шостаковича. Дирижер Евгений Мравинский.

22 декабря. В «Литературной газете» (с. 3) под общим заголовком «Изменникам Родине нет пощады» выступления Павло Тычины, Николая Тихонова, Анны Караваевой с требованием

³⁸ Речь идет о танцевальной программе «Мир и Дружба» по мотивам произведений разных народов.

³⁹ Михаил Кедров в 1946–1955 годы – главный режиссер МХАТа, Алла Тарасова в 1951–1955 годы – директор этого театра.

суровой кары для Берии и его сообщников, а также отчет о собрании московских писателей, на котором их заклеили «презрением и позором» тот же Н. Тихонов, В. Каверин, В. Ажаев, Л. Леонов, А. Сурков, А. Караваева, С. Михалков, Л. Попов-Ленч, Б. Полевой и Н. Грибачев.

23 декабря. Специальное Судебное присутствие Верховного суда СССР под председательством маршала Советского Союза И. С. Конева приговорило Берия⁴⁰, Меркулова, Деканозова, Кобулова, Гоглидзе, Мешика, Влодзимерского к высшей мере уголовного наказания – расстрелу, с конфискацией лично им принадлежащего имущества, с лишением воинских званий и наград.

Приговор приведен в исполнение.

Согласно общепринятой версии, все осужденные были расстреляны в тот же день, причем Берия расстреляли за несколько часов до казни его подельников в бункере штаба Московского военного округа в присутствии генерального прокурора СССР Р. А. Руденко. По собственной инициативе первый выстрел сделал из табельного оружия генерал-полковник (впоследствии маршал Советского Союза) П. Ф. Батицкий. Тело сожжено в печи 1-го Московского (Донского) крематория. Прах захоронен на Новом Донском кладбище в общей могиле (по другим данным, развеян над Москвой-рекой).

Если же верить, что Берия был убит при аресте, весь судебный процесс оказывается фальсификацией, призванной скрыть истинное положение дел.

24 декабря. В «Литературной газете» (с. 2) рядом с официальными сообщениями «В Верховном суде СССР» и «Приговор приведен в исполнение» подборка высказываний советских писателей под общим заголовком «Советский народ никому не позволит посягать на честь и свободу Родины!».

В этом же номере на первой полосе статья Лидии Чуковской «О чувстве жизненной правды»⁴¹ с резкой критикой слащавой сентиментальности, лакированности и ханжества советской детской литературы (на примере произведений Валентины Осеевой, Анатолия Алексина и Якова Тайца).

Возражая Л. Чуковской, 29 мая 1954 года Сергей Михалков, Николай Тoman и Юрий Яковлев поместили в «Литературной газете» статью «По поводу критики: В порядке обсуждения», где сказано:

Прочитаешь статью Л. Чуковской – и покажется, что жизненная правда состоит в изображении лишь теневых сторон жизни (с. 2).

19 июня 1954 года Лидия Чуковская ответила статьей «Истина рождается в спорах» (опубликовано под названием «Во имя главной цели»). А своего рода итог этой дискуссии подвел Корней Чуковский, тогда же написавший своей дочери:

Статья отличная, но чем она лучше, тем она бессмысленнее, бессмысленнее. Ты пришла в публичный дом и чудесно, красноречиво, убедительно доказываешь девкам, как хорошо быть благородными девицами и не продаваться солдатне по полтиннику. Девки только захохотут

⁴⁰ Дневниковая запись Александра Довженко от 2 февраля 1954 года: «Всё, что я узнал о суде над ним, о его уничтожении и о содержании обвинительного заключения, <...> всё настолько отвратительно и мерзостно, настолько преступно и так патологически-мерзко, что дальше уже некуда. <...> Как же так случилось, что на самом наивысшем этаже нашего здания нового мира завелась аморальная, недопустимая гадость? Что же тогда мы собой представляем? Кто мы? Почему это стало возможным? Что делать? Стыдиться, возмущаться, презирать? Саркастически качать головами? И т. д. и т. п.? Правая рука большого <человека> на протяжении почти двух десятков лет была рукой мелкого мерзавца, садиста и хама. Вот трагедия! Вот что заводится за высокими непроветриваемыми стенами. Тысячи агентов-дармоедов, расставленных по улицам и везде, где надо и не надо, на протяжении двадцати лет охраняли предателя родины, партии... Что это? Кому же теперь клясться в верности? <...> Будьте вы прокляты, предатели жестокие, авантюристы» (А. Довженко. С. 709; пер. с укр.).

⁴¹ «<...> Настоящее название, уничтоженное редакцией, „Гнилой зуб“ <...>» (Л. Чуковская. Записки об Анне Ахматовой. Т. 2. С. 625). Одновременность этих публикаций в «Литературной газете» дала повод Александру Раскину для эпиграммы: Не день сегодня, а феерия! Ликует публика московская. Открылся ГУМ, закрылся Берия, И напечатана Чуковская (Там же).

визгливо – и запустят в тебя кто туфлей, кто рюмкой. А хозяйка публичного дома прикажет спустить тебя с лестницы. <...>

Ты приходишь к растленным писакам и заклинаешь их Чеховым быть благородными. Это «трогательно», потому что безумно. <...>

<...> Больно, что ты своим золотым пером выводешь эти плюгавые имена и фамилии, больно, что ты тратила время на изучение их скудоумной продукции (К. Чуковский, Л. Чуковская. С. 355).

25 декабря. В «Правде» (с. 1) и «Литературной газете» (с. 1) сообщение о приеме работ на соискание Сталинских премий за 1953 год.

Эти премии присуждены не будут.

26 декабря. В «Литературной газете» (с. 2) под общим заголовком «Воля народа выполнена» отклики Петруся Бровки, Ореста Мальцева, Елены Катерли, Аалы Токомбаева, Арвида Григулиса, Габидена Мустафина, Деборы Вааранди, Гумера Баширова на приговор Верховного суда СССР.

В Государственном музее изобразительных искусств имени А. С. Пушкина, после удаления «Выставки подарков И. В. Сталину», вновь открыта собственная постоянная экспозиция, и в ее составе – зал импрессионистов.

Как 7 февраля 1954 года записывает в дневник Сергей Дмитриев,

действительно первоклассных произведений живописи всего несколько. О скульптуре и говорить не приходится – слепки и копии заполняют залы. «Новыми» являются только десятка полтора картин французских импрессионистов из бывшей коллекции Музея нового западного искусства (2–3 Ренуара, 1 Ван-Гог, 1 Гоген, 1 Марке, несколько Монэ). Сезанна показать ни одной вещи не решились. За что же? Что же за дикая художественная карательно-поощрительная «политика»? Сезанн – художник-мыслитель, художник-школа. Самые заблуждения и искания его поучительнее и полезнее «великих достижений» А. Герасимова или Б. Иогансона. Почему-то козлом отпущения избран именно он.

Но каким небогатым отличными произведениями великих художников ни было бы собрание Музея изящных искусств, все же открытие этого собрания – большой праздник для всех любящих культуру (Отечественная история. 1999. № 6. С. 118).

В январе 1954 года небольшая выставка импрессионистов будет открыта и в Эрмитаже.

30 декабря

Ничего, конечно, для меня существенным образом не изменилось, кроме одного, в нашей жизни самого важного. Прекратилось всedневное и повальное исчезновение имен и личностей, смягчилась судьба выживших, некоторые возвращаются, – пишет Борис Пастернак, обращаясь к своей двоюродной сестре Ольге Фрейденберг (Б. Пастернак. Т. 9. С. 768–769).

Журналы в декабре

В «Новом мире» (№ 12) статья Владимира Померанцева «Об искренности в литературе».

Разумеется, – комментирует в дневнике Сергей Дмитриев, – статья Померанцева довольно слабая, защита самодовлеющей искренности вообще ничем не отличается от защиты «вообще» добра или бичевания «вообще» зла. И все же Померанцев ухватил главное зло нашей литературы – неискренность художественной литературы в целом, в ее общей направленности, в ее

массовой продукции, во всем ее тоне, который, как и в музыке, делает ее такой, а не иной. Есть и у нас писатели и идейные, и искренние в своей идейности. Но их ничтожное число. И не они задают литературе тон. Его задают литературные «вожди» вроде Панферова, Фадеева, Эренбурга, Бабаевского, Софронова, у которых идейность и искренность не только не в ладах, а просто отсутствуют (Отечественная история. 1999. № 6. С. 124).

Неудивительно, что «едва декабрьский номер появился в продаже, как о Владимире Померанцеве заговорила вся думающая Россия» (Г. Сvirский. С. 93).

События года

Приезд в Москву итальянского коммуниста, композитора-авангардиста Луиджи Ноно. Потом он передавал московским коллегам посылки с партитурами и записями новой музыки.

У нас в стране Ноно много раз сталкивался с типичной для тех времен ситуацией, когда чиновники пытались помешать ему встречаться с друзьями композиторами во время его визитов в Москву, утверждая, что кто-то болен, а кто-то – в командировке. В студенческой среде гуляла фраза Ноно относительно ситуации в СССР, брошенная им кому-то из наших официозных бронтозавров: «Это не коммунизм, это фашизм!» (из интервью композитора Владимира Тарнопольского Екатерине Бирюковой перед российско-итальянским фестивалем «Московский форум», 2011).

В Союз писателей СССР приняты Владимир Дудинцев, Владимир Соколов.

Книги в СССР

Виктор Астафьев. До будущей весны: Рассказы (Молотов); Борис Балтер. Первые дни: Рассказы (Владимир); Михаил Пришвин. Весна света: Избранное (М.: Молодая гвардия); Владимир Соколов. Утро в пути: Стихи (М.: Сов. писатель); Владимир Солоухин. Дождь в степи: Стихи (М.: Молодая гвардия).

Книги за рубежом

Марк Алданов. Ульмская ночь: Философия случая (Нью-Йорк: Изд-во имени Чехова); Иван Елагин. По дороге оттуда: Стихи (Нью-Йорк: Изд-во имени Чехова); Борис Зайцев. Древо Жизни: [Роман] (Нью-Йорк: Изд-во имени Чехова); Разумник Иванов-Разумник. Тюрьмы и ссылки (Нью-Йорк: Изд-во имени Чехова); Сергей Максимов. Голубое молчание: Рассказы, стихи, пьесы (Нью-Йорк: Изд-во имени Чехова); На Западе: Антология русской зарубежной поэзии / Предисл. Г. Янковского; сост. Ю. П. Иваск (Нью-Йорк: Изд-во имени Чехова); Юрий Терапиано. Встречи: [Воспоминания; Очерки о русских и иностранных поэтах] (Нью-Йорк: Изд-во имени Чехова); Александра Толстая. Отец: Жизнь Льва Толстого: В 2 т. (Нью-Йорк: Изд-во имени Чехова); Марина Цветаева. Проза / Предисл. Федора Степуна (Нью-Йорк: Изд-во имени Чехова); Борис Ширяев. Я – человек русский!: Рассказы (Буэнос-Айрес: Наша страна), Светильники Русской Земли (Буэнос-Айрес: Наша страна); С. Юрасов [В. И. Жабинский]. Василий Теркин после войны: (По А. Твардовскому) (Нью-Йорк: Изд-во имени Чехова)⁴².

⁴² Узнав об этом в декабре 1962 года, Александр Твардовский, – как записывает в дневник Владимир Лакшин, – «был очень

Кино: 3 из 22

«Адмирал Ушаков» (режиссер Михаил Ромм), «Великий воин Албании Скандерберг» (режиссер Сергей Юткевич), «Возвращение Василия Бортникова» (режиссер Всеволод Пудовкин).

Первые места в советском кинопрокате заняли «Любовь Яровая» (46,4 млн зрителей), «Свадьба с приданным» (45,3 млн зрителей), «Застава в горах» (44,8 млн зрителей).

Освобождение и реабилитация

Освобождены литераторы Иоганн Альтман, Галина Бердичевская, Александр Есенин-Вольпин, Николай Домовитов, Ольга Ивинская, Алексей Каплер, Михаил (Исидор) Маклярский, Григорий Померанц, Александр Солженицын, Лев Шейнин, Аркадий Штейнберг, Роберт Штильмарк; режиссер Сергей Радлов; актриса Валентина Токарская; художники Петр Бендель, Николай Гетьман, Михаил Ракитин, Борис Старчиков.

Освобождены и реабилитированы певица Лидия Русланова, композитор Мечислав (Моисей) Вайнберг.

Реабилитирован литератор Александр Горловский.

раздражен <...> ему кажется, что это помешает „Теркину на том свете“, скомпрометирует его. Дементьев склонил Александра Трифоновича на публичный ответ С. Юрасову, но я уговорил его не без труда – воздержаться от печатания ответа в журнале. Пусть идет где-то в собрании сочинений, а нам не следует терять лицо и выступать в духе мелких пропагандистов» (В. Лакишин. «Новый мир» во времена Хрущева. С. 96).

1954

Январь

4 января. Главный редактор «Правды» Д. Т. Шепилов направляет письмо Н. С. Хрущеву о том, что Михаил Шолохов «настойчиво просит» опубликовать в газете «126 машинописных страниц, или 14 газетных подвалов» второй книги романа «Поднятая целина».

Со своей стороны, – пишет Шепилов, – считаю опубликование всего указанного текста в «Правде» нецелесообразным.

<...> в представленных главах романа Шолохова председатель колхоза Давыдов (впрочем, как и секретарь ячейки) на протяжении всех 126 страниц пока ни одной минуты не работает. Он то томится любовной страстью к Лушке, то выслушивает всякие уголовные романы, то размышляет о влюбившейся в него Варьке. <...>

Многие части отрывка с точки зрения художественной формы сделаны хорошо. Но вместе с тем представленные главы густо насыщены натуралистическими сценами и даже явно эротическими моментами. В силу этого данный отрывок романа Шолохова, с моей точки зрения, для публикации в «Правде» не подходит. Целесообразнее обнародовать его в одном из наших литературно-художественных журналов.

<...> Считал бы целесообразным еще раз деликатно объяснить все это М. Шолохову и рекомендовать ему обратиться в соответствующий литературный журнал.

На письме резолюция Н. С. Хрущева от 6 января: «Согласен с предложением т. Шепилова. Разослать секретарям ЦК». И помета М. А. Суслова от 9 января: «Беседовал с т. М. Шолоховым» (Аппарат ЦК КПСС и культура: 1953–1957. С. 193, 194).

5 января. Роман Василия Гроссмана «За правое дело» сдан в печать в Воениздат.

Этот роман, первоначально напечатанный в журнале «Новый мир» (1952, № 7–10), был подвергнут сокрушительной критике в статье Михаила Бубеннова «О романе В. Гроссмана „За правое дело“» (Правда, 13 февраля 1953 года. С. 3–4). Статья М. Бубеннова была воспринята как приглашение к травле В. Гроссмана, которая тут же и развернулась. Уже 3 марта в «Литературной газете» (с. 3) было опубликовано присланное в редакцию постановление редакционной коллегии «Нового мира», подписанное главным редактором журнала А. Твардовским и членами редколлегии Ан. Тарасенковым, В. Катаевым, К. Фединым, С. Смирновым, в котором признавалась ошибочность публикации романа в журнале. Постановление заканчивалось мольбой о помощи:

Редколлегия просит Секретариат ССП в ближайшее время принять меры к укреплению редакционной коллегии «Нового мира».

24 марта роман был обсужден и осужден на заседании президиума ССП, где с разгромным докладом выступил А. Фадеев. Доклад «Некоторые вопросы работы Союза писателей» занял три подвала в «Литературной газете» (28 марта. С. 2–4).

После этого, – процитируем Бенедикта Сарнова, – «дело Гроссмана» стало расти, как «дело врачей». За роман снимали с работы, подлецы провоцировали разговоры о нем, ловили каждое неосторожное слово, чтобы передать и растоптать. По всем газетам и журналам прокатилась волна

испепеленных ненавистью статей, по всем редакциям и издательствам – серия собраний с поношениями и проработками.

Роман был назван диверсией... (Вопросы литературы. 2012. № 6. С. 42).

Первую попытку «реабилитировать» Гроссмана и его роман предпринял, впрочем, тот же Фадеев 21 октября 1953 года в речи на XIV пленуме правления ССП. Тем не менее и дальнейший путь книги к отдельному изданию не был гладким.

6 января. В «Правде» передовая «Смелее разворачивать критику в творческих организациях!». Из статьи:

Творческие организации никак не оправдают своего назначения, если их работа будет строиться по бюрократическому принципу «как бы чего не вышло...» <...> Свободные творческие дискуссии, широкие обсуждения новых художественных произведений – прекрасная школа воспитания художника.

11 января. В Союз писателей принят Владимир Солоухин (рекомендации В. Ажаева, А. Софронова, В. Захарченко, С. Михалкова, С. В. Смирнова).

16 января. Умер Михаил Михайлович Пришвин (род. в 1873).

18 января. Похороны Михаила Пришвина.

В комнатке, – рассказывает Сергей Дмитриев, – где толпились литераторы и люди, приносившие венки и цветы от разных организаций, я записался в число лиц почетного караула. Нацепили нам на рукава траурные повязки. Я попал в четверку вместе с Новиковым-Прибоем. Перед нами стояли <Николай> Тихонов, Барто, Б. Пастернак и не помню, кто четвертый. У гроба была гражданская панихида («поговорили и разошлись»). Открыл ее хорошим, прочувствованным словом Сурков. Признаться, я от него и не ожидал такого доброго слова. Затем выступили Вера Инбер, К. Паустовский (плохо прочитавший по бумажке умные и сердечные слова о покойном), от украинских писателей Юрий Смолич и от молодых писателей <Анатолий> Софронов. Последний говорил трафаретно, допустил невероятную в устах писателя ошибку в ударении (кладбóвая вместо кладовáя!). Жаль мне было Бориса Пастернака, с которым я поздоровался. У него был усталый и подавленный вид. Трудно при жизни быть так незаслуженно обруганным и нарочито обмалчиваемым. А ведь он поэт. Поэт милостью Божией. Поэт, который явно будет в истории литературы стоять после Блока первым. Поэтов настоящих, поэтов со своим голосом, своим чувством, своим «я» у нас нет. Полезных стихов, хороших стихов вполне хватает. Но поэтов нет. Из присутствовавших печать поэзии на лицах видна явственно только у Пастернака да у Тихонова (Отечественная история. 1999. № 6. С. 117).

20 января. Умер Борис Леонтьевич Горбатов (род. в 1908).

Не позднее 21 января. Нобелевский комитет обращается к старейшему русскому писателю, академику Академии наук СССР С. Н. Сергееву-Ценскому с просьбой предложить кандидата на Нобелевскую премию «не позднее февраля 1954 года».

Отвечая на Ваше обращение, – писал Сергеев-Ценский Нобелевскому комитету, – я считаю за честь предложить в качестве кандидата на Нобелевскую премию по литературе за 1953 год советского писателя Михаила Александровича Шолохова.

Действительный член Академии наук СССР Михаил Шолохов, по моему мнению, как и по признанию моих коллег и читательских масс, является

одним из самых выдающихся писателей моей страны. Он пользуется мировой известностью, как большой художник слова, мастерски раскрывающий в своих произведениях движения и порывы человеческой души и разума, сложность человеческих чувств и отношений. <...>

«Тихий Дон», «Поднятая целина» и другие произведения Шолохова, по имеющимся в моем распоряжении сведениям, вышли в СССР до 1 января 1954 года в 412 изданиях на 55 языках. Общий тираж изданий составляет 19 947 000 экземпляров. Книги Шолохова переведены на десятки иностранных языков и изданы большими тиражами. Всё это свидетельствует об их необычайной популярности и полезности для человечества. <...>

Творчество Михаила Шолохова, бесспорно, служит прогрессу человечества, укреплению дружественных связей русского народа с народами других стран.

Я глубоко убежден, что именно Михаил Шолохов имеет преимущественное перед другими писателями основание на получение Нобелевской премии⁴³ (Документы из архива ЦК КПСС по Нобелевскому делу М. А. Шолохова. С. 237–238).

21 января. При обсуждении концерта в Большом театре, посвященного памяти В. И. Ленина, министр культуры СССР П. К. Пономаренко заявляет:

У нас Шостакович – музыкант с мировым именем. А относятся к нему неправильно. Его 10-я симфония как будто не существует. У него есть «Леди Макбет Мценского уезда» – ее осудили, но рассказывают, что в ней есть потрясающие вещи. Может быть, их взять оттуда отрывками. <...> Надо музыку Шостаковича больше и смелее пускать (цит. по: *М. Герizon*. С. 164).

23 января. В ЦДРИ открывается первая «выставка без жюри», «где не было цензуры выставочной комиссии, – каждый смог принести в зал и повесить свою работу на обозрение широкой публики без каких-либо проверок, оценок и препон, что было немыслимо еще некоторое время назад» (*Т. С. Кружкова*. Строгие юноши оттепели: К вопросу о генезисе «сурового стиля» // *Оттепель*, 2017. С. 474).

25 января. Случайно узнав, что «создана комиссия под председательством Генерального прокурора СССР Р. А. Руденко по реабилитации людей, осужденных в годы культа личности Сталина», вдова Исаака Бабеля Антонина Пирожкова пишет заявление:

Мой муж, писатель И. Э. Бабель, был арестован 15 мая 1939 года и осужден сроком на 10 лет без права переписки.

По справкам, получаемым мною ежегодно в справочном бюро МВД СССР, он жив и содержится в лагерях.

Учитывая талантливость И. Э. Бабеля как писателя, а также то обстоятельство, что с момента его ареста прошло уже 15 лет, прошу вас пересмотреть дело И. Э. Бабеля для возможности облегчения его дальнейшей участи.

<...> через десять дней пришел ответ от Генерального прокурора, в котором сообщалось:

«Ваша жалоба от 5 января 1954 г., адресованная Генеральному прокурору СССР по делу Бабеля И. Э., поступила в Главную

⁴³ Это письмо было написано и отправлено после многоступенчатых согласований с правлением ССП СССР, Секретариатом и Президиумом ЦК КПСС.

военную прокуратуру и проверяется. О результатах вам будет сообщено» (А. Пирожкова. С. 419–420).

Свои отзывы о Бабеле следователю Главной военной прокуратуры дали Екатерина Пешкова, Илья Эренбург и Валентин Катаев.

30 января. В «Литературной газете» (с. 3) статья Виталия Василевского «С неверных позиций» – достаточно спокойная, без грубых политических обвинений критика статьи В. Померанцева «Об искренности в литературе».

Отвечая Владимиру Померанцеву, которого встревожили первые кривотолки о его статье, Александр Твардовский пишет (23 января):

Право же, зачем Вам беспокоиться насчет того, что где-то кто-то собирается возразить Вам в печати (этому помешать нельзя, и было бы очень плохо, если бы можно было помешать и мы бы этим воспользовались), а где-то руководящий (в объеме Союза писателей) товарищ обронил «ярлычковую» фразу по поводу Вашей работы. Да бог с ними. Живите и радуйтесь, что Ваше слово прозвучало так значительно, задело за живое, вызывает суждения и возражения (может быть, и не только сплошь несправедливые) и производит некое «движение воды». Я говорю в подобных случаях: это и есть нормальная литературная жизнь (А. Твардовский в жизни и литературе. С. 120).

Февраль

1 февраля. Генеральный прокурор СССР Р. А. Руденко, министр внутренних дел СССР С. Н. Круглов и министр юстиции СССР К. П. Горшенين направляют первому секретарю ЦК КПСС Н. С. Хрущеву «совершенно секретную» докладную записку, где сказано:

По имеющимся в МВД СССР данным, за период с 1921 года по настоящее время за контрреволюционные преступления было осуждено Коллегией ОГПУ, тройками НКВД, Особым Совещанием, Военной Коллегией, судами и военными трибуналами 3 777 380 человек, в том числе:

к ВМН⁴⁴ – 642 980 человек,

к содержанию в лагерях и тюрьмах на срок от 25 лет и ниже – 2 369 220 человек,

в ссылку и высылку – 765 180 человек.

Из общего количества арестованных, ориентировочно, осуждено: 2 900 000 человек – Коллегией ОГПУ, тройками НКВД и Особым Совещанием; 877 000 человек – судами, военными трибуналами, Спецколлекцией и Военной Коллегией (ГА РФ. Ф. Р-9401. Оп. 2. Д. 450. Л. 149).

Для пересмотра дел и принятия необходимых решений по ним сочтено целесообразным образовать Центральную комиссию, а также республиканские, краевые и областные комиссии. К письму приложены проекты постановления Президиума ЦК КПСС о пересмотре дел лиц, осужденных за контрреволюционные преступления; план работы Центральной комиссии; график рассмотрения уголовных дел и др.

Соответствующее постановление будет принято 4 мая.

3 февраля. Из письма Александра Твардовского Михаилу Шолохову:

Большое спасибо тебе за начальные главы «Целины» <...> Там много прекрасных страниц, но есть, на мой взгляд, места, не вполне достойные твоего пера, некоторый излишек с петухами, несколько фальшивоватый приезд секретаря райкома в поле, может быть некоторый перебор комико-эротических (прошу прощения) положений <и> выражений, но главное в том, что этого куска мало. Еще бы столько, да полстолько, да четверть столько, как говорится, и мы могли бы говорить о запуске вещи. Жду с понятным нетерпением добавки (А. Твардовский в жизни и литературе. С. 122).

«Не дождался, – комментирует шолоховский биограф. – Горяч вешенец – вышел из редколлегии в знак протеста» (В. Осипов. С. 415)⁴⁵. Так что вторая книга «Поднятой целины» будет полностью и – с беспрецедентным нарушением журнальных традиций – почти одновременно печататься в журналах «Нева» (1959, № 7; 1960, № 2), «Дон» (1959, № 7; 1960, № 2) и «Октябрь» (1960, № 2–4).

8 февраля. В Записке отдела науки и культуры ЦК КПСС о «нездоровых» настроениях среди художественной интеллигенции докладывается:

Мысль о том, что Постановление ЦК ВКП(б) о музыке устарело, получила широкое распространение среди композиторов. Такое мнение разделяет, в частности, секретарь Союза советских композиторов т. Шапорин.

⁴⁴ Высшая мера наказания, т. е. смертная казнь.

⁴⁵ «Шолохов вышел из редколлегии „Нового мира“ и в сущности только потому, что предложил куски из 2-ой книги „Поднятой целины“, а А. Т., прочитав их, сказал ему: „Да-а, первая книга была получше...“» (А. Кондратович. Новомирский дневник. С. 45).

Композитор Хачатурян поместил в журнале «Советская музыка» (№ 11 за 1953 год) статью «О творческой смелости и вдохновении». В этой статье Хачатурян ратует за «свободу творчества» против «руководящих указаний» в области искусства. <...>

На открытом комсомольском собрании в Московском Союзе художников (МОСХ) в декабре 1953 года тт. Неменский, Лемпорт, Колесников и другие выдвинули предложение организовывать выставки без жюри и помещать на них все, что принесут художники.

<...> По сообщению секретарей Правления СП СССР тт. Суркова и Полевого, часть литераторов, критиковавшихся в свое время за серьезные идейные ошибки в творчестве и примыкающих к ним, откровенно высказывает настроения реваншизма и веры в какой-то «идеологический НЭП». Тов. Полевой сообщил, что эти настроения усилились в связи с намерением т. Фадеева, ставшим широко известным, объявить на прошедшем XIV пленуме Правления СП «прощение» всем ошибавшимся писателям (Аппарат ЦК КПСС и культура. 1953–1957. С. 198–199, 200).

12 февраля. Умер Дзига Вертов (Давид Абелевич Кауфман; род. в 1895).

«Последние годы он не работал, его окончательно сломала космополитическая экзекуция», – 15 февраля записывает в дневнике Василий Катанян (*В. Катанян. Лоскутное одеяло. С. 118*).

В Большом театре премьера балета Сергея Прокофьева «Сказ о каменном цветке» (позднее известен под названием «Каменный цветок»). Дирижер Юрий Файер, балетмейстер – Леонид Лавровский. В роли Катерины – Галина Уланова, в роли Хозяйки Медной горы – Майя Плисецкая.

15 февраля. Запись в дневнике Корнея Чуковского:

<...> говорили о Пономаренко: ушел. Вместо него, говорят, назначен Александров. «Говорят, он дон Жуан», – сказал я. – «Знаю! – отозвался Валентин Петрович <Катаев>. – Мы с ним вдвоем состязались из-за одной замечательной дамы» (*К. Чуковский. Т. 13. С. 166*).

Отвечая Бертольду Брехту, Илья Эренбург сообщает, что он «поставил вопрос о вступлении советских писателей в Пэн-клуб перед секретариатом Союза Советских писателей» (*И. Эренбург. На цоколе истории... С. 389*).

19 февраля. По инициативе Н. С. Хрущева при праздновании 300-летия Переяславской Рады в знак вечной дружбы русского и украинского народов, «учитывая общность экономики, территориальную близость и тесные хозяйственные и культурные связи между Крымской областью и Украинской ССР», принят Указ Президиума Верховного Совета СССР о передаче Крымской области (полуострова Крым) из состава РСФСР в состав УССР. Этот указ утвержден Законом СССР от 24 апреля.

22 февраля. Из дневника Корнея Чуковского:

Вчера мы с Колей <Николаем Чуковским> были у Федина. Опять разговор о «гужеедах», взявших в Союзе верх и называющих «эпоху Пономаренко» – *идеологическим нэпом*... Рассказывал о мытарствах Твардовского и Шолохова. Твардовский представил начальству продолжение «За далью даль» (для III кн<ижки> «Нового Мира») – и там два места сочтены подлежащими удалению. Шолохова вся вторая часть «Поднятой целины» – вся ее история (*К. Чуковский. Т. 13. С. 167*).

23 февраля. Секретариат ЦК КПСС решил:

1. Принять предложение Союза советских писателей СССР о выдвижении в качестве кандидата на Нобелевскую премию по литературе за 1953 год писателя Шолохова М. А.

2. Согласиться с представленным Союзом советских писателей текстом ответа писателя Сергеева-Ценского Нобелевскому комитету при Шведской академии...

3. Внести на утверждение Президиума (Документы из архива ЦК КПСС по Нобелевскому делу М. А. Шолохова. С. 237).

24 февраля. В Ленинградском Большом драматическом театре имени М. Горького премьера спектакля по пьесе Леонида Зорина «Гости», постановка Василия Меркурьева и Ирины Мейерхольд⁴⁶.

27 августа в докладе Ф. Р. Козлова на пленуме Ленинградского обкома этот спектакль по «политически вредной» и «клеветнической» пьесе будет подвергнут уничтожающей критике.

25 февраля. Президиум ЦК партии утверждает решение Секретариата ЦК о выдвижении Михаила Шолохова на Нобелевскую премию.

Журналы в феврале

В «Знамени» (№ 2) статья Людмилы Скорино «Разговор начистоту: (По поводу статьи В. Померанцева „Об искренности в литературе“»)». Из статьи:

Нет, согласиться с Вами, товарищ Померанцев, нельзя, так как, сами того, очевидно, не замечая, Вы зовете нас не вперед, а назад.

<...> Обличительный пафос у Вас носит какой-то условный характер, а человеческие «пороки» предстают некими абсолютными категориями. Отсюда и возникает у Вас призыв к писателям «проверять», не обойдены ли в их книгах «затаенные скверности жизни», не смягчают ли они «пороки и болезненные явления, имеющие распространение в обществе».

Это направление внимания в сторону «затаенного» и «болезненного» едва ли можно признать здоровым. <...>

Нет, товарищ Померанцев, Ваши теоретические предпосылки не верны, а оценка явлений литературы, если говорить напрямик, узка и жеманна: у Вас получилась искаженная картина литературы, потому что Вы подошли к ней с идеалистических позиций (с. 171, 173–174).

В «Новом мире» (№ 2) памфлет Мих. Лифшица «Дневник Мариэтты Шагинян», где, в частности, сказано, что ей

давно пора оставить сокращенный метод изучения жизни.

<...> Настоящая беда заключается в том, что писательница готова рассуждать на любую тему, совершенно не зная ее. При всем уважении к Мариэтте Шагинян как не сказать об этом? Мы не виноваты; это сама писательница не дорожит своим литературным именем (с. 211, 230).

В «Театре» (№ 2) драма в 3 действиях Леонида Зорина «Гости».

В трех поколениях одной семьи прочерчивались закономерности времен: дед – старый большевик, анахронизм; отец – переродившийся аппаратчик; сын дружит с дедом и стыдится отца. Ему отвратительна фальшь, с которой он в семье сталкивается на каждом шагу.

⁴⁶ И. В. Мейерхольд (1905–1981) – дочь и ученица репрессированного и к тому времени еще не реабилитированного В. Э. Мейерхольда, жена Меркурьева.

Специальное заседание коллегии Министерства культуры занималось разгромом этой пьесы. Тогдашний министр Александров объявил пьесу Зорина враждебной (*Р. Орлова. Воспоминания о непрошедшем времени. С. 209–210*).

Март

5 марта. В годовщину смерти И. В. Сталина на первой полосе «Правды» его большой портрет и передовая статья «И. В. Сталин – великий продолжатель дела Ленина». На второй полосе – статья академика Г. Александрова «Могучая сила творческого марксизма», где превозносится «коллективный разум партии». Дифирамбы, которые раньше предназначались Сталину, переадресовываются партии и ее нынешнему руководству:

Животворный источник могущества Коммунистической партии – ее неразрывная связь с народом; источник силы советского народа – партия коммунистов, ее мудрая политика, ее марксистско-ленинское руководство.

Годовщина смерти Сталина 5 марта 1954 г. была отмечена более чем скромно. Накануне на предприятиях и в агитпунктах состоялись беседы, посвященные его памяти. Но зато обошлись без торжественно-траурного заседания в Большом театре (Власть и оппозиция. С. 189).

По предложению второкурсника Игоря Дедкова студенты факультета журналистики МГУ открывают очередную лекцию минутой молчания в память об И. В. Сталине.

Как спустя десятилетия вспоминает Дедков,

первая реакция на перемены была такая. Когда имя Сталина исчезло со страниц газет – а оно очень быстро отовсюду исчезло, появилась уже и формулировка «культ личности», – тогда у многих людей, и особенно у молодых, не слишком много что знавших, было задето как бы чувство справедливости. Как же так?! То он заполнял собой все газеты, всё пространство, все на него молились... *Вы* же молились, все начальники, все руководители страны, это же вы там кричали Осанну, а что теперь вы молчите?! И когда появились переводы из «Женьминьжибао» (в «Правде» были подвальные публикации), статьи по этому поводу, то мы в них находили какую-то отдушину. Потому что было критическое отношение к этому постепенному отходу от Сталина (*И. Дедков. Наше живое время. С. 33–34*).

6 марта. На имя С. Н. Сергеева-Ценского направлено письмо из Стокгольма:

Нобелевский Комитет Шведской Академии с интересом принял Ваше предложение присудить Нобелевскую премию М. А. Шолохову.

Так как предложения должны поступать к нам не позднее 1-го февраля, Ваше предложение дошло до нас слишком поздно, чтобы быть обсуждаемым за нынешний год. Однако Шолохов будет выдвинут в качестве кандидата на Нобелевскую премию за 1955 год⁴⁷ (Документы из архива ЦК КПСС по Нобелевскому делу М. А. Шолохова. С. 239).

9 марта. Министром культуры СССР назначен Георгий Александров, известный и участием в составлении книги «Иосиф Виссарионович Сталин: Краткая биография» (М., 1939), и уже, в должности министра культуры, организацией притона для сексуальных утех высокопоставленных партийных функционеров.

13 марта. Указом Президиума Верховного Совета СССР образован Комитет государственной безопасности СССР. Его председателем назначен генерал-полковник И. А. Серов.

⁴⁷ Лауреатом Нобелевской премии в 1954 году стал американский прозаик Эрнест Хемингуэй, в 1955 году – исландский прозаик, поэт и драматург Халлдор Лакснесс, в 1956 году – испанский поэт Хуан Хименес.

Не позднее 14 марта. Борис Полевой доводит до сведения секретаря ЦК КПСС Б. Н. Пospelова,

что у ряда писателей, критиков, в том числе и у коммунистов, появилось странное и совершенно превратное мнение о своеобразной перенастройке в нашей политике в области идеологии и о якобы совершающемся в нашей литературе этаком «нэпе». <...>

Вслед за позорной статьей А. Гурвича, напечатанной в свое время в «Новом мире», в этом же журнале одна за другой были опубликованы уже совершенно похабные статьи «Об искренности в литературе» В. Померанцева и «Дневник Мариэтты Шагинян» М. Лившица⁴⁸. «Вопросы философии» опубликовали в середине прошлого года статью Галины Николаевой «О специфике художественной литературы», и, наконец, в «Знамени» была опубликована статья Ильи Эренбурга, которую, конечно, я не сравниваю с уже приведенными, но содержащая ряд ошибочных положений в том же роде.

<...> Внутри страны, в писательских организациях Москвы и Ленинграда, вокруг этих статей начинает группироваться отсталая часть писателей <...> (Аппарат ЦК КПСС и культура, 1953–1957. С. 206, 207).

16–26 марта. Первый фестиваль итальянских фильмов в Москве, Ленинграде и столицах союзных республик.

17 марта. В «Комсомольской правде» (с. 3) письмо аспирантов МГУ С. Бочарова, В. Зайцева и В. Панова, преподавателя Ю. Манна и студента А. Аскольдова, где говорится, что, хотя В. Померанцев нечетко ставит многие важнейшие положения, и прежде всего вопрос о партийности литературы, его статья «Об искренности в литературе» может, тем не менее, стать поводом для обсуждения общих вопросов советской литературы⁴⁹.

С удовольствием, – в дневнике обращает внимание на эту публикацию Сергей Дмитриев, – отмечу статью в той же «Комсомольской правде» «Замалчивая острые вопросы». Это письмо в редакцию аспирантов МГУ, преподавателя и студента МГУ. Авторы справедливо подняли голос против административного наскока «Литературной газеты» на статью Померанцева «Об искренности в литературе». Авторы правы, считая помянутую статью небезошибочной. Но еще более они правы, считая ее в основе полезной и острой. Хорошо, что по адресу «Литературной шавки» стали раздаваться голоса разумные (Отечественная история. 1999. № 6. С. 123).

На той же странице фельетон А. Суконцева и И. Шатуновского «За голубым забором», высмеивающий чванство и барские замашки Николая Вирты и других (не названных по имени) деятелей культуры. На эту публикацию Александр Раскин откликнулся эпиграммой, объединив Н. Вирту и А. Сурова (323 эпиграммы. С. 88):

Попали оба в оборот,
Хотя у них различен метод:
За голубым забором тот,
И под любым забором – этот.

⁴⁸ Правильно: М. Лифшиц.

⁴⁹ Это письмо, – 24 марта сказано в докладной записке Отдела науки и культуры ЦК КПСС, – « дезориентирует молодежь – читателей газеты» (Аппарат ЦК КПСС и культура. 1953–1957. С. 211).

Конечно, – процитируем дневниковую запись Сергея Дмитриева от 27 марта, – нетактичные люди всегда были и будут. Видимо, и Вирта к ним принадлежит. Интересы в этом нет. Интерес в другом: авторы, сами того не подозревая, показали стиль жизни определенного слоя (вернее, прослойки) наших деятелей культуры, партработников и разных там депутатов. Правяще-буржуазно-бюрократическая верхушка (Отечественная история. 1999. № 6. С. 122–123).

18 марта. Из дневника Сергея Дмитриева:

В «Литературной газете» редакционная статья «Об издании современной зарубежной литературы». Смысл ее – призыв к некоторому приоткрытию того железного занавеса, который так старательно создавался нами в 1947–1952 гг. Дело с борьбой против проникновения «растленной культуры Запада» дошло до того, что СССР оказался в положении сектанта-фанатика, не видящего ничего вокруг себя из-за собственного нежелания видеть что-либо, кроме самого себя. Наши представления об окружающем зарубежном мире не имели никакой объективной ценности. Мы видели не то, что есть за рубежом, а то, что мы желали там видеть. Если же при всем нашем желании нужного нам увидеть было нельзя, тогда мы заявляли, что в данном месте (стране, народе) ничего нет, кроме маразма и тупика. А результат такой политики – потеря чувства действительности, неспособность понять сложную картину мира, сложную картину общественной и идейной борьбы.

Газета настолько расхрабрилась (разумеется, заручившись разрешением на храбрость), что даже призывает издавать «значительные произведения и таких писателей капиталистических стран, которые хотя и не занимают отчетливо выраженной прогрессивной позиции, но правдиво изображают зарубежную действительность». Тэк-тэк-с!! Значит, додумались до того, что поняли возможность для писателя не занимать отчетливо выраженной прогрессивной позиции и в то же время правдиво изображать действительность. Как же нужно было отупеть, чтобы с серьезным видом провозглашать такие всему миру искони известные истины! (Там же. С. 121).

20 марта. В «Литературной газете» (с. 3–4) двухподвальная статья Бориса Рюрикова «О богатстве искусства» – резкая критика статьи В. Померанцева и письма С. Бочарова, В. Зайцева и других в ее защиту.

24 марта – 25 апреля. В выставочных залах МОСХа проходит первая Выставка произведений молодых московских художников. Среди прочих, свои работы экспонируют Гелий Коржев, Борис Биргер⁵⁰, Эрнст Неизвестный, Леонид Берлин и др.

30 марта. Александр Фадеев пишет письмо в Воениздат, где сказано:

Можно рекомендовать читателю первую книгу романа В. Гроссмана «За правое дело»...

Как известно, первый, напечатанный в журнале «Новый мир» вариант книги вызвал острую дискуссию. Первоначальные высокие оценки романа на обсуждении в Союзе писателей, а также в отдельных статьях в печати были необъективны. Одни исходили из действительно больших достоинств романа,

⁵⁰ Решением Государственной закупочной комиссии, – вспоминает Биргер, – «<...> с выставки купили две работы. Один пейзаж и этот самый мой портрет. <...> Потом с этого портрета репродукцию выпустили, потом он поехал на международную выставку в Бухарест, и я сразу, прямо с выставки был принят в члены Союза. Вдруг я как-то оказался подающим надежды молодым художником» (М. Киселев, Б. Шумяцкий. С. 66).

но не вскрывали некоторых присущих ему серьезных ошибок, заслонявших и местами искажавших его идейный замысел. Однако в последовавшей затем критике идейных ошибок романа были допущены серьезные перегибы. Статья в журнале «Большевик» и статья М. Бубеннова фактически зачеркивали роман. Отдельные перегибы имели место и в той части критики, которая видела достоинства романа. Автор этих строк очень сожалеет, что в его статье в «Литературной газете» («Некоторые вопросы работы Союза писателей») тоже были допущены неоправданно резкие оценки, вызванные преходящими и устаревшими обстоятельствами литературной дискуссии того времени.

На XIV пленуме Правления Союза писателей мною были сделаны первые попытки оценить роман объективно. <...>

В целом это – большое, значительное произведение, плод многолетнего труда, произведение, полное глубоких размышлений, написанное хорошим языком и радующее читателя правдивыми картинами жизни (цит. по: С. Липкин, А. Берзер. С. 243–244).

31 марта. В Ленинградском театре драмы имени А. С. Пушкина премьера спектакля «Гамлет» в постановке Григория Козинцева. Перевод Бориса Пастернака, музыка Дмитрия Шостаковича, в заглавной роли – Бруно Фрейндлих.

Спектакль великолепный, – 11 апреля сообщает Пастернаку Ольга Фрейденберг, – но без Шекспира. Гамлета ставят, как современную психологическую реалистическую драму (*Переписка Бориса Пастернака*. С. 280–281).

Апрель

1 апреля. Выступая на заседании Комитета по присуждению Сталинских премий, Тихон Хренников дает оценку 10-й симфонии Дмитрия Шостаковича:

Мне представляется, что герой этого произведения – какой-то перепуганный интеллигент, который боится жизни. Жизнь ему представляется каким-то страшным кошмаром, от этого он кричит, вопит, потому что симфония наполнена невропатическими спазмами, и ему всё окружающее представляется в каком-то таком свете, из которого даже выхода не существует, а отдельные просветления, которые есть в музыке – и то какого-то инфантильного порядка...

Эта симфония никогда не может являться отражением нашей действительности, а это кривое зеркало нашей действительности...

6 апреля. В «Литературной газете» (с. 2) статья Федора Гладкова «Об этике писателя», в которой осуждены «буйствующее пьянство драматурга А. Сурова», хулиганское поведение романиста А. Волошина, который «за короткий срок сменил четырех жен», казнокрадство бывшего председателя правления ССП Бурят-Монголии Ц. Галсанова, а также поддержан упрек, высказанный Н. Вирте в фельетоне «За голубым забором».

Здесь же двухподвальная статья Бор. Агапова Б. Рюрикова «Против снобизма в критике» – резкое осуждение статьи М. Лифшица «Дневник Мариэтты Шагинян».

7–25 апреля. Первые гастроли французского театра «Комеди Франсэз» в Москве и Ленинграде.

Приглашение в Москву «Комеди франсэз» и переговоры о приглашении миланской оперы «La Scala», – записывает в дневник Сергей Дмитриев, – как будто бы свидетельствуют о желании слегка познакомить советских туземцев с театром Западной Европы.

Все эти отдельные меры – робкие попытки проделать в железном занавесе хотя бы маленькие дырки (Отечественная история. 1999. № 6. С. 121).

В 1954 году на сцене Малого театра состоялись гастроли «Комеди Франсэз». Это была сенсация, – вспоминает Михаил Козаков. – На галерке третьего яруса я смотрел «Сида» и был счастлив, что проник туда с другими студентами, прорвавшими ряды билетеров Малого театра. Блистательный Андре Фальконе, игравший Родриго, декламировал стих Корнеля по всем правилам французской академии и казался мне прекрасным хотя бы уже потому, что читал монологи по-французски. Изнемогая от жары на верхотуре, затаив дыхание, мы с восхищением слушали красивую, совершенно непонятную нам французскую речь стопроцентного героя-любовника, гулявшего по вертикали голосовой партитуры от бархатных низов до звонких верхов, и даже не подозревали, что у себя на родине академическое искусство Дома Мольера уже давно вызывает раздражение у Жана Вилара, который это искусство иначе как мертвечиной не называет (*М. Козаков. Актерская книга. Т. 1. С. 128–129.*)

В «Комеди Франсэз» меня, воспитанного на отечественных традициях, поразило само существование иной культуры, внятно, резко отличающейся от

нашей. <...> Чтобы попасть в Малый театр на «Комеди Франсез», люди ломали двери – я сам это видел (О. Табаков. С. 105).

У нас⁵¹ гастролирует театр Французской комедии. За билетами дежурят ночами <...> Азарт охватил всех (Е. Шварц. Живу беспокойно... С. 386).

10 апреля. Из дневника Василия Гроссмана:

Фадеев мне сообщил, что струсившие издатели обратились в ЦК и Гл. Полит. Упр-ние, где им предложили получить отзыв Союза ССП о книге (цит. по: А. Фадеев. Письма и документы. С. 190).

11 апреля – 5 июня. В «Огоньке» первые главы второй книги романа Михаила Шолохова «Поднятая целина».

Сейчас, – 19 апреля прокомментировала в дневнике Лидия Чуковская, – Шолохов уже ничем не отличается от Панферова: тот же выдуманный русский язык, та же внутренняя душевная грубость (Л. Чуковская. Дневник – большое подспорье... С. 115).

Не позднее 19 апреля. В Доме композиторов в течение трех дней идет дискуссия о 10-й симфонии Дмитрия Шостаковича.

Как указано в докладной записке Отдела науки и культуры ЦК КПСС,

особого внимания заслуживают высказывания некоторых ораторов, пытавшихся связать «защиту» Шостаковича с более общими вопросами развития советского музыкального искусства.

<...> настойчиво говорили о необходимости «открыть двери» для произведений, осужденных ранее общественностью – 8 и 9 симфоний и других сочинений, подвергнутых широкой критике за их формалистический язык, чуждый народу круг образов.

В таких выступлениях ораторы явно пытались намекнуть, что «времена теперь другие», что постановление ЦК КПСС об опере «Великая дружба» В. Мурадели «не действует» и т. д. <...> как уже говорилось, не были отмечены недостатки последнего сочинения Шостаковича, его односторонний трагизм, мотивы одиночества и т. д. <...>

Нельзя не отметить правильного по содержанию и скромного по форме выступления в заключение дискуссии самого Шостаковича, который отметил, что он постарается учесть ошибки и сделать все, что требует народ от советского композитора (Аппарат ЦК КПСС и культура. 1953–1957. С. 213).

20 апреля. Премьера фильма Михаила Калатозова «Верные друзья».

21 апреля. Советский Союз вступает в ЮНЕСКО.

25 апреля. Умерла Лидия Николаевна Сейфуллина (род. в 1889).

28 апреля. Президиум правления ССП СССР единогласно исключает из ССП А. Сурова, Ц. Галсанова, Н. Вирту, Л. Коробова⁵² как людей, совершивших ряд аморальных и антиобщественных поступков, несовместимых со званием советского писателя⁵³.

⁵¹ В Ленинграде.

⁵² Теперь их имена напрочь забыты. Произведения Ц. Галсанова, Л. Коробова и даже четырежды лауреата Сталинской премии Н. Вирты не переиздаются. Что же касается А. Сурова, то он памятен разве лишь по сонету-эпиграмме Эммануила Казакевича: Суровый Суров не любил евреев, Где только мог, их всюду обижал. За что его не уважал Фадеев, Который тоже их не обожал. Но вышло так: сей главный из злодеев Однажды в чем-то где-то не дождал, И Бубеннов, насилие содеяв, За ним вдогонку с вилкой побежал. Певец «Березы» в жопу драматургу, Как будто иудею Эренбургу, Фамильное вонзает серебро... Но, следуя традициям привычным, Лишь как конфликт хорошего с отличным Все это расценило партбюро... (Вариант см.:

В ноябре А. Суров будет лишен Сталинских премий, присужденных за присвоенные им пьесы других авторов (Я. Варшавского, Н. Оттена и А. Шейнина).

30 апреля. Верховный суд СССР по протесту Генерального прокурора СССР Р. А. Руденко реабилитирует Н. А. Вознесенского, А. А. Кузнецова, М. И. Родионова, П. С. Попкова и других видных партийных и советских чиновников, проходивших по так называемому «Ленинградскому делу».

Апрель. Подготовлено, но не принято постановление Совета министров СССР «О присуждении Сталинских премий за выдающиеся работы в области искусства и литературы за 1952 и 1953 гг.».

Предположительно, в апреле 1954 года <...> Н. С. Хрущев в последний момент отказался подписывать постановление. Как это происходило на самом деле – в доступных нам источниках не освещалось (Сталинские премии. С. 617).

Среди произведений, которым не досталась Сталинская премия, но позже была присуждена Ленинская, роман Леонида Леонова «Русский лес» (1957), цикл стихотворений «Моабитская тетрадь» Мусы Джалиля (1957, посмертно), 7-я симфония Сергея Прокофьева (1957, посмертно), документальный фильм Романа Кармена «Повесть о нефтяниках Каспия» (1960), книга Корнея Чуковского «Мастерство Некрасова» (1962).

Среди тех, кто будет в дальнейшем отмечен Ленинской премией за другие работы, Сергей Коненков, Галина Уланова (1957), Михаил Аникушин, Георгий Товстоногов, Дмитрий Шостакович (1958), Арам Хачатурян (1959), Сергей Бондарчук, Давид Ойстрах, Георгий Свиридов, Михаил Шолохов (1960), Вера Пашенная, Борис Пророков, Святослав Рихтер, Мартирос Сарьян, Александр Твардовский (1961), Владимир Фаворский (1962), Самуил Маршак (1963), Майя Плисецкая (1964), Леонид Коган, Игорь Моисеев (1965), художник Сергей Герасимов (1966, посмертно), Кара Караев (1967), Михаил Светлов (1967, посмертно), Густав Эрнесакс (1970), Тихон Хренников (1974), Аркадий Райкин, Дементий Шмаринов (1980), режиссер Сергей Герасимов, Сергей Образцов (1984).

Среди тех, кто был выдвинут в 1954 году на Сталинскую премию, но Ленинскую уже никогда не получит, Михаил Пришвин, Борис Горбатов, Валентин Катаев, Валентин Овечкин, Илья Эренбург, Всеволод Кочетов, Сергей Голубов, Юрий Герман, Ольга Форш, Иван Новиков, Вера Кетлинская, Вера Панова, Николай Шундик, Сергей В. Смирнов, Владимир Луговской, Мстислав Цявловский, Сергей Дурьлин, Евгений Сурков, Борис Ярустовский, Михаил Ромм, Иван Пырьев, Александр Згуриди, Юрий Шапорин, Отар Тактакишвили, Арно Бабаджанян, Анатолий Александров, Виссарион Шебалин, Генрих Нейгауз, Александр Свешников, Вера Дулова, Федор Решетников, Василий Ефанов, Орест Верейский, Виктор Цигаль, Иван Жолтовский, Михаил Яншин, Николай Акимов, Сергей Юткевич, Валентин Плучек, Георгий Менглет, Александр Мелик-Пашаев, Николай Охлопков, Раиса Стручкова (Там же. С. 633–650).

Журналы в апреле

В «Знамени» (№ 4) «Стихи из романа в прозе „Доктор Живаго“» Бориса Пастернака⁵⁴. Публикация сопровождается авторским предисловием:

Роман предположительно будет дописан летом. Он охватывает время от 1903 до 1929 года, с эпилогом, относящимся к Великой Отечественной войне.

323 эпиграммы. С. 68).

⁵³ Н. Вирта восстановлен в СП СССР в 1956 г., А. Суров – только в 1982 г.

⁵⁴ «<...> Любопытные страницы, где лени и стали <т. е. ритуальных упоминаний Ленина и Сталина> нет и в помине», – 21 апреля комментирует в письме Ольге Фрейденберг эту публикацию автор (Б. Пастернак. Т. 10. С. 38).

Герой – Юрий Андреевич Живаго, врач, мыслящий, с поисками, творческой и художественной складки, умирает в 1929 году. После него остаются записки и среди других бумаг написанные в молодые годы, отделанные стихи, часть которых здесь предлагается и которые во всей совокупности составят последнюю, значительную главу романа⁵⁵.

Резко критически, обвинив Пастернака в «декадентстве», на эту публикацию откликнулись В. Ермилов статьей «За социалистический реализм» в «Правде» (3 июня)⁵⁶ и В. Назаренко статьей «Идейность поэтического образа» в «Литературной газете» (27 июля).

О предыстории этой публикации рассказывает Владимир Огнев:

Я работал тогда <в 1953 г.> в «Литературной газете» и уговорил начальство, Бориса Сергеевича Рюрикова, прекратить замалчивание Пастернака, напечатав цикл, вернее часть его, стихотворений десять, в газете. День, когда я принес из типографии набор (целую полосу!) был праздником. Но недолгим. Поздно ночью меня вызвал Рюриков. Остро отточенный карандаш навис над полосой. Борис Сергеевич был хмур. Он ткнул цветным карандашом в стихотворение «Рассвет»:

Ты значил всё в моей судьбе...

– Кто это? О чем это?

– «Мне к людям хочется, в толпу...», – заученно парировал я.

– При чем здесь толпа? Я спрашиваю, кто этот, что значит все в судьбе?

Молчите? Да это же Христос! Нет, милые мои...

Цветной карандаш, разрывая бумагу, зачеркнул сначала «Рассвет», а потом и всю полосу...⁵⁷

И уже в 1954 году, – продолжает В. Огнев, —

я встретил Павла Антокольского, разговор коснулся неудачной моей попытки напечатать Пастернака. Пока мы разговаривали, подошла Вера Инбер. Включившись в разговор, Инбер неожиданно заявила, что не все потеряно. Она отнесет стихи в «Знамя», где ее «слушается Вадим». В тот же день я передал ей синюю тетрадь, не веря, что Пастернака напечатает «реакционный» Кожевников, если либеральная «Литгазета» отказала.

Но чудо случилось. Стихи увидели свет (не все – только восемь)⁵⁸ (В. Огнев. Амнистия таланту. С. 203–205).

⁵⁵ Сомневаясь в возможности прижизненной публикации романа, Б. Пастернак 16 апреля особо отмечает в письме сестре О. М. Фрейденберг, что «слова „Доктор Живаго“ оттиснуты на современной странице, запятнаны им!» (Б. Пастернак. Т. 10. С. 25).

⁵⁶ «Разумеется, – защищая эту публикацию от нападок В. Ермилова, 3 июня высказывается в своем дневнике Сергей Дмитриев, – стихи последние Пастернака довольно слабые, и есть в них образы поэзии субъективной. Но почему же Пастернак должен писать и думать, как Сурков или Твардовский? Ответа нет. Стереть всякую поэтическую индивидуальность, что ли, нужно? Поэзия Суркова и Твардовского действительно ближе одна другой, нежели поэзии Пастернака. Но почему ближе? Потому что Сурков и Твардовский в меньшей мере поэты, нежели стихотворные публицисты. А Пастернак – поэт: он чувствует мир, природу, людей, переживания по-своему и по-своему их в определенной своей системе образов дает. Ермилову и ему подобным поэзии не нужно. Нужна политическая публицистика в стихотворной форме. Могут быть поэты, удовлетворяющие такой нужде. И великие поэты. Например, Маяковский. Но почему все поэты должны быть Маяковскими, да и могут ли они им стать?» (Отечественная история. 1999. № 6. С. 124). Сам же Б. Пастернак 2 сентября написал М. Баранович: «<...> То, что написал обо мне весной Ермилов, ни капли не обидело меня. Со своей точки зрения он совершенно прав, становясь на его место, я с ним согласен» (Б. Пастернак. Т. 10. С. 49).

⁵⁷ Стихотворение «Рассвет» будет впервые опубликовано в московском альманахе «День поэзии 1956».

⁵⁸ На самом деле все десять («Весенняя распутица», «Белая ночь», «Март», «Лето в городе», «Ветер», «Хмель», «Бабые лето», «Разлука», «Свиданье», «Свадьба»). Ошибка памяти Огнева объясняется, по-видимому, тем, что восемь других стихотворений Пастернака были напечатаны тоже в «Знамени», но в сентябрьском номере за 1956 год.

В «Новом мире» (№ 4) литературные заметки Федора Абрамова «Люди колхозной деревни в послевоенной прозе» – резкая критика «образцовых» произведений С. Бабаевского, Е. Мальцева, Г. Николаевой, Ю. Лаптева, С. Воронина, других писателей, которые не жалеют «розовой краски» и «колхозную жизнь, даже в будни <...> любят освещать праздничными фейерверками» (с. 213, 214).

Судя по дневниковой записи Абрамова от 3 января, статья вышла далеко не такой, какой ее в редакцию принес автор:

Смысл основных замечаний по моей статье сводится к тому, что она слишком правдива и беспощадна. В наших же журналах давно отвыкли от этого. Поэтому они просят сгладить углы, уравновесить недостатки положительной частью <...>. Дементьев предложил мне все ответственные выводы в статье подкрепить соответствующими цитатами из Маленкова и Хрущева (*Л. Крутикова-Абрамова. Послесловие / Ф. Абрамов. Собр. соч. Т. 5. С. 595, 596*).

Тем не менее

в статье Ф. Абрамова, – как сказано в докладной записке, подписанной секретарем ЦК КПСС П. Н. Поспеловым, – объявляются фальшивыми и перечеркиваются почти все крупные произведения последних лет о передовых людях колхозной деревни, о передовых колхозах, о перспективах развития колхозов. Защищая эту статью, А. Твардовский прямо заявил, что поскольку «нельзя убеждать колхозников средней полосы страны, что их положение превосходно», ошибкой журнала является лишь то, что она была опубликована поздно (цит. по: *В. Огрызко. А судьи кто?!*. С. 8).

В «Октябре» (№ 4) стихотворение Евгения Евтушенко «Мать Маяковского». 10 апреля в «Литературной газете» на это стихотворение откликнулся С. Ларин:

А как широки возможности поэзии, умеющей даже в приуроченных к дате строчках глубоко тронуть человеческое сердце! Маленькое стихотворение Евг. Евтушенко «Мать Маяковского» волнует не только потому, что как раз в эти дни газеты принесли печальное известие о смерти А. А. Маяковской, но и тем, что Евтушенко не боится передать человеческие черты поэта (с. 3).

Май

2 мая. На сцене Театра имени М. Н. Ермоловой в постановке Андрея Лобанова единственный раз прошел и был тут же запрещен спектакль по пьесе Леонида Зорина «Гости».

А. Твардовский впервые читает первый вариант поэмы «Теркин на том свете» в редакции «Нового мира». Присутствовали С. С. Смирнов, Б. Закс, И. Сац, В. Александров, Б. Сутоцкий, С. Караганова.

Все, – как 3 мая указал А. Твардовский в дневниковой записи, – в один голос говорили о значительности и т. п., заметно даже сдерживаясь от излишеств оценки в отношении автора-начальника. Думаем готовить к 7 кн. Что бог даст? (А. Твардовский. Дневник. С. 132).

По свидетельству Владимира Лакшина, поэма читалась автором

в редакции в присутствии Николая Асеева, Михаила Светлова, Веры Инбер и др. Поэму набрали, сверстали, но она стала предметом доноса по начальству и рассматривалась как антисоветская выходка, едва ли не с призывом к бунту. Кому-то удалось тогда убедить в злонамеренности автора даже Н. С. Хрущева, вообще-то Твардовскому симпатизировавшего (В. Лакшин. Твардовский в «Новом мире». С. 27–28)⁵⁹.

4 мая. Президиум ЦК КПСС принимает решение о создании Центральной и региональных комиссий по пересмотру дел осужденных за «контрреволюционные преступления».

Указано, что эти комиссии

в случаях незаконного осуждения, неправильной квалификации состава преступления, необоснованного направления в ссылку на поселение выносят постановления соответственно: об отмене решения по делу и полной реабилитации осужденного, о переквалификации состава преступления, о сокращении срока наказания, применении Указа Президиума Верховного Совета СССР от 27 марта 1953 года «Об амнистии», об отмене ссылки на поселение, а в отношении лиц, осуждение которых будет признано правильным, выносят постановления об отказе в пересмотре решения по делу.

Председателем Центральной комиссии назначен Генеральный прокурор СССР Р. А. Руденко (Реабилитация. Т. 1. С. 117).

Я возглавил Комиссию по реабилитации, – вспоминает А. И. Микоян. – Очень скоро пришел к выводу, что такими темпами, которыми шло дело через Генеральную прокуратуру, сотни тысяч людей умерли бы в лагерях, не дождавшись освобождения. <...> Мы решили, что надо освобождать людей, во-первых, на местах, разослав туда «тройки» (на этот раз с целью освобождения, а не осуждения), во-вторых, производить реабилитацию с немедленным освобождением прямо по статьям, которые заключенному инкриминировались. <...> В результате мы послали, кажется, 83 комиссии в наиболее крупные поселения ГУЛАГа. Туда же привозили заключенных с мелких объектов этой структуры. <...> Вызывали,

⁵⁹ Андрей Турков в биографии Твардовского пересказывает отклики первых слушателей и читателей поэмы: «Читала я, – вспоминала С. Караганова, заведовавшая в журнале отделом поэзии, – чувствуя холодок по спине, невольно оглядываясь на запертую дверь комнаты. Мне было страшно... Сталин умер меньше года назад». «„Интересно – оторвут ему за это голову?“ – бормотал Николай Асеев, слушая, как автор читает поэму собравшимся в редакции, хотя и сам подтвердил: „Что до того света, то всё совершенно верно – я давно на нем живу“» (А. Турков. Твардовский. С. 199).

например, всех, осужденных за вредительство, и объявляли им, что они реабилитированы, выдавали документы и освобождали, обеспечивали им транспортировку по домам. Или по статье за подготовку террористического акта против Сталина, либо кого-либо еще из правительства <...>. Так мы добились, что сотни тысяч людей были освобождены немедленно. Даже возникла необходимость в дополнительных пассажирских поездах (А. Микоян. С. 595, 596).

5 мая. В Ленинграде встреча Анны Ахматовой и Михаила Зощенко с английской студенческой делегацией. Из рассказа А. Ахматовой, записанного Л. Чуковской:

...они спросили: изменилась ли *теперь* литературная политика по сравнению с 46 годом? отошли ли от речи, от постановления? Отвечал Дымшиц. Мне было интересно узнать, что нет, ни в чем не отошли. Тогда отважные мореплаватели бросились в наступление и попросили м-г Зощенко сказать им, как он относится к постановлению 46 года? Михаил Михайлович ответил, что сначала постановление поразило его своей несправедливостью, и он написал в этом смысле письмо Иосифу Виссарионовичу, а потом он понял, что многое в этом документе справедливо... Слегка похлопали. Я ждала. Спросил кто-то в черных очках. Может быть, он и не был в очках, но мне так казалось. Он спросил, как относится к постановлению м-ме Ахматова? Мне предложили ответить. Я встала и произнесла: «Оба документа – и речь товарища Жданова, и постановление Центрального Комитета партии – я считаю совершенно правильными».

Молчание. По рядам прошел глухой гул – знаете, точно озеро ропщет. Точно я их погладила против шерсти. Долгое молчание <...> Потом кто-то из русских сказал переводчице: «Спросите их, почему они хлопали Зощенке и не хлопали м-ме Ахматовой?» – «Ее ответ нам не понравился...» – или как-то иначе: «нам неприятен» (Л. Чуковская. Записки об Анне Ахматовой. Т. 2. С. 93–94).

На встрече писателей Зощенко и Ахматовой с оксфордскими студентами сидевший рядом с ней партийный литературный критик А. Л. Дымшиц успел шепнуть ей, что разгромное постановление 1946 года сохраняет свою полную политическую силу. Я помню, как сокрушалась тогда Анна Андреевна из-за того, что не могла предупредить об этом Михаила Михайловича: он был отделен от нее сидящими в том же ряду другими сановными писателями. Нельзя же было к нему подойти на виду у всей публики (Э. Герштейн. С. 350).

Подробно изложив ход встречи, 27 мая секретарь Ленинградского обкома Н. Казьмин в докладной записке в ЦК КПСС констатировал:

Эта встреча не была согласована с областным комитетом партии. Работники областного комитета комсомола, зная о настроениях делегации английских студентов, также безответственно отнеслись к организации встречи с писателями. В дальнейшем предложено установить более строгий контроль за проведением мероприятий, связанных с приемом иностранных делегаций в Ленинграде (Аппарат ЦК КПСС и культура. 1953–1957. С. 215–216).

Итак, <...> – пересказывает Вильям П. Эджертон слова Б. М. Эйхенбаума, – благодаря храбрости и честности Зощенко перед неуместным вопросом английских студентов, всю реабилитацию требуется

начать с самого начала (Тыняновский сборник. Пятые Тыняновские чтения. С. 340).

8 мая. Выступая перед ленинградскими партийными работниками, Н. С. Хрущев заявляет:

Вчера показали мне ваш стадион. Стадион замечательный. На этом стадионе висит огромный портрет товарища Маленкова, портретов других же членов президиума ЦК нет. Что такое культ личности? Это возвеличение одного человека, которому приписывают все существующие и несуществующие заслуги. Зачем нам нужно создавать какого-то «бога»? Ведь у нас все государственные вопросы решаются коллегиально. Все члены президиума ЦК в равной степени несут ответственность перед партией и страной. Если вы хотите выделить товарища Маленкова, то это неправильно, потому что и другие члены президиума также являются достойными руководителями нашего государства, как и товарищ Маленков... (цит. по: *Л. Млечин. Фурцева. С. 164–165*).

11 мая. В «Литературной газете» (с. 3) письмо в редакцию «Против монополии в скульптуре» Б. Баркова, Б. Бодрова, Н. Брацуна, В. Лемпорта, В. Сидура, Р. Силиса с жалобой на то, что Министерство культуры, благодаря системе закрытых конкурсов, все государственные заказы передает исключительно уже известным официальным скульпторам, а молодые вынуждены становиться их подмастерьями и поденщиками.

16 мая – 26 июня. Восстание политических заключенных в 3-м лагерном отделении Степного лагеря в поселке Кенгир, расположенном в центральной части Казахстана (ныне поселок находится в черте города Жезказган; в прежней огласовке – Джезказган). Неповиновение восставших сломлено вводом войск и танков в зону лагеря.

19 мая. Запись в дневнике Александра Твардовского:

Вчера – звонок Фадеева: были с Симоновым у Петра Ник-ча <Поспелова>. «Убедительно» критикует Померанцева, приводит цитаты, которые... и т. д. Словом, он [А. А. Фадеев] поддакнул («Хоть я не читал, но скажу») <...> (*А. Твардовский. Дневник. С. 138*).

Не позднее 22 мая. В секции прозы ССП на протяжении трех дней идет обсуждение романа Л. Леонова «Русский лес». В дискуссии наряду с писателями приняли участие ученые-лесоведы. В поддержку романа выступили К. Паустовский, А. Турков, А. Лейтес, З. Кедрин, Г. Колесникова и другие. Резко критиковал роман в более чем двухчасовой речи С. Злобин, проявив «крайнюю нетерпимость к „инакопишущему“ товарищу, отказываясь даже признать его реалистом». «Горячо, до запальчивости» возражал ему В. Орлов. Заключительное слово произнес сам Л. Леонов (Литературная газета, 22 мая. С. 2).

22 или 23 мая. Из письма Александра Твардовского Валентину Овечкину от 24 мая:

«Теркина» закончил, <...> читал в редакции с привлечением актива «хороших и разных» – человек 15–20. Успех был полный и невероятный по единодушию. Присутствовавшие здесь Владыкин и Кузнецов изъявили решительное желание получить рукопись на предмет рассмотрения в «Правде», – пусть из последнего ничего не выйдет, но интересно, что и эти гг. на минуту поддались общему гипнозу. Сегодня-завтра будет журнальная верстка «Теркина» – поэтому только не посылаю тебе машинописный экземпляр (*А. Твардовский. Собрание сочинений. Т. 6. С. 431*).

25 мая. Особой темой закрытого партсобрании ленинградских писателей явилось «ошибочное выступление» Михаила Зощенко на встрече с английскими студентами. В отчете «За

глубокую идейность и высокое мастерство в творчестве писателей», 28 мая опубликованном газетой «Ленинградская правда», в частности, сказано:

Участники партийного собрания отмечали, что и среди ленинградских писателей есть люди, которые занимают явно неправильную позицию. До сих пор не сделал никаких выводов из постановления ЦК ВКП(б) о журналах «Звезда» и «Ленинград» М. Зощенко. Факты последнего времени свидетельствуют, что М. Зощенко скрывал свое истинное отношение к этому постановлению и продолжает отстаивать свою гнилую позицию (с. 2).

Резкой критике на партсобрании подвергся также роман В. Пановой «Времена года». Роман, по мнению докладчика В. Друзина,

объективистский, отдает бытовщиной, он написан по формуле «так в жизни бывает». Писательница явно запуталась в изображении характеров некоторых своих героев, она не объясняет их поведения, их поступков.

Пример с Пановой, – заявил В. Кочетов, – показывает, какой большой вред приносит культ личности (Там же).

А вот секретарь Ленинградского обкома КПСС Н. Д. Казьмин сосредоточился на статье В. Померанцева «Об искренности в литературе»:

Друзин правильно сказал, что некоторые обиженные (типа Зощенко) стремятся сейчас вылезть и взять реванш. Особенно вредной в этом свете является статья Померанцева, которая всю советскую литературу объявляет неискренней. Это ложь. Наша советская литература не может быть неискренней. Померанцева поддерживают такие, как Абрамов и Лифшиц. Кому служат эти статьи? Американская пресса перепечатала статью Померанцева, и вы думаете, что это случайно? Нет, они расценивают ее как самое смелое выступление против партийной диктатуры в литературе. Нам, коммунистам, нельзя допускать того, чтобы такие статьи отрицательно и пагубно влияли на молодежь (цит. по: М. Золотаносов. Гадюшник. С. 438).

В «Правде» статья Алексея Суркова «Под знаменем социалистического реализма», обвиняющая «новомировских» критиков, которые «своими принципиально неправильными положениями наносят прямой ущерб развитию литературы» (с. 3).

Назвав эти обвинения «чистейшей демагогией», Федор Абрамов 27 мая заносит в дневник:

Зачем все это я записываю? Иной мерзавец, прочитав мои записки, пожалуй, еще скажет: «Ба! Да ему наша действительность не нравится». Так знайте же: я не хочу другой власти, кроме советской власти. Вне ее для меня нет жизни. Я за нее кровь пролил на войне, умирал с голоду. Но я хочу, чтобы у нас было меньше заблуждений, ошибок и произвола.

Я хочу, чтобы русский мужик жил лучше. Я хочу большой советской литературы (цит. по: А. Пинский. Значение искренности. С. 607).

26 мая. По приглашению Союза советских писателей в Москву прилетел Жан-Поль Сартр.

27 мая. В «Литературной газете» редакционная статья «Об одной фальшивой пьесе», указывающая, что

в пьесе Л. Зорина <«Гости»>, так же как и в некоторых других произведениях драматургии, есть быющая на сенсацию мнимая острота,

ложное разоблачительство, которое ведет к ложному, неправдивому освещению отношений в советском обществе (с. 3).

В «Правде» статья Всеволода Кочетова «Какие это времена?» – резкая критика романа Веры Пановой «Времена года»:

Хочется задать вопрос: почему В. Панова, писательница отнюдь не начинающая, почему она написала роман «Времена года», по духу его, по проблемам и персонажам лежащий вне нашего времени? Почему в ее романе оказались искаженными образы наших современников – советских людей, в особенности образы коммунистов? (с. 2).

3 июня Вера Панова направила Н. С. Хрущеву письмо с жалобой на несправедливую критику:

Я надеюсь, что ЦК КПСС оградит писателя, стремящегося честно выполнять свой долг перед партией и народом, от огульного охаивания и заушательской проработки (Аппарат ЦК КПСС и культура. 1953–1957. С. 221).

Однако 27 августа травлю этого романа продолжил первый секретарь Ленинградского обкома КПСС Ф. Р. Козлов, заявив в докладе на пленуме обкома КПСС «О состоянии и мерах улучшения идеологической работы в Ленинградской партийной организации», что

партийное бюро допустило захваливание нового романа В. Пановой «Времена года», когда отдельные писатели и критики стали выдавать его за образец художественного произведения о советской действительности. <...> Роман «Времена года» имеет серьезные недостатки, за что он справедливо был раскритикован (цит. по: М. Золотоносов. Праздник на станции Кочетовка // Литературная Россия, 22 июня 2012. С. 8).

Журналы в мае

В «Новом мире» (№ 5) статья Марка Щеглова «„Русский лес“ Леонида Леонова». В «Знамени» (№ 5) повесть Ильи Эренбурга «Оттепель»⁶⁰ (вторая часть – «Знамя». 1956. № 4).

В печати «Оттепель» неизменно ругали, – вспоминал Эренбург, – а на Втором съезде писателей в конце 1954 года она служила примером того, как не надлежит показывать действительность. В «Литературной газете» цитировали письма читателей, поносившие повесть. Я, однако, получил много тысяч писем в защиту «Оттепели» (И. Эренбург. Люди, годы, жизнь. Т. 3. С. 338).

Название романа «Оттепель», – прокомментировал эту публикацию Давид Самойлов, – было намеком на то, что реформы общественной жизни являются лишь началом, что после оттепели нужно ожидать весны. Этот намек был понят и раздражил среду власти. Эренбург несколько просчитался. Несколько забежал вперед. Он пытался подтолкнуть на новые реформы, определить время как переходное. Власти же считали, что по линии общественных свобод сделано достаточно. Им ближе были авторы, провозгласившие не оттепель, а вечную весну, прямые идеологи нового класса, вроде Грибачева или Кочетова, которым нельзя отказать в точном сословном

⁶⁰ «<...> среднее беллетристическое, газетно-злободневное произведение, давшее название целому периоду нашей истории» (Р. Орлова, Л. Копелев. С. 13).

чутье и которые целой системой иносказаний старались одернуть и припугнуть деятелей либерализации. <...>

Старый слуга Эренбург просчитался. Он был переведен в состав официальной оппозиции и не раз подвергался критике. Будучи человеком казенным, он болезненно переживал свою отставку с места директора конторы либеральных идей (*Д. Самойлов. Памятные записки. С. 446–447*).

И вот, наконец, позднейшая оценка уже отставленного от дел Н. С. Хрущева:

Эренбург пустил в ход слово «оттепель». Он считал, что после смерти Сталина наступила в жизни людей оттепель. Такую характеристику того времени я встретил не совсем положительно⁶¹. Безусловно, возникли послабления. Если выражаться полицейским языком, то мы ослабили контроль, свободнее стали высказываться люди. Но в нас боролись два чувства. С одной стороны, такие послабления отражали наше новое внутреннее состояние, мы к этому стремились. С другой стороны, среди нас имелись лица, которые вовсе не хотели оттепели и упрекали: если бы Сталин был жив, он бы ничего такого не позволил. Весьма отчетливо звучали голоса против оттепели. А Эренбург в своих произведениях очень метко умел подмечать тенденции дня, давать характеристику бегущего времени. Считаю, что пущенное им слово отражало действительность, хотя мы тогда и критиковали это понятие.

Решаясь на приход оттепели и идя на нее сознательно, руководство СССР, в том числе и я, одновременно побаивались ее: как бы из-за нее не наступило половодье, которое захлестнет нас и с которым нам будет трудно справиться. Подобное развитие событий возможно во всяком политическом деле. Поэтому мы вроде бы и сдерживали оттепель.

Что значит – захлестнет? Мы боялись потерять управление страной, сдерживали рост настроений, неугодных с точки зрения руководства, не то пошел бы такой вал, который бы все снес на своем пути. Опасались, что руководство не сумеет справиться со своими функциями и не сможет направлять процесс изменений по такому руслу, чтобы оно оставалось советским. Нам хотелось высвободить творческие силы людей, но так, чтобы новые творения содействовали укреплению социализма. Вроде того, что, как говорят в народе, и хочется, и колется, и мама не велит. Так оно и было (*Н. Хрущев. Время. Люди. Власть. Т. 4. С. 282–283*).

⁶¹ См., например, реплику Хрущева на заседании Президиума ЦК КПСС 25 апреля 1963 года: «<...> понятие о какой-то оттепели – это ловко этот „жулик“ подбросил, Эренбург <...>».

Июнь

1 июня. На собрании секции московских драматургов, где выступали В. Ермилов, И. Кремлев, Г. Мдивани, И. Назаров, А. Симуков, К. Симонов, единодушно признано, что пьеса Л. Зорина «Гости» – серьезная идейная и художественная неудача автора, в ней искажена наша действительность, отсутствует реальная жизненная атмосфера советского общества.

В ряде выступлений подчеркивалось, что одной из главных задач советской литературы является задача создания боевой, острой политической сатиры, произведений, изображающих истинные жизненные конфликты (Литературная газета, 3 июня. С. 2).

Не позднее 3 июня

Секретариат правления ССП отметил, что редакция журнала «Октябрь» допустила грубую политическую ошибку, напечатав в № 4 за 1954 год примечание П. Вершигоры к его статье «Братья по оружию», огульно опорочивающее научный труд Академии Наук УССР «История Украинской ССР» и являющееся недостойным выпадом против целого коллектива ученых, работавших над книгой» (Там же).

Главный редактор «Октября» Федор Панферов и его заместитель Иван Падерин освобождены от своих обязанностей и выведены из состава редколлегии. Главным редактором журнала утвержден Михаил Храпченко.

3 июня. В «Правде» статья Владимира Ермилова «За социалистический реализм» (с. 4–5) – об ошибочных тенденциях в литературе и критике последнего времени (пьесы А. Мариенгофа «Наследный принц», И. Городецкого «Деятель», Л. Зорина «Гости», А. Сурова «Порядочные люди», стихотворение Б. Пастернака «Свадьба», роман Ф. Панферова «Волга-матушка река», статья В. Померанцева «Об искренности в литературе» и др.).

Снова, – заносит в дневник Сергей Дмитриев, – нудное повторение задов против декаданса (Мариенгоф, Пастернак за стихотворение «Свадьба» в последнем, 4-м, номере «Знамени», где этот поэт после ряда лет вынужденного молчания пискнул при содействии В. Инбер – заведующей отделом поэзии в этом журнале) и вульгарного социологизма (Суров, Панферов). Разумеется, заушательство «новое» Померанцеву, поборнику искренности, вполне ненужной для таких защитников соцреализма, как Ермилов. В самом деле, сколь опасно поучать писателей необходимости искренности, когда от них нужна прежде всего идейность! А идейность на практике – это политиканство, умение чувствовать, куда ветер дует. Уважение к искренности может только нюх, чутье товарищей писателей попортить (Отечественная история. 1999. № 6. С. 123–124).

В галерее на Кузнецком Мосту открытие единственной прижизненной выставки Степана Эрзы после его возвращения в СССР в 1951 году.

«Одно могу сказать: очень хорошо! Приветствую Вас, Эрзя!» – записал в книгу отзывов Сергей Коненков.

6 июня. В Москве на Советской площади (ныне Тверской), напротив Моссовета (ныне здания Мэрии Москвы) открыт скульптурный памятник «основателю города» князю Юрию Долгорукому. Авторы памятника – скульпторы С. М. Орлов, А. П. Антропов, Н. Л. Штамм, архитектурное оформление В. С. Андреева.

Спустя два года на это событие откликнулся Евгений Евтушенко в стихотворении «И другие»:

Я не люблю
в ее надменной ложности
фигуру Долгорукого
на лошади.
(Весь Евтушенко. С. 52)

9 июня. В «Известиях» статья Владимира Орлова «Против обывательщины», резко осуждающая «порочные» публикации, появившиеся в журнале «Театр», культивирующем «чуждые советской печати тенденции и нравы» (с. 2).

10 июня. Полагая, что его

новая поэма «Теркин на том свете» <...> только в силу некоего предубеждения была охарактеризована тов. П. Н. Пospelовым как «пасквиль на советскую действительность», как «вещь клеветническая», Александр Твардовский обращается к членам Президиума ЦК КПСС с письмом, где говорит, что он: «<...> решительно не согласен с характеристикой ее идейно-политической сущности, данной П. Н. Пospelовым. Пафос этой работы, построенной на давно задуманном мною сюжете <...> в победительном, жизнеутверждающем осмеянии „всяческой мертвечины“, уродливостей бюрократизма, формализма, казенщины и рутины, мешающих нам, затрудняющих наше победное продвижение вперед. Этой задачей я был одушевлен в работе над поэмой и надеюсь, что в какой-то мере мне удалось ее выполнить.

<...> Менее всего, конечно, мог я ожидать, что такой характер примет рассмотрение важных литературных вопросов в столь высокой инстанции.

Прошу Президиум Центрального Комитета уделить этим вопросам внимание и разрешить их по всей справедливости» (Аппарат ЦК КПСС и культура. 1953–1957. С. 226, 227).

10–11 июня. На партсобрании московских писателей с докладом выступает А. Сурков, подвергший жесткой критике «моральную распушенность» А. Сурова, Н. Вирты, Ф. Панферова, Л. Коробова, Ц. Галсанова, «пасквильные пьесы» А. Мариенгофа «Наследный принц», Л. Зорина «Гости», Н. Вирты «Гибель Помпеева», И. Городецкого «Деятель», Ю. Яновского «Дочь прокурора», Ф. Панферова «Когда мы красивы», «идейно-порочные статьи» В. Померанцева, Ф. Абрамова, М. Лифшица, М. Щеглова.

Их статьи – систематическая атака на многолетний плодотворный творческий опыт советской литературы, освещенный политикой партии в области литературы, это атака на основополагающие фундаментальные положения метода социалистического реализма (Литературная газета, 15 июня. С. 1).

Г. Николаева резко критикует сначала привлекающую ее своей мнимой смелостью статью В. Померанцева, которая направлена не против недостатков литературы, а против самой нашей жизни, заушательскую, но написанную с внешним блеском статью М. Лифшица, в которой явно чувствуется злорадство по поводу недостатков разбираемой книги (Там же. С. 2).

Собрание, как сказано в газетном отчете, не удовлетворило зачитанное заместителем главного редактора «Нового мира» А. Дементьевым заявление о признании редакцией своих ошибок. Выступавшие вслед за А. Дементьевым отметили недостаточность этого заявления. Н. Лесючевский, в частности, заявил, что редакция «Нового мира», главный редактор журнала А. Твардовский проявили «идейную незрелость», напечатав статью В. Померанцева. «А в том, как А. Твардовский игнорирует критику этой статьи и линии журнала, сказывается и его зазнайство» (Там же). В заключительном слове А. Сурков остановился на повести И. Эренбурга «Оттепель», подчеркнув, что, при всем осуждении ее недостатков, эту повесть «крупного писателя и общественного деятеля» нельзя ставить «в один ряд с клеветнической пьесой Л. Зорина „Гости“» (Там же).

13 июня. Запись в дневнике Корнея Чуковского:

Был у меня Леонов. Говорит, что вместо Твардовского редактировать «Новый Мир» будет Ермаков (К. Чуковский. Т. 13. С. 170).

15 июня. На общем собрании ленинградских писателей с докладом выступает Валерий Друзин, подвергший критике статьи В. Померанцева и Ф. Абрамова, напечатанные в «Новом мире», повесть И. Эренбурга «Оттепель», роман В. Пановой «Времена года». Из воспоминаний Даниила Гранина о том, как на этом собрании прорабатывали Михаила Зощенко:

Доклад и прения и все прочее были увертюрой к тому, что предстояло, а предстояла проработка Зощенко за его заявление на встрече с английскими студентами. Все понимали, что именно из-за этого на собрание приехали из Москвы К. Симонов и А. Первенцев. <...>

Суть, как я понял из доклада Друзина, сводилась к тому, что месяц назад, в мае на встрече с английскими студентами, они спросили Ахматову и Зощенко про их отношение к критике в докладе Жданова. На это Зощенко ответил, что с критикой в докладе он *не согласен*. Это ахнуло, как взрыв, посыпалось, затрещало... Ответ его прозвучал во всей западной печати, что было, конечно, «на руку классовому врагу». Как сказал Друзин, поведение Зощенко вообще стало «классовой борьбой в открытой форме» (Огонек. 1988. № 6. С. 9).

М. Зощенко, от которого потребовали объяснений, в частности, сказал:

Я не умею формально говорить. И на что вам мое формальное признание в ошибках?

<...> В газете было сказано о том, что я скрыл мое истинное отношение к постановлению Центрального Комитета и не сделал никаких выводов из указаний партии. Я не скрывал моего отношения. Я написал в 1946 году товарищу Сталину, что не могу согласиться с критикой всех моих работ, не все они таковы. <...> В моем заявлении с просьбой восстановить меня в Союзе я написал, что я во многом ошибался, делал оплошности, но я не согласен с тем, что я не советский писатель, и никогда им не был. Это было основное обвинение и в докладе – именно о том, что я не советский писатель, – *не могу согласиться!* <...>

Вот уже восемь лет мне трудно, почти невыносимо жить с этими наименованиями, которые повисли на мне, которые так унизили мое человеческое достоинство...

<...> Я не был никогда непатриотом своей страны. Не могу согласиться с этим! Не могу! <...> Вы же все знаете меня, знаете много лет, знаете, как я жил, как работал, что вы хотите от меня? Чтобы я признался, что я трус?

По-вашему. Я должен признаться в том, что я мещанин и пошляк, что у меня низкая душонка? Что я бессовестный хулиган? <...>

У меня нет ничего в дальнейшем. Ничего. Я не собираюсь ничего просить! Не надо вашего снисхождения, ни вашего Друзина, ни вашей брани и криков. Я больше, чем устал! Я приму любую иную судьбу, чем ту, которую имею (Там же. С. 9–11).

В отчете «Ленинградской правды», озаглавленном «Теснее связь с жизнью!», об этом собрании сказано:

Никого не могло удовлетворить путаное выступление М. Зощенко, свидетельствующее о том, что он до сих пор не только не разобрался в допущенных им ошибках, но и не осознал всей порочности своих позиций (с. 2).

Из отчета «Литературной газеты» (19 июня):

Попытка М. Зощенко оправдать свои порочные позиции, в свое время подвергшиеся справедливой партийной критике, вызвала единодушное осуждение всех участников собрания (с. 2).

Извлечение из стенограммы собрания опубликовано (Аппарат ЦК КПСС и культура. 1953–1957. С. 230–247)⁶².

14–20 июня. Фестиваль венгерских фильмов в Москве, Ленинграде и столицах союзных республик.

20 июня. Исполком Международного ПЕН-клуба, рассмотрев предложение Союза писателей СССР направить своих представителей на XXVI международный конгресс, проходивший в Амстердаме, постановил:

Любое предложение советских писателей об организации русского центра будет встречено с интересом в духе традиции Пенклуба (Вопросы литературы, 1996, январь – февраль, № 1. С. 228).

21 июня. Василий Шукшин становится кандидатом в члены КПСС.

24 июня. В «Литературной газете» (с. 2–3) статья Николая Лесючевского «За чистоту марксистско-ленинских принципов в литературе» – резкая критика статьи В. Померанцева «Об искренности в литературе». Указано, что «проникновение подобной статьи в печатный орган Союза советских писателей – серьезный сигнал, над которым следует очень задуматься руководству Союза писателей».

29 июня. Степан Злобин обращается к Н. С. Хрущеву с письмом, где говорится:

В Союзе советских писателей сложилась групповщина бюрократической верхушки руководства, с круговой порукой чисто приятельского значения. Сегодня перед «угрозой» Второго писательского съезда эта групповщина все более спланивается, и главный застрельщик и организатор этой группочки администраторов тов. А. А. Сурков стремится превратить Второй писательский съезд в послушную парадную говорильню <...>

Ведь то, что кричат сейчас Сурков и др. о вредности критической линии «Нового мира» – это не принципиальная борьба, а склопническая

⁶² Полуслучайно встретившись с Анной Ахматовой 7 июля, Константин Федин излагает в дневнике ее осмотнительную трактовку ленинградских событий: «Все это рисуется ею совсем не так, как передается сплетниками: беда, конечно, в том, что негодники английские студенты, перед к<о>т<о>рыми Зощенко сказал свое неуклюжее слово, по приезде в Лондон расписали в газетах и раздули его выступление как бог знает что... <Зощ>енко затем выступил на собрании ленинград<ских> писателей, желая, по-видимому, оправдаться, и с ним случилась истерика... Вряд ли он избудет теперь свое несчастье...» (Константин Федин и его современники. Т. 1. С. 49–50).

драка Суркова против Твардовского. Так об этом писатели и говорят, так это и понимают, но потерпевшей-то в этой драке будет наша советская литература! Можно ли это допустить? <...>

Лицемерить и лгать больше нельзя. Партия, жизнь всей нашей страны, интересы советских людей требуют от нас правды, а руководство Союза советских писателей создает атмосферу, когда в кулуарах писатели говорят одно, а публично вынуждены говорить другое под угрозой получить от Суркова с его друзьями клеймо на лоб (Аппарат ЦК КПСС и культура. 1953–1957. С. 253, 255, 256).

Июнь. На площади Маяковского в здании, в котором был когда-то ресторан «Альказар», а затем работал Театр сатиры, открывается Московский государственный театр эстрады под руководством Николая Смирнова-Сокольского.

Журналы в июне

В «Новом мире» (№ 6) повесть Владимира Тендрякова «Не ко двору».

«Прочел повесть Тендрякова в „Н.М.-6“ – понравилась мне, хотя бы потому, что прочел ее, не скучая, а с увлечением, – 3 августа откликнулся Василий Гроссман в письме к Семену Липкину. – Он хорошо передал глубокую, лежащую под „конфликтом“ драму – дочь не пожелала жить по законам мужа, а осталась верна – закону и сердцу – отца и матери. Это тысячелетняя драма. Вообще он молодец – но мне кажется, что ситуации его дышат жизнью больше, чем характеры» (Знамя. 2016. № 6. С. 133).

Июль

1 июля. Совет министров СССР принимает постановление о введении совместного обучения в школах Москвы, Ленинграда и других городов.

В «Литературной газете» редакционная статья «О критическом отделе журнала „Новый мир“» – резкая критика статей В. Померанцева, Ф. Абрамова, М. Лифшица, М. Щеглова. Подчеркивается, что это – «нигилистические эстетские выступления. Они не содействуют росту нашей литературы, а, напротив, способны затормозить, задержать ее» (с. 3).

2 июля. Александр Фадеев направляет Василию Гроссману телеграмму:

За правое дело сдается печать обсуждения секретариате союза не будет
тщк вопрос решен положительно и окончательно крепко жму вашу руку Фадеев
(А. Фадеев. Письма и документы. С. 189).

Генеральный секретарь Пен-клубов Давид Карвер отсылает в адрес Константина Симона письмо с информацией о решении исполкома Международного Пен-клуба от 20 июня и приглашением к сотрудничеству.

От ответа на это письмо К. Симонов уклонился (Вопросы литературы. 1996. № 1. С. 231).

6 июля. Отдел науки и культуры ЦК КПСС направляет Н. С. Хрущеву и П. Н. Поспелову записку «О состоянии советского изобразительного искусства», где, в частности, говорится:

В связи с ослаблением идейно-воспитательной работы за последнее время среди художников оживились формалистические и эстетские настроения. При обсуждении художественных выставок поднимаются на щит художники, еще не преодолевшие формалистических пережитков в своем искусстве (А. Дейнека, С. Герасимов, М. Сарьян, А. Матвеев, А. Гончаров и другие). <...>

Эстетски настроенные художники и критики тенденциозно раздувают значение творчества скульптора Эрзи, находящегося под сильным влиянием буржуазно-модернистского искусства. <...>

Особенно обнаженно нездоровые эстетские настроения в отношении советского искусства выражены в повести И. Эренбурга «Оттепель». <...> Приверженность И. Эренбурга к французской «модной» живописи известна. В защиту этого искусства он и выступает в повести «Оттепель» (Аппарат ЦК КПСС и культура. 1953–1957. С. 260).

7 июля. Принято постановление ЦК КПСС «О крупных недостатках в научно-атеистической пропаганде и мерах ее улучшения», где отмечено, что

этот важнейший участок идеологической работы находится в запущенном состоянии. <...>

Неудовлетворительно занимаются научно-атеистической пропагандой Министерство культуры СССР и Всесоюзное общество по распространению политических и научных знаний. Лекции и доклады на атеистические темы читаются крайне редко, причем количество этих лекций из года в год сокращается, идейно-научный уровень лекций очень низок. Особенно плохо ведется естественнонаучная пропаганда среди сельского населения. Слабо привлекаются к этому делу многочисленные кадры советской интеллигенции.

Совершенно недостаточно ведется научно-атеистическая пропаганда в печати. Центральные и местные газеты, общественно-политические и художественные журналы занимают позицию сторонних наблюдателей

и за последнее время почти прекратили печатание популярных материалов, а центральные и местные издательства крайне мало издают книг и брошюр на научно-атеистические темы. <...>

В научно-атеистической пропаганде не используется кино. Новые научно-популярные и художественные фильмы на атеистические темы не выпускаются (Коммунистическая партия Советского Союза в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. С. 428, 429, 430).

Вопрос о неопубликованной поэме А. Твардовского «Теркин на том свете» и публикациях журнала «Новый мир»⁶³ рассмотрен секретариатом ЦК КПСС⁶⁴.

Как рассказывает Александр Фадеев в письме от 8 июля к М. И. Твардовской, жене поэта,

и поэма и статьи в «Нов<ом> мире» были единодушно осуждены решительно всеми – и секретарями, и работниками аппарата, и присутствующими членами редколлегии «Нов<ого> мира», и секретарями ССП, и мною. Выступления, в общем, распадались на более или менее «агрессивные», то есть учитывающие только ошибки, и на более или менее объективные, то есть учитывающие весь путь Саши в литературе, в том числе и эти ошибки. К выступлениям последнего рода относились выступления двух Сашиных заместителей, Константина Александровича <Федина>, Константина С<имонова> и мое. И, конечно, наиболее объективным, широким и спокойным было выступление первого секретаря – и по отношению к Саше, и по отношению к журналу, и по отношению к Сашиным заместителям. Стало всем ясно, что здесь не «проработка», а желание установить правду-истину и дать всем, кто ошибался, перспективу (А. Фадеев. Письма и документы. С. 331–332).

Судя по стенограмме, Н. С. Хрущев, в частности, сказал:

Не может быть двух мнений – обсуждаемые статьи «Нового мира» и поэма Твардовского «Теркин на том свете» заслуживают осуждения.

<...> Трудно судить, с каких позиций критикует Твардовский. Одно ясно, что товарищ Твардовский человек политически незрелый.

<...> Как он мог это написать? Зачем он загубил хорошего солдата, послал Теркина на тот свет? Твардовский человек малопартийный! Возможно, на него подействовало членство в рев<изионной> комиссии ЦК? Возможно, он думает, что раз он член ревкомиссии ЦК, то сможет повлиять и на ЦК? ЦК никому своих прав не уступит.

⁶³ Уйдя в запой, А. Твардовский на этом заседании отсутствовал. И, как подчеркнул Александр Фадеев в процитированном выше письме М. И. Твардовской, «никакие формальные отговорки не могут снять нехорошего впечатления, произведенного отсутствием Саши. Если бы он был в больнице, все-таки было бы понятней, почему он не может быть на секретариате. Но надо сказать, что на эту сторону дела никто не педалировал, если не считать того, что один из секретарей поставил вопрос Сергею Сергеевичу <Смирнову>, во время речи последнего, почему же отсутствует редактор, и когда С. С. ответил, что „болен“, потребовал расшифровать, чем болен. Потом уже никто к этой теме не возвращался. Первый секретарь сказал: „Не пришел, потому что в результате общественной критики понял, что ему либо придется отступать, либо встать против мнения такой инстанции, которой он обязан подчиняться“» (А. Фадеев. Письма и документы. С. 331).

⁶⁴ Как отмечено в докладной записке Отдела науки и культуры ЦК КПСС от 21 ноября, «с резким осуждением поэмы Твардовского выступили писатели Катаев, Сурков, Федин, Симонов и секретари ЦК КПСС» (цит. по: Р. Романова. Александр Твардовский. С. 436). Их-то годы спустя Твардовский и винил: «<...> не будь квалифицированной интерпретации Суркова и др. – эта штука могла быть опубликована, ее бы читали и похваливали те же идейно-выдержанные вурдалаки, которые запретили ее (предварительно сняв для себя копийку). Распространенность вещи в списках, по-видимому, огромная: письма из разных мест, изустные свидетельства и т. п.» (А. Твардовский. Дневник. С. 239).

Не стоит списывать Твардовского со счетов литературы. Надо повозиться с ним, но не уговаривать. Надо попытаться спасти его, если он сам к этому склонен.

Разгромного решения ЦК по журналу принимать не следует. Надо спокойнее пройти мимо этого случая. Мы настолько сильны, что никакие мертвые Теркины не потрясут устоев нашего государства (Дружба народов. 1993. № 11. С. 227, 228).

По настойчивым просьбам Твардовского Хрущев заново вернется к этому вопросу только 13 августа 1963 года, одобрив одновременную публикацию поэмы в «Известиях» и «Новом мире».

В этот же день первый секретарь правления ССП СССР Алексей Сурков вносит в ЦК КПСС предложение:

Во изменение ранее внесенного предложения о кандидатуре главного редактора журнала «Новый мир» взамен освобождаемого от работы А. Твардовского⁶⁵, Секретариат Правления ССП СССР просит утвердить главным редактором журнала «Новый мир» Друзина Валерия Павловича, ныне состоящего главным редактором журнала «Звезда».

Вопрос о назначении главного редактора в журнал «Звезда» Секретариат Правления ССП внесет дополнительно (цит. по: В. Огрызко. Советский литературный генералитет. С. 789).

Это предложение, слух о котором распространился в Москве⁶⁶, принято не было, и 11 августа главным редактором «Нового мира» был назначен Константин Симонов.

8 июля. В «Литературной газете» статья Андрея Упита «Источник вдохновения и мастерства – жизнь», где напоминается, что

после исторических решений ЦК по идеологическим вопросам и выступлений А. А. Жданова, после этого резкого и освежающего ветра, советские писатели <...> еще настойчивее стремятся понять всю сложность и многообразие жизни государства и народа, черпать из нее материал для своего творчества, находить в ней источник нерушимого единства идейности и художественного мастерства (с. 2).

12 июля. Указом Президиума Верховного Совета СССР отменены персональные звания и знаки различия для работников гражданских министерств и ведомств.

13 июля. В «Комсомольской правде» (с. 2–4) статья А. Протопоповой «Сила положительного примера», призывающая писателей к созданию образа идеального героя:

Создание образа идеального героя выступает сегодня как один из коренных вопросов современной советской литературы (с. 2; выделено полужирным шрифтом).

Дискуссия об идеальном герое развернулась на страницах «Литературной газеты» в июле-ноябре 1954 года и нашла завершение на II съезде писателей. Большинство участников дискуссии отвергли концепцию «образцовых» героев в литературе и искусстве.

⁶⁵ По сведениям В. Огрызко, первоначально секретарь ЦК КПСС П. Н. Поспелов рекомендовал назначить на этот пост Владимира Ерилова. См. об этом же дневниковую запись К. Чуковского от 13 июня. Стоит внимания, что кандидатура Ерилова как преемника Твардовского возникнет еще один раз спустя 9 лет (см. 23 марта 1963 г.).

⁶⁶ «В „Новом мире“ («Отречемся от „Нового мира“»), – 7 августа пишет Марку Азадовскому Юлиан Оксман, – остается Дементьев, кот<ор>ый, наконец, поднял веки и отмежевался от Твардовского. Главным редактором намечался Друзин <...>» (М. Азадовский – Ю. Оксман. Переписка. С. 362).

16 июля. В румынской тюремной больнице Тыргу-Окна умер Петр Константинович Лещенко (род. в 1898).

17 июля. В «Литературной газете» (с. 2–3) статья Константина Симонова «Новая повесть Ильи Эренбурга (окончание статьи – «ЛГ» от 2 июля. С. 2–3).

В конечном итоге <...> – суммирует свои замечания К. Симонов, – вся повесть, несмотря на некоторые хорошие страницы, представляется огорчительной для нашей литературы неудачей автора (20 июля. С. 3).

Александр Твардовский обращается к Н. С. Хрущеву с письмом:

Очень прошу Вас принять меня по вопросам, связанным с обсуждением работы журнала «Новый мир» и моей неопубликованной поэмы. Не откажите мне хотя бы в самой короткой беседе, поскольку речь идет не только о моей личной литературной судьбе, но и об общих принципиальных делах советской литературы (А. Твардовский. Дневник. С. 145).

В общественных науках, – заносит в дневник Сергей Дмитриев, – полная неясность с историей партии; совершенная запущенность в политической экономии (учебника нет, и будет ли он в ближайшее время?); издание сочинений Сталина замерло на 13-м томе, касающемся событий не позднее января 1934 г. и изданном в 1951 г.

Конечно, и в деле науки единственным нужным советом могло бы быть одно: ученые, занимайтесь наукой, думайте и открывайте, что считаете нужным; не ждите указаний и догм. Увы, подобного отношения наша наука не будет иметь. Так же, как и литература (Отечественная история. 1999. № 6. С. 124).

18 июля. Опубликовано постановление Совета министров СССР «О введении совместного обучения в школах Москвы, Ленинграда и других городов».

Это решение, – 20 июля поясняет в дневнике Сергей Дмитриев, – кончает с одним из наследий военных лет. Раздельное обучение мальчиков и девочек было введено постановлением правительства СССР от 16 июля 1943 г. – в разгар войны. Введено, вероятно, не без влияния западноевропейского опыта (может быть, даже вражеского лагеря). В годы введения погон, воинских званий, министров, заигрываний с церковью логично было попробовать и раздельное обучение. Несомненно, что упразднение раздельного обучения вяжется с упразднением формальной логики (которая чуть-чуть было начала оживать), с отказом латинскому языку на место в школе. Но, впрочем, особого значения сама по себе эта мера не имеет. Любопытна она только как одно из проявлений бесконечного экспериментаторства над живыми людьми, столь типичного для всей нашей жизни. Как во времена Чаадаева – всё у нас в движении, всё неустойчиво, лишено традиций. Что у нас прочно? Трудно ответить (Отечественная история. 1999. № 6. С. 124–125).

23 июля. В «Правде» сообщение «В Верховном Суде СССР» о состоявшемся 2–7 июля процессе по обвинению М. Д. Рюмина.

Судебным следствием установлено, – говорится в сообщении, – что Рюмин в период его работы в должности старшего следователя, а затем и начальника следственной части по особо важным делам бывш. Министерства государственной безопасности СССР, действуя как скрытый враг советского

государства, в карьеристских и авантюристических целях стал на путь фальсификации следственных материалов, на основании которых были созданы провокационные дела и произведены необоснованные аресты ряда советских граждан, в том числе видных деятелей медицины. <...>

Учитывая особую тяжесть вредительской деятельности Рюмина и тяжесть последствий совершенных им преступлений, Военная Коллегия Верховного Суда СССР приговорила Рюмина к высшей мере наказания – расстрелу.

Приговор приведен в исполнение (с. 4).

Принято «закрытое» решение Секретариата ЦК КПСС об освобождении Александра Твардовского от обязанностей главного редактора журнала «Новый мир». Завизировано членами Президиума ЦК 28 июля.

Выступая на совещании в ЦК КПСС, Валентин Катаев (судя по магнитофонной записи воспоминаний Александра Дементьева) заявил:

Да, товарищи, я должен сказать, что такого поведения, таких ошибок можно было ожидать от Твардовского. Я расскажу такой случай. Я написал путевой очерк о путешествии на машине из Москвы в Крым через Украину. Принес его Твардовскому. Твардовский прочитал и сказал мне:

– Ну, Валентин Петрович, это несерьезно. Вы что, не знаете, что происходит в стране, положения в сельском хозяйстве? Неужели вы ехали через всю Россию и ничего не видели? Нам нужны другие очерки, нам нужны очерки типа «Путешествия из Петербурга в Москву» Радищева.

Вы понимаете, товарищи, куда он меня тянул, к чему он меня призывал? (Дружба народов. 1993. № 11. С. 227).

Не позднее 24 июля. Секретариат ССП СССР обсуждает работу журнала «Театр». Указано, что в работе журнала допускались серьезные ошибки. В частности, на его страницах была опубликована порочная пьеса Л. Зорина «Гости». Вместе с тем отмечено, что наряду с правильной, справедливой критикой в адрес журнала была сделана попытка подвергнуть его огульной, разностной критике. Как пример такой критики называлась статья Владимира Орлова «Против обывательщины: По страницам журнала „Театр“» в «Известиях» (9 июня. С. 2).

24 июля. В «Правде» передовая статья «Шире развернуть научно-атеистическую пропаганду».

Фильм Михаила Калатозова «Верные друзья» (сценарий Александра Галича и Константина Исаева) отмечен Большой премией VIII Международного кинофестиваля в Карловых Варах.

28 июля. Рассмотрев вопрос «О состоянии и мерах дальнейшего развития советского изобразительного искусства», коллегия министерства культуры СССР принимает решение, где сказано:

Одним из существенных тормозов в развитии изобразительного искусства долгое время являлся культ личности и связанное с ним пренебрежение к правдивому и художественно-полноценному изображению народных масс. Это привело к сужению тематики и к сюжетному и композиционному однообразию советского изобразительного искусства, как в живописи и графике, так в скульптурных памятниках, подавляющее большинство которых решено однообразно в виде отдельной фигуры на геометрическом постаменте и почти не применяется попытки более полного раскрытия темы памятника путем ввода рельефов, других фигур и групп, взаимодействующих с центральной фигурой. Элементы культа

личности привели к нарушению жизненной и художественной правды в ряде произведений живописи, в которых, вместо глубокого изучения жизни, поисков ярких выразительных народных типов и характеров, художники изображали народ как пассивную толпу статистов, которая нужна автору лишь для того, чтобы на этом сером, безликом фоне сильнее выделить образ Центрального [так в документе] исторического персонажа. Это порождало в ряде произведений искусства недопустимо поверхностное, обедненное и примитивное изображение народа, простого, рядового советского человека (цит. по: М. Геризон. С. 145).

29 июля

29.VII.54 был у Н. С. Хрущева – 1 ч. 15 м., – записывает в дневнике Александр Твардовский 5 августа, – в тот же день партком с отчетом о работе партгруппы «Нового мира» (А. Твардовский. Дневник. С. 145).

30 июля. В Москве в связи с начавшейся реабилитацией писателей распространяются фантастические слухи. Так, Борис Пастернак пишет жене:

Вчера зашел Федин и рассказал неожиданные вещи. Пересматривается «дело» Бабеля⁶⁷, и есть сведения, что он жив и выйдет на свободу. Уверяет, что видели вернувшегося Чаренца, которого все считали расстрелянным. Отчего это не может этого случиться с Тицианом и Пильняком? (Б. Пастернак. Т. 10. С. 40).

31 июля. Министерство здравоохранения СССР утверждает «Инструкцию о порядке применения принудительного лечения и других мер медицинского характера в отношении психически больных, совершивших преступление».

Эта инструкция будет признана утратившей силу 14 февраля 1967 года с введением в действие гораздо более жесткой и открывающей полный простор для карательной психиатрии «Инструкции о порядке применения принудительного лечения и других мер медицинского характера в отношении психически больных, совершивших общественно опасные деяния».

В «Литературной газете» (с. 3) статья Валентина Овечкина «Поговорим о насущных нуждах литературы» – о неправильном порядке присуждения Сталинских премий и необходимости пересмотреть существующее ныне авторское право.

Журналы в июле

В «Звезде» (№ 7) роман Даниила Гранина «Искатели» (окончание – № 8).

⁶⁷ Исаак Эммануилович Бабель расстрелян в Бутырской тюрьме в ночь на 27 января 1940 года.

Август

1 августа. Открытие Всесоюзной сельскохозяйственной выставки после масштабной реконструкции. С 1959 года весь комплекс будет называться Выставкой достижений народного хозяйства СССР.

2 августа. Отдел науки и культуры ЦК КПСС сигнализирует в ЦК о «резком увеличении выпуска пластинок танцевальной музыки – за счет всех других записей». Особенно нетерпимо, что «<...> в 1954 г. выпуск западных перезаписей составлял больше половины всего выпуска легкой музыки».

Предложено

указать Министерству культуры СССР и Министерству торговли СССР на неправильную политику в выпуске грампластинок легкой музыки и предложить им пересмотреть план выпуска (Аппарат ЦК КПСС и культура. 1953–1957. С. 290, 291).

3 августа. В «Литературной газете» (с. 3) статья И. Эренбурга «О статье К. Симона» – защита «Оттепели» от неквалифицированных нападок на нее.

В этот же день А. Твардовский и А. Дементьев были вызваны к ответственному работнику ЦК КПСС П. А. Тарасову, который, как указывает А. Твардовский в дневнике, зачитал им

постановление ЦК о «Н<овом> мире» – постановление, ненужность которого мне объяснял Н. С., как и на Секретариате, где меня по случаю беды моей не было.

Тарасов: – Нет, то речь шла о постановлении типа «Звезды» и «Ленинграда» – для печати. А это – так, как бы внутреннее.

Остается: партгруппа Правления Союза, Президиум, «пожатие руки» в редакции. <...>

В газетах начинаются вычеркивания из «обоймы» и мелкие, глупые щипки по «Далям». Мелькнуло уже нечто и в письмах (А. Твардовский. Дневник. С. 145, 146).

10 августа. Состоялось, – как сказано в информации Отдела науки и культуры ЦК КПСС, – заседание партгруппы Правления ССП СССР, посвященное ознакомлению с решением ЦК КПСС от 23 июля 1954 г. «Об ошибках редакции журнала „Новый мир“». <...>

Признав, – информирует ЦК КПСС зам. зав. Отделом науки и культуры ЦК П. А. Тарасов, – справедливость решения ЦК в отношении журнала «Новый мир», т. Твардовский не дал политической оценки своей порочной поэмы «Теркин на том свете». Он заявил, что ему гораздо труднее осмыслить пункт решения ЦК о поэме. «Я не оспариваю решения ЦК. Раз об этом говорит ЦК, я обязан принять его оценку моей работы... Но вы должны понять меня по-человечески. Каждое новое произведение – этап в жизни писателя. Нужно время, чтобы все осмыслить, подумать... Мое авторское отношение к этой вещи остается отношением родителя к своему детищу. Хотя для общества оно кажется ублюдком, а у родителя к нему сохраняется еще и другое, родительское отношение».

Отвечая Твардовскому, – говорится далее в информации, —

тов. Лесючевский <...> говорил о том, что постановление ЦК КПСС, небольшое по объему, имеет не меньшее значение, чем постановление 1946 года «О журналах „Звезда“ и „Ленинград“». В нем еще раз

подтверждаются те идеи, которые были заложены в постановлении ЦК 1946 года. <...>

Осуждая выступление А. Твардовского и его заявление о том, что поэма «Теркин на том свете» – дорогое для него детище, он советует Твардовскому отнестись к этому детищу так, как у Гоголя Тарас Бульба отнесся к своему изменнику-сыну, т. е. убил его (цит. по: Р. Романова. Александр Твардовский. С. 425–427).

11 августа. На расширенном заседании президиума правления ССП обсужден вопрос об ошибках журнала «Новый мир», напечатавшего статьи В. Померанцева, Ф. Абрамова, М. Лифшица, М. Щеглова.

По мнению открывшего обсуждение А. Суркова,

позиция авторов этих статей вызывает такое резкое противодействие потому, что авторы эти под видом критики недостатков советской литературы на тридцать седьмом году нашего пути поставили в «Новом мире» под сомнение такие ценности, которые святы для нас, для наших читателей у нас в стране и во всем мире. Вот почему так отвратителен нездоровый, мещанский нигилизм авторов названных статей в «Новом мире»!

В своем выступлении А. Твардовский признал, что он, будучи главным редактором «Нового мира», в первую голову виноват в тех серьезных политических ошибках и той неправильной линии, которую занял журнал.

Нельзя не заметить, – говорится в отчете «Литературной газеты», – что, взявши вину на себя, А. Твардовский ни словом не обмолвился о том весе и влиянии, которыми пользовались в редакции бывший заведующий отделом критики И. Сац и даже внештатный, но постоянный консультант отдела М. Лифшиц. Зато выступавшие в прениях назвали их имена и правильно оценили их деятельность (За высокую идейность нашей литературы! // Литературная газета, 17 августа. С. 3).

В обсуждении приняли участие С. Антонов, В. Ермилов, А. Караваева, С. Сутоцкий, В. Кожевников, М. Бажан, А. Софронов. Было зачитано письмо критика И. Лежнева, показавшего, что

М. Лифшиц возвращается к некоторым из тех нигилистических, антипатриотических «концепций», которые принесли в свое время печальную известность журналу «Литературный критик».

Президиум правления Союза советских писателей **постановляет:**

1. Осудить неправильную линию журнала «Новый мир» в вопросах литературы.

2. Освободить тов. **Твардовского А. Т.** от обязанностей главного редактора журнала.

3. Назначить главным редактором журнала «Новый мир» тов. **Симонова К. М.** (Об ошибках журнала «Новый мир»: Резолюция президиума правления Союза советских писателей // Там же).

Не позднее 28 августа. На партсобрании московских писателей Александр Дементьев и Сергей С. Смирнов выступили с признанием серьезных ошибок, допущенных ими как членами редколлегии журнала «Новый мир».

28 августа. Выступая на пленуме Ленинградского обкома КПСС, его первый секретарь Ф. Р. Козлов, среди прочего, обрушился с резкой критикой на статью Федора Абрамова «Люди колхозной деревни в послевоенной литературе».

После перерыва в заседании Абрамов был вынужден признать свои ошибки, а 31 августа записал в дневник:

Я думал об одном: помочь партии – если надо, ценой собственного унижения, да что унижения, ценой отказа от истины – не дать торжествовать нашим врагам. Раз ЦК осудил мою статью, я как солдат партии должен *выполнять* решение (цит. по.: А. Пинский. С. 608).

Тем не менее в заключительной речи на пленуме Козлов, – как пишет Абрамов, —

глумился, издевался надо мной, назвал мое выступление «покаянной речью». Это признание-то самоотверженное! Потом он сказал, что я будто бы был не до конца откровенен, не назвал тех, кто меня направлял. Наконец, потрясая кулаками, он разразился дикими угрозами: я, мол, подрываю советский строй, выступаю против колхозного строя. И все это с высокой трибуны Пленума. Каково мое состояние! У меня было впечатление, что он кричит, обращаясь к разведке: берите его, чего смотрите (Там же. С. 608–609).

И в той же дневниковой записи:

Да, напрасно я выступал, напрасно сознавался в том, в чем не виноват. В резолюции сказано, что я огульно охаиваю советскую литературу, выступаю против всего передового и защищаю все старое, что я не понял постановлений ЦК по вопросам сельского хозяйства и т. д.

Неправда все это! Где, когда я выступал против передового, в защиту старого? Я выступал против плохого изображения передового.

Какой позорище! И кому нужно было мое выступление? <...>

Нет, не надо было выступать с покаянием. Теперь все будут плевать мне в лицо. Да и сам я первый плюну (Там же. С. 611).

31 августа. В «Литературной газете» (с. 2) фельетон Александра Лациса «Рифмы ради...» о «спившемся» и «разложившемся» поэте Николае Глазкове.

Сентябрь

1 сентября. Андрей Тарковский и Василий Шукшин становятся студентами режиссерского факультета ВГИКа (мастерская Михаила Ромма).

До 2 сентября. На расширенном заседании правления Ленинградской писательской организации единодушно одобрено решение президиума правления ССП СССР об ошибках журнала «Новый мир».

Даниил Гранин особо отметил, что такие выступления, как статья В. Померанцева, отвлекли внимание от важнейших вопросов развития литературы. Возражения участников обсуждения встретило заявление драматурга Г. Матвеева о том, что статьи В. Померанцева, М. Лифшица и других имели якобы и положительное значение, поскольку они «всколыхнули» писательскую общественность.

4 сентября. Дмитрию Шостаковичу присуждена Международная премия Мира.

18 сентября. В отчете «Литературной газеты» о третьем съезде писателей Казахстана изложено выступление Михаила Шолохова, который, в частности, подчеркнул:

Когда писатель сознательно создает идейно порочное произведение и под тем или иным предлогом пытается как-то проташить политически вредные народу и партии «идейки», я за то, что здесь надо критиковать «на уничтожение». Тут можно не стесняться в выражениях и орудовать пером как разящим мечом (с. 2).

М. Шолохов критикует статью К. Симонова о повести И. Эренбурга «Оттепель», считая, что автор ее затушевывает недостатки повести вместо того, чтобы сказать о них прямо и резко (Там же).

23 сентября. В «Литературной газете» письмо в редакцию К. Симонова – ответ на статью И. Эренбурга «О статье К. Симонова» и на выступление М. Шолохова на съезде писателей Казахстана. Возражая Шолохову, Симонов пишет:

считаю необходимым заявить, что я не сторонник того взгляда, что повесть И. Эренбурга надо критиковать «на уничтожение» и «не стесняюсь в выражениях», хотя я расцениваю «Оттепель» как досадную неудачу талантливого советского писателя (с. 3).

23–29 сентября. В Москве, Ташкенте и других городах первый в СССР фестиваль индийских кинофильмов.

Журналы в сентябре

В «Знамени» (№ 9) «Повесть о директоре МТС и главном агрономе» Галины Николаевой. В «Звезде» (№ 9) роман Всеволода Кочетова «Молодость с нами» (окончание – № 11).

Октябрь

5 октября. В «Литературной газете» (с. 3–4) обзор читательских писем «О повести „Оттепель“ И. Эренбурга». В редакционном комментарии отмечается, что «авторский замысел не был с достаточной ясностью и убедительностью воплощен в самой художественной ткани „Оттепели“».

<...> „Оттепели“ не хватает идейной ясности, определенности отношения к изображаемым явлениям», и это «привело к тому, что пассивная замкнутость художника, стоящего в стороне от жизни народа и его борьбы, выглядит как нечто положительное, как противоядие против халтурщиков» (с. 4).

14 октября. В «Литературной газете» (с. 2) фельетон А. Половникова и Н. Селиверстова «Хамелеоны».

Этими хамелеонами, – 2 декабря рассказывает в дневнике Любовь Шапорина, – оказались работающий в Эрмитаже знаменитый востоковед Добрынин и доктор Богданов-Березовский. Первый служил по вечерам диаконом в какой-то церкви и даже – о ужас! – переводил на русский язык восточных отцов церкви.

Доктор Богданов-Березовский отказался вести антирелигиозную пропаганду, сказав, что сам он верующий. В статье обрушились на отделы кадров, которые принимают сотрудников только на основании анкеты (очевидно, надо под микроскопом рассматривать души) (Л. Шапорина. С. 276).

19 октября. В выставочном зале московского Дома художников выставка Сергея Коненкова.

В «Литературной газете» (с. 3) статья Ильи Сельвинского «Наболевший вопрос», где говорится о монопольном положении «трио аккордеон, баян, гармонь» (Твардовский, Исаковский и Сурков) в советской поэзии.

23 октября

Из очерка Б. Агапова «В Ньюкасле», помещенного в сегодняшнем номере «Литературной газеты», – записывает в дневник Сергей Дмитриев, – узнали, что русский писатель Алексей Ремизов, видимо, еще жив и недавно опубликовал какое-то новое произведение. Агапов, понятно, не преминул Ремизова лягнуть. Агапов хорошо усвоил, как должно себя вести то животное, которому принадлежит известное изречение: «И я его лягнул». <...>

Позднейшая приписка: точно так же позднее, в конце декабря, из заключительного слова Суркова на Втором съезде писателей узнали, что за границей еще жив писатель Борис Зайцев (Отечественная история. 1999. № 6. С. 127).

26 октября. В «Литературной газете» открытое письмо группы писателей (В. Каверин, Эм. Казакевич, Мих. Луконин, С. Маршак, К. Паустовский, Н. Погодин, Ст. Щипачев) «Товарищам по работе» – предложения о перестройке Союза писателей, «превратившегося из творческой организации в некий департамент по литературным делам».

Подлинное творческое общение писателей разных поколений, – говорится в письме, – может и должно происходить не в канцеляриях ССП, не в залах заседаний, не на собраниях разобщенных

между собой, творческих лишь по названию, секций, а только в редакциях, в живой практической работе над рукописью.

<...> Очевидным результатом явится также несомненная и солидная экономия денежных средств, непроизводительно расходуемых ныне на содержание разбухшего штата ССП (с. 3).

28 октября. В «Литературной газете» (с. 3–4) статья Ольги Берггольц «Против ликвидации лирики», защищающая в полемике с Николаем Грибачевым и Сергеем В. Смирновым право советского поэта на «самовыражение».

В ЦК КПСС уходит докладная записка Отдела науки и культуры «О программе праздничного концерта в ГАБТ 6 ноября 1954 г.», где, в частности, сказано:

Намеченное к исполнению стихотворение Евгения Евтушенко «Комсомольская путевка» приемлемо по теме, но является слабым в поэтическом отношении и <...> требует замены (Музыка вместо сумбура. С. 453).

Журналы в октябре

В «Новом мире» (№ 10) повесть Виктора Некрасова «В родном городе» (окончание – № 11). В «Звезде» (№ 10) статья А. Эльяшевича «Будни или праздники?», в которой утверждается:

Нам нужна *праздничная* литература, не литература о «Праздниках», а именно *праздничная* литература, поднимающая человека над мелочами и случайностями, обдуманно отбирающая и типизирующая важные явления жизни (с. 184).

Ноябрь

1 ноября. Из дневника Сергея Дмитриева:

Как много было у всех надежд в то время! Общее настроение Эренбург в «Оттепели» верно схватил. Но прошедший год не оправдал надежд. Он показал, что всё у нас, как в песенке «Каким ты был, таким ты и остался». Сделали попытку очнуться от дурного сна. Но не очнулись. Захотели взглянуть на правду, но, взглянув, испугались – ведь если правду-то смотреть, да и другим показывать, то слушаться не будут. И кончили тем, от чего было хотели излечиться: видно, уж людьми нам не быть никогда, а пребывать в строителях коммунизма и борцах за мир (Отечественная история. 1999. № 6. С. 127–128).

2 ноября. Из дневника Сергея Дмитриева:

В «Литер. Газете» статья Рюрикова об эстетическом идеале и положительном герое. Прочитав ее, скажешь, как у Крылова: «А вы, друзья, как ни садитесь, а в музыканты не годитесь». Если откинуть злопыхательство, то в отзывах о советской литературе западноевропейских критиков (эти отзывы помянуты в начале статьи Рюрикова) есть большая правда. Вообще умные люди внимательно слушают врагов. Враг видит в нас больше, чем нам кажется. Формула о «социалистическом реализме» есть абракадабра. И пока ею будут руководствоваться в литературе и искусстве, не будет у нас ни литературы, ни искусства, достойных страны Толстого, Достоевского, Тургенева, Пушкина, Блока. Не будет. Ибо формула эта – не что иное, как перефразированная мудрость будочника Мымрецова – «тащи и не пушай» (Отечественная история. 1999. № 6. С. 128).

5 ноября. В прокат выпущен фильм Иосифа Хейфица «Большая семья».

6 ноября. В Колонном зале Дома Союзов на концерте в честь годовщины Великого Октября прозвучало танго «Брызги шампанского» в исполнении Леонида Утесова.

Кто-то из сидевших в зале, – пишет В. Фомин, – подумал было о дикой и непоправимой ошибке ведущего, кого-то посетила привычная мысль об «идейной диверсии», но страстные, пьянящие аккорды искрометного танго уже крушили гнетущую атмосферу высокого партийного официоза, и у самых дошлых, наверняка, мелькнула догадка: «Ой, неспроста эти „Брызги“!.. Что-то будет?!» (Кинематограф оттепели. С. 14).

8 ноября. В Ленинградском театре драмы имени А. С. Пушкина премьера спектакля «Они знали Маяковского» по пьесе Василия А. Катаняна.

Как 30 декабря записал в дневник сын драматурга Василий В. Катанян,

сначала был написан сценарий для «Мосфильма», он был принят, потом его передали Зархи—Хейфицу на «Ленфильм», они очень хотели его ставить, даже пригласили Н. Черкасова на главную роль, но что-то помешало, и тогда отец переделал его в пьесу и за нее ухватились Черкасов и Вивьен. Душой постановки была Лиля Юрьевна⁶⁸ – она отmelda реж. Анисимова, пригласили Н. Петрова, А. Тышлера и молодого студента Родиона Щедрина⁶⁹. Среди

⁶⁸ Л. Ю. Брик.

⁶⁹ Н. Петров – постановщик, А. Тышлер – художник, Р. Щедрин – автор музыки к этому спектаклю.

актеров Горбачев, Штыркан и др. Спектакль имел успех, долго шел, имел положительную прессу, хотя были и отрицательные отзывы. Спектакль был снят на ТВ. Л. В. Маяковская писала в Ленинградский обком, что ставить эту пьесу – безобразие. Она обиделась, что там нет семьи. Но там не было и Бриков. Пьеса о М. без Л. Ю. А с нею – не прошла бы! (В. Катанян. Лоскутное одеяло. С. 125).

10 ноября. Принято постановление ЦК КПСС «Об ошибках в проведении научно-атеистической пропаганды среди населения», где, в частности, указано:

Необходимо иметь в виду, что оскорбительные действия по отношению к церкви, духовенству, верующим гражданам несовместимы с линией партии и государства в проведении научно-атеистической пропаганды и противоречат Конституции СССР, предоставляющей советским гражданам свободу совести.

<...>

ЦК КПСС считает, что положительные результаты в воспитательной работе, направленной на преодоление религиозных пережитков, могут быть достигнуты лишь при условии дальнейшего подъема всей нашей культурно-просветительной работы среди трудящихся, значительного улучшения деятельности Дворцов культуры, клубов, библиотек, читален, лекториев, парков культуры и отдыха и других культурно-просветительных учреждений. Поэтому задача партийных, государственных и общественных организаций состоит в том, чтобы коренным образом улучшить культурно-просветительную работу среди населения и тем самым добиться дальнейшего повышения культурного уровня трудящихся (Коммунистическая партия Советского Союза в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. С. 447, 450).

11 ноября. В «Литературной газете» (с. 2–3) статья Василия Ажаева «Уважать свой „литературный цех“» – полемика с открытым письмом группы товарищей, ибо в нем, по мнению В. Ажаева, сквозит «туманно выраженная и тем не менее явная мысль о ликвидации самого союза» (с. 2). В статье также подвергнут критике Михаил Шолохов, чьей «ошибкой» является

многолетнее подчеркнутое игнорирование своего союза, его повседневной работы. Такая, столь непонятная и странная для крупного писателя позиция прежде всего, мы уверены, не прошла бесследно для него самого. Как бы ни был велик талант писателя, – и ему нужны дружба и умный совет товарищей.

<...> М. Шолохов, видимо, не вполне понимает, каким плохим примером для молодых литераторов является его пренебрежительное отношение к горьковской идее и практике союза (с. 3).

Не позднее 12 ноября. До Бориса Пастернака доходят слухи о выдвижении его кандидатуры на Нобелевскую премию.

Вот цитата из пастернаковского письма Ольге Фрейденберг от 12 ноября:

Я скорее опасался, как бы эта сплетня не стала правдой, чем этого желал, хотя ведь это присуждение влечет за собой обязательную поездку за получением награды, вылет в широкий мир, обмен мыслями, – но ведь опять-таки не в силах был бы я совершить это путешествие обычной заводной куклой, как это водится, а у меня жизнь своих, недописанный роман, и как бы

всё это обострилось! Вот ведь вавилонское пленение! По-видимому, Бог миловал, эта опасность миновала. <...>

Потом люди слышали по ВВС будто (за что купил, продаю) выдвинули меня, но зная нравы, запросили согласия представительства, ходатайствовавшего, чтобы меня заменили кандидатурой Шолохова, по отклонении которого комиссия выдвинула Хемингуэя, которому, вероятно, премию и присудят. Хотя некоторые говорят, будто спор еще не кончен. Но ведь всё это болтовня, хотя и получившая большое распространение.

Но мне радостно было и в предположении попасть в разряд, в котором побывали Гамсун и Бунин и, хотя бы по недоразумению, оказаться рядом с Хемингуэем.

Я горжусь одним: ни на минуту не изменило это течения часов моей простой, безымянной, никому не ведомой трудовой жизни (*Б. Пастернак. Т. 10. С. 58*).

Лауреатом Нобелевской премии в 1954 году стал Эрнест Хемингуэй.

14 ноября. В актовом зале Ленинградского политехнического института первый общегородской вечер студенческой поэзии.

16 ноября. В «Литературной газете» статья Владимира Луговского «Раздумье о поэзии». Из статьи:

Последнее время у нас не слишком богато яркими и впечатляющими поэтическими произведениями, но работа поэтов идет, и весьма возможно, что рождаются большие, хорошие вещи. <...>

Итак: кризиса поэзии у нас нет, имеются только кризисные явления, которые могут быть и должны быть устранены (с. 3).

18 ноября. В «Литературной газете» письмо в редакцию Виталия Закруткина, Анатолия Калинина, Михаила Соколова, где сказано:

Уверены, что не одни мы были поражены тем выпадом, который позволил себе на страницах «Литературной газеты» В. Ажаев против крупнейшего советского писателя М. Шолохова. <...>

Не на пользу нашей литературе этот выпад против любимого народом писателя <...>

22–28 ноября. Фестиваль польских фильмов в СССР.

23 ноября. В «Литературной газете» (с. 3) «Реплика тов. Ажаеву» авторов открытого письма «Товарищам по работе», подтверждающих свою мысль о том, что центром творческой жизни должны явиться не канцелярии ССП, а редакции и издательства.

24 ноября. В Ленинграде умер Марк Константинович Азадовский (род. в 1888).

Ноябрь. В Театре имени Маяковского премьера спектакля «Гамлет» в постановке Николая Охлопкова. Сценография Рындина, в заглавной роли Евгений Самойлов, в роли Офелии Мария Бабанова.

Как записал в дневник Василий В. Катанян,

кто-то фыркает, что спектакль «оперный» или «балетный», а на самом деле он театральный. После «Сирано» я не видел таких ярких представлений (*В. Катанян. Лоскутное одеяло. С. 126*).

<...> на место всеобщего омхачивания, – вспоминает шекспировед Алексей Бартошевич, видевший этот спектакль школьником, – пришло монументальное театральное зрелище. Гигантские конструкции, огромные

ворота, напоминавшие ворота шлюзов. Тогда у московской интеллигенции любимым отдыхом стали поездки на пароходах: Москва – Астрахань, Москва – Пермь, и особенно захватывающими были моменты, когда пароход проходил через шлюзы. Так вот, сценограф Рындин как две капли воды воссоздал конструкцию шлюза в этих кованых воротах перед сценой, открывавшихся под музыку Чайковского. И какие-то решетки с грохотом и лязгом спускались с колосников. И Гамлет их тряс во время монолога «Быть или не быть». И огромное, полное света и цвета пространство. И золотой парик на голове у Самойлова. И белое платье с позолотой у занятой в премьере Бабановой, которая играла Офелию. Она сыграла всего несколько раз, но это было ужасно: уже полная, немолодая, такой шарик белый выкатывался на сцену. И опять же золотой парик, и за ней шли вереницей ее подруги в белых платьях, с золотыми кудрями и с арфами (Коммерсантъ-Weekend, 25 апреля 2014. С. 13).

А вот мнение рядового зрителя – историка Сергея Дмитриева, побывавшего в театре 17 июня 1955 года:

Спектакль очень хороший; умный, волнующий, красивый. Самойлов-Гамлет на высоте положения. Простонародна Офелия: она не дворянка из семьи придворного. Декорации Рындина великолепны, потрясающи, остроумны в техникосценическом отношении. И самое главное – необыкновенная, полная тишина в переполненном зале, где душно и многие стоят. Актеры сразу овладевают вниманием, и никто не хочет пропустить хотя бы одно слово. Простые девушки, стоявшие сзади нас (очень простые – из работниц, вероятно), переспрашивали друг друга иногда о нерасслышанном слове или реплике актеров. Последние годы в советских театрах наблюдал я совершенное отсутствие интереса к происходившему на сцене, особенно в пьесах советских авторов. Впрочем, и на классике. Разговаривали, ели, входили и выходили, смеялись не к месту. Здесь полная тишина и в ней ясно чувствуется общее веяние духа искусства со сцены. Охлопков дал образец многим. После спектакля его и Самойлова долго вызывали (Отечественная история. 2000. № 1. С. 160).

Журналы в ноябре

В «Новом мире» (№ 11) поэма Павла Антокольского «В переулке за Арбатом» (с. 51–96). В «Театре» (№ 11) первая публикация Георгия Владимова – статья «Женские образы в пьесах Анатолия Софронова», где этот драматург оценивается очень высоко.

Декабрь

2 декабря. В «Литературной газете» (с. 3) статья Валерия Друзина «К спорам о поэзии» – резкая полемика с ранее напечатанными в газете статьями Ильи Сельвинского и Ольги Берггольц.

6–8 декабря. В Москве трехдневное совещание писателей, посвященное подготовке ко Второму всесоюзному съезду ССП.

Три дня, – рассказывает Владимир Луговской в письме к Александру Фадееву, – просидел я на этом мрачном торжище, именуемом Московским совещанием.

«Унд?» – как сказал Всеволод Иванов германскому послу графу фон Шуленбургу.

«Унд?» О литературе было говорено с гулькин нос или еще более мелкий голубиный предмет. Шло перемывание костей и всяческое пускание черной венозной крови. Некоторые кропущатели типа Злобина лежат сейчас с кислородными подушками (А. Фадеев. Письма и документы. С. 294).

Выступая с докладом на трехдневном отчетно-выборном собрании Ленинградской организации ССП, Всеволод Кочетов подверг резкой критике попытки некоторых литераторов ликвидировать творческие секции ССП и всю творческую работу Союза перенести на так называемые производственные площадки. Эти проекты, как доказывал докладчик, рассчитаны на ликвидацию единого Союза советских писателей и возрождение групповщины, от которой 20 лет назад партия помогла писателям избавиться.

Лишенный творческих секций, – говорил Кочетов, – Союз действительно превратится в литературный департамент; который не в силах будет влиять на монополистические группки при издательствах и журналах... Мы знаем, к чему пришло дело на «производственной площадке» журнала «Октябрь» из-за того, что т. Панферов творческую работу оторвал от Союза. Мы знаем и другой пример, пример того, как на «производственной площадке» журнала «Новый мир» возникла и стала активно осуществляться идея пересмотра основных принципов развития нашей советской литературы.

На собрании против Кочетова открыто не выступил никто, однако при тайном голосовании его даже не выбрали в правление.

Повеяло первым ветром освобождения, – рассказывает Елена Кумпан, – и в Ленинграде <...> решили попробовать провалить Кочетова. Не думаю, чтобы об этом заранее договаривались. Время было не то. Но, видимо, ненависть к нему была так велика, что это получилось стихийно. Заседание шло очень долго. Еще дольше работала счетная комиссия. Она пересчитывала результаты несколько раз, чтобы, не дай бог, не ошибиться. Народ изнывал, слоняясь по коридорам, но не расходился. В воздухе пахло переменами». К своему рассказу Е. Кумпан добавляет выразительную деталь из воспоминаний Лидии Гинзбург, которая, «слоняясь в ту ночь по коридорам, <...> наткнулась на Кочетова, который, конечно, понимал, что его проваливают. <...> И Л. Я. на всю жизнь запомнила его лицо в тот момент и – справедливо будет сказать – содрогнулась. Выражение лица его было полно такой мстительности, злобы и отчаяния, что Лидия Яковлевна не могла стереть

это впечатление из своей памяти до конца своей жизни <...> (Е. Кумпан. С. 123–124).

В результате первым секретарем Ленинградской писательской организации был избран Александр Прокофьев, а Всеволод Кочетов в 1955 году вынужден был уехать в Москву, где стал главным редактором «Литературной газеты».

10 декабря. Константин Симонов вносит в ЦК КПСС предложение назначить Николая Грибачева главным редактором создающегося журнала «Москва», а Владимира Ермилова – главным редактором предполагавшегося к изданию журнала «Вопросы теории и истории литературы» (В. Огрызко. Советский литературный генералитет. С. 646, 847).

Эти предложения поддержаны не были. Первым редактором журнала «Москва», учрежденного только в 1957 году, станет Николай Атаров, а журнал «Вопросы литературы», созданный тоже в 1957 году, возглавит Александр Дементьев.

11 декабря. Из дневника Сергея Дмитриева:

Маленков принял патриарха Московского и всея Руси Алексия. Этот факт нужно, кажется, ставить в связь с такими фактами, как: обострение международной обстановки и усиление угрозы войны; требования об усилении внимания в литературе и искусстве к военной тематике; недавнее постановление ЦК КПСС об ошибках в антирелигиозной пропаганде. Всепрощение и единство, героическое прошлое и советский патриотизм, церковь и т. д. – все снова будет пущено в ход (и уже начинает пускаться в ход) одновременно с ухудшением международной обстановки (Отечественная история. 1999. № 6. С. 132).

13 декабря. Встреча руководителей Коммунистической партии и Советского государства с писателями в связи с предстоящим II Всесоюзным съездом советских писателей.

Конечно, я не обольщался относительно этой встречи, – 14 декабря записал в дневник Александр Твардовский, – и малой надежды не имел, что тут-то и свершается нечто решающее в нашем деле, но всё же испытал чувство вроде утраты какой-то хоть и слабой иллюзии, а вместе с тем и облегчения: мы сами по себе – и слава богу.

За столом Президиума сидели люди большого государственного дела и всемирной ответственности, люди эти не знатоки нашего дела, но они и не притворялись таковыми, они были скромны, внимательны, осторожны и сдержанны в репликах. Они ждали конкретных просьб, того, в чем они могли бы тотчас помочь. А тут бросились десятки охотников поораторствовать у них перед глазами в течение 10 минут, напомнить о себе, образованность показать, оправдаться в том, в чем их обвиняют у нас, щегольнуть, нанести кому-то рассчитанный удар или укол. <...>

Жаль Шолохова. Он выступал постыдно, каким-то отголоском проработок космополитов звучали его напоминания Эренбургу о том, что тот писал в 21 г. и издавал в Риге, что тот принижает русских людей и, наоборот, возвеличивает евреев⁷⁰.

Ах, не тебе, не тебе, Михаил Александрович, говорить эти слова (А. Твардовский. Дневник. С. 162).

А вот как излагает этот инцидент сам Илья Эренбург:

⁷⁰ Запись в дневнике Корнея Чуковского от 15 декабря: «Весь город говорит о столкновении Эренбурга и Шолохова, говорившего в черносотенном духе» (К. Чуковский. Дневник. С. 179).

Накануне открытия съезда в Центральный Комитет пригласили сотню писателей, в том числе и меня. Выступили многие писатели с самыми различными оценками современной литературы. Последним в списке был крупный писатель, неизменно причисляемый к классикам советской литературы. <...> Этот писатель напал на мою «Оттепель», вынув из кармана листок, он прочел мои стихи, написанные весной 1921 года:

...Но люди шли с котомками, с кулями шли и шли
и дни свои огромные тащили как кули.
Раздумий и забот своих вертели жернова.
Нет, не задела оттепель твоей души, Москва!

Стихи эти, слабые, как и другие. Написанные мной в то время, не содержали криминала, а вырванные из книжки строки прозвучали иначе, и оратор легко связал их с повестью «Оттепель». Однако главный сюрприз был впереди: писатель-классик, припомнив мой давний роман «В Проточном переулке», сказал, что в нем я изобразил дурными русских людей, а героем показал еврейского музыканта Юзика. <...> Поэт А. И. Безыменский потребовал слова. Н. С. Хрущев ответил, что совещание кончилось. <...> Я позвонил П. Н. Пospelову и сказал, что не хочу идти на съезд. Петр Николаевич ответил, что двум товарищам (классику и Безыменскому) указано на недопустимость их поведения, а мое отсутствие будет плохо истолковано (*И. Эренбург*. Люди, годы, жизнь. Т. 3. С. 361, 362).

14 декабря. Откликом «Ждем решения коренных вопросов» в «Литературной газете» в борьбу против вредной статьи Владимира Померанцева включился и Валентин Катаев:

Откуда эти теориейки «искренности в литературе», от которых за версту разит давно уже похороненной идеалистической «теорией живого человека» недоброй памяти рапповских времен?

Хорошо, что подлинная партийная критика вовремя вскрыла гнилую сущность подобных выступлений, а общественность единодушно их осудила. Но сделаны ли из этого прискорбного происшествия надлежащие выводы? Мне думается, что не сделаны (с. 2).

До 15 декабря. В преддверии II съезда советских писателей Борис Зайцев по «Радио „Освобождение“»⁷¹ обратился к своим коллегам из СССР:

Мы с вами живем в разных мирах. У вас есть родина, есть великий народ... Зато у нас есть свобода. Вероятно, мы, зарубежные русские писатели, ведем скромное существование, но свобода наша ничем не скована... От всего сердца я желаю вам на этом съезде совершить хотя бы первый шаг к свободе, ибо без свободы ничего нельзя создать... И дай Бог тем из вас, кто отмечен талантом, обрести все необходимые условия для его развития⁷² (цит. по: А. Колчина. Иностранное радиовещание на территории СССР <...> // *Оттепель*. 2017. С. 324).

На это обращение в своей заключительной речи на съезде откликнулся Алексей Сурков:

⁷¹ Позже радиостанция изменила свое название на «Радио „Свобода“».

⁷² Свои пожелания делегатам съезда по «Радио „Освобождение“» направили также Джон Дос Пассос, Торнтон Уайлдер и Эптон Синклер.

Не молчат и враги нашей страны и нашей литературы. По случаю нашего съезда был вытащен из ящика с литературным мусором белоэмигрант Борис Зайцев, который прошамкал у белогвардейского микрофона слова ядовитой бессильной злобы заокеанских «защитников свободы» и по совместительству друзей фашизма Чан Кай-ши, Ли Сын Мана и прочей нечисти (Второй Всесоюзный съезд советских писателей. 15–26 декабря 1954 года: Стенографический отчет. С. 576).

15 декабря. В Большом Кремлевском дворце открывается II Всесоюзный съезд советских писателей.

Вступительное слово произнесла Ольга Форш, предложившая почтить вставанием память И. В. Сталина и «дорогих нам людей», которых уже «нет среди нас» (Там же. С. 3). Приветствие ЦК КПСС съезду писателей огласил секретарь ЦК П. Н. Пospelов. С докладом «О состоянии и задачах советской литературы» выступил Алексей Сурков, который, подчеркнув, что «мы будем бороться против тлетворного космополитизма – отвратительной идеологии поджигателей войны», в то же время заявил:

Никому из честных советских литераторов, совершивших ошибки космополитического порядка, критики они или писатели, не закрыта возможность, пересмотрев свои ошибочные позиции, плодотворно и дружно работать со всей семьей советских литераторов на благо нашей литературы (Там же. С. 32).

Серьезной критике в докладе подвергнуты повесть Ильи Эренбурга «Оттепель», роман Веры Пановой «Времена года» за то, что их авторы «встали на нетвердую почву абстрактного „душеустроительства“» (Там же. С. 27–28); статьи, появившиеся перед съездом в «Новом мире» и единодушно осужденные литературной общественностью, авторы которых пытались «атаковать основные позиции нашей литературы с нигилистической „платформы“»⁷³ (Там же. С. 32); деятельность Сергея Михалкова, который «в последнее время опубликовал в печати, поставил на сцене целый ряд недоработанных, слабых произведений» (Там же. С. 33) и т. д.⁷⁴

Из дневника Любви Шапориной:

Ахматова сказала мне, что у писателей существует теперь фонд для помощи возвращающимся товарищам (*Л. Шапорина*. С. 277).

16 декабря. Второй день съезда писателей.

С содокладами выступают Борис Полевой («Советская литература для детей и юношества») и Самед Вургун («О советской поэзии»). Доклад мандатной комиссии прочел Лев Никулин, заявивший, что 738 делегатов съезда представляют 3695 писателей, в том числе членов союза – 3142, кандидатов – 553.

В содокладе Константина Симонова «О современной художественной прозе» были осуждены как «повышенный интерес к одним теневым сторонам жизни», так и «ложное приукрашивание» (Второй Всесоюзный съезд советских писателей. С. 99). Конкретные претензии высказаны в связи с «Оттепелью» Ильи Эренбурга, «Временами года» Веры Пановой, романами Федора Панферова, «Кавалером Золотой Звезды» и «Светом над землей» Семена Баба-

⁷³ Владимир Померанцев и Михаил Лифшиц не названы прямо, но именно они прежде всего имелись в виду.

⁷⁴ «Только что вернулся со Съезда, – записывает в дневник Корней Чуковский 15 декабря. – Впечатление – ужасное. Это не литературный Съезд, но антилитературный съезд» (*К. Чуковский*. Дневник. С. 179). Ср. с дневниковой записью Юрия Нагибина: «И само действо съезда, от которого хочется отмыться. Ужасающая ложь почти тысячи человек, которые вовсе не сговаривались между собой. Благородная седина, устало-бурый лик, грудной голос и низкая (за такое секут публично) ложь Федина. А серебряно-седой, чуть гипертонизированный, ровно румяный Фадеев – и ложь, утратившая у него даже способность самообновления; страшный петрушка Шолохов, гангстер Симонов и бледно-потный уголовник Грибачев. Вот уж вспомнишь гоголевское: ни одного лица, кругом какие-то страшные свиные рыла» (*Ю. Нагбин*. С. 86–87).

евского, «Матросами» Аркадия Первенцева, новыми произведениями Георгия Гулиа, Янки Брыля, Эммануила Казакевича, Георгия Шолохова-Синявского, Ефима Пермитина, В. Каверина. Критике подверглись «вульгаризаторские рассуждения» Ефима Добина и Александра Белика, «теория бесконфликтности», которую отстаивали Иван Рябов и Аркадий Эльяшевич.

Секретариат ЦК КПСС принимает решение об издании с июля 1955 года ежемесячного журнала «Иностранная литература». Главным редактором утвержден Александр Чаковский.

Умер писатель Михаил Эмануилович Козаков (род. в 1897).

Его, – записывает 6–8 августа 1955 года ленинградец Евгений Шварц, – обидели глубоко, что он, старый писатель, не был выдвинут в депутаты на съезд. <...> Были озабочены и все мы <...> тем, что каждый из нас, занимающий дома определенное место, тут <на съезде в Москве> делался одним из многих, из таких, которых легко затоптать в предсъездовской суете. Что мы не генералы, мало беспокоило нас дома. <...> А здесь создавалось множество мельчайших забот и неудобств. Эта неожиданная чувствительность огорчала и казалась постыдной не менее, чем сами мелкие уколы. <...> Оставил свое председательское место на съезде Фадеев, стоял у гроба в почетном карауле <...> А съезд продолжался без живых и мертвых. Там, в перегретых залах Дома Союзов, слонялись делегаты. Прожектора оскорбительно лупили прямо по глазам и меркли, будто насытившись. А здесь Федин, говоря надгробную речь, вдруг стал останавливаться после каждого слова. <...> трудно, стоя у гроба, не думать и о своем возрасте, и о своей судьбе (Е. Шварц. Телефонная книжка. С. 198, 199).

17 декабря. Третий день съезда писателей.

Георгий Марков: «Позвольте мне, рядовому советскому писателю, приехавшему на этот съезд с берегов далекой Ангары, от лица всех моих товарищей по работе, да и от лица всех присутствующих в этом зале, передать Центральному Комитету партии, Советскому правительству нашу глубокую, сердечную благодарность за заботу о советской литературе и писателях» (Второй Всесоюзный съезд советских писателей. С. 119).

Микола Бажан: «Коммунистическая партия помогла украинской советской литературе вскрыть и разгромить националистические осиные гнезда, но пережитки националистической идеологии, как и тенденции растленного космополитизма, давали себя знать даже и в последние годы, проявляясь в творчестве отдельных украинских поэтов, прозаиков, литературоведов. Они возможны и в дальнейшем, эти проявления наиболее живучих и вредоносных пережитков буржуазной идеологии» (Там же. С. 129).

Илья Эренбург (встреченный продолжительными аплодисментами): «Общество, которое развивается и крепнет, не может страшиться правдивого изображения: правда опасна только обреченным.

Правдивость в нашей литературе не расходится с партийностью, а тесно с ней связана» (Там же. С. 143).

Валентин Катаев: «Лично я – формально писатель беспартийный. Но уже в течение многих и многих лет я не отделяю себя от партии.

<...> Долгие годы дружбы с Маяковским и Демьяном Бедным укрепили во мне глубочайшее убеждение, что для того, чтобы написать что-либо порядочное, полезное для народа, нужно твердо стоять на идейных позициях коммунизма. Когда это чувство партийности во мне ослабевало, я писал плохо,

когда чувство партийности во мне укреплялось, я писал лучше» (Там же. С. 164–165).

18 декабря. Четвертый день съезда писателей.

Содоклад «О советской драматургии» произносит Александр Корнейчук, подчеркнувший, что,

наряду со всемерной поддержкой разнообразных и плодотворных направлений в нашем искусстве, должна не ослабевать борьба с пустым и опасным оригинальничанием, с любыми попытками протащить под флагом многообразия форм нашего искусства буржуазный космополитизм, формализм и натурализм (Там же. С. 188).

С содокладом «О советской кинодраматургии» выступает Сергей Герасимов⁷⁵. В прениях принимает участие, в частности, В. Каверин, который поддержал такие книги, как «Люди с чистой совестью» П. Вершигоры, «В окопах Сталинграда» В. Некрасова, «Сердце друга» Э. Казакевича и «не получивший еще должной оценки талантливый роман Гроссмана „За правое дело“» (Там же. С. 169). В выступлении В. Каверина нарисована картина будущего советской литературы:

Я вижу литературу, в которой редакции смело поддерживают произведения, появившиеся в их журналах, отстаивая свой самостоятельный взгляд на вещи и не давая в обиду автора, нуждающегося в защите. <...>

Я вижу литературу, в которой любой, самый влиятельный отзыв не закрывает дорогу произведению, потому что судьба книги – это судьба писателя, а к судьбе писателя нужно относиться бережно и с любовью.

Я вижу литературу, в которой личные отношения не играют ни малейшей роли, в которой появления Суровых даже вообразить невозможно. <...>

Я вижу литературу, в которой приклеивание ярлыков считается позором и преследуется в уголовном порядке, которая помнит и любит свое прошлое. Помнит, например, что сделал Юрий Тынянов для нашего исторического романа и что сделал Михаил Булгаков для нашей драматургии.

Я вижу литературу, которая не отстает от жизни, а ведет ее за собой (Там же. С. 170).

В этот же день Определением Главной военной прокуратуры СССР реабилитирован (посмертно) Исаак Эммануилович Бабель.

Получив справку о том, что «приговор Военной Коллегии от 26 января 1940 года в отношении Бабеля И. Э. по вновь открывшимся обстоятельствам отменен и дело о нем за отсутствием состава преступления прекращено», Антонина Пирожкова спросила о судьбе Бабеля.

И, – говорится в ее воспоминаниях, – человек, который выдал мне справку, взял ручку, на полях лежавшей на столе газеты написал: «Умер 17 марта 1941 года от паралича сердца» – и дал мне это прочесть. А потом оторвал от газеты эту запись и порвал ее, сказав, что в загсе своего района я получу свидетельство о смерти (А. Пирожкова. С. 422).

Международная Сталинская премия «За укрепление мира между народами» присуждена 9 лауреатам, среди которых Бертольд Брехт и Николас Гильен.

19 декабря. Пятый день съезда писателей.

⁷⁵ «Скучные мертвые доклады, особенно духовно лысого Герасимова по кинодраматургии», – комментирует Александр Довженко (А. Довженко. С. 725).

Содоклад Павла Антокольского, Мухтара Ауэзова и Максима Рыльского «Художественные переводы литератур народов СССР» прочел П. Антокольский.

Валентин Овечкин, выступая в прениях, осудил практику ежегодного присуждения Сталинских премий и для укрепления связей литературы с жизнью призвал писателей к переезду из столицы в провинциальные города, районные центры и села. Резкой критике подвергся К. Симонов, который как редактор «Литературной газеты» и «Нового мира» печатал статьи, «где путались все критерии и среднее и слабое превозносилось до небес» и который «лично» превознес «до небес пьесу Л. Зорина, очень плохую, и политически вредную, и в художественном отношении беспомощную» (Второй Всесоюзный съезд советских писателей. 15–26 декабря 1954 года: Стенографический отчет. С. 252).

И не считаете ли вы, товарищ Симонов, что вы лично тоже обижены критиками, то есть обижены в сторону излишнего, безудержного захваливания и перезахваливания всего содеянного вами в литературе по всем жанрам, в которых вы работаете? Ведь, право же, если суммировать все, что было написано, сказано о вас, все то, что вам выдано, – никто из старых русских, самых великих, никто из современных писателей такого не достаивался. Не кажется ли вам, что этого все же многовато? <...>

Теперь уж народ ждет от вас, что вы в дальнейших своих работах поднимете свое творчество, подтянете его к уровню того, что было выдано вам раньше, так сказать, авансом (Там же).

20 декабря. Шестой день съезда писателей.

Маргарита Алигер говорит о праве критиков на самостоятельное мнение и ошибки, о самодовольстве в творческой среде.

Мне кажется, что, пожалуй, самым ярким примером самодовольства в литературе можно считать эпизод из романа Бабаевского «Свет над землей», в котором приехавший в город Сергей Тутаринов приходит в театр и смотрит на сцене не Гоголя и не Шекспира, которые могли бы его заставить его отвлечься от собственной личности и поразмыслить о многом, а инсценировку романа «Кавалер Золотой Звезды» с главным героем Сергеем Тутариновым...

В неудачах советской литературы, по мнению М. Алигер,

виноваты общие условия литературной жизни, обстановка, сложившаяся в последние годы в Союзе писателей, где творческий разговор подменялся нередко стукачом по столу, а всякое раздумье, попытка по-своему осмыслить и решить тот или иной вопрос, всякое доброе критическое намерение сразу именовались разными страшными словами. Литература наша очень устала от страшных слов, от стукача по столу, от командования и проработки, с одной стороны, и от парадной шумихи, снижения качественных требований, самодовольства и успокоенности, с другой. Литературе нашей все это категорически противопоказано, и она с этим мириться больше не хочет (Там же. С. 282).

Михаил Соколов защищает С. Бабаевского от резкой критики в содокладе К. Симонова.

Это слишком большое расточительство – списывать «в расход» достижения нашего хозяйства – и ничего хорошего принести не может. <...> Этого никому не надо. Надо критиковать наши недостатки самым решительным образом, но надо дорожить писателями и помогать друг другу в работе, чтобы лучше писать книги, которых ждет от нас народ. До сих пор же

было известно, в частности, что народ учится жить по книгам Бабаевского, хотя они и содержат ряд недостатков (Там же. С. 291).

Мирза Ибрагимов резко критикует выступление В. Овечкина на съезде, предполагая, что, «видимо, кое-кто, в том числе небезызвестный Померанцев, преподнесли т. Овечкину слишком усиленную дозу хвалы, вызвали в нем некоторые симптомы самомнения» (Там же. С. 295). Оратор напомнил, что В. Овечкин,

которого Померанцев пробовал использовать в качестве оружия в своих руках, в качестве козыря в фальшивой игре, до сегодняшнего дня ничем и никак не определил свое отношение к статье Померанцева <...> Согласен ли т. Овечкин с Померанцевым в том, что он, Валентин Овечкин, является единственным искренним, правдивым писателем во всем Советском Союзе, или он считает это утверждение ложью, клеветой на нашу прекрасную советскую литературу? (Там же. С. 295, 296).

С содокладом «Об основных проблемах советской критики» выступает Борис Рюриков, подвергший критике как «вульгарный социологизм», так и «эстетский нигилизм», который «нашел свое выражение в выступлениях группы театральных критиков, космополитические тенденции которых осудила партийная печать» (Там же. С. 309), а также в ряде статей, опубликованных недавно «Новым миром».

20–26 декабря. Фестиваль китайских фильмов в Москве, Ленинграде и столицах союзных республик.

21 декабря. Седьмой день съезда писателей.

Александр Яшин выступает против лакировки в искусстве и защищает К. Симонова от «бестактных» выпадов В. Овечкина.

Мы больше сделали бы для партии, для народа, если бы глубже чувствовали свою ответственность за все стороны жизни в стране и ни при каких обстоятельствах не прятали голову под крыло.

Мне кажется, что Александр Твардовский, который в эти годы, к глубокому сожалению, вообще перестал писать о советской деревне, поступил именно так – он спасовал перед сложной обстановкой, создавшейся в ряде наших колхозов после войны, спрятал свою голову под крыло.

И поэтому мы все были особенно благодарны писателям Валентину Овечкину, Владимиру Тендрякову, Сергею Антонову, Анатолию Калинину, которые первые начали искупать нашу общую вину перед народом и партией, найдя путь для честного, прямого и страстного разговора о новых противоречиях и контрастах в колхозной деревне (Там же. С. 340).

Ольга Берггольц замечает:

Мне кажется, что одна из первых причин отставания не только поэзии, но и драматургии и критики состояла в том, что оценка художественных произведений проводилась зачастую не с идейно-эстетических позиций, не с позиций мастерства и художественности, а совсем с других позиций, нередко конъюнктурных (Там же. С. 344).

Поэтому и превозносились роман Федора Панферова «В стране поверженных», пьеса Сурова «Зеленая улица» и не замечалась драматургия Михаила Светлова и Е. Л. Шварца.

Семен Кирсанов подвергает резкой критике поэму А. Софронова «Батожок», стихи Н. Грибачева и Л. Ошанина.

Михаил Шолохов (длительные, бурные аплодисменты, все встают)⁷⁶ заявляет:

Спору нет, достижения многонациональной советской литературы за два истекших десятилетия действительно велики, вошло в литературу немало талантливых писателей. Но при всем этом остается нашим бедствием серый поток бесцветной, посредственной литературы, который последние годы хлещет со страниц журналов и наводняет книжный рынок (Там же. С. 374).

Издавательски острой критике подвергнуты главный редактор «Литературной газеты» Б. Рюриков: «И чем меньше будет в редакциях газет и журналов робких Рюриковых, тем больше будет в печати смелых, принципиальных и до зарезу нужных литературных статей» (Там же. С. 375) и, в особенности, К. Симонов:

Чему могут научиться у Симонова молодые писатели? Разве только скорописи да совершенно не обязательному для писателя умению дипломатического маневрирования. <...>

Не первый год пишет т. Симонов. Пора ему уже оглянуться на пройденный им писательский путь и подумать о том, что наступит час, когда найдется некий мудрец и зрячий мальчик, который, указывая на т. Симонова, скажет: «А король-то голый!» Неохота нам, Константин Михайлович, будет смотреть на твою наготу, а поэтому, не обижаясь, прими наш дружеский совет: одевайся поскорее поплотнее да одежду выбирай такую, чтобы ей век износу не было!⁷⁷ (Там же. С. 377).

«По старой дружбе» претензии высказаны и И. Эренбургу:

Вот, в частности, он обиделся на Симонова за его статью об «Оттепели». Зря обиделся, потому что, не вырвись Симонов вперед со своей статьей, другой критик по-иному сказал бы об «Оттепели». Симонов, по сути, спас Эренбурга от резкой критики⁷⁸ (Там же)⁷⁹.

22 декабря. Восьмой день съезда писателей.

Федор Гладков:

Как ни тяжело мне было подниматься на эту трибуну, но долгом своей совести, партийным своим долгом я считаю, что необходимо выступить против непартийной по духу и, я бы сказал, мелкотравчатой речи т. Шолохова. <...>

За двумя-тремя верными мыслями, высказанными т. Шолоховым в форме плоского остроумия, следовали совсем неприличные выпады против отдельных лиц, весьма похожие на сплетню или на сведение личных счетов⁸⁰ (Там же. С. 401).

⁷⁶ «Съезд, – в тот же день записал в дневник Евгений Шварц, – встал, встречая его, – и не без основания. Он чуть ли не лучший писатель из всех, что собрались на съезд. Да попросту говоря – лучший» (Е. Шварц. Живу беспокойно... С. 426). Представим, однако, точку зрения Вениамина Каверина: «Это – ложь. Встали – не все. Оставшиеся сидеть и были те, кто впоследствии основал «Литературную Москву» и поддержал Солженицына, когда он обратился со своим знаменитым письмом к Четвертому съезду» (В. Каверин. Эпилог, 343).

⁷⁷ «Грубовато, но довольно здраво прозвучал выпад Шолохова против Симонова – мне особенно приятный, ибо я Симонова в его любой ипостаси считаю бездарным», – сообщил Варлам Шаламов в письме к Аркадию Добровольскому от 23 января 1953 года (В. Шаламов. Собрание сочинений. Т. 6. С. 105).

⁷⁸ «<...> Почти все выступавшие осуждали речь Шолохова – и Ф. В. Гладков, и М. Турсун-Заде, и В. Ермилов, и С. Антонов, и К. А. Федин, и А. А. Фадеев, и Б. С. Рюриков, и К. М. Симонов, и А. А. Сурков. Для меня было непонятно такое единодушие, не понимаю его и теперь» (И. Эренбург. Люди, годы, жизнь. Т. 3. С. 365).

⁷⁹ Елена Благинина тогда же откликнулась на речь Шолохова эпиграммой: Тебе в молчании влюбленном Внимал народ, дохнуть не смел. Но ты на этот раз не Доном, А мелкой речкой прошумел (Книжное обозрение, 20 октября 1989 года).

⁸⁰ Предысторию выступления Федора Гладкова раскрывает запись в дневнике Корнея Чуковского от 29 апреля 1957 года:

Мирзо Турсун-заде:

...я не согласен с высказыванием Шолохова на нашем съезде, в котором он представил нашу литературу как состоящую в основном из серых, слабеньких произведений. <...> Мы не отрицаем, что в какой-то степени наша литература засорена серенькими сочинениями, но это не может затмить десятки, сотни талантливых произведений, составляющих сокровищницу советской литературы. <...>

Не на пустом месте вырос талант Шолохова (Там же. С. 411).

С докладом «Современная прогрессивная литература мира» выступает Н. Тихонов.

23 декабря. Девятый день съезда писателей.

Всеволод Кочетов:

Призыв отбросить всякую борьбу в литературе лишь только потому, что якобы эта борьба основана на вкусах и больше ни на чем, – это явно неверный призыв, это призыв на ложный и вредный путь. Даже о вкусах и то мы обязаны спорить. А тем более об объективно живущих в наших произведениях недостатках и ошибках. В наши произведения пробираются не только художественные недостатки, но и идейные просчеты. Как же о них молчать? (Там же. С. 450).

Николай Грибачев:

Очевидно, кое-кому хочется свести понятие лирики к бытовщинке, к мелкому копанию в самом себе. Недаром же не включают некоторые товарищи в понятие лирики стихи на политические, гражданские, злободневные темы, а *изображению*, которое предполагает метод социалистического реализма, противопоставляется подкрашиваемый и подпираемый тысячами оговорок термин *самовыражение*, против которого возражал еще Маяковский (Там же. С. 497).

Константин Федин (аплодисменты, все встают):

Поставленный Шолоховым главный вопрос остался в его речи без ответа. Зато у многих создалось впечатление, что мешающая работе Союза писателей и жизни литератора групповщина превращена теперь в дубину, которой устрашающе размахивает даже выдающийся и общепризнанный русский советский писатель. После речи Шолохова мы будем бояться собираться в одной комнате больше двух писателей вместе. Будем бояться, что на съезде с нами начнут разговаривать таким языком, каким говорил Шолохов с Симоновым (Там же. С. 504).

Александр Фадеев (продолжительные аплодисменты, все встают):

«Он, по его словам, не готовился к съезду и не думал выступать на нем. Но позвонил Суслов: „вы должны дать Шолохову отпор“. Он выступил, страшно волнуясь. На следующее утро ему позвонили: „вашим выступлением вполне удовлетворены, вы должны провести последнее заседание...“ – И сказать речь? – Непременно. Это его и доконало, по его словам. После его выступления против Шолохова он стал получать десятки анонимных писем – ругательных и угрожающих. – „Ты против Шолохова, значит, ты – за жидов, и мы тебя уничтожим!“ Говоря это, Гладков весь дрожит, по щекам текут у него слезы – и кажется, что он в предсмертной простратии. – После съезда я потерял всякую охоту (и способность) писать. Ну его к черту» (К. Чуковский. Дневник. С. 262). «Поздней ночью на 28 декабря, – в тот же день Гладков пожаловался заведующему Отделом науки и культуры ЦК КПСС А. М. Румянцеву, – писатель Бубеннов М. позвонил мне по телефону и грубо бросил мне фразу, что я возглавляю борьбу космополитов против русских писателей, что русские писатели не простят мне выступления на съезде против Шолохова. Я не придумал бы значения выходке Бубеннова (кстати пьяного), но перед этим звонил неизвестный человек с таким же черносотенным (антисемитским) наскоком. Очень прошу обратить внимание на этот симптоматический факт» (цит. по: В. Огрызко. Советский литературный генералитет. С. 535).

Конечно, не так уж сильны в нашей литературе буржуазные националисты, космополиты, сторонники «искусства для искусства», но их идеология отражает враждебную нам идеологию империализма. <...> Необходимо, чтобы все мы помнили, что борьба с проявлениями национализма и космополитизма, с обывательщиной, безыдейностью, упадочничеством, которую мы вели на протяжении ряда лет, была справедливой борьбой, и если бы мы не проводили ее со всей решительностью, наши идейные противники могли бы принести большой вред развитию советской литературы (там же, 507).

Вместе с тем, как замечает А. Фадеев,

известно, например, что перегибы в критике действительно серьезных ошибок писателя Гроссмана в его романе «За правое дело» были в первую очередь допущены нашей печатью. <...> я до сих пор жалею, что проявил слабость, когда в своей статье о романе, поддержав не только то, что было справедливым в критике в адрес этого романа, а и назвал роман идеологически вредным. В известной мере я исправил эту свою ошибку тем, что вместе с Военным издательством оказывал помощь Гроссману в его работе над романом и довел дело до конца, т. е. до выхода романа в свет, когда ошибки его в основном и главном были исправлены (Там же. С. 511).

Доклад «О новом Уставе Союза писателей» прочел Леонид Леонов.

24 декабря. Десятый день съезда писателей.

25 декабря. На закрытом заседании II съезда писателей приняты резолюции по докладам Алексея Суркова и Николая Тихонова и содокладам, обсужден новый Устав Союза писателей, проведены путем тайного голосования выборы нового состава правления и ревизионной комиссии.

26 декабря. Заключительное заседание съезда писателей.

Комментарий Александра Твардовского (27 декабря 1954 года):

Две недели съезда, который сам себя съел, т. е. изжил, обнаружил свою никчемную громоздкость, которая стала очевидной даже для тех, кто, может быть, ждал от него чего-нибудь. <...>

И вместе со всем тем, что изнуряло душу все эти дни, что обрыдло, как гнусный голос Суркова, – освобождение. Ничего этого не страшно, ничего и не нужно, раз нельзя переиначить. Остается делать дело, искать радость в нем только, не тешиться иллюзиями (А. Твардовский. Дневник. С. 164).

Нужен ли съезд? – задавался вопросом и Давид Самойлов. – Об этом спрашивают себя и друг друга. Ждали каких-то новых слов, новых принципиальных решений. Их не было. Другие ожидали официального парада. Этого тоже не вышло. Разыгралась кое-какая драчка, размежевались какие-то группы, наметились какие-то мнения.

Никого сильно не били, не уничтожали. И это благо. Тон царил если не благородный, то сдержанный. Даже Софронов (каков!) и тот требовал дружеской критики. Но свежее, мощное слово не прозвучало. Кто мог произнести его? Фадеев? Слишком много грязных дел так или иначе связаны с ним. Есть мнение, что без него было бы хуже. Может быть. Но на роль героя он не годится. Симонов? И он потерял право на свежее слово. А ведь сколько времени держался в рамках порядочности. Не выдержал, испугался, кишка

тонка оказалась. Либерал – он всегда либерал. Он делает добро, покуда это ему ничем не грозит, фрондирует до первого окрика. Федин? Он не борец, тихий интеллигент. Не ему формулировать политические идеи, не ему вести за собой. Эренбург? За него многие из читателей. Но смог бы он говорить от имени литературы, когда такие люди, как Шолохов, говорят о нем с пренебрежением и враждой. Леонов?..

Один Шолохов обладает достаточным авторитетом, силой гения, беспорностью содеянного. Но великий писатель не сумел быть великим человеком. <...> Кто еще из великих русских писателей вел бы себя так мелко и недостойно?

Итак, простое, откровенное и смелое слово не было сказано. Значит ли это, что съезд не удался, вовсе не сыграл положительной роли? Нет. <...>

На съезде ясно выявилось, пусть не сформулированное словами, но осязаемое всеми, неблагополучие в нашей литературе, а значит, и во всей идеологии. На съезде стало ясно, что группе мракобесов, реставраторов, выразителей вонючих идей противостоит сильный отряд честных, порядочных людей, не совсем растративших свой идеологический багаж. Фактически эти люди и победили. Эта победа не закрепились в организационных формах, но она была достаточно явной. Они могли стать хозяевами положения, если бы не таинственная поддержка, которую получала «извне» «казацкая группа». У власти в Союзе писателей оказалась группа промежуточная, «либералы», которые в душе скорее недолюбливают «казаков», чем сочувствуют им. На данном этапе и это хорошо (*Д. Самойлов. Памятные записки. С. 590–591*).

28 декабря. На пленуме правления СП СССР в состав президиума избраны И. Абашидзе, В. Ажаев, С. Антонов, М. Ауэзов, Н. Бажан, П. Бровка, А. Венцлова, С. Вургун, Ф. Гладков, О. Гончар, В. Ермилов, Н. Зарьян, А. Караваева, В. Катаев, А. Каххар, А. Корнейчук, Б. Лавренев, В. Лацис, Л. Леонов, С. Маршак, Г. Марков, В. Панова, Н. Погодин, А. Прокофьев, Б. Полевой, Д. Поликарпов, Б. Рюриков, К. Симонов, В. Смирнов, Ю. Смуул, Л. Соболев, А. Сурков, А. Твардовский, М. Турсун-заде, Н. Тихонов, П. Тычина, А. Фадеев, К. Федин, Н. Чуковский, М. Шолохов, С. Щипачев, И. Эренбург.

В секретариат избраны В. Ажаев, Н. Бажан, Л. Леонов, Б. Полевой, Д. Поликарпов, К. Симонов, В. Смирнов, А. Сурков, Н. Тихонов, А. Фадеев⁸¹, К. Федин.

На своем заседании секретариат избрал первым секретарем правления СП СССР А. Суркова⁸². Из дневника Сергея Дмитриева:

Деятельность Хрущева разворачивается все шире; чаще и чаще имя его встречается в печати, по радио и т. д. Сына же Робеспьера⁸³ не слышно, не видно.

Краткие итоги 1954 года. Год умеренных, бледных надежд (примерно до конца июля) и крупных разочарований (вторая половина, особенно

⁸¹ «Перед съездом и во время съезда писателей, – вспоминает Александр Фадеев в письме Владимиру Ермилову от 4 мая 1956 года, – нас несколько раз вызывали с партийными членами секретариата, которые перед лицом тт. Суслова и Поспелова всячески дискредитировали и осуждали меня – при поддержке со стороны секретарей ЦК. Меня старался защищать – не в смысле позиции моей, а лично, так сказать, – один лишь Поликарпов. На этих встречах сказали, что никаких председателей не будет, что первым секретарем будет Сурков, который, по словам т. Суслова, „зря скромничает“ и „недооценивает“ свои силы. Меня фактически не поняли, изнасиловали в смысле вхождения в новое руководство и связали дисциплиной» (*А. Фадеев. Письма и документы. С. 213–214*).

⁸² «Единственное, что приятно: не будет во главе пропитого Горького с малой буквы – Фадеева, – комментирует Александр Довженко. – Второе – возвращается в правление Поликарпов, человек честный, умный и морально чистый» (*А. Довженко. С. 725*).

⁸³ Имеется в виду Георгий Максимилианович Маленков. Робеспьера звали Максимилиан.

конец года). <...> В делах внутренних «оттепель» давно сменилась новым продвижением ледника (Отечественная история. 1999. № 6. С. 132).

30 декабря. В Центральном Детском театре премьера спектакля «В добрый час!» по пьесе Виктора Розова. Режиссер-постановщик Анатолий Эфрос.

Прекрасная пьеса, образы сложные, интересные, – записывает в дневник Василий В. Катанян. – Очень хорошо играют Л. Чернышева и О. Ефремов (В. Катанян. Лоскутное одеяло. С. 124).

А когда Ефремов сыграл в спектакле «В добрый час!» у Анатолия Эфроса, это стало для нас, студентов, событием выдающимся, – рассказывает Михаил Козаков. – Трудно переоценить значение этого спектакля в театральной жизни Москвы тех лет, особенно если вспомнить, что он положил начало дальнейшему развитию Эфроса и Ефремова, двух людей, которые на многие годы определили направление современного театра. Уже тогда эфросовская режиссура, актерские работы были, без сомнения, новым словом, а Розов казался чуть ли не новым Чеховым. Именно так.

Мы беседовали с Игорем Квашой о театре, который замышлял Ефремов на основе курса, где учились Игорь и Галя Волчек.

– Нужен новый МХАТ, – сказал Игорь.

– Это так, – согласился я. – Но кто Чехов?

– Розов, – ответил Кваша (М. Козаков. С. 116).

31 декабря. В Кремле, только что открытом для посещений, состоялись Новогодняя елка и первый молодежный бал.

Радиостанция «Голос Америки» начинает передавать шесть раз в неделю «Джазовый час» (по 45 минут).

Эту передачу Уиллис Коновер со «своим незабываемым роскошным низким баритоном»⁸⁴ вел в течение 40 лет, почти до самой своей смерти.

Журналы в декабре

В «Коммунисте» (№ 18) статья С. Титаренко «Верный ученик и великий продолжатель дела Ленина (к 75-летию со дня рождения И. В. Сталина)».

События года

Михаил Яншин ставит «Дни Турбиных» в Театре имени К. С. Станиславского. В роли Лариосика Евгений Леонов.

При Московском горкоме художников книги, графики и плаката создается студия повышения квалификации под руководством Элия Белютина, которая впоследствии получит официальный статус под названием «Новая реальность».

22-летний студент Литературного института Роберт Рождественский принят в Союз писателей. Членом Союза стал также Владимир Тендряков.

В квартире выпускницы Московского института иностранных языков, стюардессы и поэтессы Галины Андреевой начинает формироваться круг поэтов, именуемый, – по словам Валентина Хромова, —

⁸⁴ Л. Сергеева. С. 49.

«Мансардой», «Монмартрской мансардой», «Мансардой окнами на запад» (это название, со слов Андреевой, – строка из бывавшего здесь Петра Орешкина, автора книги «Вавилонский феномен»). Другие имена нашей компании: «Круг поклонников Галины Андреевой», «Цех Красовицкого», «Группа Черткова». Последнее самое распространенное прозвание, скорее всего, родилось в ГБ, но никакого отторжения у нас не вызывало.

Леня <Чертков> был заводилой и генератором творческого собратства, бурлящим родником невероятных по нынешним временам идей⁸⁵ (Зеркало. 2016. № 47).

Помимо Хромова и Черткова, в этот круг входили Станислав Красовицкий, Никита Кривошеин, Андрей Сергеев, Николай Шатров. «В компании, – продолжает В. Хромов, – начинала творческую активность и Наталия Горбаневская <...>».

И еще одна цитата из мемуаров В. Хромова:

К середине 50-х группа разрослась до 20–30 свободных поэтов и независимых интеллектуалов. Нигде не было такого собрания знатоков допушкинской поэзии, библиофилов и полиглотов. Костяк составили инязовцы. Ограничить сей неформальный круг сложно. Разве всех назовешь? Некоторые были лишь шапочно знакомы. Кроме поэтов, постоянными посетителями «Мансарды» были оригинальные личности, такие как человек с феноменальной музыкальной памятью и безудержный каламбурист Вадим Крюков, как Генрих Штейнберг, будущий академик и директор Института вулканологии. В 1961 году он стал первым человеком, спустившимся в кратер действующего вулкана (Авачинский на Камчатке). Украшали «верьхи парнасски» (Ломоносов) две замечательные Галки – Галина Васильевна Чиркина, ставшая известным ученым-логопедом, и Галина Владимировна Грудзинская, переводившая Зигмунда Фрейда и Германа Гессе. С алгебраистом Колей Вильямсом любили поговорить о водке и математике, не догадываясь о скрытой в нем склонности к стихам и прозе. <...>

Из художников своими здесь были Игорь Куклес, Александр Харитонов, Дмитрий Плавинский. Какой авангардист не появлялся в нашей «беседке муз»? <...>

В разные времена к Андреевой заходили почти все неофициальные, неподцензурные авторы. Из лианозовцев чаще других бывал Генрих Сапгир, из ленинградцев – Иосиф Бродский, особенно перед своим отбытием за бугор, из эзков-литераторов Юрий Домбровский. Околачивался вокруг и около Серега Чудаков – как бы достать новые стихи Красовицкого. Бдительно «охранял» «Мансарду» Дима Авалиани – появлялся не только у Андреевой, но и у Стася на 47-м километре, у Заны Плавинской, в «салоне» Корсунского, на всех вечерах с моим участием.

При всем при том к Андреевой никого не приглашали. Кто пришел – тот пришел. Здесь никогда не было ни громких знаменитостей, ни потенциальных

⁸⁵ «Леня Чертков был главным заводилой и стержнем этой поэтической компании, – подтверждает Людмила Сергеева. – Он учился в Библиотечном институте, но больше всего времени проводил в Ленинке, в ее спецхране, в архивах, в походах по букинистам. Борис Слуцкий называл Черткова „архивным юношей“. Леня вместе с Андреевой почти ежедневно обходили центральные букинистические магазины – выискивали там дореволюционные поэтические сокровища. Андрей Сергеев вспоминал о Черткове: „Благодаря ему мансарда оперировала такими редкостями, как Нарбут, Ходасевич, Вагинов, Оцуп, Нельдихен, Леонид Лавров, Заболоцкий, протооэбриут Аким Нахимов, ботаник Х (Чертков быстро раскрыл псевдоним: Чаянов“)» (Л. Сергеева. С. 52).

издателей, ни либеральных критиков, ни иностранцев. Зачем они, если в славе никто не нуждался? А защищали себя, как могли, сами. Только сами! (Там же).

Книги года в СССР

Александр Володин. Рассказы (Л.: Сов. писатель);⁸⁶ Василий Гроссман. За правое дело: Роман (М.: Воениздат); Леонид Леонов. Русский лес: Роман (М.: Молодая гвардия); Вера Панова. Времена года: Роман (Л.: Сов. писатель; М.: Роман-газета); Л. Пантелеев. Повести и рассказы (Л.: Детгиз); Александр Твардовский. Стихотворения и поэмы в 2 томах (М.: Гослитиздат); Владимир Тендряков. Падение Ивана Чупрова: Очерк (М.: Правда; Библиотека журнала «Огонек», № 19).

Книги года за рубежом

Литературный современник: Альманах: Проза, стихи, критика (Мюнхен); Борис Зайцев. Чехов: Литературная биография (Нью-Йорк: Изд-во имени Чехова); Владимир Набоков. Другие берега (Нью-Йорк: Изд-во имени Чехова); Ирина Одоевцева. Оставь надежду навсегда: Роман (Нью-Йорк: Изд-во имени Чехова); Алексей Ремизов. Огонь вещей: Сны и предсказания: Гоголь. Пушкин. Лермонтов, Тургенев, Достоевский (Париж: Оплешник); Он же. Мартын Задека: Сонник (Париж: Оплешник); Борис Ширяев. Неугасимая лампада / Предисловие «От издательства» (Нью-Йорк: Изд-во имени Чехова).

Фильмы года: 7 из 41

«Анна на шее» (режиссер Исидор Анненский), «Большая семья» (режиссер Иосиф Хейфиц), «Верные друзья» (режиссер Михаил Калатозов), «Испытание верности» (режиссер Иван Пырьев), «Мы с вами где-то встречались» (режиссеры Николай Досталь и Андрей Тутышкин), «Тревожная молодость» (режиссеры Александр Алов и Владимир Наумов), «Укротительница тигров» (режиссеры Александр Ивановский и Надежда Кошеверова).

Первое место в прокате занял индийский фильм «Бродяга» (63,7 млн зрителей). Второе и третье места у советских фильмов «Судьба Марины» (37,9 млн зрителей) и «Анна на шее» (31,9 млн зрителей).

Освобождение и реабилитация

В этом году освобождены литераторы Николай Александров, К. Алтайский (Константин Королев), Эрнст Генри (Семен Ростовский), Александр Гладков⁸⁷, Татьяна Гнедич, Яков Гродзенский, Юрий Давыдов, Анатолий Жигулин, Руфь Зернова (Зевина), Лев Копелев, Наум Коржавин (Мандель), Ахилл Левинтон, Вадим Макшеев, Ида Наппельбаум, Лев Правдин, Илья Серман, Леонид Соловьев, Сергей Спасский, Дмитрий Стонов (Влодавский), Елена Тагер, Павел Улитин;

⁸⁶ Эта книга будет подвергнута разностной критике на совещании молодых литераторов Ленинграда 27 ноября 1955 года. «Тут недалеко и до „Нового мира“, и до той померанцевской линии, которая естественно потерпела полное осуждение. Нельзя сбиваться на сплошное отрицание всего положительного», – заметил А. Решетов. А Ю. Помозов обратил внимание на то, что «тягостное впечатление создается после прочтения его книги. Его герои живут мелкими страстишками, в рассказах почти не чувствуется примет нашего времени – времени великих свершений нашего народа, которое, собственно, и породило волондинских героев» (М. Золотоносов. Гадюшник. С. 368).

⁸⁷ Восстановлен в Союзе писателей СССР в 1959 году.

актриса и переводчица Татьяна Лещенко-Сухомлина, пианистка Вера Лотар-Шевченко, музыкант Эдди (Адольф Игнатъевич) Рознер;

художники Юрий Баскин, Дмитрий Быстролетов, Анатолий Григорьев, Марсель-Мария Коэнте, Лев Кропивницкий, Сергей Рейхенберг, Александр Россошанский, Борис Свешников, Томас Сговио, Борис Смирнов-Русецкий, Иван Щеглов;

искусствовед Георгий Вагнер.

Освобождены и реабилитированы литераторы Анатолий Бахтырев, Анатолий Горелов, Иван Гронский (Федулов), Симон Дрейден, Борис Дьяков, Елена Ильзен-Грин, Александр Исбах (Исаак Бахрах), Елеазар Мелетинский, Петр Слётов, Евгения Таратута;

актриса Татьяна Окуневская;

кинорежиссеры Лев Гросман, Михаил Калик;

художники Георгий Кусургашев, Петр Осипов;

реабilitированы литераторы Исаак Бабель (посмертно)⁸⁸, Александр Брискин (посмертно), Алексей Гарри, Евгения Гинзбург, Илья Дубинский, Алексей Каплер, Михаил Кольцов (Моисей Фридман) (посмертно)⁸⁹, Вера Мухина-Петринская, Семен Сибиряков (Срул Мойше Броверман) (посмертно), Яков Харон, Георгий Шелест;

оперный певец Николай Печковский;

архитектор Гавриил Акулов;

художники Александр Григорьев, Исаак Иткинд, Георгий Лавров, Константин Ротов.

⁸⁸ Посмертно восстановлен в СП СССР в 1956 году.

⁸⁹ Посмертно восстановлен в СП СССР в 1956 году.

1955

Январь

10 января. Из дневника Корнея Чуковского:

<...> Борис Полевой подал начальству записку, что нужно изменить обращение с приезжающими сюда иностранцами, нужно, чтобы советские писатели свободно общались с ними, приглашали бы их к себе, могли бы говорить им и о недостатках нашего быта и т. д., и т. д. – *И всё это разрешено!..*⁹⁰ (К. Чуковский. Т. 13. С. 184).

13 января. «Литературная газета» (с. 3) сообщает об образовании секретариатом СП СССР комиссии, которой поручена подготовка к печати произведений Михаила Кольцова. Председателем комиссии назначен Давид Заславский.

15 января. В Малом зале Ленинградской филармонии премьера вокального цикла «Из еврейской народной поэзии», написанного Дмитрием Шостаковичем еще в октябре 1948 года на основе сборника «Еврейские народные песни» (М.: Гослитиздат, 1947; составители И. М. Добрушин и А. Д. Юдицкий; под редакцией Ю. М. Соколова), который Шостакович случайно заметил летом 1948 года в киоске «Союзпечати» на даче в Комарово.

Первыми исполнителями стали сам Шостакович (фортепиано), Нина Дорлиак, Алексей Масленников и Тамара Янко (позже ее заменила Зара Долуханова).

Как вспоминает Нина Дорлиак, жена Святослава Рихтера,

в то время Шостакович стремился как можно чаще исполнять этот цикл. И мы постоянно пели его в разных городах Советского Союза. И всегда аккомпанировал Дмитрий Дмитриевич.

А Славочке по-прежнему очень хотелось тоже участвовать в этом.

И однажды я сказала Шостаковичу:

– Дмитрий Дмитриевич, Вы бы не возражали, если Святослав Теофилович в одном из концертов сыграет с нами?

И услышала:

– Нет. Это я сам! Это я сам. Понимаете? Сам буду играть... Сам...

После такого ответа возобновлять разговор я никогда не решалась.

Так Славочке и не было суждено играть это произведение... (цит. по:

Д. Терехов. Рихтер и его время. С. 143).

20 января. В Москве открыта Всесоюзная художественная выставка произведений изобразительного искусства, созданных советскими художниками за 1953–1954 годы. На выставке представлены 2169 произведений живописи, скульптуры, графики и декоративного искусства 832 художников.

Докладывая 21 марта об этой выставке, заведующий Отделом науки и культуры ЦК КПСС А. М. Румянцев и его сотрудники, в частности, пишут:

Если ранее талантливый художник А. Пластов создавал крупные, тематические произведения из жизни колхозной деревни («Колхозный праздник», «Жатва», «Фашист пролетел», «Колхозный ток» и другие), то теперь он разрабатывает в своих картинах случайные сюжеты, не

⁹⁰ Выделено К. Чуковским.

затрагивающие жизнь советских колхозников. <...> Во всех этих картинах, а также в картине «Весна» художник стремился лишь передать цветовые отношения, а не ставил перед собой задачу раскрытия духовного облика советского человека. От работ художника Пластова веет старой дореволюционной деревней. <...>

Чрезвычайно много места на выставке отведено и некоторым другим художникам, еще не изжившим в своем творчестве влияний буржуазного искусства. Так, Сарьян представлен восемью картинами, Кончаловский – семью, С. Герасимов – 9 живописными и 11 графическими работами, Шегаль – 6 работами, Дейнека – тремя большими картинами, в то время как большинство художников-реалистов экспонировало не более 1–2 работ (Аппарат ЦК КПСС и культура. 1953–1957. С. 377, 378).

22 января. На заседании Президиума ЦК КПСС принято решение об устранении Г. М. Маленкова с поста председателя Совета министров СССР.

Как видно по стенографическим записям, Маленков в споре с Хрущевым, Молотовым, Ворошиловым, Булганиным, Кагановичем, Сабуровым быстро сдается – «признает правильным освобождение», «не соответствую», «давно ищу выхода» и т. п. (Президиум ЦК КПСС. Т. 1. С. 51–52).

24–30 января. Фестиваль фильмов ГДР в Москве, Ленинграде, Киеве, Минске, Риге, Таллине и Вильнюсе.

25 января. Издан и на следующий день опубликован Указ Президиума Верховного Совета СССР «О прекращении состояния войны между Советским Союзом и Германией», свидетельствующий о формальном окончании Великой Отечественной войны (Правда, 26 января. С. 1).

В «Литературной газете» (с. 3) статья Евг. Евтушенко «О двух поэтических поколениях». В ней сказано:

Существует закономерность: новые поэты не появляются в литературе поодиночке. Представление о любом поэте связывается у нас с определенным поэтическим поколением». В связи с этим идет речь о поколении М. Луконина, А. Межирова, С. Гудзенко, А. Недогонова, С. Наровчатова, В. Урина, М. Львова, М. Дудина и др. и поколении Е. Винокурова, К. Ваншенкина, М. Агашиной, В. Соколова и др.

Под эгидой МОСХа в Центральном доме работников искусств проходит вечер художественной самодеятельности художников «Вдоль по Масловке». Как сказано в докладной записке Отдела науки и культуры ЦК КПСС от 21 марта,

в этой программе были подвергнуты оскорблению известные советские художники-реалисты – А. Герасимов, Модоров, Манизер, Бубнов, Горелов, Шурпин, Решетников, Бродская и другие. Все советские художники здесь выведены как пошляки, развратники, пьяницы и глупые люди (Аппарат ЦК КПСС и культура. 1953–1957. С. 380).

25–31 января. Пленум ЦК КПСС, как указано в газетном сообщении, заслушал и обсудил доклад Н. С. Хрущева об увеличении производства продуктов животноводства. На самом деле главным вопросом было устранение Г. М. Маленкова с ведущих позиций в партийно-государственном руководстве.

31 января с грифом «Совершенно секретно» принято постановление пленума «О тов. Маленкове Г. М.», где, в частности, сказано:

Не обладая необходимыми знаниями и опытом хозяйственной деятельности, а также опытом работы местных советских органов, т. Маленков плохо организует работу Совета Министров <...> проявляет нерешительность, не занимая определенной позиции, <...> не проявил себя также достаточно политически зрелым и твердым большевистским руководителем. <...> т. Маленковым было допущено теоретически неправильное и политически вредное противопоставление темпов развития тяжелой промышленности темпам развития легкой и пищевой промышленности, выдвигался в качестве основного вывода лозунг форсированного развития легкой индустрии. <...> Тов. Маленков <...> допустил также теоретически ошибочное и политически вредное утверждение о возможности «гибели мировой цивилизации» в случае, если империалистами будет развязана третья мировая война (цит. по: А. Маленков. С. 309–310).

Комментарий А. Твардовского (1 февраля 1955 года):

Вчера пришел с *последнего заседания*, содержавшего *новую неожиданность*, принятую в обычном порядке. Все так, но жаль, что и в свое время всем казалось, что не этому лицу⁹¹ эта должность, но все подавляли в себе это, искали оправдания в том-то и том-то, привыкали к «значительности» его профиля и т. п. И опять не то лицо, которое, по всенародному представлению и ожиданию, должно было еще тогда заступить. <...>

Тяжкое впечатление, как в полчаса увял этот человек, исчезла вся значительность, был просто толстый человек на трибуне под устремленными на него указательными пальцами протянутых рук Президиума, запинаящийся, повторяющийся, «темнящий», растерянный, чуть ли не жалкий. Странно, что у него не хватило ума в свое время отойти в сторону чуть-чуть, быть вторым, неужели так хотелось быть первым? Руби дерево по себе. Жалка и безнадежна его дальнейшая судьба. Это-то он понимал (А. Твардовский. Дневник. С. 172–173).

31 января. Умер Михаил Леонидович Лозинский (род. в 1886).

Январь. Альманах «Дружба народов», издававшийся с 1939 года, преобразован в ежемесячный журнал. Первый главный редактор – Виктор Гольцев (до мая 1955 года).

Журналы в январе

В «Октябре» (№ 1) поэма Роберта Рождественского «Моя любовь».

⁹¹ Речь о Г. М. Маленкове.

Февраль

8 февраля. На сессии Верховного Совета СССР Г. М. Маленков освобожден от обязанностей Председателя Совета Министров СССР. На эту должность назначен Н. А. Булганин.

Ухода Маленкова, – записывает в дневник Любовь Шапорина, – никто не ждал, он был очень популярен, с его приходом дышать стало легче. Булганина не знают, во время войны его имени никто не слышал, а лицо у него лисье. Что это: партийная борьба или забота о родине?

Я жду Brumaire'a⁹² (*Л. Шапорина. С. 286*).

9 февраля. Вместо Н. А. Булганина на пост министра обороны СССР назначен Г. К. Жуков.

22 февраля. Министр культуры СССР Г. Ф. Александров адресует секретарю ЦК КПСС М. А. Суслову справку о национальном составе контингентов студентов, обучающихся в консерваториях:

В трех основных консерваториях (Московской, Ленинградской, Институте им. Гнесиных) состав обучающихся в 1945 году был следующим:

Всего студентов – 1681, из них: русских – 987; евреев – 400 (23,7%); других национальностей – 294 <...>

В связи с принятыми за последние 4 года мерами состав учащихся изменился. Так, в настоящее время в тех же вузах обучается:

Всего студентов – 1782, из них: русских – 1235; евреев – 232 (13,0%); других национальностей – 315 <...>

Прием студентов за 4 последние года (1951–1954 гг.) характеризуется следующими данными. Во все консерватории страны принято 4619 человек, в том числе: евреев 432 (9,4%). В три основных консерватории принято 1329 человек, в том числе евреев 157 (11,8%) (*Музыка вместо сумбура. С. 455, 456*).

28 февраля. Из дневника Сергея Дмитриева:

Какую дрянь настряпали составители 10-го тома «Истории русской литературы»! И это Академия наук! Хороший писатель Горький, но нельзя им заменить и загородить всю русскую литературу. Да и он сам теряет всякий смысл без русской литературы. Это огорчение (оГорЬчение!) какое-то, а не история русской литературы (*Отечественная история. 2000. № 1. С. 159*).

Из дневника Корнея Чуковского:

Пастернак закончил свой роман – теперь переписывает его для машинистки (*К. Чуковский. Дневник. С. 186*).

28 февраля – 6 марта. Фестиваль чехословацких фильмов в СССР.

Февраль. Черноморская кинофабрика преобразована в Одесскую киностудию художественных фильмов.

Журналы в феврале

В «Октябре» (№ 2) «Пять стихотворений» Бориса Слуцкого.

⁹² Т. е. государственного переворота, по аналогии с тем, какой привел к власти Наполеона Бонапарта.

Март

4 марта. В Ленинградском театре имени Ленинского комсомола премьера спектакля по пьесе Виктора Розова «В добрый час!».

Председатель Совета министров СССР Н. А. Булганин направляет Г. Ф. Александрову, уличенному на основании анонимного письма в разврате, уведомление:

С 4 марта с. г. Вы отстранены от должности Министра культуры СССР.

Предлагаю Вам сдать дела по Министерству первому заместителю Министра т. Кафтанову С. В. (цит. по: С. Кузнецова. С. 50).

10 марта. Президиум ЦК КПСС утверждает письмо ЦК КПСС «О недостойном поведении тт. Александрова Г. Ф., Еголина А. М. и других», которое в ближайшие дни будет заслушано и обсуждено на закрытых партийных собраниях в учреждениях науки и культуры Москвы.⁹³

...все эти безобразия, – пересказывает в своем дневнике курсирующие по Москве слухи Нина Лашина, – совершались на даче Кружкова⁹⁴. Привозили молоденьких девчонок, студенток института кинематографии. Глупых этих девок раздевали догола, все эти растленные мужчины, занимающие такие государственные посты, купали их в бассейне. Потом делали с ними всё, что хотели под непрерывные возлияния вина, гульбу, пьянки и всякие бесчинства. <...>

Участвовали в этих афинских ночах зам. министра Охлопков, посещал их писатель Константин Симонов и очень многие видные, известные народу писатели, поэты, работники партийных органов. Теперь Симонов сидит и пишет объяснительную записку. Александров, Кружков, Охлопков исключены из партии (Н. Лашина. С. 299).

Президент Академии художеств СССР Александр Герасимов подает в ЦК КПСС записку об «оживлении нездоровых, формалистических настроений» в изобразительном искусстве. Там, в частности, сказано:

Художественные выставки, на которых присутствуют формалистические эротического характера произведения, превращаются в последнее время в место демонстраций протеста против глубоко идейного реалистического искусства, посвященного актуальным проблемам современности. Имевшая в 1954 г. место в Москве выставка скульптора Эрьзя, где демонстрировалось большое число откровенно формалистических работ автора, стала центром паломничества всех приверженцев формализма и их выступлений против советского реалистического искусства (Аппарат ЦК КПСС и культура. 1953–1957. С. 368).

11 марта

Рассказывают сенсационную новость. Александрова, министра культуры, уличили в разврате, а вместе с ним и Петрова, и Кружкова,

⁹³ «Когда я слушала эти письма, – вспоминает Раиса Орлова, – мне было страшно и стыдно. Стыдно за партию и за себя, ведь прежде я считала это клеветническими слухами, отмахивалась от них или пыталась опровергать. Но после каждого письма уходила я с чувством облегчения и надежды: это партия сама очищалась от скверны» (Р. Орлова, Л. Конелев. С. 23–24).

⁹⁴ В. С. Кружков – заведующий отделом пропаганды и агитации ЦК КПСС.

и (будто бы) Еголина⁹⁵. Говорят, что Петров, как директор Литинститута, поставлял Александрову девочек-студенток, и они распутничали вкупе и влюбе. Подумаешь, какая новость! Я этого Александрова наблюдал в Узком. Каждый вечер он был пьян, пробирался в номер к NN и (как говорила прислуга) выходил оттуда на заре. Но разве в этом дело. Дело в том, что он бездарен, невежествен, хамоват, туп, вульгарно-мелочен. Когда в Узком он с группой «философов» спешно сочинял учебник философии (или Курс философии), я встречался с ним часто. Он, историк философии, никогда не слышал имени Николая Як. Грота, не знал, что Влад. Соловьев был поэтом, смешивал Федора Сологуба с Вл. Соллогубом и т. д. Нужно было только поглядеть на него пять минут, чтобы увидеть, что это чинуша-карьерист, не имеющий никакого отношения к культуре. И его делают министром культуры! (К. Чуковский. Т. 13. С. 188).

Было закрытое письмо ЦК, в котором Александров изобличался как глава притона, где происходили оргии. После этого его послали в Минск, в университет, учить студентов марксизму (Р. Орлова. Воспоминания о непрошедшем времени. С. 210).

12 марта. Из дневника Нины Лашиной:

Есть у нас прекрасные писатели: Федин, Леонов, Пришвин, Фадеев (о нем речь особая). Много и других. Но талант их проявляется только тогда, когда они пишут о далеком прошлом, о природе, о фантастическом. Но стоит только коснуться нашей сегодняшней советской действительности, как талант угасает, но зато появляются лак и украшения, и книги эти через какое-то время уходят в макулатуру (Н. Лашина. С. 300).

21 марта. Министром культуры СССР назначен Н. А. Михайлов.

С кудрявым чубом, пролетарской внешностью, сухой, холодный человек, – таким запомнила его Майя Плисецкая. – Судьба сводила меня с ним несколько раз на молодежных фестивалях. <...> Служака, верный солдат партии, чтоб ее... (М. Плисецкая. С. 176).

Внешность у него была под стать его тупости, – подтверждает Галина Вишневская, – и, часто встречаясь с ним на приемах, в толпе я его просто не узнавала.

<...> Думаю, что он был одним из самых выдающихся болванов на этом посту (Г. Вишневская. С. 230).

28, 30 марта. В «Правде» сдвоенными подвалами начата публикация отрывков из второй книги романа Мих. Шолохова «Поднятая целина» (окончание – 5 апреля).

После гастролей эстрадного оркестра Эдди Рознера по городам Донбасса на имя М. А. Суслова поступает заявление секретаря Кадиевского горкома КП Украины В. В. Шевченко, где сказано:

⁹⁵ См. о нем в дневниковой записи Корнея Чуковского от 8 мая 1959 года: «Умер Еголин – законченный негодяй, подхалим и – при этом бездарный дурак. Находясь на руководящей работе в ЦК, он, пользуясь своим служебным положением, пролез в редакторы Чехова, Ушинского, Некрасова – и эта синекура давала ему огромные деньги, – редактируя (номинально!) Чехова, он заработал на его сочинениях больше, чем заработал на них Чехов. Он преследовал меня с упорством идиота. Он сопровождал Жданова во время его позорного похода против Ахматовой и Зощенко – и выступал в Питере в роли младшего палача – и все это я понял не сразу, мне даже мерещилось в нем что-то добродушное, только года два назад я постиг, что он беспроектная сволочь» (К. Чуковский. Т. 13. С. 288).

Концерт Эдди Рознера безыдейный, сумбурный, построенный на сплошных диссонансах. Отдельные номера представляют нестройный шум, режут слух и чужды для нормального человеческого слуха. Оркестр увлекается формальной стороной, но не заботится о его идейном содержании. <...>

На наш взгляд, гастролирование этого оркестра по сценам страны является нарушением постановления ЦК ВКП(б) от 10 февраля 1948 г. «Об опере „Великая дружба“ В. Мурадели».

На заявлении резолюция: «Тов. Михайлову Н. А. Прошу Вас обратить внимание. М. Суслов. 05.04.1955» (Аппарат ЦК КПСС и культура. 1953–1957. С. 386, 387).

Март. Руководство МХАТа (А. К. Тарасова и М. Н. Кедров), а также ряд ведущих советских писателей (А. Фадеев, К. Федин, Вс. Иванов, Л. Леонов, С. Михалков, С. Маршак, Н. Асеев, К. Чуковский, В. Каверин) обращаются к первому заместителю председателя Совета министров СССР В. М. Молотову, курировавшему в правительстве вопросы высшего образования и культуры, с просьбой о пожизненной выплате авторского гонорара вдове Михаила Булгакова – Елене Сергеевне в связи с тем, что его произведения в послевоенный период не издавались. В письме писателей отмечается, что в 1955 году «появилась возможность издать сборник» избранных пьес Булгакова.

Это предложение не было удовлетворено (*М. Герizon. С. 159*).

Журналы в марте

В «Новом мире» (№ 3) повесть Константина Паустовского «Беспокойная юность» (окончание – № 6).

В «Театре» (№ 3) пьеса Виктора Розова «В добрый час!».

В «Советской музыке» (№ 3) статья Тихона Хренникова «О работе московских композиторов», где сказано:

Всех нас крайне волнует судьба советского *песенного творчества*. Было бы несправедливо отрицать известные успехи, достигнутые в этом жанре за последние два-три года. Напомню для примера патристическую песню В. Мурадели «Партия – наш рулевой», поэтичную песню В. Захарова «Русская красавица». Ряд хороших песен написала Зара Левина, есть и отдельные удачные образцы эстрадных песен у некоторых других авторов.

Все же нельзя не признать, что большинство песенных композиторов работают не в полную силу. <...> Мы давно уже не слышали новой песни, которая бы вырвалась из стен Союза композиторов на широкий простор, получила бы всенародное распространение (с. 8–9).

Апрель

1, 3, 5 апреля. В «Правде» отрывки из второй книги романа Мих. Шолохова «Поднятая целина».

Да, – процитируем письмо Александра Фадеева Эсфири Шуб от 14 апреля, – все, что Шолохов сейчас публикует, не больше, чем бытовые картинки с появившимся у него в последнее время желанием «посмешить», – кажется, будто он пишет для эстрады (А. Фадеев. Письма и документы. С. 195).

7 апреля. В «Советской культуре» (с. 3) статья художника Владимира Серова «О главном герое наших картин», где о картине Аркадия Пластова «Летом», в частности, сказано:

В ней все как будто правильно, наблюдено, – и девочка, и спящая женщина, и корзинка с грибами. Но это правда старого, ушедшего, ни одной черты нового в картине нет.

<...> Вместо того, чтобы в старом увидеть черты рождающегося нового, Пластов в новом увидел черты старого.

9 апреля. В ЦК КПСС направлена секретная записка секретарей правления СП СССР Алексея Суркова и Бориса Полевого, информирующая о том, что

за последние недели ряд видных советских писателей – тт. Симонов, Федин, Эренбург – получили письма от видных зарубежных коллег из демократической Германии, Чехословакии, Румынии – по вопросу об участии советских писателей в Международной писательской организации Пенклуб.

Приведено в записке и высказывание Б. Брехта:

Я, как и прежде, полагаю, что Международный Пенклуб, если бы в него вступили советские писатели, приобрел бы совершенно новое значение.

Изучив этот вопрос, – говорят авторы записки, – мы решили выступить с таким проектом: всей организации советских писателей, как думается нам, в Пенклуб вступать не имеет смысла, ибо она слишком велика по численности, что, несомненно, повлекло бы за собой уплату больших сумм в виде членских взносов. И в то же время было бы желательно оказать на эту, пока что чисто буржуазную аморфную организацию наше организующее влияние <...>,

поэтому

было бы правильно, если бы не Союз советских писателей, а персонально человек 30–40 видных советских писателей, известных за границей людей, идеологически крепких, изъявили бы свое желание вступить в Пенклуб и принимали бы дальнейшее участие в его работах.

<...> Просим Ваших рекомендаций по этому поводу (Документы свидетельствуют... // Вопросы литературы. 1996. № 1. С. 227–228).

14–20 апреля. В СССР фестиваль польских фильмов.

15 апреля

Знаете, что все сейчас читают в Саратове? – пишет Юлиан Оксман Корнею Чуковскому. – Роман Гранина <«Искатели»>, «Балтийское небо» Николая Чуковского и однотомник Ольги Берггольц <«Лирика»> (М.: ГИХЛ,

1955)>. Самое удивительное – это успех книги стихов, от которых так долго и упорно отбивали вкус у нашей молодежи. Я не поклонник Ольги, успех ее – это успех Надсона, но и на том спасибо (*Ю. Оксман – К. Чуковский. С. 71*).

24 апреля. На VIII Международном кинофестивале в Каннах премия за режиссуру присуждена Сергею Васильеву за фильм «Герои Шипки». Премией за лучший лирический фильм отмечен фильм-балет Лео Арнштама и Леонида Лавровского «Ромео и Джульетта» с Галиной Улановой в главной роли, премией за исполнительское мастерство – актерский коллектив фильма «Большая семья» режиссера Иосифа Хейфица.

25 апреля. В Московском театре Сатиры премьера спектакля «Клоп» по пьесе Владимира Маяковского. Постановка Валентина Плучека и Сергея Юткевича.

Спектакль «Клоп» доставил мне большое духовное удовлетворение; как бы мне хотелось сказать «браво» всем артистам и обнять товарища Маяковского! Я был знаком с пьесой «Клоп» в итальянском переводе, но по-настоящему понял его лишь в исполнении на русском языке (*Эдуардо де Филиппо. Из книги отзывов, 1958*).

26–27 апреля. В Москве общегородское собрание писателей, посвященное созданию Московской писательской организации. С докладом об итогах Второго съезда писателей и задачах московских литераторов выступил Константин Симонов. Состоялись выборы правления и ревизионной комиссии. Председателем правления избран Константин Федин.

Апрель. В Ленинграде вышел в свет первый номер журнала «Нева». Главный редактор – А. Н. Черненко.

Журналы в апреле

В «Октябре» (№ 4) пьеса Леонида Леонова «Золотая карета».

В «Новом мире» (№ 4) повесть Николая Дубова «Сирота» (окончание – № 8).

Май

2 мая. В соответствии с постановлением Совета министров СССР о передаче правительству ГДР всех картин Дрезденской галереи, вывезенных в Советский Союз после капитуляции рейха, в Государственном музее изобразительных искусств имени А. С. Пушкина открывается временная выставка перед отправкой произведений в Дрезден.

До 25 августа музей работал без выходных по 12–14 часов в день, было проведено 2000 экскурсий и прочитано более 1000 лекций. За четыре месяца выставку посетило 1,2 млн человек.

Как вспоминает Игорь Голомшток,

среди москвичей выставка картин Дрезденской галереи произвела настоящий фурор. После двадцатых годов выставки зарубежного искусства вообще не устраивались в Советском Союзе. Государственный музей изобразительных искусств – единственное место в Москве, где можно было увидеть работы великих европейских мастеров, – в 1949 году был отдан целиком под выставку подарков тов. Сталину от трудящихся всего прогрессивного человечества. А теперь тут Рафаэль, Тициан, Рембрандт, Вермеер, Эль Греко... Тысячные очереди к музею тянулись по Волхонке, заворачивали на соседнюю улицу, и люди простаивали всю ночь, чтобы утром попасть на выставку. Для обслуживания этих толп требовались экскурсоводы, и нас набирали в основном из студентов искусствоведческого отделения (*И. Голомшток. С. 66*).

Недоумение вызывает то, – 13 августа пишет Варлам Шаламов Аркадию Добровольскому, – что десять лет держали эти картины где-то втайне и на три месяца выставили. Я пришел к музею в четыре часа утра и был записан в очереди 1287 номером. А люди стоят в переулках с вечера. Все заборы исписаны: «принес в жертву Аполлону жену, дачу и казенную автомашину», «стояли насмерть», «был в Дрезденке, видел Сикстинку, иду снова» и т. д. (*В. Шаламов. С. 121*).

5 мая. В Ленинграде умерла Анна Петровна Остроумова-Лебедева (род. в 1871).

На гражданской панихиде, – рассказывает в дневнике Любовь Шапорина, – все, начиная с Иогансона, ни разу не произнесли слова «Мир искусства», как остроумно заметил Розанов⁹⁶, заменяя участие А. П. в обществе «Мир искусства» причастием к синтетическому каучуку.

<...> В московских газетах даже не было сообщения о смерти Остроумовой-Лебедевой, самого крупного мастера по цветной гравюре в Европе.

Почему такое замалчиванье? Какая тому причина? Некультурность и трусость. Как бы чего не вышло. Подлость (*Л. Шапорина. С. 303*).

В «Комсомольской правде» (с. 3) в подборке «Голоса заводских поэтов», представленной руководителем литобъединения при Дворце культуры ЗИС Евгением Винокуровым, – стихотворение Беллы Ахмадулиной «Родина» (первая публикация поэта).

14 мая. На совещании в Варшаве Албания, Болгария, Венгрия, ГДР, Польша, Румыния, СССР и Чехословакия подписали Договор о дружбе, сотрудничестве и взаимной помощи.

⁹⁶ Музыковед, пианист и композитор Александр Семенович Розанов.

В противовес НАТО, созданному в 1954 году, образована Организация стран Варшавского договора, создано Объединенное командование вооруженными силами государств-участников.

15 мая. В Вене министрами иностранных дел СССР, Великобритании, США, Франции и Австрии подписан Государственный договор о восстановлении независимой и демократической Австрии, который восстановил суверенитет Австрийского государства и положил конец оккупации Австрии войсками четырех держав, и в том числе Советского Союза.

16 мая. В Московском драматическом театре имени К. С. Станиславского премьера спектакля «Дни Турбиных» по пьесе Михаила Булгакова в постановке Михаила Яншина.

Не позднее 20 мая. Министр культуры СССР Н. А. Михайлов направляет в ЦК КПСС докладную записку «Об отрыве кинематографистов от партийных задач», где сказано, что

за последние несколько лет советское киноискусство не выдвигает темы борьбы Коммунистической партии и советского народа за подъем тяжелой индустрии, за дальнейшее развитие сельского хозяйства. Некоторые работники кино оторвались от жизни, стоят в стороне от больших задач, предпочитая важным и злободневным темам лишь темы прошлого или темы отвлеченные.

В кино не находят показа темы из жизни рабочего класса, борьбы коллективов за дальнейший рост производства, подъем производительности труда. <...>

Зато, по словам министра,

мы имеем много фильмов, сделанных явно с обывательских, мелкобуржуазных позиций. Под флагом разоблачения буржуазной среды такие фильмы изображают «красивую» жизнь в прошлом, рисуют обывательскую среду и ничему не учат молодежь.

Критике в этой записке подвергнуты, в частности, новые киноработы и высказывания Сергея Герасимова, Ивана Пырьева, Михаила Ромма, Сергея Юткевича, Григория Козинцева, Исидора Анненского, Абрама Роома и других режиссеров.

В заключение, – продолжает Н. А. Михайлов, – следует сказать о том, что некоторые работники кино неправильно ведут себя в быту.

С. Герасимов уличен в неправильном отношении к женщинам и будет за это привлекаться к партийной ответственности. Свои недостойные поступки Герасимов при обсуждении этого вопроса в министерстве признал.

Бывший начальник Главка Кузаков был в связи с женщинами, что дискредитировало его как руководителя и коммуниста.

И. Пырьев устраивает картежные игры. Во время таких игр обсуждаются вопросы, относящиеся к политике развития советского киноискусства.

Министерство будет вести твердую и крепкую линию на укрепление дела в советском кино. Министерство намерено поправить тех товарищей, которые допускают ошибки и ведут себя неправильно (Аппарат ЦК КПСС и культура. 1953–1957. С. 411, 413, 415).

24 мая. Михаил Шолохов награжден вторым орденом Ленина.

25 мая. Бертольту Брехту в Москве вручена Международная Сталинская премия «За укрепление мира между народами».

Он, – рассказывает Вяч. Вс. Иванов, —

попросил, чтобы перевод речи, которую он собирался произнести при вручении, сделал Пастернак. Когда к Пастернаку приехали с этой просьбой,

он согласился, сделал перевод и приписал к нему приветствие Брехту. <...> Добавлю, что при публикации речи Брехта в «Правде» не было написано, что ее перевел Пастернак (*Вяч. Вс. Иванов. Пастернак. С. 126*).

Евгений Евтушенко переведен из кандидатов в члены Союза писателей СССР, став, таким образом, самым молодым (22 года) членом этой организации.

На этом же заседании президиума Московского отделения СП СССР в члены Союза писателей принят Александр Галич.

27 мая – 2 июня. Партийно-правительственная делегация СССР во главе с Н. С. Хрущевым и Н. А. Булганиным совершает официальный дружественный визит в Югославию. Итогом переговоров, прошедших, как сказано в официальном коммюнике, «в духе дружбы и взаимопонимания», явилась совместная Декларация, подписанная Н. А. Булганиным и И. Броз Тито.

На встрече с И. Броз Тито Н. С. Хрущев, как он вспоминал впоследствии, заявил, говоря о Сталине:

Да, нам жаль, что в его лице мы потеряли великого вождя. Конечно, власть его опиралась на произвол и не всегда использовалась им хорошо. Но в основном он все силы отдавал строительству социализма и упрочению завоеваний Октября. Возможно, он и применял неправильные методы. Даже варварские. И тем не менее он занял особое, почетное место в истории (цит. по: *Первый удар. С. 41*).

Май. В Академии художеств персональная выставка Петра Кончаловского.

Выставлено, – 12 июля записывает в дневник Александр Довженко, – около трехсот картин из тысячи восьмисот, написанных за долгую жизнь этим трудолюбивым изумительным мастером. Впечатление громадное (*А. Довженко. С. 790*).

Журналы в мае

В «Октябре» (№ 5) главы из второй книги романа Мих. Шолохова «Поднятая целина» (продолжение – № 6), стихи Беллы Ахмадулиной («Ель», «Ночью», «Черный ручей»).

В «Новом мире» (№ 5) киносценарий К. Симонова «Бессмертный гарнизон».

Одноименный фильм по этому сценарию будет снят режиссерами Захаром Аграненко и Эдуардом Тиссэ в 1956 году и в том же году отмечен почетным дипломом Венецианского кинофестиваля.

Июнь

2 июня. Кинорежиссер Леонид Арнштам и актриса Людмила Целиковская обратились в Генеральную прокуратуру СССР с письмами, настаивающими на полной реабилитации актрисы Зои Федоровой.

С аналогичными просьбами выступили также кинорежиссер Борис Барнет, актер Эраст Гарин, писатель Сергей Михалков (все трое 3 июня), кинорежиссер Сергей Юткевич (5 июня), актриса Фаина Раневская (21 июня) (Кинематограф оттепели. 1998. С. 19–23).

В Отдел науки и культуры ЦК КПСС поступает справка Иностранной комиссии СП СССР, где говорится о готовности Международного ПЕН-клуба принять в свои ряды советских писателей и делаются вполне конкретные предложения:

Для того чтобы оформить вступление советских писателей в Международный Пенклуб, у нас следует организовать группу в 20–40 человек и подать заявление о приеме.

Инициативная группа по организации Пенклуба СССР могла бы быть составлена из следующих писателей: Федин К. А., Леонов Л. М., Эренбург И. Г., Корнейчук А. Е. (Украина) и Мирзо Турсун-заде (Таджикистан).

<...> Кроме названных пяти, можно было бы привлечь в Пенклуб следующих писателей: 1) Гладков Ф. В., 2) Иванов В. В., 3) Катаев В. П., 4) Лавренев Б. А., 5) Николаева Г. Е. (Волянская), 6) Маршак С. Я., 7) Михалков С. В., 8) Панова В. Ф., 9) Паустовский К. Г., 10) Погодин Н. Ф., 11) Полевой Б. Н., 12) Симонов К. М., 13) Софронов А. В., 14) Сурков А. А., 15) Твардовский А. Т., 16) Тихонов Н. С., 17) Фадеев А. А., 18) Чаковский А. Б., 19) Чуковский К. И., 20) Якуб Колас (Белоруссия), 21) Упит А. М. (Латвия), 22) Якобсон А. М. (Эстония), 23) Бажан Н. П. (Украина), 24) Венцлова А. Т. (Литва), 25) Василевская В. Л. (Украина), 26) Самед Вургун (Векилов) – (Азербайджан), 27) Исаакян А. С. (Армения), 28) Абашидзе И. В. (Грузия), 29) Айбек (Ташмухамедов), 30) Муса (Казахстан), 31) Ажаев В. Н., 32) Прокофьев А. А., 33) Ермилов В. В., 34) Сыдыгбеков Тугельбай (Киргизия), 35) Анисимов И. И., 36) Уйгун (Атакузиев Уйгун) – (Узбекистан), 37) Буков Е. Н. (Молдавия), 38) Кербабаяев Б. М. (Туркменистан), 39)⁹⁷ (Карело-Финская ССР).

Таким образом, Пенклуб СССР имел бы около 45 членов <...> (Документы свидетельствуют... // Вопросы литературы. 1996. № 1. С. 229–230).

9 июня. Из дневника Любви Шапориной:

Никита⁹⁸ рассказал мне московские слухи. Говорят, что Молотов и Булганин хотят столкнуть Хрущева. Оставить его министром земледелия, но убрать из секретарей партии. А кто такой Булганин? (Л. Шапорина. С. 303).

10 июня. На экраны страны выходит фильм Самсона Самсонова «Попрыгунья».

Смотрела сегодня картину «Попрыгунья», – 12 июня записывает в дневник Любовь Шапорина, – и была в конце потрясена до слез. Первая

⁹⁷ В тексте документа здесь оставлено место для фамилии.

⁹⁸ Физик Никита Алексеевич Толстой, сын А. Н. Толстого и Н. В. Крандиевской-Толстой.

советская картина, так хорошо поставленная, где так хорошо и просто играют. Не играют, а живут (Там же).

14 июня. Из дневника Любви Шапориной:

На этих днях двух старших сыновей нашей молочницы, комсомольцев, командировали в город, в распоряжение милиции для устройства облавы на «стиляг», проституток, молодых людей без определенных занятий. <...>

Стиляги – юноши, носящие узкие, короткие, выше щиколотки, брюки, пиджак другого цвета. Особые галстуки, капроновые носки. У них длинные волосы, зачесанные особым способом назад, образуя сзади торчащий пучок. Таких красавцев вели в штаб и тут же обстригали волосы.

Совсем по принципу Петра Великого. <...>

Одним словом, принялись искоренять разврат и разложение молодежи. А разложение сверху донизу (*Л. Шапорина*. С. 303–304).

24 июня. Отдел культуры и науки ЦК КПСС и отдел ЦК КПСС по связям с иностранными компартиями подготовили записку в ответ на предложение А. Суркова и Б. Полевого о создании советского ПЕН-центра. Там сказано, что «вступающие в Пенклуб писатели должны присоединяться к Хартии Пенклубов, которая направлена на защиту свободы слова и мысли в буржуазном духе» и вообще «содержит неприемлемые для советских литераторов положения: выступать против цензуры, использовать свое влияние в целях предотвращения классовой борьбы, критиковать правительство и т. п.».

Поэтому, – говорится в записке, —

учитывая неприемлемость Хартии Пенклубов для советских писателей и враждебное заявление президента Международного Пенклуба, Секретариат Правления СП СССР, как сообщил т. Сурков, снимает свое предложение о создании Пенцентра в СССР (Документы свидетельствуют... // Вопросы литературы. 1996. № 1. С. 232, 233).

Июнь. Вышел в свет первый номер журнала «Юность». Главный редактор – Валентин Катаев.

А ведь изначально его приглашали на невинный «журнал для школьников» под названием «Товарищ», он согласился, внес коррективы и круто развернул проект... – рассказывает Сергей Шаргунов (*С. Шаргунов*. С. 503).

Заслуга Катаева, – дал оценку его деятельности и Анатолий Рыбаков, – в том, что он не препятствовал времени, наоборот, обладая отличным литературным вкусом, печатал одаренных молодых прозаиков и поэтов: Евтушенко, Вознесенского, Аксенова, Кузнецова и многих других. Журнал сыграл свою роль в том рывке, который сделала литература в конце пятидесятых и начале шестидесятых годов.

В «Юности» тех, да и более поздних времен, царила особая атмосфера: ее авторы были веселы, молоды, талантливы (*А. Рыбаков*. Роман-воспоминание. С. 263).

Я не знал ни одного другого главного редактора, который был не только сам знаменит, но так обожал делать знаменитыми других, – подтверждает Евгений Евтушенко. – Катаев был крестным отцом всех шестидесятников (*Е. Евтушенко*. Волчий паспорт. С. 580).

И совсем иным – как «юное распутное создание, матерое в цинизме, в изгаживании всего, что связано с традициями, моралью, культурой нашего народа, с историей страны», – предстает этот журнал в автобиографической книге Михаила Лобанова «В сражении и любви» (*М. Лобанов*. С. 91).

В Улан-Удэ начал выходить журнал «Свет над Байкалом» (в 1961 году переименован в «Байкал»). Редактор Н. Л. Рыбко.

Июль

7 июля. Запись в дневнике Александра Твардовского после трех дней, проведенных на пленуме ЦК КПСС «О задачах по дальнейшему подъему промышленности, техническому прогрессу и улучшению организации производства» (4–12 июля):

Фадеев <...> то и дело задремывает на заседании.

<...> В машине: А вот на 20 съезде нас с тобой уже не изберут, и будет нам полегче (пить?)

Это он в первый раз так о себе, о такой возможности (А. Твардовский. Дневник. С. 204)⁹⁹.

12 июля. В секретариат ССП СССР (копия в ЦК КПСС) направлено заявление Михаила Зощенко, где сказано:

После постановления ЦК (от 14 авг. 46 г.) я, учитывая указания партии, приложил все старания найти новую манеру для моих рассказов. <...>

Год назад, работая над новой большой книгой, я (как мне думается) близко подошел к решению той трудной задачи.

Минувшей зимой книга моя была (вчера) написана, и первая часть ее тщательно отделана. Но тут я с горечью увидел, что деловые отношения с редакциями у меня (как и в 46 году) не завязываются. Журналы и издательства под разными предлогами отклоняли мое сотрудничество и даже отказывали мне в малой работе – в переводах и в правке рукописей – что я всегда выполнял в должном качестве. <...>

Вполне понимаю, что я сам создал себе такое невыносимое положение. Мои выступления в Лен. ССП (лето 54 г.) были крайне неудачны. Я не сумел дипломатично и ясными фразами определить мою позицию в отношении доклада А. А. Жданова. Не сумел отделить личное от общественного. Создалось впечатление, что я против решений партии по идеологическим вопросам – в то время как я не соглашался только лишь с тяжкими обвинениями, какие мне были предъявлены. <...>

За эти мои нетактичные выступления я сердечно прошу извинения у партии и у товарищей литераторов.

Вместе с тем прошу дать совет и указание – как выйти мне из создавшегося положения? Что надлежит мне сделать для того, чтобы скольконибудь наладить мою работу? <...>

Прошу дать мне указание (цит. по: Г. Файман. С. 285, 286, 287).

В справке, которую в ответ на это письмо подготовил для ЦК КПСС Отдел культуры ЦК, сказано:

М. Зощенко предоставлена возможность работать в качестве переводчика. <...> Литературный фонд СССР регулярно оказывает М. Зощенко материальную помощь. <...>

Рассказы Зощенко рассматривались в журнале «Крокодил», их читали секретарь правления СП СССР т. Сурков, работники Отдела культуры и Отдела пропаганды и агитации ЦК КПСС. Ознакомление показало, что эти

⁹⁹ На XX съезде КПСС А. Фадеев будет избран уже только кандидатом в члены, а не членом ЦК, как прежде. А. Твардовский, бывший в 1952–1956 годах членом Центральной ревизионной комиссии, кандидатом в члены ЦК станет только в 1961 году.

рассказы ввиду их низкого идейно-художественного уровня рекомендовать к печати не представляется возможным (Там же. С. 287–288).

17 июля. Запись в дневнике Корнея Чуковского:

Сейчас у меня ночует Бек. Он рассказал мне дело Сахнина, укравшего у сосланный Левиной ее роман. Она прислала в «Знамя» роман о Японии. Он, как секретарь редакции, сообщил ей, что роман принят, – и попросил сообщить свою биографию. Она ответила, уверенная, что он, приславший ей радостную весть о том, что роман будет напечатан, достоин полной откровенности. Чуть только он узнал, что она была арестована, он украл у нее роман, содрал огромный гонорар (роман печатался и в Детгизе, и в «Роман-газете») – и не дал ей ни копейки. Теперь на суде его изобличили, но как редакция «Знамени» пыталась замутить это дело, прикрыть мошенника, запугать Левину – и опорочить Бека, который и открыл это дело! (К. Чуковский. Т. 13. С. 201–202)¹⁰⁰.

20 июля. Частично открыта для посещений территория Московского Кремля. Из письма Варлама Шаламова Аркадию Добровольскому от 30 марта 1956 года:

В воскресенье 25 марта я был в Кремле. 32 года я там не был. (Вход туда закрыли после смерти Ленина.) Я испытывал некое нравственное удовлетворение от этого посещения – от того, что я, распятый и убиенный, поставил свою ногу на ядро около Царь-пушки. В этом чувстве много детского, но кое-что и серьезное передумалось. О том, что не только я вошел в ворота Боровицкой башни, но и Вы, и Валя, и все мои северные друзья живыми и мертвыми были здесь со мной. О том, что убить живое и бесконечно легко, и бесконечно трудно, не по силам любым героям и т. п.

Вход туда по билетам (которых выдается определенное количество на день), так что давки никакой нет. Билеты эти выдают по московским предприятиям и учреждениям – безымянные квадратные карточки. Для Оружейной палаты нужны особые билеты, для квартиры Ленина опять-таки особые. У меня был самый демократичный – на Кремлевский двор и в три собора: Архангельский, Успенский и Благовещенский. Рублевские иконы со всей удивительной наивностью этой кисти, старые иконостасы, тесные ряды кованых царских и патриарших гробниц – и все это производит впечатление большое (В. Шаламов. С. 136).

25 июля. Умер Исаак Осипович Дунаевский (род. в 1900).

30 июля. Совет Министров СССР принимает постановление «О расширении культурных связей между СССР и Францией».

Министерству культуры СССР разрешено «провести в ноябре 1955 года в Париже советский кинофестиваль (неделю советских кинофильмов) и организовать в Москве в ноябре 1955 года французский кинофестиваль (неделю французских кинофильмов)»; «направить во Францию осенью 1955 г. сроком на 35 дней Ансамбль народного танца СССР под руководством

¹⁰⁰ Роман «Тучи на рассвете» был под именем Аркадия Сахнина опубликован в журнале «Знамя» (1954, № 2, 3), вышел отдельными изданиями в «Роман-газете», в Детгизе и в Гослитиздате. Суд, в который обратилась Раиса Левина, привлёк к разбору этой жалобы комиссию Союза писателей, которую возглавил В. А. Рудный. После того, как вина Сахнина была установлена, суд обязал его выплатить Левиной часть гонорара и, так как текст романа был все же переработан, ставить ее имя как соавтора при последующих переизданиях. Тем не менее «Тучи на рассвете» были переизданы в 1957, 1965, 1968 и 1975 годах без какого-либо указания на имя Левиной. Достойно внимания, что именно Сахнину будет доверено написать «Малую Землю» – первую часть трилогии, изданной под именем Л. И. Брежнева.

И. Моисеева в составе не более 60 человек»; «организовать в Париже в I квартале 1956 года выставку советской книги, а в Москве – выставку французской книги <...>» и т. д. и т. п.

17 апреля 1956 года будет принято аналогичное постановление (но уже ЦК КПСС) «О расширении культурных связей с Италией» (Музыка вместо сумбура. С. 465).

Июль. Вышел в свет первый номер журнала «Иностранная литература» под руководством Александра Чаковского.

Журналы в июле

В «Новом мире» (№ 7) два стихотворения Евгения Евтушенко («Зависть» и «С усмешкой о тебе иные судят...») и статья Лидии Чуковской «Зеркало, которое не отражает: Заметки о языке критических статей».

Я написала лист с нескрываемым бешенством, – рассказывает Чуковская в письме Юлиану Оксману от 16 апреля. – <...> Конечно, это то же самое, что опрокинуть себе на ноги кипящий самовар – но, в конце концов, сил больше нету читать эту муру молча» (Л. Чуковская, Ю. Оксман // Знамя. 2009. № 6. С. 151).

<...> Поздравляю с большой победой, – 19 июля откликнулся на эту статью Оксман. – <...> После статьи Лифшица о Шагинян, ни одна критическая статья не вызывала такой бури уже много лет» (Там же. С. 152, 153).

Август

8–20 августа. В выставочном зале МОСХа выставка рисунков Михаила Врубеля из собраний психиатров проф. И. Н. Введенского и Ф. А. Усольцева, лечивших художника.

9 августа. Заместитель заведующего Отделом партийных органов М. Д. Яковлев направляет в ЦК КПСС записку, где сказано:

Тексты гимнов некоторых союзных республик нуждаются в улучшении, слабо подчеркивается руководящая роль партии, в них отражена известная дань культу личности. Причем строки, посвященные И. В. Сталину, как правило, изложены не в прошедшем, а в настоящем времени.

В записке рекомендовано исключить из гимнов, например, такие строки:

«И Сталин нас к светлым высотам ведет» (УССР);

«О, привет тебе, вождь, Сталин наш родной» (УзССР);

«В труде и в битвах к победам нас ведет

Мудрый Сталин, любимый наш вождь» (Казахская ССР);

«Сталин – наш вождь, наша жизнь и надежда» (Азербайджанская ССР);

«Сталин нас ведет к счастью и могуществу» (Литовская ССР);

«И Сталин, наш вождь, сын великой отчизны,

Народ от победы к победе ведет» (Туркменская ССР) (Музыка вместо сумбура. С. 466).

Лишь через четыре месяца после пробной докладной записки Яковлева, 22 декабря 1955 г. (т. е. на следующий день после дня рождения Сталина, в последний раз широко отмечавшегося в СССР), зав. Отделом культуры ЦК Поликарпов и зав. сектором Отдела <В. И.> Иванов сочтут замечания Яковлева «справедливыми», однако укажут, что было бы «целесообразным рассмотреть вопрос о текстах гимнов союзных республик после того, как будет создан новый Государственный гимн СССР» (Там же. С. 467).

11 августа. Подписана в печать книга Михаила Булгакова «Дни Турбиных. Последние дни (А. С. Пушкин): [Пьесы]» (М.: Искусство).

28 августа. Из дневника Нины Лашиной:

Женевская конференция четырех держав была такой интересной. Много говорилось там такого, чего нельзя было говорить при Сталине. И в газетах было много откровенной правды. Тридцать лет такого не случалось. Много становится понятным. Жгучую ненависть разжигал Сталин в нашей стране по отношению к окружающему миру. И печать, и выступления по радио, на совещаниях не только клеймили весь мир капитализма, но изрыгали прямую хулу и брань в его адрес. Создав себе колоссальный памятник при жизни и подменив им для народа себя живого, он, Сталин, спрятался за глухие стены Кремля и тридцать лет управлял оттуда единовластно и жестоко.

И прав был Эйзенхауэр в своей вчерашней речи, что у нас индивидуальная свобода человека была подменена регламентацией и что у нас человек был превращен в простое орудие государства. И каждый из нас осознаёт, что так оно и есть.

<...> Прав Эйзенхауэр! Прав он и в том, насколько велика пропасть между нашей страной и другими странами и насколько глух железный занавес.

На протяжении всех лет нас запугивали словом «заграница». Во всех анкетах спрашивалось, да и сейчас спрашивается: «Не были ли вы за границей, когда, где, почему?» И если оказывалось, что да, то на вас смотрели с подозрением, не шпион ли, не связан ли с иностранной разведкой. И почти никогда не принимали на работу и уж, безусловно, не принимали в партию. <...>

Из иностранной литературы за 30 лет мы видели только переводные книги из далекой классики. Слушать «Би-би-си» или «Голос Америки» возможно было только при наглухо закрытых дверях, да и слушать-то было невозможно из-за мощных глушителей. А уж о поездках за границу полечиться, попутешествовать забыли и мечтать. Не выпускают, да и не на что. Иногда, правда, ездили ученые, спортсмены, актеры, но очень ограниченно, со специальными проводниками и под специальным надзором. И к себе пускали только официальных делегатов, их встречали и показывали им только то, что положено.

Разве это не ужасная несправедливость, гнет и неуважение к человеку? И Эйзенхауэр, и Иден это понимают и поэтому так шарахаются от нашей системы и стараются уберечь свои народы от этого «безумия».

Велики и прекрасны идеи справедливости и коммунизма, но как далека оказалась действительность от этих идей (*Н. Лашина*. С. 303–304, 305).

Август. Вышел в свет первый выпуск альманаха «Молодой Ленинград».

Булат Окуджава принят в члены КПСС.

Митрополит Николай (Б. Д. Ярушевич), глава Отдела внешних церковных сношений Московского Патриархата и член Советского комитета защиты мира, награжден орденом Трудового Красного Знамени. В представлении к награде, поданном в ЦК КПСС еще в декабре 1954 года Советом по делам Русской Православной Церкви, особо отмечается участие митрополита в работе Чрезвычайной Государственной комиссии по расследованию немецко-фашистских злодеяний и его деятельность по сплочению поместных православных церквей вокруг Московского Патриархата.

Лето. Борис Пастернак расторгает заключенный еще 23 января 1947 года договор с журналом «Новый мир» на роман «Иннокентий Дудоров: Мальчики и девочки» и возвращает сумму, полученную в качестве аванса.

Из воспоминаний Ольги Ивинской:

Однажды теплым осенним вечером после моей очередной поездки в Москву мы гуляли с Борей по нашему длинному мосту через Самаринский пруд, и он сказал мне:

– Ты мне верь, ни за что они роман этот не напечатают. Не верю я, чтобы они его напечатали! Я пришел к убеждению, что надо давать его читать на все стороны, вот кто ни попросит – всем надо давать, пускай читают, потому что не верю я, что он появится когда-нибудь в печати (*О. Ивинская, И. Емельянова*. С. 186–187).

И действительно, вспоминая «теплое лето 1955 года», Наталья Трауберг перечисляет его приметы:

Из лагерей возвращались друзья, пели «По тундре...» и «Таганку», читали «Доктора Живаго», которого Борис Леонидович давал буквально всем, кто приедет (*Н. Трауберг*. С. 253).

Не позднее сентября

В 1955 году М. Алигер, В. Каверин, К. Паустовский, Э. Казакевич, В. Тендряков, В. Рудный образовали редколлегию¹⁰¹ сборников «Литературная Москва». Замысел возникал в домашних беседах, на дорожках Переделкина. И вся работа издателей проходила в разговорах дома, в квартирах, на дачах. <...>¹⁰²

Не было никаких официальных объявлений, однако московские литераторы вскоре узнали, что готовится необыкновенное издание (*Р. Орлова, Л. Копелев. С. 41–42*).

Журналы в августе

В «Октябре» (№ 8) стихи Бориса Слуцкого («Школа для взрослых», «В госпитале», «Музыка на вокзале»).

¹⁰¹ На первых порах, разумеется, еще только инициативную группу.

¹⁰² «Вся работа происходила у нас в Лаврушинском или на даче», – подтверждает Лариса Казакевич, дочь писателя (<http://www.newswr.com/index.php?go=Pages&id=5299&in=view>).

Сентябрь

5 сентября. На IX Международном кинофестивале в Эдинбурге Марку Донскому вручена премия имени Ричарда Уиннингтона за трилогию «Детство Горького», «В людях», «Мои университеты».

9 сентября. На экраны страны выходит фильм Ивана Лукинского «Солдат Иван Бровкин».

10 сентября. На XIV Международном кинофестивале в Венеции фильму Самсона Самсонова «Попрыгунья» присуждены «Серебряный лев святого Марка» и премия кинокритиков за лучший иностранный фильм.

11 сентября. В Москве впервые проведен День поэзии. Более ста поэтов встретились со своими читателями в книжных магазинах. Решено проводить День поэзии ежегодно.

17 сентября. Принят Указ Президиума Верховного Совета СССР «Об амнистии советских граждан, сотрудничавших с оккупантами в период Великой Отечественной войны 1941–1945 гг.», который предписывал «освободить из мест заключения независимо от срока наказания лиц, осужденных за службу в немецкой армии, полиции и специальных немецких формированиях», а также «освободить от дальнейшего отбывания наказания лиц, направленных за такие преступления в ссылку и высылку» (Ведомости Верховного Совета СССР, № 17, 4 октября 1955, ст. 345. С. 367). Амнистия предусматривала также снятие судимости и поражения в правах с лиц, на которых она распространялась.

Амнистия не распространялась на карателей, осужденных за убийства и истязания советских граждан.

Кроме того, акт об амнистии содержал положения, направленные на репатриацию советских граждан, находящихся за границей. Так, данные лица, которые в период Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. «сдались в плен врагу или служили в немецкой армии, полиции и специальных немецких формированиях», освобождались от ответственности. Те граждане, «которые занимали во время войны руководящие должности в созданных оккупантами органах полиции, жандармерии и пропаганды, в том числе и вовлеченные в антисоветские организации в послевоенный период», освобождались от ответственности, «если они искупили свою вину последующей патриотической деятельностью в пользу Родины или явились с повинной».

Совету Министров СССР поручается «принять меры к облегчению въезда в СССР советским гражданам, находящимся за границей, а также членам их семей, независимо от гражданства, и их трудоустройству в Советском Союзе» (Там же. С. 368).

Теперь, – 24 сентября заносит в дневник Любовь Шапорина, – ждут возвращения людей с каторги, из-за границы, всех бывших в немецком плену (Л. Шапорина. С. 318).

19 сентября. Между Советским Союзом и Финляндской Республикой подписано Соглашение об отказе СССР от прав на использование территории Порккала-Удд для военно-морской базы и о выводе советских вооруженных сил из Финляндии.

20 сентября. В «Литературной газете» (с. 2–4) «Заметки о литературе» Александра Фадеева (продолжение – 22, 24 и 29 сентября), занявшие в общей сложности 11 подвалов.

Журналы в сентябре

В «Новом мире» (№ 9) повесть Веры Пановой «Сережа»¹⁰³.

¹⁰³ «Вы, может быть, и сами не знаете, что Вы написали классическую книгу, которая рано или поздно создаст Вам всемирное имя, – 23 ноября письмом к Вере Пановой откликнулся на эту повесть Корней Чуковский. – Не сомневаюсь, что ее переведут на все языки. Дело не только в том, что впервые в истории русской литературы центральным героем повести поставлен шестилетний ребенок, но и в том, что самая эта повесть классически стройна, гармонична, выдержана во всех

В «Октябре» (№ 9) «Золотая роза: Книга о писательском труде» Константина Паустовского (окончание – № 10).

В «Знамени» (№ 9) «героическая драма» С. Смирнова «Крепость над Бугом».

В «Иностранной литературе» (№ 3) повесть Эрнеста Хемингуэя «Старик и море».

Как рассказывает Илья Эренбург, приглашенный в редколлегия журнала, но вышедший из нее еще до выхода первого номера, Александр Чаковский

говорил, что он собирается в одном из первых номеров напечатать новую книгу Хемингуэя, получившую осенью 1954 года Нобелевскую премию. Я ходил на собрания редколлегии, и вот вскоре редактор, мрачный и таинственный, сказал нам, что номер придется перестроить – Хемингуэй не пойдет. Когда совещание кончилось, он объяснил мне, почему мы не сможем напечатать «Старика и море»: «Молотов сказал, что это – глупая книга». Недели две спустя я был у В. М. Молотова по делам, связанным с борьбой за мир. Я рассказывал о росте нейтрализма в Западной Европе. Когда разговор кончился, я попросил разрешения задать вопрос: «Почему вы считаете повесть Хемингуэя глупой?» Молотов изумился, сказал, что он в данном случае «нейтралист», так как книги не читал и, следовательно, не имеет о ней своего мнения. Когда я вернулся домой, мне позвонили из редакции: «„Старик и море“ пойдет...» Вскоре после этого я встретил одного мидовца, который рассказал мне, что произошло на самом деле. Будучи в Женеве, Молотов за утранным завтраком сказал членам советской делегации, что хорошо будет, если кто-нибудь на досуге прочитает новый роман Хемингуэя – о нем много говорят иностранцы. На следующий день один молодой мидовец, расторопный, но, видимо, не очень-то разбирающийся в литературе, сказал Молотову, что успел прочитать «Старик и море». «Там рыбак поймал хорошую рыбу, а акулы ее съели». – «А дальше что?» – «Дальше ничего, конец». Вячеслав Михайлович сказал: «Но ведь это глупо!..» Вот резоны, которые чуть было не заставили отказаться от опубликования повести Хемингуэя (*И. Эренбург. Люди, годы жизнь. Т. 3. С. 367–368*).

В совместной записке в ЦК КПСС Отдела культуры и Отдела по связям с иностранными компартиями ЦК от 12 января 1956 года эта повесть тем не менее была названа «аполитичной и во многом натуралистической». <...>

Для ознакомления советского читателя с процессами в современной буржуазной литературе журнал вправе публиковать отдельные художественные произведения буржуазных авторов. Но им должна даваться оценка с позиций марксистской эстетики.

<...> считали бы необходимым обратить внимание т. Чаковского на то, что налаживать контакты и сотрудничество с деятелями буржуазной культуры следует без идеологических уступок (Аппарат ЦК КПСС и культура. 1953–1957. С. 478, 479).

Октябрь

1 октября. Умер народный артист СССР Алексей Денисович Дикий (род. в 1889).

В Беверли-Хиллс, Калифорния, США, умер Михаил Александрович Чехов (род. в 1891).

4 октября. Начинаются концертные выступления Эмиля Гилельса в США – первые после 1920-х годов гастрольные выступления советских музыкантов в США.

17–23 октября. В Москве и Ленинграде Неделя французского кино, для участия в которой приезжают Рене Клер, Жерар Филип, Даниэль Дарьё, Дани Робен.

«Столпотворение», – 25 октября записывает в дневник Василий В. Катанян (*В. Катанян*. Лоскутное одеяло. С. 130).

18 октября. Из дневника Любви Шапориной:

Зашла на днях в местком Союза писателей – писатель Дружинин просит устроить ему путевку в Швецию. Котовщикова и Мессер едут в Чехословакию. Путевки стоят от 900 до 1200 рублей (приблизительно). Какой сдвиг – «после рождества Хрущева», как теперь острят. Конечно, всем этим людям, не жившим за границей, и такие массовые путешествия с гидом и невозможностью самостоятельных прогулок все-таки интересны. Но я бы, конечно, и даром так не поехала (*Л. Шапорина*. С. 321).

20 октября. Президиум Московской организации СП СССР принимает решение об издании сборника «Литературная Москва».

Разумеется, оно <это решение>, – указывает Вениамин Каверин, – не было бы принято, если бы в предварительных переговорах А. Бека и В. Рудного с Отделом культуры ЦК не удалось (с большим трудом) убедить Д. Поликарпова в том, что будущая «Литературная Москва» ничем не будет угрожать существованию советского искусства. Там же происходило и обсуждение кандидатур членов редколлегии (*В. Каверин*. Эпилог. С. 351).

26–31 октября. Всесоюзное совещание литераторов, пишущих на колхозные темы. С докладом «Новое в колхозной деревне и задачи художественной литературы» выступил Валентин Овечкин. В «Литературной газете» доклад занял целую полосу (29 октября. С. 3), а обсуждение – весь разворот (1 ноября. С. 2–3).

29 октября. Премьера Первого концерта для скрипки с оркестром Дмитрия Шостаковича.

Октябрь – ноябрь

В атмосфере происходившей «разрядки международной напряженности» и в соответствии с курсом на «сосуществование», провозглашенным советским руководством, Госдепартамент организовал поездку в США группы советских писателей и журналистов. В делегацию, возглавляемую секретарем Союза советских писателей Борисом Полевым (представлявшим газету *Правда*), входили литераторы и газетчики, облеченные особым доверием партийного руководства, – Николай Грибачев от *Литературной газеты*, Виктор Полторацкий от *Известий*, Борис Изаков от журнала *Международная жизнь*, Валентин Бережков из журнала *Новое Время*, зять Н. С. Хрущева А. И. Аджубей, командированный *Комсомольской правдой*, и редактор *Огонька* с 1953 г. А. В. Софронов (*Л. Флейшман*. С. 51).

Отчетом об этой поездке стали книги А. Аджубея «„Серебряная кошка“, или Путешествие по Америке» (М.: Молодая гвардия, 1956), Н. Грибачева «Семеро в Америке» (М.: Сов.

писатель, 1956) и Б. Полевого «Американские дневники» (М.: Гос. изд-во детской литературы, 1957).

Ноябрь

4 ноября. Принято постановление ЦК КПСС и Совета министров СССР «Об устранении излишеств в проектировании и строительстве», подвергшее суровой критике весь «сталинский» архитектурный стиль.

Архитекторы Леонид Поляков и Александр Борецкий лишены Сталинской премии за проект гостиницы «Ленинградская» в Москве, а архитектор Евгений Рыбицкий – за жилой дом на улице Чкалова в Москве, «в проекте которого допущены крупные излишества и недостатки в архитектурном и планировочном решениях» (Сталинские премии. С. 658–660).

5 ноября. Всеволод Кочетов вступил в должность главного редактора «Литературной газеты». Как вспоминает работавший тогда в редакции Владимир Огнев,

Б. С. Рюриков еще в пятницу обсуждал со мной разгромную статью на роман В. Кочетова «Секретарь обкома», а в понедельник (или вторник?) вошел на летучку вдвоем с неким узколицым худым типом, у которого подергивалась щека, и представил его нам... как нового главного редактора. Этим типом был ленинградский партийный сочинитель В. Кочетов (В. Огнев. Амнистия таланту. С. 178).

Представлял, – в свою очередь рассказывает Лариса Лебедева, – нового редактора на собрании коллектива газеты К. М. Симонов. После нескольких прощальных слов Бориса Сергеевича сказал очень короткую речь Симонов, а Кочетов был предельно краток: «Оставайтесь пока все на своих местах» (Л. Лебедева. Люди уходят – книги остаются // НЛО. 2003. № 63. С. 217).

Откликом на это назначение стали эпиграммы. Безымянная:

На свете есть литературный дядя,
Я имени его не назову.
Все говорят, был праздник в Ленинграде,
Когда его перевели в Москву.

И принадлежащая перу Виктора Ардова:

О том, что Кочетов подлюга,
Отлично знали Мга и Луга.
Благодаря же «Литгазете»
Об этом знают все на свете
(цит. по: Р. Тименчик. Последний поэт. Т. 2. С. 129).

6 ноября. Из дневника Сергея Дмитриева:

Смотрели и слушали по телевизору бессодержательный доклад Л. М. Кагановича на торжественном заседании, посвященном 38-й годовщине Октябрьской революции. Каганович стар, дряхл, говорит плохо, пришепетывая и проглатывая слова, жестикуляция дешево-митинговая, под рабочего «своего в доску». Весь президиум заседания – прескучный, серый народец. У одного Молотова виден ум и что-то вроде породы на лице. Чувство от зрелища такое: давным-давно прошла и навсегда

прошла революция, истреблены все революционеры, правят и торжествуют бюрократы и ничтожества. Никакого живого, непосредственного чувства, ни одного живого, человеческого, яркого слова, ни одного заметного жеста. Все подтерты, подчищены, безличны. Нет только подписи, как над Дантовым адом¹⁰⁴ (Отечественная история. 2000. № 1. С. 161).

14 ноября 1955 – 4 марта 1956. В Государственном музее изобразительных искусств имени А. С. Пушкина выставка французского искусства XV–XX веков из фондов музеев СССР.

Откликом на выставку стала статья Н. Яворской «Сила национальных традиций», где с уважением сказано о старых мастерах, но отмечено, что в шедеврах К. Моне («Поле маков» и «Белые кувшинки») виден «отход от правдивой передачи действительности, отход от реализма», а Сезанн и Гоген «пошли по пути абстракции, отвлеченности от реальной жизни, который привел в тупик буржуазное искусство». Суммарный вывод статьи диалектичен:

Формализм наложил печать на творчество таких больших мастеров, как Матисс и Пикассо, хотя вся их общественная деятельность направлена на борьбу за счастье человека (Советская культура, 5 января 1956 г. С. 4).

Как вспоминает Юрий Трифонов в очерке «Посещение Марка Шагала», в середине пятидесятых

Москву встряхнула, подобно землетрясению, выставка французской живописи, обозначив слом времени (Новый мир. 1981. № 7. С. 79).

По свидетельству корреспондента журнала «Time»,

студенты художественных вузов часами стояли в морозную погоду перед московским музеем им. Пушкина и покидали выставку, гудя от возбуждения, вызванного тем, что они увидели (М. Золотоносов. Диверсант Маршак. С. 25).

21 апреля – 25 октября 1956 года такая же выставка будет развернута в Эрмитаже.

15 ноября. На заседании Президиума ЦК КПСС принято решение о реабилитации Всеволода Эмильевича Мейерхольда.

17 ноября. В Ленинградском политехническом институте турнир молодых поэтов. Среди 38 участников, для большинства из которых это была первая встреча с большой аудиторией, Дмитрий Бобышев, Глеб Горбовский, Александр Городницкий, Александр Кушнер, Анатолий Найман, Евгений Рейн.

Как вспоминает Д. Бобышев,

за вычетом случайных лиц и с добавлением вошедших в круг чуть позже это были все те, кто стал в течение следующих десятилетий новым поколением поэтов. Связанные общим возрастом и делом, в остальном все разительно отличались внешностями, темами, манерами чтения и письма. Соперничество обостряло отличия, что же тогда говорить о чувстве защитной иронии? Оно эту остроту затачивало до бритвенного лезвия» (Д. Бобышев. Я здесь. С. 122–123).

22 ноября. По заключению Генерального прокурора СССР Военная коллегия Верховного суда СССР отменяет приговор от 11–18 июля 1952 года по делу Еврейского антифашистского комитета. С. А. Лозовский, И. С. Фефер, И. С. Юзефович, Б. А. Шимелиович, Л. М. Квитко, П. Д. Маркиш, Д. Р. Бергельсон, Д. Н. Гофштейн, В. Л. Зускин и другие реабилитированы посмертно.

¹⁰⁴ Lasciate ogni speranza, voi ch'entrate (Оставь надежду, всяк сюда входящий).

Крайне важно отметить, – подчеркнул А. М. Борщаговский во внутренней рецензии на рукопись книги «Оттепель: Страницы русской советской литературы» (М., 1989), – что отмена приговора по делу Еврейского антифашистского комитета осталась неведомой нам, закрытой от страны. Решение Генеральной прокуратуры было объявлено только родным расстрелянных, гласное сообщение было сделано только 34 года спустя. А отмена тайная, «стыдливая» не могла влиять на общественную атмосферу.

То, что эти сведения распространялись лишь из уст в уста, подтверждает запись в дневнике Нины Бялосинской от 2 января 1956 года:

Берковская уже знает точно, что Зускин расстрелян, и с ним Бергельсон, Фефер, Лозовский – всего 15 человек. Когда мы излечим до конца эти раны? Когда вырастут новые поколения (*Н. Бялосинская*. С. 45).

23 ноября. Принят указ Президиума Верховного Совета СССР «Об отмене запрещения аборт».

23 ноября – 2 декабря. В Москве гастролирует английская драматическая труппа с постановкой Питера Брука «Гамлет, принц датский». В заглавной роли Пол Скофилд.

Когда Пол Скофилд вместе с П. Бруком научили нас видеть мир таким, каков он есть, вне романтического флера, мы благодарно приняли и этот европейский урок (*А. Смелянский*. Междометия времени. С. 312).

Огромный, большеглазый, худой Пол Скофилд метался по сцене, а я это все воспринимал как историю про себя (*О. Табаков*. С. 68).

Как рассказывает Алексей Бартошевич,

после охлопковского монументального зрелища, празднично-торжественного, оперного, спектакль Брука вначале казался серым, полубесцветным. Играли они в одной конструкции – какие-то низкие арки, нависавшие над людьми, сероватый, черноватый мир. Потом-то мы поняли, что это и есть тюрьма. <...>

Не решетки, а просто мир, в котором трудно дышится. Что достигалось не через иллюстрации, а через самоощущение людей на сцене, в Эльсиноре. Скофилд играл без всякого осовременивания, но тем не менее он играл современного интеллигента, которого заботит проблема насилия. Дозволено ли убивать?

Этот спектакль сыграл огромную роль в истории нашего собственного театра. Он очень много значил для тогда как раз рождавшегося „Современника“, о чем и Козаков, и Ефремов сами неоднократно говорили. Это были и просто стилистические совпадения: и там, и здесь – стремление отделаться от декламации, от романтической красоты. Но существовали важные связи и на уровне смысла. «Гамлет» 1955 года был прологом, скорее неосознанным, к тому, что произошло ровно через полгода, когда в Лондоне в Ройял-Корте сыграли «Оглянись во гневе» (Русский Гамлет... // Коммерсантъ Weekend, 25 апреля 2014 г. С. 15).

24 ноября. Президиум Московской организации СП СССР утверждает редколлегия сборника «Литературная Москва» во главе с Эммануилом Казакевичем. Заместителями главного редактора назначены Георгий Березко и директор Гослитиздата Владимир Котов. (РГАЛИ. Ф. 1579. Оп. 2. Д. 1).

25 ноября. Московский метрополитен, с 1935 года носивший имя Л. М. Кагановича, переименован в Московский метрополитен имени В. И. Ленина. В связи с этим имя Кагановича получила станция метро «Охотный ряд» (осенью 1957 года ее вновь переименовали в «Охотный ряд», 30 ноября 1961 года – в «Проспект Маркса» и, наконец, 5 ноября 1990 года станции было возвращено исконное название – «Охотный ряд»).

В Ленинградском академическом театре драмы имени А. С. Пушкина премьера спектакля «Оптимистическая трагедия» по пьесе Всеволода Вишневского в постановке Георгия Товстоногова. В феврале 1956 года этот спектакль будет показан делегатам XX съезда КПСС; в апреле 1958 года постановщик Георгий Товстоногов и Юрий Толубеев, исполнявший роль Вожака, отмечены Ленинской премией.

26 ноября. Посмертно реабилитирован Всеволод Эмильевич Мейерхольд, расстрелянный 2 февраля 1940 года по приговору Военной коллегии Верховного суда СССР. Вспоминает Вяч. Вс. Иванов:

Встретившись со мной в Переделкине на дорожке, Пастернак поведал о разговоре со следователем, занимавшимся реабилитацией Мейерхольда. В то время соблюдался странный обычай: нескольких людей из числа известных (а часто из тех, кто упоминался в деле как соучастник, но остался на свободе) просили дать поручительство за мертвого, подтвердить его лояльность и верность режиму. По поводу Мейерхольда с такой просьбой обратились к Эренбургу и к Пастернаку. Борис Леонидович ответил письмом, где, по его словам, он подтвердил революционность воззрений Мейерхольда. «Я им сказал, что он в этом расходился со мной, он гораздо больше принимал революцию. Он был гораздо более советский и революционный» (Вяч. Вс. Иванов. Пастернак. С. 133–134).

Известно, что с просьбой о реабилитации Мейерхольда в ЦК КПСС и Военную прокуратуру СССР обращались Николай Охлопков, Юрий Завадский, Григорий Александров, Рубен Симонов, Александра Яблочкина, Мария Бабанова, Алексей Попов, Лев Руднев, Сергей Образцов, Юрий Шапорин и др.

Как рассказывает Любовь Шапорина,

при пересмотре дела Мейерхольда вызывали Ильинского. Акимов написал очень хорошее письмо с характеристикой Мейерхольда. Это письмо подписали также А. Д. Попов и Пастернак. Н. С. Тихонов отказался подписать (Л. Шапорина. С. 318).

26 ноября – 3 декабря. В Москве прошел Второй Всесоюзный съезд советских архитекторов.

29 ноября. В докладной записке Отдела культуры ЦК КПСС рекомендуется Министерству культуры СССР «снять пьесу Л. Зорина „Алпатов“ с постановки в театрах и отменить публикацию ее в печати» (Аппарат ЦК КПСС и культура. 1953–1957. С. 449).

В 1954 году Л. Зорин опубликовал в журнале «Театр» идейно-порочную пьесу «Гости», дающую ложную, клеветническую характеристику общественных отношений в советской стране. <...>

Несмотря на острую критику пьесы «Гости», драматург Л. Зорин до сих пор ни одним словом не выразил своего отношения к критике, не признал допущенных им ошибок. Пьеса «Алпатов» свидетельствует, что автор пьесы вновь пытается протащить вредные, фальшивые взгляды на советское общество, примазаться к борьбе с бюрократизмом, с косностью в технике, с пережитками прошлого для искажения нашей общественной жизни. Под

предлогом показа простых людей, рабочих, он протаскивает мысль о рабочем классе как оппозиционной силе в нашем обществе (Там же. С. 447, 449).

Ноябрь. Студент ВГИКа Василий Шукшин принят в члены КПСС (среди его рекомендателей Михаил Ромм).

В Ленинграде появляется первый самиздат – студенты филологического факультета ЛГУ выпускают «Голубой бутон: Ежемесячный литературно-художественный и антихудожественный журнал: Орган свободной группы творцов». Статьей «Почему распустился „Голубой бутон“» отреагировав на эту тетрадь в голубой обложке, авторы газеты «Смена» (Л. Образцова, И. Смирнова) пишут об участниках журнала, что они «свысока судят о людях, грязно и пошло отзываются о прекрасных человеческих чувствах и отношениях» (3 января 1956 г. С. 2).

Подобные журналы и стенгазеты возникают и в других вузах города: в Институте инженеров железнодорожного транспорта – «Свежие голоса», в Химико-технологическом – «Культура», в Электротехническом – «Электрон», в Библиотечном – «Ересь», в Педагогическом – «Студенческие новости» и «Литфронт Литфака».

Осень. В актовом зале Ленинградского политехнического института – второй общегородской вечер студенческой поэзии.

Впервые, – вспоминает Герман Гуревич, – перед тысячной аудиторией свои стихи читали молодые, еще нигде не публиковавшиеся поэты: Горбовский, Кушнер, Городницкий, Рейн...» (Г. Гуревич. С. 196; <http://www.promegalit.ru/publics.php?id=13971>).

Журналы в ноябре

В «Новом мире» (№ 11) первые публикации Булата Окуджавы (стихотворения «Зависть» и «Сидишь. Одета в платье ситцевое...») и еще не реабилитированного Льва Копелева (рецензия на книгу прозы Эриха Вайнера).

Декабрь

Не ранее 7 декабря. В ЦК КПСС обсуждается проект закрытого конкурса по созданию нового Государственного гимна СССР. К участию в конкурсе первоначально предполагалось допустить 35 композиторов (в диапазоне от Дмитрия Шостаковича и Георгия Свиридова до Серафима Туликова и Арно Бабаджаняна) и 48 поэтов (в диапазоне от Константина Симонова и Александра Твардовского до Самуила Маршака и Анатолия Софронова) (Музыка вместо сумбура. С. 468–469).

8 декабря. Выступая на обсуждении спектакля Театра имени А. С. Пушкина «Оптимистическая трагедия», Валентин Плучек заявил:

Мы действительно до черта устали от того возмутительного, гнусного вида реализма, который принято называть социалистическим реализмом, который пахнет натурализмом с ошметками грязных задников XIX века, с отсутствием большой правды, подмененной жанризмом, перемешанным с мелкой правдой, прикрываемым святым именем Станиславского (цит. по: М. Золотоносов. Гадюшник. С. 359).

Николай Акимов (после увольнения в 1949 году) вновь назначен художественным руководителем Ленинградского театра комедии.

10 декабря. Борис Пастернак написал Варламу Шаламову:

<...> я окончил роман, исполнил долг, завещанный от Бога, но кругом ничего не изменилось (Б. Пастернак. Т. 10. С. 114).

19–25 декабря. Фестиваль венгерских фильмов в СССР.

21 декабря. В «Правде» (с. 2) редакционная статья «Жизнеутверждающая сила Маркса —Энгельса—Ленина—Сталина: К 76-летию со дня рождения И. В. Сталина». Статьи аналогичного содержания опубликованы в декабре журналом «Коммунист» (Н. Матюшкин. По пути великого Ленина), газетой «Советская культура» (Д. Бахшиев. Во имя торжества коммунизма) и другими изданиями.

23 декабря. Главный редактор журнала «Иностранная литература» Александр Чаковский запрашивает М. А. Суслова:

Какую позицию должен занять журнал по отношению к иностранным авторам, некогда дружественно относившимся к СССР, но в последующие годы скомпрометировавшим себя антисоветскими выступлениями и теперь занимающим более или менее нейтральную позицию? (Э. Синклер, Д. Пристли).

Следует ли в дальнейшем предоставлять трибуну в журнале тем буржуазным писателям, которые относятся к нам дружественно, играют определенную роль в движении борьбы за мир, но в своих, в целом идущих нам на пользу выступлениях, допускающих те или иные отклонения по отдельным вопросам, с точки зрения принятых у нас идеологических норм?

Следует ли избегать их публицистических выступлений или в отдельных случаях идти на то, чтобы печатать их одновременно со статьей кого-либо из советских писателей или критиков, разъясняющих советскую точку зрения по данному вопросу? (Аппарат ЦК КПСС и культура. 1953–1957. С. 458).

23–24 декабря. Московский союз художников проводит творческую дискуссию «Новаторство и традиции в советском изобразительном искусстве».

Сигнализируя 11 января 1956 года о «нездоровых настроениях» среди художников, Отдел культуры ЦК КПСС в своей записке выделяет особо провинившихся ораторов.

Так, искусствовед Костин

пытался доказать, что новаторами в нашем искусстве являются художники Дейнека и Сарьян, и призывал следовать творчеству французских импрессионистов Мане, Моне, Ренуара, Дега, Писсарро и Сислея, которых он назвал „великими“. Выступление Костина по существу было направлено против руководства искусством.

Писатель Лев Никулин посвятил основную часть своей речи реабилитации формалистического творчества Мейерхольда. <...>

Режиссер театра Сатиры Плучек, поддерживая положения, выдвинутые Костиным, всячески превозносил формалистические работы художника Фалька. Плучек огульно обвинял советских художников в натурализме.

Неверную характеристику условий развития советского изобразительного искусства дал в своем выступлении художник Пластов, утверждавший, что будто бы наши художники в течение многих лет находились в состоянии оцепенения <...> (Аппарат ЦК КПСС и культура. 1953–1957. С. 474).

30 декабря. В Союзе писателей СССР восстановлен (посмертно) Бруно Ясенский.

31 декабря. Президиум ЦК КПСС создает комиссию для изучения материалов о массовых репрессиях членов и кандидатов в члены ЦК ВКП(б), избранных XVII съездом партии, и других советских граждан в период 1935–1940 гг.

Н. С. Хрущев, утверждая, что комиссия создана по его инициативе, в своих воспоминаниях указывает:

Конечно, не рвались в бой с вскрытием тайных пружин ни Ворошилов, ни Молотов, ни Каганович. Не могу сейчас точно припомнить позицию Микояна. Кажется, Микоян не вел активной линии, но и не сдерживал процесса разоблачения несправедливостей (*Н. Хрущев*. Время; Люди; Власть. Кн. 2. С. 178).

По версии А. И. Микояна, дело обстояло не совсем так.

Сама инициатива создания этой комиссии принадлежит мне, – говорит Микоян, – и Никита Сергеевич никак не мог это забыть.

<...> Я предложил создать комиссию Президиума, куда вошли бы я, Хрущев, Молотов, Ворошилов и другие товарищи. Ввиду важности вопроса, состав комиссии соответствовал бы своему назначению. Хрущев внес поправку, что, во-первых, мы очень перегружены и нам трудно будет практически разобраться во всем, и во-вторых, не следует в эту комиссию входить членам Политбюро, которые близко работали со Сталиным. Важнее и лучше включить в состав комиссии авторитетных товарищей, но близко не работавших со Сталиным. Предложил во главе комиссии поставить Поспелова, директора Института марксизма-ленинизма при ЦК КПСС. <...>

Я с этим согласился, хотя сказал, что Поспелову нельзя всецело доверять, ибо он был и остается просталински настроенным (*А. Микоян*. С. 589, 591–592).

В конечном итоге в состав комиссии, чьи записки позднее лягут в основу доклада «О культе личности и его последствиях», вошли секретари ЦК КПСС П. Н. Поспелов (председатель) и А. Б. Аристов, председатель ВЦСПС Н. М. Шверник, заместитель председателя

Комитета партийного контроля при ЦК КПСС П. Т. Комаров (Известия ЦК КПСС. 1989. № 3. С. 167).

В газете «Керченский рабочий» опубликовано (под псевдонимом Граков) первое стихотворение Владимира Войновича.

Декабрь. Евгений Евтушенко и Юрий Трифонов введены в редколлегию журнала «Физкультура и спорт».

Имя Евтушенко в списке членов редколлегии исчезло в июне 1960 года. Трифонов принимал участие в работе журнала до августа 1972 года включительно.

По инициативе США подписано соглашение о распространении в СССР иллюстрированного ежемесячника «Америка» на паритетных началах с советским журналом «СССР», распространявшимся в США. Журнал издавался Государственным департаментом США с 1956 по 1993 год. Тираж журнала формально составлял 50 000 экземпляров, однако ограничения по его распространению были сняты только во время перестройки.

Журналы в декабре

В «Звезде» (№ 12) статья Ал. Дымшица «Великий продолжатель дела Ленина» к 76-летию со дня рождения И. В. Сталина.

В «Октябре» (№ 12) главы из повести в стихах Ярослава Смелякова «Строгая любовь».

В «Новом мире» (№ 12) три стихотворения Евгения Евтушенко («Девятьсот пятый», «Бабушка», «Две любимых»).

События года

Создана комиссия по литературному наследию Исаака Бабеля. В нее вошли Константин Федин (назначенный председателем), Леонид Леонов, Илья Эренбург, Лев Славин, Георгий Мунблит, Семен Гехт и вдова писателя А. Н. Пирожкова.

Как рассказывает А. Пирожкова,

с первых же дней после создания этой Комиссии выяснилось, что ни Федин, ни Леонов участвовать в работе не хотят. Все письма с вопросами о Бабеле, приходившие к Федину, как к председателю комиссии, он, не читая, переадресовывал мне. Роль председателя комиссии исполнял Илья Григорьевич Эренбург.

<...> Встречались мы довольно часто, пока велись переговоры об издании однотомника «Избранное», для которого Илья Григорьевич <Эренбург> написал предисловие (А. Пирожкова. С. 507–508, 509).

В течение года за рубеж было командировано 2500 деятелей культуры в 44 страны, Советский Союз посетило 2200 деятелей искусств из 30 стран (М. Герizon. С. 172).

В Москву приезжали Пабло Неруда, Жоржи Амаду, Николас Гильен, Давид Сикейрос.

По решению профкома Ленинградского горного института на ротаторе издан стихотворный сборник членов студенческого литобъединения.

Сборник – в картонной обложке – вышел, – как вспоминает Владимир Британишский, – тиражом 300 экземпляров и был разослан по вузам страны; много лет спустя я встречал людей из дальних городов, узнавших наши имена уже тогда, по этому сборнику (В. Британишский. Похищение Прозерпины Плутоном // Нева. 2003. № 2. С. 191).

Свои первые песни, еще будучи студентом МГПИ имени В. И. Ленина, сочинил Юлий Ким.

Олег Ефремов, Булат Окуджава, Василий Шукшин становятся членами КПСС.
Членами Союза писателей СССР становятся Александр Галич, Евгений Евтушенко.
Первые гастроли Давида Ойстраха в Японии и США.

Книги в СССР

Валерий Брюсов. Избранные сочинения: В 2 т.: Стихотворения; Поэмы; Переводы; Статьи / Вступительная статья А. С. Мясникова; Подготовка текста и примечания И. М. Брюсовой, А. А. Ильинского и Н. С. Ашукина (М.: Гослитиздат); Ольга Берггольц. Лирика (М.: Гослитиздат); Михаил Булгаков. Дни Турбиных. Последние дни (А. С. Пушкин); Пьесы (М.: Искусство); Даниил Гранин. Искатели: Роман (Л.: Сов. писатель; М.: Гослитиздат); Евг. Евтушенко. Третий снег: Книга лирики (М.: Сов. писатель); Леонид Мартынов. Стихи (М.: Молодая гвардия); Александр Межиров. Возвращение: Стихи (М.: Сов. писатель); Виктор Некрасов. В родном городе: Повесть (М.: Молодая гвардия); Ксения Некрасова. Ночь на баштане: Стихи (М.: Сов. писатель); Роберт Рождественский. Флаги весны: Стихи (Петрозаводск: Госиздат Карело-Финской ССР).

Книги за рубежом

Георгий Адамович. Одиночество и свобода / Послесловие «От издательства» (Нью-Йорк: Изд-во имени Чехова); М. Алданов. Ключ: Роман (Нью-Йорк: Изд-во имени Чехова); Е. Замятин. Лица: [Александр Блок; Федор Сологуб; Чехов; Л. Андреев; Встречи с Б. М. Кустодиевым; Андрей Белый; М. Горький; Анатоль Франс; Некролог; Герберт Уэллс; Генеалогическое дерево Уэллса; О'Генри; Ричард Бринсли Шеридан. 1751–1816; «Завтра»; «Цель»; Я боюсь; Новая русская проза; О сегодняшнем и о современном; О синтетизме; О литературе, революции и энтропии; Для сборника о книге; Закулисы; Письмо Сталину] / Предисловие «От издательства» (Нью-Йорк: Изд-во имени Чехова); Осип Мандельштам. Собрание сочинений / Под редакцией и со вступительными статьями Г. П. Струве и Б. А. Филиппова (Нью-Йорк: Изд-во имени Чехова); Опальные повести: [А. Аросев. Записки Терентия Забытого; Иван Макаров. Остров; Борис Пастернак. Охранная грамота; Бор. Пильняк. Красное дерево; Андрей Платонов. Впрок; А. Тарасов-Родионов. Шоколад] / Под редакцией и с предисловием В. А. Александровой (Нью-Йорк: Изд-во имени Чехова); Мих. Осоргин. Времена: [Детство; Юность; Молодость] (Париж: Imprimerie ALON); Ив. Шмелев. Избранные рассказы / Биографический очерк Ю. А. Кутыриной (Нью-Йорк: Изд-во имени Чехова).

В Париже издательством «Olympia Press» на английском языке выпущен роман Владимира Набокова «Лолита».

Фильмы года: 10 из 66

«Два капитана» (режиссер Владимир Венгеров), «Дело Румянцева» (режиссер Иосиф Хейфиц), «Максим Перепелица» (режиссер Анатолий Граник), «Мать» (режиссер Марк Донской), «Неоконченная повесть» (режиссер Фридрих Эрмлер), «Отелло» (режиссер Сергей Юткевич), «Попрыгунья» (режиссер Самсон Самсонов), «Солдат Иван Бровкин» (режиссер Иван Лукинский), «Урок жизни» (режиссер Юлий Райзман), «Чужая родня» (режиссер Михаил Швейцер).

Победителями в прокате стали фильмы «Солдат Иван Бровкин» (40,3 млн зрителей), «Укротительница тигров» (36,7 млн зрителей), «Овод» (35,1 млн зрителей).

Освобождение и реабилитация

В этом году освобождены литераторы Семен Виленский, Григорий Березкин, Аста Галла (Анна Ермолаева), Владимир Гершуни, Виктор Гроссман, Юрий Домбровский,¹⁰⁵ Анатолий Жигулин, Камил Икрамов, Иван Лихачев, Платон Набоков, Надежда Августиновна Надеждина (Адольф), Ольга Перовская, Лев Разгон, Наталья Семпер (Соколова), Галина Серебрякова, Ярослав Смеляков, Абель Старцев (Кунин), Исаак Фильштинский;

актриса Зоя Федорова;

художники Руфин Ананьин, Вера Кузнецова-Кичигина (реабилитирована в 1991 г.), Владимир Левов, Бениамин Мкртчян, Эльза Швальбе-Матвеева;

искусствовед Ольга Воронова;

освобождены и реабилитированы литераторы Д. Аль (Даниил Альшиц), Олег Волков, Борис Сучков;

художники Вера Бесперстова, Мария Пасько, Виктор Садков;

реабилитированы литераторы Юрий Айхенвальд, Андрей Александрович, Аксел Бакунц (посмертно), Давид Бергельсон (посмертно), Рудольф Бершадский, Виктор Беспмятников (посмертно), Елена Львовна Владимирова, Эрнст Генри (Семен Николаевич Ростовский), Евгения Гинзбург, Евгений Гнедин (Гельфанд), Захар (Захарий, Зорах) Гринберг (посмертно), Яков Гродзенский, Александр Зонин, Юрий Казарновский, Иван Касаткин (посмертно), Лев Квитко (посмертно), Владимир Киршон (посмертно), Вильгельм Кнорин (посмертно), Николай Комиссаржевский (посмертно), Марлен Кораллов, Михаил Коростовцев, Алексей Костерин, Борис Лесняк, Иван Макарьев, Перец Маркиш (посмертно), Иосиф Машбиц-Веров, Арсений (Араний) Рутько, Сергей Снегов, Николай Спиридонов (Текки Одулок) (посмертно), Станислав Станде (посмертно), Николай Тихменев (посмертно), Ишик Фефер (посмертно), Лев Финк, Иван Филиппченко (посмертно), Роберт Штильмарк, Ариадна Эфрон, Бруно Ясенский (Виктор Зисман) (посмертно);

режиссеры Всеволод Мейерхольд (посмертно), Вениамин Зускин (посмертно), актеры Георгий Жжёнов, Юрий Кольцов;

художники Иван Бессмертнов (посмертно), Петр Дерш (посмертно), Михаил Кравцевич (посмертно), Георгий Кусургашев, Владимир Куткин, Лидия Покровская, Михаил Ракитин, Федот Сучков, Виктор Тоот, Эрик Тотьянин (посмертно).

¹⁰⁵ 5 июня 1956 года восстановлен в членах СП СССР.

1956

Январь

4 января. Заведующий Отделом культуры ЦК КПСС Д. А. Поликарпов и заведующий сектором Отдела В. И. Иванов подают в ЦК Записку о несовместимости взглядов И. Г. Эренбурга с идеологией и политикой КПСС в области литературы и искусства, где, в частности, сказано:

Как следует из поступившей в ЦК КПСС записки советского посольства в Будапеште, Эренбург <в беседе с писателями Венгрии в октябре 1955 года> допустил <...> высказывания, которые были использованы для оправдания своих позиций сторонниками правого антипартийного уклона в венгерской литературе. <...>

Эренбург не скрывает свою приверженность к современному буржуазному декадентскому и формалистическому искусству. Будучи членом редколлегии журнала «Иностранная литература» в начале 1955 года, Эренбург старался навязать редколлегии журнала свои взгляды и добиться соответственного заполнения страниц журнала. На заседаниях редколлегии Эренбург выражал безграничные восторги по поводу натуралистической и бескрылой повести Хемингуэя «Старик и море» (по мнению Эренбурга, в ней «даже слабые места выше тех средних вещей, которые печатаются в журналах»). Как настоящих писателей Эренбург рекомендовал Фолкнера, творчество которого крайне формалистично и мрачно, Мориака, реакционного католического писателя Франции. О многих же произведениях прогрессивной литературы и широко известных у нас передовых писателях говорил скептически, пренебрежительно. <...>

В знак несогласия с линией журнала, не соответствующей его намерениям, Эренбург вышел из состава редколлегии.

В заключение Записки предлагается «пригласить т. Эренбурга в ЦК КПСС и обратить его внимание на непозволительность высказывания им в беседах с зарубежными деятелями литературы и искусства взглядов, несовместимых с нашей идеологией и политикой партии в области литературы и искусства» (Аппарат ЦК КПСС и культура. 1953–1957. С. 466, 467, 468).

Д. Т. Шепилов 23 января 1956 года поручил Д. А. Поликарпову и его заместителю Б. С. Рюрикову провести такую встречу, но она состоялась только 4 сентября.

Возобновлено издание газеты «Московские новости» на английском языке, закрытой в 1949 году, в ходе борьбы с «космополитами».

5 января. В «Правде» (с. 2) редакционная статья «Серьезная неудача драматурга» о пьесе Николая Погодина «Мы втроем поехали на целину».

В «Правде» неправда, – пишет в дневнике Нина Бялосинская. – До каких пор будут обрушиваться на такие начинания, как «Мы втроем поехали на целину»? Конечно, Погодин не сумел написать эту пьесу, ему надо было отдать материал Леонову. И тогда было бы все на месте. Но ведь «Правда» в редакционной статье выступает против замысла. Ведь там говорится, что не типичен образ Летавина – обюрократившегося комсорга, что Ракиткин должен был поехать на целину... постой, сейчас процитирую: «по велению ума

и сердца патриота», а не от суда. Кстати, он не от суда поехал, а начинать новую жизнь.

Я хочу знать, почему газета моей партии не борется с комсомольскими бюрократами в жизни, а борется с ними в литературе, почему она думает, что молодежь «с велением ума и сердца патриота» в пьесе заменит с должным эффектом отсутствие такой молодежи в жизни.

До каких пор мы будем превращать литературу в замазку, которой замазывают клопные щели? Ведь ее функция вытравлять клопов, а не замуровывать их.

– Возмутительная статья в «Правде», – сказала я. – Вот сейчас дочитаю последние строки и напишу гневное опровержение... себе в записную книжку (Н. Бялосинская // Знамя. 2018. № 8. С. 46).

7 января. Министр культуры СССР Н. А. Михайлов обращается в ЦК КПСС с предложением об освобождении Александра Герасимова от обязанностей президента Академии художеств:

Тов. Герасимов своим неправильным поведением, нетерпимостью к критике, грубыми и бестактными высказываниями на собраниях дискредитировал себя как президент. Тов. Герасимов не пользуется никаким авторитетом среди деятелей искусства. <...> Иногда его выступления вызывают единодушное возмущение присутствующих (цит. по: В. Воловников. С. 44).

А. Герасимов «по состоянию здоровья» покинет свой пост только в январе 1957 года.

9 января. В Доме культуры издательства «Правда» начали совместную работу пленум правления СП СССР и Третье всесоюзное совещание молодых писателей. В совещании приняли участие 365 молодых авторов. С докладом «Новое пополнение советской литературы» выступил Василий Ажаев (сокращенная стенограмма – в «Литературной газете» от 12 января. С. 1–2), с содокладами – Александр Макаров («Творчество молодых советских поэтов») и Виктор Розов («Некоторые вопросы развития молодой драматургии»). Обширные выдержки из содокладов помещены в том же номере газеты (с. 5).

Среди имен, отмеченных в «Литературной газете», Юлия Друнина, Вероника Тушнова, Константин Ваншенкин, Александр Межиров, Владимир Соколов, Евгений Евтушенко, Григорий Бакланов, Афанасий Салынский, Михаил Шатров.

Совещание продолжалось до 16 января.

10 января. Начало гастролей афроамериканской оперной труппы «Эвримен опера» в Москве. Хит – «Порги и Бесс» Джорджа Гершвина в постановке Роберта Брина. Вместе с труппой в СССР по командировке журнала «Нью-Йоркер» приезжает Трумен Капоте – он уже в конце года выпустит в США книгу-репортаж об этом путешествии «Музы слышны».

На втором представлении «Порги и Бесс» в Музыкальном театре имени К. С. Станиславского и В. И. Немировича-Данченко 11 сентября присутствовали Л. М. Каганович, Г. М. Маленков, А. И. Микоян, В. М. Молотов, М. Г. Первухин, М. А. Суслов, Н. С. Хрущев, Д. Т. Шепилов. Как замечает в дневниковой записи Сергей Дмитриев, побывавший на спектакле 15 января,

если сопоставить эту оперу с советскими попытками создания опер на современную тему, то следует признать американский опыт (т. е. «Порги и Бесс») значительно более удачным. Основа оперы – музыка. Она у Гершвина в опере современна, она сама – дыхание современности американской. Наши же оперы, на современные или исторические сюжеты они писаны – вполне безразлично, просто упражнения на основе запоздалого

эпигонства под мелос классиков оперного жанра, прежде всего русского. Но замечательные оперы Глинки, Чайковского, Римского-Корсакова и весьма поучительное оперное наследство Мусоргского – произведения не какой-то раз навсегда данной, для всех времен и народов Советского Союза, классики. Наоборот, они замечательны более всего потому, что являются детищами своего времени. В них мелос *русской* жизни середины и второй половины XIX в. Подражать им в середине и второй половине XX в. – значит не слышать голоса современности, мелоса нашей жизни. Отсюда неудачи «Тихого Дона», «Семьи Тараса», «Декабристов», оперы по роману Е. Мальцева «От чистого сердца»¹⁰⁶; такая же судьба постигнет, вероятно, «Никиту Вершинина»¹⁰⁷.

Более других преуспели в опытах создания современной оперы Шостакович («Леди Макбет») и отчасти Прокофьев («Война и мир»). Но первому дали еще в его юные годы такую всесоюзную «вселенскую смазь», что он, видимо, на всю жизнь закаялся писать оперы. Второй же вообще не оперный композитор. Музыкант отличный, Прокофьев слишком лиричен и разинтеллигентен, чтобы быть способным к опере. Все же его «Война и мир» была смелой и заслуживающей внимания попыткой создания новой, современной по музыкальному духу оперы (Отечественная история. 2000. № 1. С. 163).

16 января. На экраны страны выходит фильм Михаила Швейцера «Чужая родня».

18 января. В Театре-студии киноактера премьера спектакля «Обыкновенное чудо» по пьесе Евгения Шварца (постановка Эраста Гарина).

25 января. Из дневника Сергея Дмитриева:

На днях «Литературная газета» писала об образовании комиссий по литературному наследию Бруно Ясенского, Давида Бергельсона. Ясенский был объявлен шпионом и, по слухам, расстрелян, примерно, около 1936–37 гг. Бергельсон был, кажется, просто предан забвению как еврейско-русский писатель. Но что из этих комиссий воспоследует, неизвестно. Пожалуй, более полутора лет назад создали комиссию по наследству, то бишь по воскрешению из мертвых, Михаила Кольцова. Уже по крайней мере с конца 1952 г. делаются заявления об издании произведений Ильфа и Петрова. Но изданий нет¹⁰⁸ (Там же. С. 164).

31 января. Совет по делам Русской Православной Церкви рассылает своим уполномоченным циркуляр, требуя внимательнее следить за деятельностью духовенства и особенно сосредоточиться на сборе дополнительной информации о молодых и активных священниках.

Молодое духовенство, – как указано в циркуляре, – значительно активизируется, принимая целый ряд мер к укреплению церкви (благолепие в храмах, их ремонт, усиление проповеднической деятельности и др.), которые создают определенный авторитет молодому духовенству среди верующих (цит. по: Вестник церковной истории. 2010. № 1–2. С. 246).

Отдел пропаганды и агитации ЦК КПСС доносит, что «содержание статьи» Давида Ойстраха «Гастроли в США», 24 января опубликованной газетой «Советская культура», «про-

¹⁰⁶ Правильно: «От всего сердца».

¹⁰⁷ Опера Дмитрия Кабалевского по повести и пьесе Всеволода Иванова «Бронепоезд 14–69». Премьера в Большом театре прошла 26 ноября 1955 г.

¹⁰⁸ Романы «Двенадцать стульев» и «Золотой теленок» были, после долгого перерыва, выпущены Гослитиздатом с предисловием Константина Симонова в 1956 г.

никнуто восхвалением американской буржуазной культуры» (Аппарат ЦК КПСС и культура. 1953–1957. С. 481).

Сдан в набор первый выпуск сборника «Литературная Москва».

Январь. По свидетельству Ольги Ивинской, Борис Пастернак передает рукопись романа «Доктор Живаго» в журналы «Новый мир» и «Знамя»¹⁰⁹.

В начале 1956 года мама отнесла рукопись в «Знамя» и в «Новый мир», – рассказывает дочь Ольги Ивинской Ирина Емельянова (*О. Ивинская, И. Емельянова. С. 424*).

...в «Новом мире», – говорит сама Ивинская, – лежал не переплетенный экземпляр; переплетенные книжки были даны в Гослитиздат и в «Знамя» (*О. Ивинская. Годы с Борисом Пастернаком. С. 230*).

Роман «Доктор Живаго» долго лежал у меня в редакторском столе¹¹⁰, – в беседе со Львом Копелевым вспоминает Георгий Владимов, с августа 1956 года работавший в отделе прозы «Нового мира». – Начальство колебалось: печатать – не печатать, давайте подождем. Ну, в конце концов вернули Пастернаку (*Л. Копелев, Г. Владимов // Знамя. 2019. № 7. С. 161*).

Судя по дневниковой записи Константина Федина, главный редактор «Нового мира» Константин Симонов, вернувшись из отпуска, приступил к чтению романа только в середине августа (см.: Константин Федин и его современники. Т. 2. С. 160). О том, что происходило с «Доктором Живаго» в редакции «Знамени», достоверных сведений нет. Можно предположить, что Ольга Ивинская как бы неофициально передала роман Вадиму Кожевникову¹¹¹, и тот, не зарегистрировав рукопись в установленном порядке, но прочитав ее, в телефонном разговоре отказал Пастернаку¹¹².

Папа, – вспоминает Надежда Кожевникова, – пересказал мне потом слова Бориса Леонидовича: «Спасибо, что вы не учите меня писать, а только предлагаете мне сокращения и объясняете, почему они необходимы». На этом писатель и редактор и разошлись (*Н. Кожевникова // Алеф. 2003. № 924. С. 37*).

Разошлись они тогда, впрочем, не окончательно – в сентябрьском номере «Знамени» под общим названием «Новые строки» появились восемь стихотворений Пастернака, не входящих в цикл «Тетрадь Юрия Живаго». А вот упоминаний о романе нет ни в протоколах засе-

¹⁰⁹ Е. Б. Пастернак датирует передачу в «Новый мир» и «Знамя» полной рукописи романа «ранней весной 1956 года», указывая, что «потом» она поступила в издательство «Художественная литература». Сколько можно судить по докладной записке председателя КГБ И. Серова от 24 августа, рукопись была передана в «Новый мир» только в апреле. «Его роман лежал в редакции примерно два месяца в ожидании возвращения Симонова из отпуска», – сказано в дневниковой записи Константина Федина от 14 августа (Константин Федин и его современники. Т. 2. С. 160).

¹¹⁰ «<...> у тебя в журнале, у тов. Кожевникова <и> в Гослитиздате несколько месяцев лежала эта рукопись, и ни у кого не вызвало это чувства протеста», – 7 декабря 1956 года выговаривает Симонову Поликарпов на совещании в ЦК КПСС по вопросам литературы (РГАНИ. Ф. 5. Оп. 36. Ед. хр. 12). «Время шло, а роман все еще не был опубликован. И отрицательных отзывов не было никаких» (*О. Ивинская, И. Емельянова. С. 187*). «Посланные в журналы экземпляры романа лежали там мертвым грузом, предложенный в альманах «Литературная Москва» вернулся к автору с отказом», – подтверждают Е. Б. и Е. В. Пастернак (*Б. Пастернак. Собр. соч. Т. 4. С. 655*).

¹¹¹ В начале 30-х годов, – сообщает Надежда Кожевникова, – «у них с папой был роман, я думаю, это был первый роман в ее жизни» (*Алеф. 2003. № 924. С. 37*). «<...> Человеком, которому безразлична моя собственная судьба» называет Кожевникова и сама Ивинская (*О. Ивинская, И. Емельянова. С. 197*).

¹¹² Об этом разговоре («Я сейчас же позвонил ему <...>») Кожевников 7 декабря 1956 года напоминает и на совещании в ЦК (РГАНИ. Ф. 5. Оп. 36. Ед. хр. 12). Следует, однако, принять во внимание, что телефона на даче Пастернака тогда еще не было.

даний редколлегии, ни в других сохранившихся редакционных документах. Известно лишь, что экземпляр рукописи, находящийся ныне в фондах РГАЛИ, 17 мая 1961 года, то есть спустя почти год после смерти Пастернака, был отправлен в КГБ при СМ СССР вместе с сопроводительным письмом, где сказано:

Направляю рукопись романа Б. Пастернака «Доктор Живаго», которая в свое время была получена редакцией от автора и отклонена.

Рукопись хранилась в сейфе редакции.

Отв. секр. ред. ж-ла «Знамя» В. Катинов.

В ЦДРИ начинаются концерты джазовой музыки.

«Восьмерка» – первый советский джазовый ансамбль, целиком состоящий из импровизаторов, – стала ядром реорганизованного оркестра, руководителем которого был приглашен Юрий Саульский. Оркестр, по существу самодеятельный, своими серьезными устремлениями и высокими художественными критериями вскоре достиг настоящего профессионального уровня. <...>

На какое-то время молодежный эстрадный оркестр ЦДРИ превратился в джазовую школу-студию (Другое искусство. С. 10).

Журналы в январе

В «Знамени» (№ 1) повесть Павла Нилина «Испытательный срок» (из цикла «Подробности жизни»).

В «Новом мире» (№ 1) роман Александра Бека «Жизнь Бережкова» (окончание – № 5).

В «Юности» (№ 1) роман Валентина Катаева «Хуторок в степи» (окончание – № 3).

В «Октябре» (№ 1) стихи Бориса Слуцкого («Рабочая песня», «Гудки», «Память», «Гора», «Перерыв»).

Февраль

2 февраля. Умер художник Петр Петрович Кончаловский (род. в 1876).

Звание Героя Советского Союза присвоено посмертно поэту Мусе Джалилю «за исключительную стойкость и мужество, проявленные в боях с немецко-фашистскими захватчиками» (Правда, 3 февраля. С. 1). И этим званием, и Ленинской премией по литературе в следующем году Джалиль был отмечен после того, как выяснилось, что в плену у немцев он создал подпольную организацию, а на родину были переданы его предсмертные стихи.

6 февраля. Из дневника Валерия Кирпотина:

После смерти Сталина в русскую литературу возвращается имя Достоевского. В «Правде» редакционная статья «Великий русский писатель». Сказано буквально следующее: «Всемирный Совет Мира включил 75-летие со дня смерти Достоевского в число дат, которые будут отмечены в нынешнем году во всех странах».

Следующая запись от 26 февраля:

В журнале «Коммунист», № 2, опубликована статья Б. Рюрикова «Великий русский писатель Ф. М. Достоевский». Статья заканчивается словами: «Советская и мировая общественность отмечает 75-летие со дня смерти Ф. М. Достоевского. Всемирный Совет Мира включил эту дату в число юбилейных дат, отмечаемых сторонниками мира во всем мире». Вот и все, что им известно о Федоре Михайловиче: что он – великий писатель, что 75 лет назад умер и что Всемирный Совет Мира, а значит, и Фадеев, решили отметить эту дату... (В. Кирпотин. С. 620).

9 февраля. Комиссия в составе П. Н. Пospelова, А. Б. Аристов, Н. М. Шверника и А. В. Комарова, образованная 31 декабря 1955 года, представила в Президиум ЦК КПСС «пространную записку», где, – по словам А. И. Микояна, —

приводились ужаснувшие нас цифры о числе советских граждан, репрессированных и расстрелянных по обвинению в «антисоветской деятельности» за период 1935–1940 гг., и особенно в 1937–1938 гг. <...> Мы утвердили все выводы комиссии Пospelова без изменений (А. Микоян. С. 592, 593).

По воспоминаниям Л. М. Кагановича, первоначально «предполагалось собрать после XX съезда Пленум ЦК и заслушать доклад комиссии с соответствующими предложениями» (Л. Каганович. С. 571).

В «Литературной газете» (с. 3, 4) статьи Бориса Мейлаха «Сила художника», Валерия Кирпотина «Достоевский в Сибири», Ивана Анисимова «Достоевский и его „исследователи“» к 75-летию со дня смерти Ф. М. Достоевского.

В Ленинградском театре имени Ленинского комсомола премьера спектакля по роману Ф. М. Достоевского «Униженные и оскорбленные». Постановка Георгия Товстоногова и Ильи Олшвангера.

На юбилейном торжественном вечере в Колонном зале Дома Союзов с докладом о творчестве Достоевского выступает Владимир Ермилов.

11 февраля. Открытие новой экспозиции в Музее-квартире Ф. М. Достоевского в Москве.

13 февраля. Пленум ЦК КПСС принимает решение о проведении на XX съезде закрытого заседания и выступлении на нем Н. С. Хрущева с докладом «О культе личности и его последствиях» (Известия ЦК КПСС. 1989. № 3. С. 166)¹¹³. Как рассказывает А. И. Микоян,

когда речь зашла о докладчике на съезде, я предложил сделать доклад не Хрущеву, а Пospelову как председателю комиссии ЦК партии. <...> Хрущев мне ответил: «Это неправильно, потому что подумают, что Первый секретарь уходит от ответственности и вместо того, чтобы самому доложить о таком важном вопросе, предоставляет возможность выступить докладчиком другому». Настаивал, чтобы основным докладчиком был именно он. Я с этим согласился, так как при таком варианте значение доклада только возрастало. Он оказался прав (А. Микоян. С. 594).

В Государственной Третьяковской галерее открывается «Выставка произведений советских художников 1917–1956 годов». В ней приняли участие 184 художника.

Георгий Товстоногов назначен главным режиссером Большого драматического театра имени М. Горького в Ленинграде.

14 февраля. В Большом Кремлевском дворце открывается XX съезд КПСС. С Отчетным докладом ЦК выступает Н. С. Хрущев.

Начато регулярное вещание Первой и Второй программ Центрального телевидения.

16 февраля. Выступая на XX съезде КПСС, А. И. Микоян, в частности, заявляет:

Главной чертой, характеризующей работу Центрального Комитета и его Президиума за последние три года, является то, что в нашей партии **после долгого перерыва создано коллективное руководство**. <...>

Главное в том, что этот коллектив, руководствуясь ленинскими идеями, ленинскими принципами строительства партии и партийного руководства, за короткий срок добился восстановления ленинских норм партийной жизни сверху донизу.

Принцип коллективного руководства является элементарным для пролетарской партии, для партии ленинского типа, однако приходится подчеркивать эту старую истину потому, что в течение примерно 20 лет у нас фактически не было коллективного руководства, процветал культ личности, осужденный еще Марксом, а затем и Лениным, и это, конечно, не могло не оказать крайне отрицательного влияния на положение в партии и на ее деятельность¹¹⁴ (Правда, 18 февраля. С. 4).

Как подчеркивает Микоян в своих воспоминаниях,

в открытых выступлениях на съезде я единственный подверг в своей речи принципиальной критике отрицательные стороны деятельности Сталина, что вызвало среди коммунистов шум и недовольство (А. Микоян. С. 594).

¹¹³ Этой информации противоречат воспоминания Л. М. Кагановича о том, что решение прочесть доклад было принято спонтанно, уже когда «XX съезд подошел к концу» (Л. Каганович. С. 570). См. 25 февраля.

¹¹⁴ «Но в один из первых дней после открытия съезда, – вспоминает Наум Коржавин, – кто-то из моих друзей, к чьим словам я относился серьезно, встретил меня словами: „Выступление Микояна на съезде читал? Нет? А ты прочти!“ И я прочел. Впечатление было оглушающим. Это была резкая, откровенно антисталинская речь, первая такая в открытой советской печати. Потом пошли такие же речи других руководителей. Именно руководителей. Отчасти потому, что так, видимо, было договорено, но был и элемент искренности» (Н. Коржавин. Т. 2. С. 703–704). «Окажутся ли слова Микояна подхваченными другими? – 16 февраля задается вопросами в своем дневнике Сергей Дмитриев. – Найдут ли они развитие и последуют ли за ними реальные действия? Или эти слова окажутся чем-то вроде „Оттепели“ Эренбурга? Не подлежит сомнению, что слова эти прежде всего произнесены для нужд и потребностей внешнеполитической пропаганды (вот, мол, мы какие самокритики; вот мы как далеки от политики главы двадцатилетнего периода культа личности!)» (Отечественная история. 2000. № 1. С. 165).

Что же касается остальных ораторов, то

многие, – 24 февраля записывает в дневник Нина Бялосинская, – цитируют в своих докладах Сталина, но без ссылок. Видимо, с легкой руки съезда все так будут делать (Н. Бялосинская // Знамя. 2018. № 8. С. 47).

На Основной сцене МХАТа премьера спектакля «Кремлевские куранты». Постановщики Мария Кнебель и Иосиф Райский, режиссер Василий Марков. В роли Ленина Борис Смирнов. На спектакле присутствуют Н. А. Булганин, А. И. Микоян, М. А. Сулов, Н. С. Хрущев, делегаты съезда, видные деятели искусства, представители широкой общественности столицы.

15 февраля – 15 марта. В Доме художника (Кузнецкий Мост, 11) и в выставочном зале Оргкомитета Союза советских художников СССР (Кузнецкий Мост, 20) Вторая выставка произведений молодых художников Москвы и Московской области. Среди 479 участников выставки Дмитрий Жилинский, Петр Оссовский, Борис Биргер, Дмитрий Краснопевцев, Владимир Лемпорт, Вадим Сидур, Р. (Николай) Силис и др. Всего было выставлено 1080 произведений 518 авторов (Вторая выставка произведений молодых художников <...>. С. 6).

17 февраля. На XX съезде партии с речью выступает А. Сурков, который, в частности, говорит:

В ходе борьбы с лакировкой и бесконфликтностью у ряда литераторов наметилась тенденция видеть все вокруг себя только в темных тонах и изображать действительность только черными или, в лучшем случае, серыми красками. Кое у кого появилось стремление к уходу от больших тем современности в мир интимных переживаний, стремление к поэтизации мелких мещанских чувств, размазывание под видом критики пережитков капитализма, различных «оттепелей» и бытовой серости, скопившейся на задворках нашего большого мира, охваченного пафосом созидательного труда.

В этот же день подписан в печать 1-й выпуск сборника «Литературная Москва», подготовленного редколлекцией в составе М. И. Алигер, А. А. Бека, Г. С. Березко, В. Каверина, Э. Г. Казакевича, А. К. Котова, К. Г. Паустовского, В. А. Рудного, В. Ф. Тендрякова¹¹⁵. В составе сборника роман Эм. Казакевича «Дом на площади»¹¹⁶, стихи Анны Ахматовой «Петроград. 1916» и «Азия», главы «Огни Сибири» и «Друг детства» из книги «За далью даль» А. Твардовского¹¹⁷, рассказы «Тетя Луша», «Возница», «Дружок», «Анкета» и «Погубительница» Сергея

¹¹⁵ «Первый том, – 4 июня написал Эммануил Казакевич Константину Федину, – был пробой наших сил и разведкой в стане празднично болтающих и обаяющих руки. Второй, надеюсь, будет более решительным и определенным» (Э. Казакевич. Слушая время. С. 374).

¹¹⁶ Сам факт этой публикации вызвал раздраженную реакцию Анны Ахматовой: «Совсем дикие люди. Казакевич поместил 400 страниц собственного романа. Редактор не должен так делать. Это против добрых нравов литературы» (Л. Чуковская. Записки об Анне Ахматовой. Т. 2. С. 86). Следует, однако, иметь в виду, что роман «Дом на площади» был ранее принят к печати журналом «Знамя». Но Эммануил Казакевич вынужден был забрать его оттуда, чтобы в срочном порядке заменить своим произведением роман Владимира Дудинцева «Не хлебом единым» – его рукопись столь долго лежала в журнале «Новый мир» без движения, что автор, потеряв надежду, передал ее в «Литературную Москву». Однако, узнав об этом, редколлегия «Нового мира» прислала категорический протест против напечатания романа в сборнике, ссылаясь на договор, ранее заключенный с Дудинцевым, и Казакевичу как одному из составителей сборника пришлось вернуть роман «Не хлебом единым» обратно в «Новый мир». См. об этом письма Казакевича Дудинцеву и в редакцию журнала «Знамя» (Э. Казакевич. С. 372–373).

¹¹⁷ «Я <...> принялся читать стихи Твардовского, – записал Чуковский 28 февраля 1956 года, – и вдруг дошел до „Встречи с другом“ <...> и заревел» (К. Чуковский. Дневник. С. 211). И совсем по-другому отозвался бывший лагерник Аркадий Добровольский в письме от 18 августа к другому бывшему лагернику Варламу Шаламову: «Конечно, кусок из поэмы Твардовского „Друг детства“ – хорош. Но он и радует и возмущает одновременно. В начале поэмы ляпнуть этакий домостроевский рекем на смерть Великого Хлебореза и блядски вилать задом, оправдывая это „крутое самовластье“, а через пару сотен строк строить из себя хризантему и задавать риторические вопросы: „Винить в беде его безгласной страну? При чем же тут страна?.. Винить в своей судьбе жестокой народ? Какой же тут народ!..“ Талант „применительно к подлости“ и больше ничего!» (В. Шаламов. Т. 6. С. 144–145).

Антонова, «Шестое августа» Василия Гроссмана, «Портрет» Виктора Шкловского, «Заметки к переводам шекспировских трагедий» Бориса Пастернака¹¹⁸.

И вот, в письме А. З. Добровольскому, оценка этой книги Варламом Шаламовым:

Этот альманах (ценой в 18 р. 75 к.)¹¹⁹ идет нарасхват, в Москве 200 руб. идет с рук и только из-за тех 6–7 страниц Б. Л. <Пастернака>¹²⁰, потому что, несмотря на именитость и поэтов и прозаиков – читать там больше нечего (В. Шаламов. Т. 6. С. 141).

19 февраля. На сцене Малого театра в Москве спектакль Ленинградского академического театра имени А. С. Пушкина «Оптимистическая трагедия» по пьесе Вс. Вишневского в постановке Георгия Товстоногова. Художник Анатолий Босулаев, композитор Кара Караев, режиссер Рубен Агамирзян. На представлении присутствуют Л. М. Каганович, Г. М. Маленков, А. И. Микоян, М. А. Суслов, Н. С. Хрущев, делегаты XX съезда, представители общественности столицы (Правда, 20 февраля. С. 1).

В Большом театре премьера балета Александра Крейна «Лауренсия». Балетмейстер Вахтанг Чабукиани, художник Вадим Рындин, дирижер Юрий Файер. В главных ролях Майя Плисецкая и Вахтанг Чабукиани. На спектакле присутствуют А. И. Кириченко, В. М. Молотов, А. Б. Аристов, делегаты XX съезда, представители общественных организаций, деятели музыкального и театрального искусства (Там же).

20 февраля. На XX съезде КПСС с речью выступает Михаил Шолохов. Из речи:

Я обязан сейчас, с глазу на глаз со своей родной партией, говорить о литературе пусть горькую, но правду.

<...> за последние 20 лет у нас вышло хороших, умных, хороших книг наперечет, а вот серятины хоть отбавляй!

<...> не некоторые, а очень многие писатели давненько уже утратили связь с жизнью и не оторвались от нее, а тихонько отошли в сторону и спокойно пребывают в дремотной и непонятной мирозерцательной бездеятельности. Как ни парадоксально это звучит, но им не о чем писать. <...>

Надо решительно перестроить всю работу Союза писателей.

<...> Фадеев оказался достаточно властолюбивым генсеком и не захотел считаться в работе с принципом коллегиальности. Остальным секретарям работать с ним стало невозможно. 15 лет тянулась эта волюнка. Общими и дружными усилиями мы похитили у Фадеева 15 лучших творческих лет его жизни, а в результате не имеем ни генсека, ни писателя.

<...> Некогда ему было заниматься такими „пустяками“, как писание книг.

<...> Ни Федин, ни Гладков, ни Леонов – никто из крупных прозаиков не ходил к Фадееву учиться писать романы.

<...> Если же к таким литературным руководителям, как Фадеев или Сурков, никто из их товарищей по профессии за решением творческих

¹¹⁸ См. позднейшую запись Евгения Пастернака: «Боря рассказывал, как весной 1956 года к нему приходили два человека. Это были Каверин и Казакевич, но папа не назвал их имена, только сказал, что одного из них даже считают талантливым. Они предлагали ему печататься в „Литературной Москве“, и он дал им „Замечания к переводам Шекспира“. Но вообще он не понимает этих, якобы свободных, писательских журналов. Лучше уж государственные, в них всё ясно, что можно говорить, а что нет. А тут вроде всё можно, тогда как из чувства взятой на себя ответственности они боятся вообще что-либо сказать. Он предлагал им напечатать роман, но они отказались, хотя Всеволод Иванов готов был его отредактировать» (Б. Пастернак. Т. 11. С. 698).

¹¹⁹ 18 р. 50 к.

¹²⁰ С. 794–809.

вопросов не ходил, не ходит и ходить не собирается, то, спрашивается, зачем же нам такие руководители нужны? <...>

Творческих работников литературы нужно избавить от излишней заседательской суетни, от всего того, что мешает им создавать книги¹²¹ (Правда, 21 февраля. С. 8).

21 февраля. Запись в дневнике Корнея Чуковского:

Замечателен, мажорен, оптимистичен, очень умен XX съезд, – хотя говорят на нем большей частью длинно, банально и нудно. Впервые *всякому* стало отчетливо ясно, что воля истории – за нас (К. Чуковский. Т. 13. С. 211).

Ленинградское отделение издательства «Советский писатель» принимает решение об издании сборника стихов Анны Ахматовой объемом 5 авторских листов.

Это издание не было осуществлено.

22 февраля. Главным редактором журнала «Советская литература» (на иностранных языках) назначен Дмитрий Еремин.

24 февраля. Членом ЦК КПСС, среди прочих, избран Александр Корнейчук, кандидатами в члены ЦК – Алексей Сурков и Александр Фадеев, членами Центральной ревизионной комиссии Всеволод Кочетов, Александр Прокофьев и Константин Симонов.

Александр Солженицын пишет заявление на имя Н. С. Хрущева, а также письма заместителю председателя Совета Министров СССР А. И. Микояну, министру обороны Г. К. Жукову, Генеральному прокурору СССР Р. А. Руденко, настаивая на полной реабилитации и возврате боевых орденов.

Иван Гронский отправляет письмо на имя В. М. Молотова, где, в частности, сказано:

Зная хорошо Павла Васильева, я, глубочайшим образом, убежден в его невиновности. В живых его, по-видимому, нет. Поэтому вернуть его к творческой жизни мы уже не можем. Но реабилитировать, собрать и издать его произведения мы можем. А если мы это сделаем, то тем самым мы вернем нашему народу его замечательного певца, настоящего большого поэта, с потрясающей художественной силой отразившего эпоху первой и величайшей в мире революции социалистического пролетариата (С. Гронская. С. 48).

27 февраля с такого же рода ходатайством к Молотову обращается и вдова поэта Е. А. Вялова (Там же. С. 48–49). На черновике своего послания Гронский пометил:

Через четыре дня после отсылки этого письма, из ЦК партии позвонили жене Павла Васильева и предложили ей пойти к директору Гослитиздата для заключения договора на издание сочинений Павла Васильева, что она и сделала. И. Г. (Там же. С. 48).

25 февраля. На закрытом заседании XX съезда КПСС (с приглашением около ста реабилитированных и освобожденных из заключения партийных активистов) Н. С. Хрущев высту-

¹²¹ В «Литературной газете» 28 февраля появилось «Письмо в редакцию» члена партии с 1918 года А. Гиндина, который, прочитав выступление Шолохова, обвинил его в снижении творческой активности и отметил демагогию в высказываниях о писательских дачах и отдыхе на курортах (с. 8). Критические замечания в адрес Шолохова содержались и в подборке читательских писем, которые были напечатаны в «Литературной газете» 5 апреля (с. 2). А вот мнение Варлама Шаламова: «Шолоховская речь произвела и на Вас, и на Валю впечатление, – 30 марта пишет он в Магадан Аркадию Добровольскому. – А мне было стыдно ее читать – как может писатель, большой писатель понимать свое дело таким удивительным образом. Как странно, если искренне, определены болезни писательского мира. Какие бесподобные рецепты тут предлагаются. Горький – во многом великий пошляк, но он все-таки был работником искусства, он был обучен как-то понимать искусство, а этот ведь не дал себе труда заглянуть в свое собственное дело» (В. Шаламов. Т. 6. С. 138).

пает с секретным докладом «О культе личности и его последствиях»¹²². Как указывается в комментариях к первой официальной публикации доклада,

ход закрытого заседания съезда не стенографировался. После окончания доклада было решено прений по нему не открывать. По предложению Н. А. Булганина, председательствовавшего на этом заседании, съезд единогласно принял постановление «О культе личности и его последствиях» <...> а также постановление о рассылке текста доклада партийным организациям без опубликования его в открытой печати (Известия ЦК КПСС. 1989. № 3. С. 166).

По воспоминаниям Н. С. Хрущева,

съезд выслушал доклад молча. Как говорится, слышно было полет мухи. Люди были поражены зверствами, которые совершены над членами партии, заслуженными, старыми большевиками и молодежью. Это была трагедия для партии, для делегатов съезда (Н. С. Хрущев вспоминает... // Аргументы и факты, 1989, 8–14 апреля. С. 7).

Вечером в Кремле делегации коммунистических и рабочих партий, присутствовавшие на съезде, были ознакомлены с содержанием доклада «О культе личности и его последствиях». Комментируя это и последующие действия власти по развенчанию культа личности, Давид Самойлов уже в 1969 году заметил:

Хрущев отнюдь не развенчивал сталинизм. Он развенчивал лишь карательную политику Сталина и большего делать не собирался. Развенчивание продолжалось несколько лет и развивалось противоречиво. В нем можно разглядеть и субъективные, чисто психологические моменты. Но можно смело утверждать, что Хрущев и его единомышленники планировали критику лишь одного, как им казалось, личного недостатка Сталина – его политику 37-го года.

Планирование, однако, и здесь не удалось.

<...> Страх, внушаемый карательными органами, был не случайной примесью, а одной из главных основ сложившегося бюрократического общества. Критикуя карательную политику Сталина, Хрущев открывал многочисленные клапаны, снимал запрет с других форм критики. Это происходило в атмосфере общества, уже очнувшегося от шока и одурения предыдущей эпохи, в котором возникло неодолимое желание знать правду

¹²² «Был, – вспоминает А. И. Микоян, – небольшой спор по этому вопросу. Молотов, Каганович и Ворошилов сделали попытку, чтобы этого доклада вообще не делать. Хрущев и больше всего я активно выступили за то, чтобы этот доклад состоялся. Маленков молчал. Первухин, Булганин и Сабуров поддержали нас. Правда, Первухин и Сабуров не имели такого влияния, как все остальные члены Президиума.<...> Было принято решение, что в конце съезда, на закрытом заседании, после выборов в ЦК (что для Молотова и Кагановича казалось очень важным) такой доклад сделать» (А. Микоян. С. 594). Живописные подробности добавляют воспоминания Л. М. Кагановича: «XX съезд подошел к концу. Но вдруг устраивается перерыв. Члены Президиума созываются в задней комнате, предназначенной для отдыха. Хрущев ставит вопрос о заслушивании на съезде его доклада о культе личности Сталина и его последствиях. Тут же была роздана нам напечатанная в типографии красная книжечка – проект текста доклада. Заседание проходило в ненормальных условиях – в тесноте, кто сидел, кто стоял. Трудно было за короткое время прочесть эту объемистую тетрадь и обдумать ее содержание, чтобы по нормам внутрипартийной демократии принять решение. Все это за полчаса, ибо делегаты сидят в зале и ждут чего-неизвестного для них, ведь порядок дня съезда был исчерпан. <...> Именно об этом и говорили товарищи Каганович, Молотов, Ворошилов и другие, высказывая свои возражения. Кроме того, товарищи говорили, что мы просто не можем редактировать доклад и вносить нужные поправки, которые необходимы. Мы говорили, что даже беглое ознакомление показывает, что документ односторонен, ошибочен. Деятельность Сталина нельзя освещать только с этой стороны, необходимо более объективное освещение всех его положительных дел, чтобы трудящиеся поняли и давали отпор спекуляции врагов нашей партии и страны на этом. Заседание затянулось, делегаты волновались, и поэтому без какого-либо голосования заседание завершилось и пошли на съезд. Там было объявлено о дополнении к повестке дня: заслушать доклад Хрущева о культе личности Сталина» (Л. Каганович. С. 570, 571).

о своем состоянии. Критика лагерей и 37-го года неминуемо и помимо воли развивала критическую мысль во всех слоях общества и во всех сферах его деятельности. Стихийный процесс критики и самокритики трудно было сдержать и ввести в режим. Для этого неизбежно было бы снова вернуться к методам 37-го года. Это оказывалось в тот период невозможным (Д. Самойлов. Памятные записки. С. 454–456).

Журналы в феврале

В «Новом мире» (№ 2) повесть Владимира Тендрякова «Саша отправляется в путь» (окончание – № 3)¹²³. В «Театре» (№ 2) драма Виктора Розова «Вечно живые».

¹²³ В книжных изданиях эта повесть получила название «Тугой узел».

Март

1 марта. В «Литературной газете» (с. 3) сообщение о том, что растет число кинофильмов, выпускаемых на экраны. Всего в течение года советские зрители увидят около 150 как отечественных, так и зарубежных кинокартин.

2 марта

Что же такое? Ведь я знала, что что-то не так. Но что не так – я не знала. Вот в чем секрет. А теперь надо разобраться. Но я разберусь. Все равно. Люди приходят и уходят, а поход в коммунизм продолжается, – откликается в дневнике Нина Бялосинская на слухи о «закрытом» докладе Н. С. Хрущева (*Н. Бялосинская // Знамя. 2018. № 8. С. 47*).

4 марта.

Запись в дневнике Корнея Чуковского:

Из Третьяковки вынесли все картины, где холуи художники изображали Сталина. Из Военной Академии им. Фрунзе было невозможно унести его бюст. Тогда его раздробили на части – и вынесли по кускам.

Как кстати вышла «Лит. Москва». Роман Казакевича воспринимается как протест против сталинщины, против «угрюмого недоверия к людям»¹²⁴ (*К. Чуковский. Т. 13. С. 212*).

Как сообщается в шифрограмме из Тбилиси председателю КГБ при Совете министров СССР генералу армии И. А. Серову от первого заместителя председателя КГБ при Совете министров Грузинской ССР генерал-майора М. Ф. Швыркова,

4 марта к памятнику Сталина в городе Тбилиси стихийно стали собираться граждане, число которых к вечеру достигло 5 тысяч. У памятника выступали с песнями, стихами, посвященными Сталину. Был организован почетный караул, в основном из молодежи (цит. по: *Л. Лурье, И. Малярова. С. 157*).

5 марта. Президиум ЦК КПСС принимает постановление «Об ознакомлении с докладом тов. Хрущева Н. С. „О культе личности и его последствиях“ на XX съезде КПСС»¹²⁵. В постановлении указывается:

1. Предложить обкомам, крайкомам и ЦК компартий союзных республик ознакомить с докладом тов. Хрущева Н. С. <...> всех коммунистов и комсомольцев, а также беспартийный актив рабочих, служащих и колхозников. 2. Доклад тов. Хрущева разослать партийным организациям с грифом «не для печати», сняв с брошюры гриф «строго секретно» (*Известия ЦК КПСС. 1989. № 3. С. 166*)¹²⁶.

¹²⁴ Но вот мнение Вениамина Каверина: «Эренбург, привычно оценив альманах с политической точки зрения, сказал мне, что он мало отличается от хорошего номера „Нового мира“. Он был не прав. Правда, Казакевич, которому не нравился собственный „Дом на площади“, сказал: „Что же делать, нам все равно не обойтись без социалистического реализма“. И действительно, этот роман как бы подтверждал ту благополучную мысль, что альманах ничем не отличается от других изданий подобного рода» (*В. Каверин. Эпилог. С. 353*). «Пока я его <роман> писал, время перепрыгнуло через меня. <...> Во всяком случае я „Домов на площади“ строить больше не буду!» – вспоминает Владимир Тендряков слова Казакевича, сказанные весной 1956 года (*М. Тендрякова, О. Розенблюм // Знамя. 2019. № 7. С. 153*).

¹²⁵ «Доклад, – 9 апреля записывает для памяти Сергей Дмитриев, – напечатан типографским путем, состоит из 38 стр., сброшюрованных в красной обложке. Надпись на нем гласит: „Секретно. Подлежит возвращению в течение трех месяцев и последующему уничтожению“» (*Отечественная история. 2000. № 1. С. 170*).

¹²⁶ В некоторых случаях писателей (видимо, все-таки только известных) знакомили с этим документом и в индивидуальном порядке. См. письмо Вяч. Вс. Иванова Л. К. Чуковской от 24 апреля 1969 года: «<...> отцу <Вс. Иванову> с курьером прислали

Важно подчеркнуть, – считает необходимым напомнить Л. М. Каганович, – что члены Президиума Каганович, Молотов, Ворошилов и другие в докладах о XX съезде честно и дисциплинированно освещали вопрос о культе личности в соответствии с постановлением XX съезда (*Л. Каганович. С. 571*).

Дико, – 15 марта в дневнике комментирует это решение Сергей Дмитриев, – что доклад, видимо, думают не печатать для общего чтения. Это-то и есть наилучшее доказательство неизменности того режима, который установлен был Сталиным и остался *в сущности своей* неизменным и после смерти Сталина. Изменилась оболочка, приемы, но не существо. Письмо о процессе Берия также, ведь, официально не публиковали. Все это, очевидно, в порядке развития критики и самокритики (Отечественная история. 2000. № 1. С. 166).

Из дневника Нины Лашиной:

5-го марта, в третью годовщину смерти Сталина в городе не было ни траурных митингов, ни траурных флагов, в газетах не было ни слова. А народ притаился, но глаза его, многомиллионные глаза народа спрашивают правителей: «А где же были вы все? Зачем говорите теперь, а не тогда? Вам было все равно, что гибнут тысячи невинных, а вы боялись за свою шкуру!»

Рассказывают, что Хрущев открыто признался в своей трусости на одном из собраний, где он в своем выступлении сослался на преступления Сталина. К нему пришла записка с вопросом: «А где вы были?» Громко, на весь зал, Хрущев спросил: «Кто писал эту записку?» Никто не ответил. Хрущев сказал: «Вот и ответ на ваш вопрос. Вы боитесь, и мы боялись» (*Н. Лашина. С. 320*).

Похоже, что эту (скорее всего, выдуманную) историю пересказывали по всей стране. См., например, запись от 13 марта в дневнике ленинградки Любови Шапориной:

Говорят, будто бы, когда Хрущев читал это письмо на партийном собрании, кто-то передал ему записку: «Почему же вы молчали?» После доклада Хрущев спросил: «Кто прислал эту записку?» Молчание. «Ну вот, вы сами и ответили на свой вопрос» (*Л. Шапорина. С. 330–331*).

И новые вести из Грузии:

5 марта у памятника Сталину, – докладывает в той же шифротелеграмме генерал-майор Швырков, – собралось большое количество жителей города, приносивших и возлагавших венки. К вечеру число собравшихся достигло 10 тысяч. Сборы в основном произошли стихийно, за исключением одного случая, когда студенты различных вузов в количестве до 100 человек с 5 венками в организованном порядке, с пением грузинских народных песен, вопреки указаниям своих руководителей, прошли по центральной улице и остановились у строящегося памятника Ленину. <...> В Сухуми к памятнику Сталину собралось до 2 тысяч человек, в Батуми до тысячи человек, в Кутаиси до 2500 тысяч (цит. по: *Л. Лурье, И. Малярова. С. 157–158*).

из Союза Писателей напечатанный типографским способом доклад Хрущева. Текст был снабжен грифом: „Совершенно секретно. Не подлежит распространению“. Вернуть просили через 2 или 3 часа; за это время отец и вся наша семья прочли текст» (*Л. Чуковская. Записки об Анне Ахматовой. Т. 2. С. 655*).

В Тбилиси и других городах Грузии идут демонстрации молодежи в защиту Сталина под лозунгами «Долой Хрущева!», «Долой Булганина!», «Молотова – во главе КПСС!».

Но дело заключается в том, – свидетельствовал В. Константинов, – что информация о докладе Н. С. Хрущева <...> не могла поступить в Тбилиси официальным путем: заседание съезда было закрытым, а сам доклад был подготовлен для рассылки и чтения в партийных организациях и на собраниях комсомольско-профсоюзного актива лишь к концу марта – началу апреля 1956 года.

Следовательно, имело место явное <...> *разглашение партийной тайны* <...> Вдобавок разглашение *тенденциозное*, преднамеренно искажавшее смысл и направленность доклада и превращавшее его в своего рода *оппозиционную «платформу»* по терминологии «Краткого курса...».

И в этом контексте не случайно <...> телеграфное обращение к Молотову «с просьбой защитить имя Сталина и советский строй, связанный с этим именем, и встать во главе государства».

Потому что лишь человек, *лично знакомый* с версией о том, что после доклада Хрущева выступил Молотов «со словом для справок», где он будто бы сказал, что, несмотря на полученную на съезде информацию, он продолжает считать Сталина гениальным продолжателем дела Ленина, мог пустить эти сведения для «затравки»... (Кстати, факт выступления Молотова признается не всеми историками.) (В. Константинов. Несколько уточнений // Дружба народов. 1989. № 3. С. 174–175).

6 марта. В Тбилиси на собрании партийного актива Грузии выступает первый секретарь республиканского ЦК В. П. Мжаванадзе. Собравшимся зачитано закрытое письмо ЦК КПСС о культе личности. Это привело к тому, что демонстрации в городе начали носить ярко выраженный антихрущевский и антирусский характер. В грузинской столице введено военное патрулирование.

Между 11 и 12 часами вечера происходит первое вооруженное столкновение у здания Дома связи на проспекте Руставели. Митингующие решили проникнуть в Дом связи, чтобы отправить свои требования телеграфом в ЦК. Войска, оцепившие почтамт, никого туда не пускали. Толпа напирала. Солдаты дали предупреждающий залп в воздух. Но это не помогло. Появились первые жертвы. Но результатов это не принесло, толпа стала еще более агрессивна. Штурмовали городское управление милиции. Продолжались митинги у дома правительства и у монумента Сталину. На улице появились танки и бронетранспортеры. Зазвучал лозунг «кровь за кровь»... В эту ночь, по данным МВД Грузии, было убито 15 и ранено 54 человека, из которых 7 умерли в больницах, 200 человек арестованы (Л. Лурье, И. Малярова. С. 136).

Комментируя в дневнике слухи о волнениях в Грузии, Сергей Дмитриев 12 марта пишет:

Если это так было, то очень заслуживает внимания. Не то, что демонстрировали свои чувства к *Сталину*, а то, что *демонстрировали свои чувства*¹²⁷. Главное, чтобы нарушилось «безумное молчание», в котором почти 30 лет все общество пребывает (Отечественная история. 2000. № 1. С. 166).

Запись в дневнике Нины Бялосинской:

Читали доклад Хрущева о культе личности.

¹²⁷ Курсив С. Дмитриева.

Страшный и в то же время светлый документ. Самое страшное письмо, из которого выводилась падение не кого-нибудь, а настоящих людей. И застрелился О<рджоникидзе>. Это то же самое. Деморализация закаленных людей.

Но поразительный конец. «В этом вся трагедия». Вот материал для художника – садись и с ходу пиши роман о раздирающей душу противоречивости (Н. Бялосинская // Знамя. 2018. № 8. С. 47).

Запись в дневнике Корнея Чуковского:

Всеволод утверждает со слов Комы¹²⁸, что все книги, где было имя Сталина, изъеются теперь из библиотек. Уничтожили миллионы календарей, напечатанных «Гимн». Все стихотворные сборники Суркова, Симонова и т. д. будто бы уничтожаются беспощадно.

Большая советская энциклопедия приостановлена. Она дошла до буквы С. Следующий том был целиком посвящен Сталину, как корифею наук и т. д. На заседании редколлегии «Вопросы истории» редактор сказал: «Вот письмо *мерзавца* Сталина к *товарищу* Троцкому». <...>

Всеv. Иванов сообщил, что Фрунзе тоже убит Сталиным!!! Что фото, где Сталин изображен на одной скамье с Лениным, смонтировано жульнически. Крупская утверждает, что они *никогда*¹²⁹ вместе не снимались (К. Чуковский. Т. 13. С. 213).

Принято постановление ЦК КПСС и Совета министров СССР «О ежемесячном авансировании колхозников и дополнительной оплате труда в колхозах».

Альманах, выходивший в 1933–1937 и в 1949–1955 годах под ежегодно меняющимся названием: от «Год XVI» до «Год XXXVIII» (отсчет лет от Октябрьской революции), преобразован в ежеквартальный альманах «Наш современник». 6 марта первый номер подписан в печать. Главный редактор – Виктор Полторацкий.

7 марта. Для рабочих и служащих с 10 марта 1956 года установлен в предвыходные и предпраздничные дни сокращенный, против обычного, на два часа рабочий день, то есть продолжительностью шесть часов.

На закрытом партийном собрании в Ленинградском отделении СП СССР, куда выборочно пригласили и беспартийных писателей¹³⁰, зачитан «секретный» доклад Н. С. Хрущева на XX съезде.

Доклад был длинный, – рассказывает Владимир Адмони, – и его чтения менялись. Одним из них оказался писатель, который всем был известен как злобный стукач. Но читал он доклад Хрущева особенно выразительно. Зал молчал с такой сосредоточенностью, которую мы никогда еще не ощущали – даже тогда, когда Жданов в Смольном делал свой роковой доклад о Зощенко и Ахматовой. Потому что тогдашнее молчание было молчанием страха и растерянности. А теперь люди молчали, потому что на их глазах подводился итог эпохе, небывалой по своей жестокости – той эпохе, в которой они сами провели свою жизнь, почему-то уцелев (Т. Сильман, В. Адмони. Мы вспоминаем. С. 379).

¹²⁸ Имеются в виду Всеволод Вячеславович Иванов и его сын Вячеслав Всеволодович.

¹²⁹ Здесь и выше выделено К. Чуковским.

¹³⁰ Как, выступая в Москве 15 июня, заявила Ольга Берггольц, «у нас, в Ленинграде, на читку этого доклада не допустили одного из зачинателей советской литературы – М. М. Зощенко, несмотря на то что большая группа товарищей была возмущена этим и дошла вплоть до обкома партии с требованием допустить Зощенко на читку» (цит. по: М. Золотоносов. Гадюшник. С. 229).

А вот выразительное свидетельство Михаила Германа, в ту пору студента, о закрытом собрании коммунистов и комсомольцев в ленинградской Академии художеств:

Такой тишины за всю свою жизнь я не помню. По-моему, больше всего боялись переглянуться, высказать хоть какое-то свое отношение. О таком никогда не говорилось на людях. Нечто вроде публичного и опасного греха совершалось на глазах друг у друга, и никто друг на друга не смотрел. Лишь иногда по залу проносился испуганно-недоверчивый вздох, и вновь падала тишина. Плохо верится, что так уж все это было никому не ведомо. Скорее, поражало, что об этом говорят не шепотом, а при большом стечении народа. Вроде эффекта первых порнофильмов: всем известно, но чтобы смотреть публично! И главное – страх (это понял я позже), страх, что это не останется безнаказанным, что все теперь повязаны круговой порукой, все в опасности, все могут донести на всех. Расходились в молчании, как добродетельные отцы семейств из публичного дома – словно бы не узнавая друг друга (*М. Герман*. С. 390).

8 марта. Запись в дневнике Нины Бялосинской:

Шофер такси: «Что это в этот раз в день смерти Сталина и не помянули его нигде. Видно, он крепко всем насолил» (*Н. Бялосинская // Знамя*. 2018. № 8. С. 48).

На экраны страны выходит фильм Иосифа Хейфица «Дело Румянцева». В главной роли Алексей Баталов.

Начало сценической деятельности эстрадного ансамбля «Дружба» под руководством Александра Броневицкого. Солистка Эдита Пьеха.

11 марта. Из письма, которое Кара Караеву направил Дмитрий Шостакович:

Завтра у меня собирается комиссия для прослушивания моей оперы «Леди Макбет». Означенная комиссия должна решить вопрос о том, можно или нельзя ставить эту оперу. <...> Я жду завтрашнего дня с волнением и любопытством <...> (*Д. Шостакович*. Из писем к Кара Караеву. С. 54).

Эта опера, в новой редакции получившая название «Катерина Измайлова», будет поставлена только 8 января 1963 года на сцене Московского музыкального театра имени К. С. Станиславского и В. И. Немировича-Данченко.

13 марта. Из письма, которое Любовь Шапорина получила от только что реабилитированной Елены Тагер:

Умерщвленных товарищей не вернешь, но я счастлива, что дожила до отмены клеветы, тяготевшей над их памятью.

Знаете, как называют нашу эпоху? Поздний реабилитанс¹³¹ (*Л. Шапорина*. С. 331).

14 марта – 1 апреля. В выставочном зале МОСХа в Ермолаевском переулке выставка произведений Михаила Врубеля к 100-летию со дня его рождения.

Триумфальное возвращение Врубеля продолжится ноябрьской выставкой в Русском музее и декабрьской в Третьяковской галерее. Пройдут также его персональные выставки в Киевском музее русского искусства и в Абрамцево.

15 марта. Секретариат правления Ленинградской писательской организации поддерживает инициативу о подготовке и выпуске кооперативного литературно-критического альма-

¹³¹ На пару с «поздним реабилитансом» появился в речевом обиходе «ранний репрессионизм».

наха, который в дальнейшем будет называться «Литературной трибуной». Редактором альманаха назначен Анатолий Горелов.

19 марта. Принято постановление Президиума ЦК КПСС «О рассмотрении дел на лиц, отбывающих наказание за политические, должностные и хозяйственные преступления», где сказано:

В целях быстрейшего освобождения указанных лиц из мест лишения свободы Центральный Комитет КПСС постановляет:

1. Образовать комиссии Президиума Верховного Совета СССР для проверки в местах лишения свободы обоснованности осуждения каждого лица, обвиненного в совершении преступления политического характера, а также для рассмотрения вопроса о целесообразности содержания в заключении тех лиц, которые хотя и совершили политические или должностные и хозяйственные преступления, но не представляют государственной и общественной опасности.

Проверка должна производиться путем личного ознакомления с заключенным, а также рассмотрения имеющихся в местах лишения свободы дел и других материалов, характеризующих поведение заключенного до его ареста и в местах лишения свободы, а в необходимых случаях путем истребования и рассмотрения следственных и судебных дел.

Предоставить указанным комиссиям право принимать на месте окончательные решения об освобождении лиц, неправильно осужденных, и лиц, дальнейшее содержание которых под стражей не вызывается необходимостью. Разрешить комиссиям принимать также решения о сокращении срока лишения свободы осужденным к несоразмерно большим наказаниям или об освобождении отдельных осужденных под личное поручительство их родственников или поручительство общественных организаций. Срок поручительства установить до двух лет. <...>

Установить, что рассмотрение дел комиссиями является единовременным мероприятием и должно быть закончено до 1 октября 1956 г. (Реабилитация. Т. 2. С. 29–30).

Начинаются массовые освобождения из лагерей политзаключенных и их реабилитация. На экранах страны фильм Сергея Юткевича «Отелло». В заглавной роли Сергей Бондарчук.

20 марта. Из дневника Нины Бялосинской:

Конечно же, надо снимать портреты. А то вон что делается: в Основе¹³² статуя. Видимо, кто-то швырнул в нее камнем. Лицо и рука разбита. У ограды стоят железнодорожники:

– Сколько же он народу уничтожил!..

Парни бегут, злорадно смеются:

– Разбили ему нос...

Это мальчишеский восторг перед вчера еще запретным, как бешеная беготня щенка, спущенного с поводка. Но я не могу ни смотреть на его портреты, ни слышать эти легковесные разговоры: «Сколько он уничтожил!»

В магазине продавцы:

– Лучше бы вы нам не читали. Тяжело очень.

¹³² Сортировочная станция Харьковского железнодорожного узла.

– Нет, это хорошо. Не будет никаких кривотолков. Будете знать все, как есть.

– Слишком много разговоров. Распространится куда не следует.

– Не беспокойтесь, кому надо, давно знает.

– А грузины волнуются.

– Еще бы: «Великий сын грузинского народа».

Ну что с ними делать. Вот тебе уж – не русские, евреи. Сами знают, что такое шовинизм. Нет, надо другой народ порочить (*Н. Бялосинская // Знамя. 2018. № 7. С. 48*).

Из дневника Сергея Дмитриева:

Писательская братия срочно чистит свои романы и повести от «культ личности», то бишь от Сталина. Впереди других, говорят, неутомимый Фадеев, создающий новую редакцию «Молодой гвардии». Какая школа нравов для молодого поколения! (*Отечественная история. 2000. № 1. С. 166*).

21 марта. Выступая на закрытом партийном собрании ленинградских писателей, Ольга Берггольц предлагает отменить Постановление ЦК ВКП(б) «О журналах „Звезда“ и „Ленинград“».

Комментируя эти высказывания на заседании бюро той же партийной организации, состоявшемся 11 апреля, Александр Прокофьев заявил:

Мыслями относительно постановления ЦК надо делиться с ЦК, а не на собрании. <...> Считаю, что ничего в позициях социалистического реализма сдавать нельзя. Надо давать отпор тем, кто пытается извращать решения ЦК по идеологическим вопросам (*М. Золотоносов. Гадюшник. С. 329, 327*).

25 марта. Из дневника Сергея Дмитриева:

Реабилитировано до сих пор несколько тысяч осужденных, очень многие посмертно. Особая комиссия президиума ЦК КПСС до сих пор рассмотрела около 8 000 прошлых дел. Рассмотрение таких дел продолжается. Среди реабилитированных недавних жертв Лозовский, книги которого будто бы уже выдаются в библиотеках (*Отечественная история. 2000. № 1. С. 167*).

26 марта. Указом Президиума Верховного Совета СССР с 1 апреля 1956 года отпуск по беременности и родам увеличен с 77 до 112 календарных дней с выдачей за этот период пособия в установленном порядке.

Председатель Совета министров СССР Н. А. Булганин принимает Святейшего Патриарха Алексия и председателя Отдела внешних церковных сношений митрополита Николая (Ярушкевича) по их просьбе. Обсуждаются вопросы об открытии православных храмов по ходатайству верующих, о передаче Церкви некоторых помещений в Троице-Сергиевой лавре, об открытии Троицкого собора в Александро-Невской лавре, о распространении трудового законодательства на рабочих и служащих в церковных организациях, об изменении порядка обложения духовенства подоходным налогом. В конце разговора глава правительства заверил, что никакого наступления на религию не будет. И что после осуждения сталинских беззаконий должна появиться возможность дальнейшего развития демократических начал в обществе. Иерархи отреагировали на эти слова тотчас, напомнив о необходимости скорейшего освобождения духовенства из ссылок и лагерей. Им было дано обещание, что невинные священники скоро выйдут на свободу.

Корней Чуковский, Вс. Иванов, В. Каверин, Лев Кассиль, Эм. Казакевич, Николай Тихонов обращаются с письмом в Президиум ЦК КПСС. В письме сказано:

Считаем своим нравственным долгом поставить вопрос о восстановлении доброго имени Михаила Михайловича Зощенко, известного русского писателя, высоко ценимого Горьким.

Уже десять лет этот большой художник, безупречный советский гражданин и честнейший человек заклеен в глазах народа как враждебный нашему обществу «подонки» и «мещанин».

<...> Необходимо как можно скорее принять меры к защите писателя, к спасению человека. Необходимо организовать издание его сочинений, вернуть писателя Зощенко советской литературе. Мы просим Президиум Центрального Комитета восстановить справедливость в отношении М. М. Зощенко (Дружба народов. 1988. № 3. С. 189).

На партийном собрании московских писателей выступает недавно реабилитированный Иван Макарьев, который, – по воспоминаниям Раисы Орловой, – в частности, сказал:

...Культ нельзя рассматривать как некое количество фактов, касающихся только лично Сталина. Культ – это уже отрицание ленинизма. Надо высмеивать, вытравливать культ... <...>

Необходимо восстановить атмосферу первых лет советской власти, простоту отношений, доступность руководства... Вернуться к настоящей внутрипартийной демократии, к неподдельным рабоче-крестьянским Советам, вернуться к тому, что было провозглашено в октябре 1917 года (Р. Орлова, Л. Конелев. С. 49–50).

26 марта – 8 мая. В Государственном музее изобразительных искусств имени Пушкина выставка английского искусства, на которой представлено 513 произведений искусства.

28 марта. В «Правде» (с. 2–3) редакционная статья «Почему культ личности чужд духу марксизма-ленинизма?», в которой впервые печатно критикуется Сталин (названный, впрочем, «одним из сильнейших марксистов») и, в частности, его «Краткая биография».

Теперь, – комментирует в дневнике Сергей Дмитриев, – дело пойдет явно, хотя и постепенно, и с сохранением некоторых реверансов, к полному «захоронению» Сталина как вождя, теоретика марксизма и т. д.

Хорошо, что тайное начинает становиться явным. Полуправда сменится когда-нибудь правдой. Но не для людей нашего времени, конечно. И нашей страны – добавим для полной ясности (Отечественная история. 2000. № 1. С. 167).

29 марта. Из дневника Сергея Дмитриева:

<П. А.> Зайончковский рассказывал, будто бы на закрытых партийных собраниях, где обмениваются суждениями в связи с докладом (закрытым) Хрущева, бывают весьма резкие выступления и трудные для докладчика вопросы. В выступлениях и вопросах преобладают такие:

1) А что же изменилось у нас существенно после смерти Сталина в сравнении с порядком, существовавшим при покойном?

2) Чем и как можно действительно предупредить повторение явлений, связанных с культом личности Сталина, повторение в будущем применительно ли к Сталину и, что гораздо вероятнее, к какому-либо другому лицу?

3) Кто же ответственен в культе личности Сталина?

На одном из таких собраний Шепилов, отвечая на первый из этих вопросов, сказал: «А вот хотя бы то, что вы (спрашивающий) после собрания

пойдете домой и будете спокойно спать, а прежде бы вас немедленно по окончании собрания арестовали» (Там же).

И – как позже, 3 апреля, пишет С. Дмитриев, – на том же, видимо, собрании в Московском университете Д. Т. Шепилов «предупреждал <...> против проявления нигилизма, огульного неверия во всё, что было сделано и решено в предшествующие годы. Наблюдается известное шатание умов. Так, например, композитор Шостакович прислал в ЦК КПСС письмо, с которым заявляет об ошибочности всего похода партии против так называемого формализма в музыке. Композитор Мурадели заявляет, будто бы известное постановление об опере «Великая дружба» насквозь несостоятельно, а его осужденная опера вовсе не плоха. <...> Шепилову такое вольномыслие, конечно, не по душе (Там же. С. 168).

В «Литературной газете» (с. 3) письмо в редакцию А. Салынского «Равнодушие к работе молодого скульптора», где высказывается сожаление в связи с тем, что до сих пор не переведена в бронзу и не установлена скульптура Э. Неизвестного «Первые крылья».

30 марта. Из письма Варлама Шаламова Аркадию Добровольскому:

Сейчас по Москве ходит рукописная поэма «Василий Теркин на небесах» – сатирическая расправа с живущими на земле литераторами. Я ее не читал, обещали достать (В. Шаламов. Т. 6. С. 513).

Март. Из дневника Дмитрия Голубкова:

В субботу читали в Гослите письмо Хрущева к делегатам съезда «О культе личности»... Два марта – март 53 г. и март 56 г. – одинаково холодно, сыро, бесприютно. Но тогда – улицы полны, скорбные лица, траур, «Реквием Моцарта по радио. Теперь – растерянность, недоверие и ненависть. Обман продолжался тридцать лет. Тридцать лет люди молились идолу – жесткому, холодному, одинокому. Стыдно и позорно (Д. Голубков. С. 196).

Возобновлено издание журнала «Молодая гвардия». Главным редактором назначен Александр Макаров.

На Трубной улице в квартире Владимира Слепяна выставка картин Олега Целкова.

Журналы в марте

В «Новом мире» (№ 3) стихотворение Евгения Евтушенко «Цельность».

В «Пионере» (№ 3) стихотворение Бориса Слуцкого «Лошади в океане».

Апрель

1 апреля. Партией Кармен в одноименной опере Жоржа Бизе на сцене Большого театра дебютирует Ирина Архипова.

2 апреля. В Союзе писателей СССР восстановлен (посмертно) Исаак Бабель.

В «Правде» (с. 2) статья Тихона Хренникова «Перед Вторым съездом композиторов», в которой, – как записывает в дневник Зинаида Гаямова, секретарь Дмитрия Шостаковича, —

он явно проводил мысль о творчестве Д. Д., подвергая его творчество завуалированной критике, критике уничтожающей. Эта статья произвела сильное впечатление и подняла целую бурю среди людей, любящих и болеющих за искусство. Начались бесконечные звонки, встречи с людьми, которые были оскорблены за Д. Д. и возмущались этой статьей. <...>

В пять часов ему позвонил из ЦК Поликарпов, пригласив его к себе на 19<-е> на 10 часов. Звонок взволновал его ужасно. Он больше всего, видимо, не хочет того, что Поликарпов будет пытаться «примирить его с Хренниковым». Уж слишком много он причинил ему зла. Он как-то мне рассказывал, что в 1948 году, после постановления, Д. Д. предложили написать музыку к какому-то кинофильму. Так Хренников написал Большакову, министру культуры, письмо с протестом, чтоб Шостаковичу не заказывали писать музыку, но Большаков обратился в высокие инстанции, и там сказали – не запрещать. «Ведь он хотел, чтобы я умер с голоду», – сказал Д. Д. <...>

Мы долго обсуждали приезд Хренникова к Д. Д., думали, может, позвонить и сказать, что он заболел. Но все это было отвергнуто, и я сказала, что поздно, эта встреча неминуема. Д. Д. плохо завтракал, нервничал. В 24 ч приехал Хренников. <...> Хренников говорил сбиваясь, торопясь, путаясь... что есть люди, которые сеют вражду между ними, распространяя слухи, что якобы он, Хренников, ненавидит Д. Д. Тут он начал говорить: «Д. Д., я преисполнен к Вам глубочайшего уважения, восхищения и любви...» Д. Д. старался отвести разговор на другую тему, но он опять перебивал и опять доказывал, как он высоко ценит Д. Д. и восхищается, и восторгается.

<...> Когда он уехал, мне показалось, что Д. Д. даже был чем-то удовлетворен. Во всяком случае не расстроен... (<http://live.shostakovich.ru/chronicle/year-1956/>).

Тем не менее статья в «Правде» вызвала масштабный скандал в среде композиторов. Как 18 апреля вынужден был в ЦК КПСС сообщить сам Хренников,

два докладчика, утвержденные Правлением Союза Композиторов СССР: А. Хачатурян (доклад «О творчестве молодых композиторов») и Д. Шостакович (доклад о симфоническом, ораториальном и камерном творчестве) за месяц до намеченного срока съезда отказались выступить с докладами и прекратили работу над ними.

Таким образом, – констатирует Хренников, —

созыв съезда в таких условиях не представляется возможным. Необходимо время для того, чтобы провести до съезда широкую дискуссию по волнующим композиторскую общественность вопросам, дискуссию, которая

должна привести к объединению творческих сил на основе политики партии по идеологическим вопросам (Музыка вместо сумбура. С. 475, 476).

В Малом зале Московской консерватории первый концерт Московского камерного оркестра, созданного Рудольфом Баршаем.

Как вспоминает Р. Баршай,

друзья повсюду расклеивали афиши, боялись, что публика не придет, но билеты раскупили в первый день продаж.

<...> Директор Большого зала рассказывал мне, как его зам заглянул в кабинет и говорит: выйдите на минутку во двор, посмотрите, что творится у Малого зала. Там стояла толпа, которая пыталась попасть на наш концерт. Нельзя было достать лишнего билетика (Нота. С. 146, 149).

2–8 апреля. Неделя венгерских фильмов в СССР.

5 апреля. Президиум ЦК КПСС

постановил провести очередной пленум ЦК 4 июня с повесткой «Решения XX съезда партии и задачи улучшения идеологической работы». Имелось в виду продолжение кампании десталинизации. Основной доклад поручили секретарю ЦК Дмитрию Трофимовичу Шепилову. Он вскоре представил проект выступления. Вслед за ним должны были предоставить слово министру обороны Георгию Константиновичу Жукову. Сохранился текст его произнесенного доклада «Состояние и задачи военно-идеологической работы», очень жесткий по отношению к Сталину и сталинским преступлениям.

Из-за сессии Верховного Совета СССР и совещания руководителей социалистических стран пленум перенесли на 7 июня. Но 1 июня пленум перенесли уже на осень, 31 августа новая отсрочка – до декабря 1956 года. Теперь уже основным докладчиком утвердили самого Хрущева. Однако пленум по идеологическим вопросам так и не собрали (*Л. Млечин*. Фурцева. С. 204).

7 апреля. В «Правде» (с. 2–4) перепечатана «с некоторыми сокращениями» статья «Об историческом опыте диктатуры пролетариата» из «Женьминьжабао», где сказано:

И. В. Сталин является выдающимся марксистом-ленинцем, но вместе с тем допустившим серьезные ошибки и не осознавшим их марксистом-ленинцем (с. 4).

10 апреля. Из дневника Сергея Дмитриева:

Опубликовано постановление Совета министров СССР об освобождении Лысенко по его просьбе от обязанностей президента Всесоюзной сельхозакадемии. Освобождение это воспринято всеми как конец сталинского режима в естествознании вообще и прежде всего в биологии. Лысенко – деспот и аракчеевец в сельском хозяйстве и биологических науках, скрутивший всё и вся подобно покойному Сталину (Отечественная история. 2000. № 1. С. 171).

11 апреля. Заведующий Отделом культуры ЦК КПСС Д. А. Поликарпов и его заместитель Б. М. Ярустовский подают докладную записку, где возражают против просьбы Министерства культуры СССР «направить в Англию в ноябре с. г. сроком до одного месяца народного артиста РСФСР пианиста Рихтера С. Т. для концертных выступлений и записи исполнения на грампластинки».

Возражения основаны на том, что сам Рихтер «немец, беспартийный, холост, родственников в СССР не имеет», его отец «в 1941 году военным трибуналом Приморской армии был приговорен к расстрелу», а мать, проживавшая в период немецкой оккупации в Одессе, «по некоторым данным, при отступлении немцев выехала в Германию вместе с профессором Одесской консерватории Кондратьевым».

Резолюцию «Согласиться» на этом письме поставили секретари ЦК КПСС Поспелов, Суслов, Аристов, Беляев, Брежнев, Фурцева (Музыка вместо сумбура. С. 473, 474).

В тот же день теми же аппаратчиками в ту же инстанцию направлена и докладная записка с возражением против поездки Мстислава Ростроповича в ту же Великобританию, так как «частые поездки за рубеж отрицательно сказываются на педагогической и исполнительской деятельности Ростроповича в Советском Союзе» (Там же. С. 475).

13 апреля. На заседании Президиума ЦК КПСС принято решение, что участники первомайской демонстрации будут нести портреты Маркса, Ленина, членов президиума ЦК КПСС, а также руководителей коммунистических и рабочих партий социалистических стран. Нести ли портреты Сталина, позволено решать самим демонстрантам.

В Ленинградском театре им. Ленинского комсомола премьера спектакля «Двадцать лет спустя» по пьесе Михаила Светлова. Режиссер Александр Белинский.

До 14 апреля. В Академии художеств СССР открыт вернисаж Мартироса Сарьяна, где представлено около 400 его работ.

Из дневника Дмитрия Голубкова:

Вчера был на великолепной выставке старика М. Сарьяна. Вернулся домой в праздничном настроении – будто съездил из грязной, мозглой весны московской в неведомую и роскошную, жаркую и щедрую землю – Армению (Д. Голубков. С. 199).

Как записывает в дневнике Сергей Дмитриев,

говорят, что выставка Сарьяна недолго продлится. Английский посол ее посетил и выразил желание предоставить лондонцам возможность посмотреть картины Сарьяна. Сейчас в период романа с Англией это услужливо и быстро выполнят.

Конечно, творчество Сарьяна всецело вне истории русского искусства, целиком в духе и форме западноевропейского искусства начала XX в., более всего французского. Сарьян – не ученик, не подражатель. Он просто рядом стоит с Гогеном, Ван-Гогом, Матиссом, Марке.

Из моих соотечественников ему родственны, но только отчасти, молодой Юон, Кустодиев, Грабарь. Впрочем, это сопоставление не без натяжки. Сарьяна, в отличие от этих русских художников, спасло отсутствие социалистической революции в Армении. Разумеется, в Армении советская власть и диктатура партии тоже в свое время были введены и продолжают существовать. Но внутренним явлением собственно армянской истории и жизни они не стали. Во всяком случае, Сарьяна так не переконали и не искалечили подобные происшествия, как сделали они это с русскими художниками (Отечественная история. 2000. № 1. С. 171).

14 апреля. В Союзе писателей СССР восстановлен (посмертно) Михаил Кольцов.

15 апреля. Группа выпускников Школы-студии МХАТ под руководством Олега Ефремова впервые сыграла спектакль «Вечно живые» по пьесе Виктора Розова. Этот день принято считать днем рождения театра «Современник».

Как вспоминает Алексей Аджубей,

на маленькой сцене студии Художественного театра в поздние ночные часы несколько молодых актеров играли пьесу Виктора Розова «Вечно живые».

Самые пышные премьеры тех лет не собирали такой блестящей публики. «Блестящей» не в расхожем смысле слова, не было там дам в роскошных туалетах, влиятельных чиновников, присяжных критиков. И в зале, и на сцене чувствовалось иное. Ум, талант, искренность, открытость. <...>

В тот вечер родился московский театр «Современник». На много лет он стал олицетворением времени, его спектакли воспринимались не только как художественное откровение, но и как политическое событие – соединение этих двух важнейших для искусства начал и было тем новым, что приходило в нашу жизнь после XX съезда (Знамя. 1988. № 7. С. 92).

22 апреля. Королева Великобритании Елизавета II дает аудиенцию в Виндзорском замке находящимся с официальным визитом в Лондоне председателю Совета министров СССР Н. А. Булганину и члену Президиума Верховного Совета СССР Н. С. Хрущеву и удостоивает их 30-минутной беседой.

25 апреля. Принят Указ Президиума Верховного Совета СССР «Об отмене судебной ответственности рабочих и служащих за самовольный уход с предприятий и из учреждений и за прогул без уважительной причины».

26 апреля. Валерио Рива, редактор миланского издательства Фельтринелли, в письме переводчику Пьетро Цветеремичу рассказывает о том, что Джанджакомо Фельтринелли заинтересовался сообщением Серджио Д'Анджело¹³³ о романе Бориса Пастернака «Доктор Живаго», готовящемся к изданию в Москве, и просит заказать ее через большой магазин «Rinascita» в Риме и прочесть ее сразу же, как только она выйдет. «Я думаю, что ее следует перевести», – заканчивает он свою просьбу.

Дорогой Рива, твоя новость по поводу романа Пастернака – дело безотлагательное, – отвечал ему 29 апреля Цветеремич. – Этот роман уже был объявлен публикацией нескольких стихотворений из него в журнале «Знамя» 1954. Возможно, ты знаешь об этом, ибо эта новость обошла тогда всю Италию. Но далее в советской печати ничего об этом не сообщалось. Но совершенно точно, что роман еще не вышел (я бы знал об этом). <...> Сообщенная тобой новость (кстати, кто рассказал тебе об этом?) очень удивила меня (Континент. 2001. № 107).

После этого работавшему тогда в Москве Д'Анджело было дано поручение пойти к Пастернаку для переговоров.

27 апреля. Секретариат правления СП СССР объявляет студенту Литературного института Евгению Евтушенко выговор «за нарушения учебной дисциплины».

28 апреля. Принят Указ Президиума Верховного Совета СССР «О снятии ограничений в правовом положении крымских татар, балкарцев, турок – граждан СССР, курдов, хемшилов и членов их семей, выселенных в период Великой Отечественной войны», по которому эти народы снимались с режима спецпоселения и освобождались из-под административного надзора.

¹³³ «В мои обязанности, – вспоминает Д'Анджело, – входила также роль литературного агента и „разведчика талантов“ для Фельтринелли, богатого и молодого коммунистического издателя в Милане, которого я должен был извещать об интересных явлениях в советской прозе и поэзии. <...> Одним из моих первых сообщений было известие, услышанное мной по московскому радио: „Скоро будет опубликован „Доктор Живаго“ Бориса Пастернака. Это роман, написанный в форме дневника, охватывающий первые три четверти века и оканчивающийся Второй мировой войной“» (Континент. 2001. № 7).

30 апреля. В Ленинградском театре комедии премьера спектакля «Обыкновенное чудо» по пьесе Евгения Шварца (постановка Николая Акимова).

Апрель. Отменена ссылка для осужденных по 58-й статье.

Издательство «Свободная Европа», субсидируемое ЦРУ, принимает решение о пересылке книг и пропагандистских материалов в СССР и страны социалистического лагеря. При поддержке ЦРУ создается также «Бедфорд паблишинг», издательство со штаб-квартирой в Нью-Йорке и филиалами в Лондоне, Париже, Мюнхене и Риме, для перевода произведений западных авторов на русский язык. Как указывают Питер Финн и Петра Куве, «среди переведенных и изданных произведений были „Портрет художника в юности“ Джойса, „Пнин“ Набокова и „Скотный двор“ Оруэлла» (П. Финн, П. Куве. С. 135).

Вместо рассылки книг по почте – в Советском Союзе надзор был строже, чем в странах Восточной Европы, – издательство «Бедфорд паблишинг» избрало своей целью раздачу книг приезжим из Советского Союза или гражданам стран Запада, которые ехали в Советский Союз; они должны были раздавать книги по приезду. Кроме того, издательство поставляло книги в посольство США в Москве. <...>

За первые 15 лет «Бедфорд паблишинг» раздал советским читателям более миллиона книг. Программа продолжалась до распада Советского Союза. В странах Восточной Европы раздали 10 миллионов книг и журналов (Там же. С. 135, 136).

Весна. В Ленинграде, в Доме работников искусств, а затем в Москве, в Доме актера, была открыта персональная выставка художника Александра Тышлера. Этому событию посвятила свою статью «Человечное искусство» Ольга Берггольц (Театр. 1956. № 7).

Борис Пастернак передает рукопись романа польскому поэту Земовиту Федецкому, одному из редакторов польского журнала «Опинье»¹³⁴.

Журналы в апреле

В «Новом мире» (№ 4) стихотворение Владимира Маяковского «Письмо Татьяне Яковлевой», сатирическая пьеса «А был ли Иван Иванович?» Назыма Хикмета¹³⁵.

В «Знамени» (№ 4) вторая часть повести Ильи Эренбурга «Оттепель».

В 1955-м я совершил <...> ошибку – написал вторую часть, бледную, а главное, художественно ненужную, которую теперь выключил из собрания сочинений (И. Эренбург. Люди, годы, жизнь. Т. 3. С. 339).

¹³⁴ По утверждению издателя журнала «Культура» Ежи Гедройца в письме переводчику Ежи Стемповскому от 19 января 1959 года, «<...> машинописная рукопись, а также ряд копий находятся там <в Польше> с 1955 года» (Новое о Пастернаках. С. 530). И вот еще одна цитата, на этот раз из письма Гедройца тому же адресату от 1 декабря 1958 года: «PIW <Государственный издательский институт – Państwowy Instytut Wydawniczy> намеревался в 1957 году издать роман, однако позиция ряда знатоков во главе с Федецким, считавших роман графоманией, серьезно задержала развитие всей истории» (Там же. С. 525).

¹³⁵ 26 сентября в Записке отдела ЦК КПСС, ввиду «порочности» этой пьесы, было предложено запретить ее постановку в театрах. И хотя тем не менее 11 мая 1957 года состоялась премьера в Московском театре сатиры, уже 14 мая того же года заведующий отделом науки, школ и культуры ЦК КПСС Н. Д. Казьмин письменно потребовал запретить спектакль. «Так и случилось, – вспоминал Георгий Менглет. – Закрытое партийное собрание постановило изъять из репертуара спектакль <...> для его доработки. Он прошел всего пять раз и „дорабатывается“ до сих пор» (Г. Менглет. С. 284–285).

Май

1 мая. Первомайский парад и демонстрация трудящихся в Москве впервые показаны по телевидению.

4 мая. В Союзе писателей СССР восстановлен (посмертно) Иван Катаев.

Выступая на партийном собрании ленинградских писателей, Нина Катерли заявляет:

у нас кто угодно, все нас учат! Все, начиная от секретаря обкома, кончая инструктором райкома, полагая, что искусство – это такая область, в которой каждый может быть судьей. Ни инструкторы райкома, ни секретари обкома, ни редакторы издательств <...> не должны нас учить, а им не грех у нас поучиться! (цит. по: А. Тюрин. С. 51).

6 мая. Из дневника Сергея Дмитриева:

Воскресенье <...> Пасха. <...> На улицах и в метро очень людно, много людей «навеселе», многие пошатываются, но все лица довольные, а настроение благодушное. Пасха написана на лицах. Идут семьями, с женами и детьми. Народный праздник (Отечественная история. 2000. № 2. С. 142).

7 мая. Впервые после 1919 года прибывший в Москву Давид Бурлюк выступает с воспоминаниями в Библиотеке-музее В. В. Маяковского в пер. Маяковского (бывший Гендриков пер.).

Как вспоминает Людмила Сергеева,

вел встречу Семен Кирсанов, которого Давид Бурлюк упорно называл Сергеем. Бурлюк мог вспомнить о Маяковском лишь то, что давал начинающему и всегда голодному поэту каждый день деньги на еду. А когда Маяковский начал печататься и стал известным, то Бурлюк на поэте зарабатывал доллары (Л. Сергеева. С. 256)¹³⁶.

С протестующим письмом к К. Е. Ворошилову 3 мая обратился скульптор Евгений Вучетич:

кому-то, вероятно, очень понадобилось, чтобы Давидка Бурлюк приехал в Советский Союз именно теперь, когда эстетско-формалистические тенденции снова вспыхнули в нашем искусстве.

Я не знаю, какие «откровенные» беседы проведет Бурлюк с нашей молодежью, я только знаю, что для воспитания человека на высоких моральных принципах не всегда хватает четверти столетия, а для превращения его в ничтожество часто бывает достаточно одной пьяной ночи, которую великолепно может организовать и провести нынешний миллионер и американский подданный Давид Бурлюк.

¹³⁶ См. запись от 28 апреля в дневнике Василия В. Катаяна: «История его приезда такова: он написал Л. Брик, что хочет посетить СССР, но у него денег только на билет в одну сторону. Тогда по инициативе Лили Юрьевны Н. Асеев, С. Кирсанов и отец обратились в Союз писателей за разрешением пригласить Бурлюка за свой счет. Союз обратился в Мининдел, и те постановили, чтобы Союз писателей пригласил Бурлюка за свой счет. И вот он приехал. Л. Ю. мне сказала: „Никакими тысячами не оплатить тех полтинников, которые Давид давал Володе, чтобы тот писал, не голодая“» (В. Катаян. Лоскутное одеяло. С. 135–136). «Нью-Йорк только усилил его природное делячество. Но мне он мил и дорог – словно я читал о нем у Диккенса», – написал Корней Чуковский, с которым Давид Бурлюк тоже встретился (К. Чуковский. Дневник. С. 215). А вот что рассказал Борис Пастернак Варламу Шаламову: «Я отказался видаться с Бурлюком. Лили Юрьевна Брик подготавливала эту встречу. Сослался на экзему. Да и в самом деле экзема тогда разыгралась. Что у меня общего с Бурлюком: нарисуют женщину с одной рукой и объявляют свое произведение гениальным. Я давно, слава богу, избавился от этого бреда. Так мы и не повидались» (В. Шаламов. Пастернак // Он же. Собрание сочинений. Т. 4. С. 609).

Резолюция Ворошилова (в тот же день): «Разослать членам и кандидатам в члены Президиума ЦК КПСС и секретарям ЦК КПСС» (Аппарат ЦК КПСС и культура. 1953–1957. С. 492).

И вот – контрапунктом к донесению Е. Вучетича – свидетельство молодого в ту пору художника Игоря Шелковского, навестившего Бурлюка в гостинице «Москва», где тот был поселен:

Неисповедимыми путями Володя <Слепян> раздобывает нужный номер телефона и улавливается о встрече с прославленным отцом русского футуризма. Хмурым весенним утром мы <...> судорожно вцепившись в обвязанные бечевкой холсты, поднимаемся по ковровым лестницам на нужный этаж. Еще совсем недавно за знакомство с иностранцем могли посадить и даже расстрелять. Но вот заветная дверь. Бурлюк радушен, гостеприимен. Он благосклонен и поощряющ. Бурлюк в восторге, что молодые художники в России после стольких лет «железного занавеса» его помнят и знают. Вместо обещанных пятнадцати минут мы проводим в многокомнатном номере чуть ли не полный день. Перед нами, начиная с В. Катаева, проходят те, кому назначено randevu, друзья мэтра. В промежутках Бурлюк поставляет нам информацию о новейших течениях в живописи (Джексон Поллок) (И. Шелковский. С. 124–125).

8 мая. В «Литературной газете» (с. 1) редакционная статья «Жизнь и литература», где сказано:

Удивительно, что в такое время находятся люди, которые <...> зовут нас назад, к середине и началу 20-х годов, утверждая, что вот тогда-то было всё хорошо и даже чуть ли не идеально. В речах иных ораторов на собраниях писателей и работников искусств дело шло уже о том, чтобы развенчать Маяковского и Станиславского, пересмотреть наше отношение к осужденным общественностью произведениям Зощенко. Словно мы стали идеологически и эстетически неразборчивыми и уже не знаем, что хорошо, что плохо.

И, – говорится в дневниковой записи Сергея Дмитриева, – литературная газетенка пискнула свой вариант: «Нельзя недооценивать вред, причиненный культом личности, но нельзя и возводить этот культ до всеобъемлющей характеристики целого исторического этапа». А что же лъзя для братьев-писателей? Что можно для советских граждан вообще? Можно следовать за литературной газетенкой и политикой партии, призывающих дружно к глубокой мудрости: «С одной стороны, нельзя не сознаться, но, с другой стороны»¹³⁷, нельзя не признаться». Что же удивляться растерянности писателей, неспособности их к созданию художественных произведений, отставанию общественных наук? По трафарету «с одной стороны» и с «другой стороны» существовать можно, творить нельзя.

Тем не менее, – как отмечает С. Дмитриев, – принципиально важно, что

в большой статье ни разу не упомянуто о социалистическом реализме. Может быть, пришли к выводу о желательности не соваться, где надо и не надо с этим «голым королем»? Хотя бы на время похода за преодоление сектантства (Отечественная история. 2000. № 2. С. 142).

9 мая. Из дневника Нины Лашиной:

¹³⁷ Курсив С. Дмитриева.

Сегодня опубликован в газетах новый закон о пенсиях, обеспечивающий каждого трудящегося по старости, по инвалидности и в случае потери кормильца. В этом же году вышел закон о сокращенном субботнем дне. Вернули четырехмесячный отпуск по родам. Все это замечательно! Немного обидно только то, что все такие законы уже давно существуют во всех капиталистических странах, а мы, люди социализма, которые давно должны были быть счастливей их во много раз, теперь, через 40 лет после революции, радуемся всему тому, что они давно имеют в своих буржуазно-капиталистических странах. Ну, да ничего! Русский народ все умеет простить и, не избалованный лаской, ценит малейшее внимание как что-то небывалое (Н. Лашина. С. 324).

10 мая. В СССР, начиная с 1 сентября, отменена плата за обучение в старших классах средней школы, в средних специальных и высших учебных заведениях.

На IX Международном кинофестивале в Каннах приз за лучшую режиссуру присужден Сергею Юткевичу, постановщику фильма «Отелло».

11 мая. Лев Гумилев освобожден из лагеря.

12 мая. В «Литературной газете» (с. 3) статья В. Лукашевича «„Малая проза“ большого сборника» – сдержанно-сочувственный отзыв о рассказах С. Антонова, В. Гроссмана, В. Шкловского и других в первом выпуске сборника «Литературная Москва».

Бюро секции прозы ССП СССР выдвигает идею создания кооперативного писательского издательства. В инициативную группу вошли Маргарита Алигер¹³⁸, Алексей Арбузов, Александр Бек, С. М. Бонди, А. Г. Дементьев, Эммануил Казакевич, Валентин Овечкин и др. Председателями избраны Александр Твардовский и Вс. Иванов. Как вспоминает Тамара Иванова,

много раз возникали разговоры об организации издательства «Товарищество писателей». Всеволод <Иванов> был горячим поборником этой идеи.

Летом 56-го года вновь заговорили об издательстве «Товарищества» (которое в созданном проекте носило название «Современник») и даже прочили Всеволода в председатели правления.

Всеволод охотно соглашался и даже наметил список произведений, которые следует опубликовать: первым в списке стоял роман Пастернака «Доктор Живаго». Нам было известно, что рукопись романа находится в «Новом мире», откуда – ни ответа ни привета (Б. Пастернак. Т. 11. С. 286).

О намерении на кооперативных началах организовать издательство «Современник» Эммануил Казакевич 10 сентября писал Льву Гумилевскому:

Я надеюсь – и у меня есть на это веские основания, – что такое издательство, управляемое самими писателями, будет создано и начнет функционировать (Э. Казакевич. Слушая время. С. 382)¹³⁹.

Разговор о принципах, на которых должна строиться работа писательского издательства, продолжен и в письме Эммануила Казакевича Николаю Чуковскому от 24 февраля 1957 года:

Принципы:

¹³⁸ В «Проекте о создании издательства московских писателей „Современник“», видимо, предшествовавшем этому решению, именно она значится председателем инициативной группы.

¹³⁹ Недатированные «Проект <так!> о создании издательства московских писателей „Современник“», «Положение» о его работе и его «Устав», представленные тоже в проектах, находятся в фонде Зои Никитиной. И там же – черновик обращения в ЦК КПСС, заканчивающегося словами: «Мы просим Центральный Комитет утвердить издательство „Современник“» (РГАЛИ. Ф. 2533. Оп. 1. Д. № 467).

1) Изд-во «Современник» создается для издания того, что *не может быть охвачено* Гослитом и Совписом.

2) Без соревнования не может быть развития. «Современник» будет соревноваться с др. изд-вами в вопросах быстроты прохождения рукописей, оформления, снижения накладных расходов, распространения книги – для того чтобы добиться подъема всего литературного и издательского дела.

3) Как бы ни были демократичны принципы нашего издательства, и как бы слабо ни работал «Сов. писатель», и какие бы умные и одаренные люди ни входили в наше правление и т. д., – все равно и мы, «Современник», не можем существовать в качестве одного, единственного изд-ва соврем. л-ры, ибо и мы (в своем монопольном положении) не сможем развиваться без соревнования. Значит, речь идет не об «укреплении Совписа», и не о замене его нами, а о *двух* издательствах (Там же. С. 389–390).

Есть смелый проект, – 20 марта 1957 года заносит в дневник Владимир Лакшин, – устройства московского издательства писателей на кооперативных началах. Это издательство не должно зависеть от коммерческих соображений и от начальства – выпускать малыми тиражами, но максимально свободно то, что пишут (В. Лакшин. «Новый мир» во времена Хрущева. С. 22–23).

Эти планы не были осуществлены, и издательство с названием «Современник» – на совсем других, разумеется, началах – было создано только в 1970 году.

13 мая. На своей даче в Переделкине застрелился Александр Фадеев.

Как 14 мая доложил ЦК КПСС председатель КГБ И. А. Серов,

при осмотре рабочего кабинета сотрудниками КГБ ФАДДЕВ¹⁴⁰ лежал в постели раздетым с огнестрельной раной в области сердца. Здесь же на постели находился револьвер системы «Наган» с одной стреляной гильзой. На тумбочке¹⁴¹ возле кровати находилось письмо с адресом «В ЦК КПСС», которое при этом прилагаю (А. Фадеев. Письма и документы. С. 339).

Вот это письмо:

В ЦК КПСС.

Не вижу возможности дальше жить, т. к. искусство, которому я отдал жизнь свою, загублено самоуверенно-невежественным руководством партии, и теперь уже не может быть поправлено. Лучшие кадры литературы – в числе, которое даже не снилось царским сатрапам, – физически истреблены¹⁴² или погибли благодаря преступному попустительству власть имущих; лучшие люди литературы умерли в преждевременном возрасте; все остальное, мало-мальски способное создавать истинные ценности, умело, не достигнув 40–50 лет. Литература – это святая святых – отдана на растерзание бюрократам и самым отсталым элементам народа, и с самых «высоких» трибун – таких, как Московская конференция или XX-й партсъезд, – раздался новый лозунг «Ату ее!» Тот путь, которым собираются «исправить» положение, вызывает возмущение: собрана группа невежд, за исключением немногих честных

¹⁴⁰ Так!

¹⁴¹ «Рядом на столике, возле широкой кровати, Фадеев поставил портрет Сталина», – добавляет Корнелий Зелинский (Минувшее, вып. 5. С. 103).

¹⁴² «Запомнился мне день самоубийства Фадеева, – свидетельствует Владимир Огнев. – Лев Субоцкий встретил меня во дворе Союза возбужденный:– Вы слышали? Саша, Саша, какой молодец! Я всегда верил в него! Он сразу смыл с себя кровь... Теперь ему все простится» (В. Огнев. Амнистия таланту. С. 121).

людей, находящихся в состоянии такой же затравленности и потому не могущих сказать правду, – и выводы, глубоко антиленинские, ибо исходят из бюрократических привычек, сопровождаются угрозой, той же «дубинкой».

С каким чувством свободы и открытости мира входило мое поколение в литературу при Ленине, какие силы необъятные были в душе и какие прекрасные произведения мы создавали и еще могли бы создать!

Нас после смерти Ленина низвели до положения мальчишек, уничтожали, идеологически пугали и называли это – «партийностью». И теперь, когда все можно было бы исправить, сказала примитивность, невежественность – при возмутительной доле самоуверенности – тех, кто должен был бы все это исправить. Литература отдана во власть людей неталантливых, мелких, злопамятных. Единицы тех, кто сохранил в душе священный огонь, находятся в положении париев и – по возрасту своему – скоро умрут. И нет никакого уже стимула в душе, чтобы творить...

Созданный для большого творчества во имя коммунизма, с шестнадцати лет связанный с партией, с рабочими и крестьянами, одаренный богом талантом незаурядным, я был полон самых высоких мыслей и чувств, какие только может породить жизнь народа, соединенная с прекрасными идеями коммунизма.

Но меня превратили в лошадь ломового извоза, всю жизнь я плелся под кладью бездарных, неоправданных, могущих быть выполненными любым человеком, неисчислимых бюрократических дел. И даже сейчас, когда подводишь итог жизни своей, невыносимо вспомнить всё то количество окриков, внушений, поучений и просто идеологических пороков, которые обрушились на меня, – кем наш чудесный народ вправе был бы гордиться в силу подлинности и скромности внутренней глубоко коммунистического таланта моего. Литература – этот высший плод нового строя – унижена, затравлена, загублена. Самодовольство нуворишей от великого ленинского учения, даже тогда, когда они клянутся им, этим учением, привело к полному недоверию к ним с моей стороны, ибо от них можно ждать еще худшего, чем от сатрапа Сталина. Тот был хоть образован, а эти – невежды.

Жизнь моя как писателя теряет всякий смысл, и я с превеликой радостью как избавление от этого гнусного существования, где на тебя обрушивается подлость, ложь и клевета, ухожу из этой жизни.

Последняя надежда была хоть сказать это людям, которые правят государством, но в течение уже 3-х лет, несмотря на мои просьбы, меня даже не могут принять.

Прошу похоронить меня рядом с матерью моей.

Ал. Фадеев

13/V.56 (А. Фадеев. Письма и документы. С. 215–216).

14 мая. Самоубийство Александра Фадеева¹⁴³ обсуждается на заседании Президиума ЦК КПСС, где принято решение:

Поручить тт. Суслову и Шепилову с учетом обмена мнениями на заседании Президиума ЦК отредактировать и опубликовать в печати

¹⁴³ Как 16 мая записывает в дневник Александр Гладков, «сначала было решение объявить, что это инфаркт и будто бы такое объявление в тот же вечер было вывешено в Союзе, но слух о самоубийстве моментально разнесся по Москве и была объявлена правда» (цит. по: *М. Михеев*. С. 370).

извещение от ЦК КПСС о смерти Фадеева А. А., некролог и состав комиссии по похоронам (А. Фадеев. Письма и документы. С. 339–340).

15 мая. В «Правде» (с. 3) и других центральных газетах «Медицинское заключение о болезни и смерти товарища Фадеева Александра Александровича» и официальный некролог. В Заключении сказано:

А. А. Фадеев в течение многих лет страдал тяжелым прогрессирующим недугом – алкоголизмом¹⁴⁴. За последние три года приступы болезни участились и осложнились дистрофией сердечной мышцы и печени. Он неоднократно лечился в больнице и санатории (в 1954 году – четыре месяца, в 1955 году – 5½ месяцев и в 1956 году – 2½ месяца).

13 мая в состоянии депрессии, вызванной очередным приступом недуга, А. А. Фадеев покончил жизнь самоубийством¹⁴⁵.

Диагноз – «тяжелый прогрессирующий недуг» – перешел и в некролог, что вызвало возмущение многих писателей, и в частности Михаила Шолохова. По воспоминаниям Михаила Шкерина,

потрясая газетой, он неистовствовал:

– Ну, ты подумай, какую подлую причину выставили! Прочитал вот, звоню в Президиум ЦК. Разговаривал с Ворошиловыми. Зачем, спрашиваю, такую версию опубликовали, посмертно унизили талантливейшего писателя, героя гражданской войны, вместе с делегатами десятого съезда партии штурмовавшего мятежный Кронштадт в двадцать первом году, тяжело раненного в том бою, – зачем? И знаешь, что сказал в ответ Ворошилов ноющим голосом? Он, слышь, нам страшное письмо оставил, на личности членов Политбюро перешел! (М. Шкерин. С. 5)¹⁴⁶.

Откликом на самоубийство Фадеева и правительственный некролог стало написанное тогда же стихотворение Бориса Пастернака:

Культ личности забрызган грязью,
Но на сороковом году
Культ зла и культ однообразья
Еще по-прежнему в ходу.

И каждый день приносит тупо,
Так что и вправду невтерпеж,
Фотографические группы

¹⁴⁴ Вот свидетельство самого Фадеева: «Я приложился к самогону еще в 16 лет, и после, когда был в партизанском отряде на Дальнем Востоке. Сначала не хотел отставать от взрослых мужиков. Я мог тогда много выпить. Потом я к этому привык. Приходилось. Когда люди поднимаются очень высоко, там холодно и нужно выпить. Хотя бы после. Спросите об этом стратосферников, летчиков или испытателей вроде Чкалова. И когда люди опускаются ниже той общей черты, на которой мы видим всех, тогда тоже хочется выпить» (К. Зелинский. С. 78). «Жалости нет, алкоголиков не жалеют, – прокомментировал в дневнике этот диагноз Геннадий Шпаликов. – Какими же руками он писал, как мог говорить о светлом, чистом и высоком – пьяница по существу. <...> Оправдать его нечем. Ни тяжелой жизнью, ни непониманием современников. Его понимали, заочно – любили, благ жизни вполне хватало лауреату Сталинской премии, книжки которого переиздавались повсеместно. Фадеев – дезертир. Иначе его назвать трудно. Словом, очень неприятный осадок в душе. С портретов спокойно глядит седой человек с таким хорошим, честным лицом, много сделавший для всех, а внизу, рядом с перечислением заслуг его и достоинств – одно стыдное и грязное слово – алкоголик» (Кинематограф оттепели, 1998. С. 33).

¹⁴⁵ «Был ли еще такой случай в истории, чтобы официальное сообщение провозглашало: причина смерти достойного человека – пьянство?» – спустя годы задавал вопрос Владимир Тендряков (Знамя. 1988. № 9. С. 188).

¹⁴⁶ Об этом телефонном звонке Шолохова Ворошилову вспоминает и Игорь Черноуцан. Отрывки из его мемуарных записок напечатаны под названием «Искусство принадлежать народу» (Время новостей, 1 марта 2005. С. 6).

Одних свиноподобных рож.

И культ злоречья и мещанства
Еще по-прежнему в чести,
Так что стреляются от пьянства,
Не в силах этого снести.
(Б. Пастернак. Т. 2. С. 280)

До 15 мая. Секретариат правления СП СССР образовал комиссии по литературному наследию репрессированных писателей И. Батрака (председатель Г. Коренев), И. Беспалова (председатель И. Анисимов), Артема Веселого (председатель В. Гроссман), И. Катаева (председатель Н. Чуковский), И. Фефера (председатель А. Прокофьев).

16 мая. Похороны Александра Александровича Фадеева.
Как вспоминает Александр Злобин,

Фадеева хоронили торжественно, с уклоном в помпезность. Людской поток вливался в Колонный зал. Траурный митинг на Красной площади. И вместе с тем была явная недоговоренность во всем этом действии, организованном напоказ (А. Злобин. С. 17).

Вопреки последней воле писателя (быть похороненным рядом с матерью, то есть на Введенском кладбище) его похоронили на Новодевичьем кладбище.

Вот написанное тогда же, но опубликованное только в 1989 году стихотворение Константина Левина «Памяти Фадеева»:

Я не любил писателя Фадеева,
Статей его, идей его, людей его,
И твердо знал, за что их не любил.
Но вот он взял наган, но вот он выстрелил –
Тем к святости тропу себе не выстелил,
Лишь стал отныне не таким, как был.
Он всяким был: свехтрезвым, полупьяненьким,
Был выученным на кнуте и прянике,
Знакомым с мужеством, не чуждым панике,
Зубами скрежетавшим по ночам.
А по утрам крамолушку выискивал,
Кого-то миловал, с кого-то взыскивал.
Но много-много выстрелом тем высказал,
О чем в своих обзорах умолчал.
Он думал: «Снова дело начинается».
Ошибся он, но, как в галлюцинации,
Вставал пред ним весь путь его наверх.
А выход есть. Увы, к нему касательство
Давно имеет русское писательство:
Решишься – и отмаешься навек.
О, если бы рвануть ту сталь гремящую
Из рук его, чтоб с белой гримасой
Не встал он тяжело из-за стола.
Ведь был он лучше многих остающихся,
Невыдающихся и выдающихся,

Равно далеких от высокой участи
Взглянуть в канал короткого ствола.

(Цит. по: К. Ванишенкин. С. 85–86)

17–22 мая. В Москве и Ереване Неделя французских фильмов.

17–25 мая. В Москве в работе Международного комитета славистов, который готовил IV Международный съезд славистов в Москве (1–10 сентября 1958 года), принимает участие Роман Якобсон. Как вспоминает Вяч. Вс. Иванов,

было условлено, что после его выступления в Московском университете мы поедem в Переделкино к Борису Леонидовичу вместе с Петром Григорьевичем Богатыревым, Костей Богатыревым (перед тем вышедшим на свободу) и Борисом Викторовичем Томашевским. Впятером мы не поместились в одной машине, поэтому я поехал отдельно и оказался в Переделкине раньше их. <...> Борис Леонидович спросил меня: „Кома, как вы думаете? Я хочу ему передать роман, чтобы его там напечатали. Можно ли это сделать?“ Я ответил, что, насколько я могу судить, Якобсон старается здесь быть в хороших отношениях со всеми, в том числе и с людьми официальными. Поэтому я сомневался в том, что согласится ли Якобсон сделать то, чего от него хотел Борис Леонидович. Полностью от этого замысла Пастернак не мог отказаться сразу, но с прямой просьбой к Роману Осиповичу не стал обращаться. Когда все собрались и уселись за стол, Борис Леонидович среди прочих тостов проговорил что-то и о том, что хотел бы видеть свой роман изданным – «чтобы он вышел за границей». Эти слова, сказанные как бы между прочим, но с подъемом, вызвали почти что окрик Зинаиды Николаевны: «Да что ты чепуху говоришь?!» Другие гости на них никак не ответили. Я так до сих пор и не знаю, догадался ли Роман Осипович о тайном смысле этого тоста – скорее всего, нет (Вяч. Вс. Иванов. Пастернак. С. 134, 135).

Ср. изложение этого разговора в более ранних воспоминаниях Вяч. Вс. Иванова о Р. Якобсоне:

В общем потоке фраз о том, что он написал теперь, Пастернак упомянул и о своем желании увидеть роман напечатанным за границей. На это Якобсон никак не отозвался. Если у Пастернака в предыдущем разговоре со мной и мелькнуло намерение вовлечь Якобсона в эту свою затею, реакция того едва ли обнадежила Пастернака. Разговор не имел продолжения (Звезда. 1999. № 7. С. 141).

18 мая. Из дневника Александра Гладкова:

Говорят о предложении Поликарпова в Цк¹⁴⁷ о ликвидации Союза <писателей> (РГАЛИ. Ф. 2590. Оп. 1. Ед. хр. 95).

20 мая. Борис Пастернак передает рукопись романа «Доктор Живаго» итальянскому журналисту Серджо Д’Анджело, приехавшему вместе со своим сотрудником по московскому радио Владленом Владимирским в Переделкино по просьбе издательства Фельтринелли.

Я, – пересказывает С. Д’Анджело свой разговор с Пастернаком, – явился с предложением о разумном соглашении: вы передадите мне копию «Доктора Живаго», дабы Фельтринелли, не мешкая, занялся переводом его на итальянский язык, опередив тем самым других западных издателей; при

¹⁴⁷ Так в тексте.

этом, естественно, издатель обязуется не публиковать итальянский перевод до выхода романа в свет в СССР, а, учитывая его партийную принадлежность, переговоры с компетентными советскими инстанциями он будет вести подобающим образом...

<...> «Оставим в покое вопрос, выйдет или нет советское издание, – говорит мне Пастернак. – Я готов отдать Вам роман при условии, что Фельтринелли пообещает мне передать его, скажем, через несколько месяцев, крупным издателям других стран, прежде всего Франции и Англии. Что Вы об этом думаете? Можете связаться с Миланом?»

Я заверяю Пастернака: то, что он предлагает, безусловно возможно; более того, такой ход событий неизбежен, ибо всякий крупный издатель рассчитывает в случае успеха книги заработать деньги и славу за счет продажи прав на нее за границу; я советую не затягивать с нашим соглашением в ожидании подтверждения из Милана, которое можно считать делом решенным.

Пастернак минуту-другую слушает мои доводы, затем поднимается, просит позволения отойти на минутку, уходит в дом и возвращается с объемистым пакетом. Он протягивает его мне: «Это „Доктор Живаго“. Пусть он увидит мир».

Я многозначительно взвешиваю в руках пакет и объявляю, что, по счастливому стечению обстоятельств, буквально на днях смогу переслать его в Милан – первый пункт его кругосветного путешествия. <...> Напоследок у калитки, когда уже были сказаны слова прощания, хозяин бросает нам с Владленом полный дружелюбной иронии взгляд и говорит: «Теперь вы приглашены на мою казнь» (С. Д'Анджело. С. 12–13)¹⁴⁸.

Через несколько дней Д'Анджело без всяких препятствий доставил рукопись в Берлин, куда за ней прилетел Фельтринелли¹⁴⁹.

23 мая. На заседании Президиума ЦК КПСС заслушан доклад бюро ЦК КП Грузии о событиях 5–9 марта. Спустя год, выступая на июньском (1957 г.) Пленуме ЦК, первый секретарь ЦК КП Грузии В. П. Мжаванадзе заявил, что «некоторые члены Президиума ЦК»

говорили об антирусских настроениях, о том, что есть разветвленная националистическая подпольная организация и т. п. И ни один из выступавших не упомянул о Сталине, ни один человек не сказал объективно, правильно, как происходило, что произошло, кроме тов. Хрущева. <...> Ни один не выступил

¹⁴⁸ Несколько иначе этот разговор изложен в статье С. Д'Анджело «Роман романа», опубликованной к десятилетию событий, связанных с публикацией романа «Доктор Живаго»: «Когда я подошел к цели моего визита, он казался пораженным (до этого времени он, очевидно, никогда не думал о том, чтобы иметь дело с иностранным издательством) <...> Я дал понять <...>, что политический климат изменился и что его недоверие кажется мне совсем неосновательным. Наконец он поддался моему натиску. Он извинился, на минуту скрылся в доме и вернулся с рукописью. Когда он, прощаясь, провожал меня до садовой калитки, он вновь как бы шутя высказал свое опасение: „Вы пригласили меня на собственную казнь“» (цит. по: О. Ивинская, И. Емельянова. С. 192).

¹⁴⁹ Известие о передаче рукописи С. Д'Анджело распространилось мгновенно. Так, по воспоминаниям Ольги Ивинской, уже через несколько дней она обсуждала эту новость с гослитиздатовскими редакторами М. Виташевской («один из непечатанных экземпляров был у этой особы») и Н. Банниковым (О. Ивинская, И. Емельянова. С. 195). И уже в начале лета, как рассказывает Вяч. Вс. Иванов, работавшая тогда в Военном институте иностранных языков Наталья Трауберг стала его «расспрашивать, верно ли, что Пастернак передал роман для публикации за рубеж. Я ничего не знал об этом, хотя и помнил (но не стал упоминать в тот раз) его замечание в разговоре перед приходом Яковсона и во время встречи с ним. До Наташи дошли слухи и о людях из Италии, которым роман был передан. Вспоминая об этом теперь, можно строить разные предположения о причинах ее любопытства и осведомленности» (Вяч. Вс. Иванов. Пастернак. С. 136–137).

тогда и не сказал, что мы защитим тов. Сталина (*это сказал только тов. Хрущев*) <...> (Молотов, Маленков, Каганович. С. 337).

Первый секретарь правления СП СССР Алексей Сурков обращается к Н. С. Хрущеву с просьбой принять группу писателей, «представляющих все оттенки мнений и творческих литературных течений», «для беседы о задачах советской литературы после XX съезда партии и о деятельности Союза писателей».

25 мая это письмо было рассмотрено на заседании Президиума ЦК КПСС, где было принято решение:

Провести встречу членов Президиума ЦК КПСС с писателями после июньского Пленума ЦК КПСС (Литературная Россия, 30 ноября 2018 г.).

Запланированная встреча состоялась, однако, только в декабре 1956 года.

28 мая. В московском кинотеатре «Ударник» начинается Фестиваль югославского кино.

31 мая. В Концертном зале имени П. И. Чайковского премьера вокально-симфонической поэмы «Памяти Сергея Есенина» Георгия Свиридова. Дирижер – Евгений Светланов.

«Поэму „Памяти Сергея Есенина“ можно смело назвать гордостью советской музыки <...>» – так 14 июня в газете «Вечерняя Москва» (с. 3) откликнулся на эту премьеру Дмитрий Шостакович.

Весна. В благодарность за передачу в СССР части бунинского архива вдове писателя Вере Муромцевой-Буниной распоряжением Совета министров СССР установлена пожизненная пенсия в размере 800 рублей (см. *М. Герizon*. С. 159).

Журналы в мае

В «Новом мире» (№ 5) первая часть неоконченного романа Бруно Ясенского «Заговор равнодушных» (окончание первой части – № 7).

В «Звезде» (№ 5) дебютный рассказ Виктора Конецкого «В утренних сумерках».

Июнь

1 июня – 1 октября. СССР впервые с 1934 года принимает участие в Венецианской биеннале.

Как 20 января 1957 года запишет в дневник студент-филолог Ромэн Назиров,

рассказывают, на Венецианской всемирной выставке изобразительного искусства наше изобразительное искусство потерпело сокрушительный провал. Советские залы были совершенно пусты, а все другие залы заполнены восторженной толпой. Смотрели сюрреалистов, всяческих формалистов, а советские залы пустовали: соцреализм заставляет их просто зевать (*Р. Назиров. Из дневника 1957 года. С. 80*).

И еще, в записи от 29 января:

Рассказывают, что в Венеции на выставке наибольшим успехом из наших пользовались Сарьян, Кончаловский и... Яблонская. Первые два – понятно, но почему Яблонская? (Там же. С. 83).

Начало июня. Судя по воспоминаниям Ольги Ивинской, роман «Доктор Живаго» поступает в Гослитиздат, что явилось следствием ее переговоров с заведующим Отделом культуры ЦК КПСС Д. А. Поликарповым.

Дмитрий Алексеевич взял трубку и позвонил в Гослитиздат. Директором тогда был Котов <...>

– Анатолий Константинович, – говорил Поликарпов, – к вам сейчас придет Ольга Всеволодовна и договорится относительно того, когда она привезет к вам Пастернака. Надо будет вам взять роман, просмотреть его, назначить редактора, заключить с Пастернаком договор¹⁵⁰. Пусть редактор подумает, какие места менять, какие выпустить, что оставить как есть (*О. Ивинская, И. Емельянова. С. 199*).

Издательство, – рассказывает главный редактор Гослитиздата А. И. Пузиков, – отнеслось к роману с настороженностью, но и вниманием. Первая его часть вообще не вызвала никаких сомнений, а во второй части мы отметили места спорные, требующие бесед с автором, редактуры (Ново-Басманная, 19. С. 487).

2 июня. В «Правде» (с. 4) информация о том, что Президиум Верховного Совета СССР удовлетворил просьбу первого заместителя Председателя Совета министров СССР тов. Молотова об освобождении его от обязанностей министра иностранных дел СССР.

Как указывает Р. Медведев, вокруг Молотова в это время

постепенно <...> образовалась группа недовольных членов ЦК, многие из которых входили и в Президиум ЦК КПСС. Их число стало быстро расти после того, как Хрущев начал энергично проводить в жизнь свою административную реформу, ликвидировать промышленные министерства и создавать областные и региональные управления промышленностью – совнархозы. <...> Часть руководителей обкомов партии была недовольна Хрущевым, который неожиданно выдвинул лозунг об увеличении производства мяса в СССР в три раза в течение трех-четырех

¹⁵⁰ Договор с Пастернаком будет заключен только 21 января 1957 года.

лет. Все это использовал Молотов и члены его группы, о существовании которой некоторые дипломаты уже сообщали в своих донесениях из Москвы (Р. Медведев. Они окружали Сталина. С. 78).

4 июня. Приказом министра культуры СССР Н. Михайлова созданы двухгодичные режиссерские курсы при киностудии «Мосфильм».

5 июня. В Союзе писателей СССР восстановлен Юрий Домбровский.

7 июня. На первом заседании инициативной группы рассмотрены вопросы «О создании нового писательского издательства „Современник“» и «О создании журнала „Современник“». Выписка из протокола:

ПОСТАНОВИЛИ: Поручить А. Т. Твардовскому представить предложения по поводу организации журнала (РГАЛИ. Ф. 2533. Оп. 1. Д. № 467).

9 июня. Критик Александр Дымшиц и ленинградские поэты Борис Лихарев и Алексей Решетов по поручению прокуратуры Ленинградского военного округа «познакомились заново с книгами поэта Бориса Корнилова и с отдельными публикациями его произведений в журналах» и пришли к выводу, «что их автор был бесспорно талантливым советским поэтом.

Его имя и творчество безусловно достойны реабилитации (цит. по: В. Огрызко. Охранители и либералы. Т. 1. С. 174, 175).

12 июня. На закрытии Декады армянского искусства и литературы в Москве первый секретарь правления СП СССР Алексей Сурков посылает Анне Ахматовой записку:

Сейчас вполне созрело время делать книгу Ваших избранных стихов. Об этом надо поговорить при деловой встрече в самые ближайшие дни¹⁵¹ (цит. по: В. Черных. С. 600).

Об этом намерении свидетельствует и запись в дневнике Константина Федина от 29 июня:

Я написал Суркову – доколе же длиться мученью Зощенки? И на днях получил от него ответ: разрешено Гослитиздату выпустить «Избранное» Зощенки и – кроме того – будет издан также сборник стихов Ахматовой... (К. Федин. Т. 12. С. 410)¹⁵².

13 июня. Дж. Фельтринелли отправляет Борису Пастернаку договор на издание романа «Доктор Живаго».

В ответном письме на французском языке от 30 июня Пастернак подчеркивает:

<...> меня радует, что роман будет издан у Вас и его будут читать. Если его публикация здесь, обещанная несколькими нашими журналами, задержится, и Вы ее опередите, ситуация будет трагически трудной для меня. Но это вас не касается.

Ради Бога, свободно принимайтесь за перевод и печатание романа, в добрый час! Мысли рождаются не для того, чтобы их таили или душили в себе, но чтобы быть переданными другим (Б. Пастернак. Т. 10. С. 141).

¹⁵¹ По словам Константина Симонова в письме Виталию Виленкину от 9 ноября 1976 г., «заботу о том, чтобы поставить в нормальное положение Ахматову, взял на себя Алексей Александрович Сурков. И при тех очень ограниченных возможностях, которые тогда у него были, сделал, к его чести, очень многое; занимался этим на протяжении ряда лет, не отступая и не забывая об этом. Не знаю, имела ли полное представление об этом сама Ахматова – может быть, и не имела <...>» (К. Симонов. Т. 12. С. 436).

¹⁵² Книга А. Ахматовой «Стихотворения» под редакцией А. Суркова была издана только в 1958 г.

14 июня. 20-летие со дня смерти Максима Горького отмечено скромно – всего лишь литературно-художественным вечером в Центральной лектории Политехнического музея.

Не ранее 15 июня. Членам и кандидатам в члены Президиума ЦК КПСС, секретарям ЦК КПСС разослан материал, где говорится:

В связи с решением XX съезда партии о ликвидации пережитков и последствий культа личности необходимо дать критическую оценку второму изданию книги «Краткая биография И. В. Сталина», получившей широкое распространение. Эта книга написана в чуждом марксизму-ленинизму духе культа личности Сталина и непомерного восхваления его заслуг; в ней искажаются исторические факты, принижается роль народа, партии и В. И. Ленина в социалистической революции и в строительстве социализма. <...> В настоящее время еще не представляется возможным дать исчерпывающую оценку допущенным И. В. Сталиным ошибкам и нарушениям ленинских принципов. Это должно найти в свое время должное освещение при разработке истории Коммунистической партии Советского Союза и Советского государства (Большая цензура. С. 657, 660).

15 июня. Выступая в Москве на совещании, посвященном литературам стран народной демократии, Ольга Берггольц вновь предлагает пересмотреть «те догматические постановления, которые были приняты в 1946–1948 годах по вопросам искусства – якобы ЦК», так как «есть в них положения, которые устарели, которые были всегда неправильны, связаны только с культом личности, т. е. фактически не являются „решениями ЦК“, и от этого нам надо решительно освободиться».

Для начала я, – продолжила О. Берггольц, – перечла рассказ «Обезьяна». Исключайте меня из Союза писателей, но я там ничего потрясающего основы, ничего крамольного не нашла.

<...> Бедная мартышка, которая скачет по людским головам, не желая стоять в очереди, вырывает из рук у бабушки конфетку и т. д., превращена в постановление в целую философскую категорию, вокруг нее строится целая концепция, она представлена как некое «разумное начало»! И на основании этого измышления говорится о Зощенко как о «пошляке», о «хулигане», о «пасквильанте», о «подонке», – оскорбляются все писатели, ибо говорится о «подонках литературы, подобных Зощенко», во множественном числе.

И на основании таких же измышлений, на основании чистейшей вкусовщины несколько лирических, совершенно безобидных стихов Ахматовой, которые не затрагивают, конечно, проблем высокой политики, – сочиняется история о вреде, который она якобы приносит делу воспитания нашей молодежи. И вот – самое страшное, что под этим постановлением и под тем докладом Жданова, который читался по этому постановлению, мы живем до сих пор (цит. по: М. Золотоносов. Гадюшник. С. 230–231).

18 июня. Из дневника Флоры Литвиновой:

Для чего, для чего бедный Д. Д. <Шостакович> написал этот чудовищный «Ответ господину Таубмену» во вчерашней «Правде»! (Таубмен опубликовал в США статью под названием «Нужно ли Шостаковичу немного свободы?» или что-то вроде этого.) «Партийная критика, – говорилось в этом „Ответе“, – якобы мешает моей творческой свободе... Мы в Сов. Союзе привыкли к свободе от денежного мешка, от подкупа, от буржуазного издателя.

Духовная свобода – ответственность перед народом. Я, Дмитрий Шостакович, не могу согласиться, что не нуждаюсь в советах. Таубмен ставит под сомнение мою искренность... Советская и партийная общественность постоянно давали мне необходимые советы...»

Бедный, бедный Д. Д.! Х. при встрече передал мне, что Д. Д. сказал ему: «Не хватает мне своих стукачей, еще американец доносит». Конечно, на него напали, чтоб он дал ответ «клеветнику» (*Ф. Литвинова*. С. 169–170).

В Саратовском университете при обсуждении книги В. Г. Баскакова «Мировоззрение Н. Г. Чернышевского» (М.: Изд-во АН СССР, 1956) произнес речь Юлиан Оксман.

Речь, направленная против «невежества воинствующего, грубо претенциозного, выращенного в столичных инкубаторах, воспитанного годами безнаказанного конъюнктурного лганья и беспардонного глумления над исторической истиной». Речь потрясающая – и смелая, и великолепно написанная, – 3 августа занес в дневник Корней Чуковский (*К. Чуковский*. Т. 13. С. 216).

А 13 декабря написал уже самому Оксману:

Я считаю, что ни Вы, ни <В. В.> Жданов, ни Н. М. Чернышевская не должны были участвовать в устной полемике. Гораздо будет лучше, если мы обратимся к Президенту Академии Наук СССР с открытым письмом, где поставим вопрос, как могла возникнуть эта бандитская книга. Я во всяком случае готов такое письмо написать (*Ю. Оксман – К. Чуковский*. Переписка. С. 85).

19 июня. В «Литературной газете» статья В. Дружина «Еще раз о литературной критике», где задан вопрос:

Как могло получиться, что в одном ряду так называемых выдающихся произведений могли одно время находиться такие разные книги, как, с одной стороны, книги Федина, Леонова, Фадеева, Шолохова, а с другой – Бабаевского, <А. Н.> Волошина, Бубеннова, Е. Мальцева? (с. 2).

20 июня. Павел Васильев реабилитирован постановлением Военной коллегии Верховного суда СССР.

23 июня. Умер Рейнгольд Морицевич Глиэр (род. в 1874).

28 июня. В Познани происходят вооруженные столкновения правительственных сил с демонстрантами, число которых доходило до 100 тысяч человек.

Это привело к смене политического руководства Польши и напугало советские власти, в итоге чего во всех областях жизни начинаются признаки надвигающегося похолодания.

29 июня. Принято постановление ЦК КПСС и Совета министров СССР «Об устранении последствий грубых нарушений законности в отношении бывших военнопленных и членов их семей», где, в частности, сказано:

Наряду с разоблачением некоторого числа лиц, действительно совершавших преступления, в результате применения при проверке во многих случаях незаконных, провокационных методов следствия, было необоснованно репрессировано большое количество военнослужащих, честно выполнивших свой воинский долг и ничем не запятнавших себя в плену.

Семьи военнослужащих, попавших в плен, неправильно лишались весь период войны денежных пособий и других льгот, независимо от причин и обстоятельств пленения этих военнослужащих. <...>

С 1945 года все освобожденные и репатриированные военнопленные даже если на них не было никаких компрометирующих данных, сводились в батальоны и в порядке наказания направлялись для постоянной работы на предприятия угольной и лесной промышленности, находящиеся в отдаленных районах.

Органы госбезопасности в послевоенный период продолжали необоснованно привлекать к уголовной ответственности бывших военнопленных, причем многие из них были незаконно репрессированы. Широкое распространение получили различные незаконные ограничения в отношении бывших военнопленных и их родственников в области трудового устройства, общественной деятельности, при поступлении на учебу, при перемене местожительства и т. п. <...>

Все это в корне противоречит основам нашего социалистического строя, советской Конституции, ленинским принципам внимательного, чуткого отношения к советским людям (Центральный архив ФСБ РФ. Ф. 66. Оп. 1. П. 1753. Л. 42–43).

Поэтому принято решение не чинить в дальнейшем препятствий бывшим военнопленным и членам их семей, распространить на них действие Указа об амнистии от 17 сентября 1955 года, реабилитировать тех, кто были «необоснованно осуждены как изменники Родине», ускорить возвращение бывших военнопленных, находящихся за границей, на Родину, предусмотреть «подготовку художественных произведений, посвященных героическому поведению советских воинов в фашистском плену, их смелым побегам из плена и борьбе с врагом в партизанских отрядах» (Там же. Л. 46).

И действительно, за рассказом Михаила Шолохова «Судьба человека» (Правда, 31 декабря 1956 – 1 января 1957 года) последовали книги, спектакли, фильмы, картины, посвященные этой болезненной теме.

30 июня. Принято постановление ЦК КПСС «О преодолении культа личности и его последствий».

По оценке Р. Медведева, «это постановление и по содержанию, и по формулировкам явилось шагом назад в сравнении с докладом Хрущева на XX съезде» (Р. Медведев. 33 года спустя. С. 12).

Новое постановление, – 2 июля записывает в дневник Сергей Дмитриев, – будет содействовать не «преодолению культа личности и его последствий», а, наоборот, оживлению и ободрению тех могущественных сил, которые были и являются носителями этого так называемого культа личности. <...>

Таков живой, действенный смысл этого постановления. Он вполне «ждановский», в духе ждановщины: глушить мысль, уводить ее от фактов, от жизни к догме, к директиве, к установке (Отечественная история. 2000. № 2. С. 144).

Борис Пастернак пишет издателю Джанджакомо Фельтринелли:

Ваши предложения замечательны, я с удовольствием подписываю договор (Б. Пастернак. Т. 10. С. 141).

Журналы в июне

В «Октябре» (№ 6) повесть Сергея Антонова «Дело было в Пенькове».

В «Искусстве кино» (№ 6) литературный сценарий «Баллада о счастливой любви» – дебютная публикация Михаила Анчарова (в соавторстве с Семеном Вонсевером).

Июль

5 июля. Станция «Завод имени Сталина» Московского метрополитена переименована в «Автозаводскую».

6 июля. Создана комиссия по литературному наследию А. Фадеева в составе: К. Федин (председатель), К. Зелинский, Вс. Иванов, Е. Книпович, А. Котов, Л. Леонов, Ю. Либединский, К. Симонов, А. Степанова.

7 июля

Роман Б. Л. <Пастернака> печатается в «Новом мире» («Доктор Живаго»), и все умоляют дать прочесть рукопись <...> – написал Варлам Шаламов Аркадию Добровольскому (В. Шаламов. Т. 6. С. 141).

12 июля. Директор Гослитиздата А. К. Котов обращается к начальнику Главиздата Министерства культуры СССР А. И. Голышкову с предложением:

Прошу Вас, согласно договоренности, разрешить выпустить сверх плана в текущем 1956 году книгу М. Зощенко «Избранные рассказы и повести», объемом 30 листов, тиражом 75 тыс. экз. (РГАЛИ. Ф. 613. Оп. 8. Ед. хр. 11).

16 июля разрешение Главиздата будет получено (РГАЛИ. Ф. 613. Оп. 10. Ед. хр. 9).

15 июля. Выходит первый номер возобновленного журнала «Костер», рассчитанного на детей в возрасте от 10 до 14 лет.

16 июля. Верховный Совет СССР принимает закон «О преобразовании Карело-Финской ССР в Карельскую АССР и о включении Карельской АССР в состав РСФСР».

18 июля. Из дневника Нины Бялосинской:

Мы слушали Би-би-си. Совсем не заглушают¹⁵³. Словно говорят в этой комнате. И так странно ощущать, что на этом хорошем русском языке говорят какие-то лондонские граждане. Наверное, белоэмигранты. Говорят вполне вежливо по отношению к СССР, но странно слышать тамошние обороты, выражения и интерпретации (Н. Бялосинская // Знамя. 2018. № 8. С. 51).

19 июля. В «Литературной газете» (с. 2) статья Ефима Дороша «Берегите памятники старины». Язвительно комментируя эту статью, едва ли не впервые в советской печати ставящую вопрос о сбережении исторической памяти, Сергей Дмитриев заносит в дневник:

Дорошу нужно охранять эти памятники вовсе не от равнодушных или невнимательных людей, а от разрушителей, от врагов этих памятников. И эти враги и разрушители – представители *власти, правящей партии*, потворствующие разрушению памятников, в душе мечтающие о том блаженном времени, когда (как им кажется, в интересах укрепления коммунистического сознания в массах) не будет ни одной церкви, ни одной иконы, когда люди не любоваться будут природой, а *пересоздавать*¹⁵⁴ ее. Вот они-то и «пересоздают», т. е. коверкают и ломают, пачкают и травят красу родины, ее память. Разве дикое переименование городов, площадей и улиц – это не покушение на народную память? Разве не гнусно жить живым людям в Горьком, в Щербакове, в Калинин, в Кирове? Да что писать! Лучше бы вспомнить товарищу Дорошу тех архитекторов, историков,

¹⁵³ Сплошное глушение передач Би-би-си началось 13 апреля 1948 года и с тех пор то ослабевало, то усиливалось сообразно колебаниям политического курса в стране.

¹⁵⁴ Курсив здесь и выше С. Дмитриева.

искусствоведов, которых сажали за защиту ими Сухаревой башни или Покровской церкви в Москве, за противодействие взрыву Ярославского собора, за оборону Красных и Иверских ворот! Неужели ему не гнушно писать полуправду, четверть-правду, правду осколочную, искаженную! И неужели он и ему подобные могут думать, что такой четверть-правдой они пользу делу принесут? (Отечественная история. 2000. № 2. С. 145).

22 июля. В Союз писателей СССР приняты критики Владимир Огнев и Владимир Сап-пак.

24 июля. В «Литературной газете» (с. 3) сообщение о том, что «Президиум СП поддержал предложения о создании издательства московских писателей „Современник“».

В «Советской культуре» (с. 3) информационная заметка о создании Институтом истории искусств АН СССР и Всероссийским театральным обществом комиссии по наследию Всеволода Мейерхольда и ее составе: Павел Марков (председатель), Игорь Ильинский, Николай Охлопков, Илья Эренбург, Татьяна Воробьева-Мейерхольд и др.

26 июля. В докладной записке, подписанной заместителем заведующего Отделом культуры ЦК КПСС Б. Рюриковым, заведующим сектором В. Ивановым и инструктором И. Черноуцаном указано, что в постановлении ЦК ВКП(б) «О журналах „Звезда“ и „Ленинград“»

вызывает возражения неоправданно резкий тон и недостаточно обоснованные оценки отдельных литературных явлений (РГАНИ. Ф. 5. Оп. 36. Ед. хр. 14).

28 июля. На заседании инициативной группы принят «Примерный список ближайших изданий издательства „Современник“». В список, в частности, включены «Доктор Живаго» Б. Пастернака, «Мы идем в Индию» Вс. Иванова, «новый роман» В. Гроссмана, «роман о рабочем классе» В. Дудинцева, «новый роман о советской науке» В. Каверина, «роман о Сибири» Г. Маркова, «роман о Шамиле» П. Павленко¹⁵⁵, сборники статей М. Щеглова и Ю. Оксмана¹⁵⁶. В разделе «Забытые книги» – однотомники М. Зощенко, А. Платонова, А. Веселого, Н. Эрдмана¹⁵⁷, О. Мандельштама, М. Булгакова, «Чукоккала» К. Чуковского¹⁵⁸, «Виктор Вавич» Б. Житкова¹⁵⁹, «Хулио Хуренито. 13 трубок. Трест Д. Е.» И. Эренбурга¹⁶⁰, «Два мира» В. Зазубрина, «Капитальный ремонт» Л. Соболева, «Пушкин» Г. Гуковского (РГАЛИ. Ф. 2533. Оп. 1. Д. 467).

В «Литературной газете» (с. 3) статья Ильи Эренбурга «О стихах Бориса Слуцкого», заканчивающаяся словами:

На чувствах мы никогда не экономили, и часто нам бывало обидно, когда мы читали пустые, холодные стихи, ничего и никого не выражавшие. Ведь стихи – это не сахар, это скорее соль, – без поэзии не обойтись. Хорошо, что настало время стихов¹⁶¹.

Как подчеркивают Петр Горелик и Никита Елисеев,

¹⁵⁵ «Кавказская повесть» издана в 1958 году.

¹⁵⁶ «Литературно-критические статьи» Щеглова выйдут в 1958 году, избранные работы Оксмана не изданы до сих пор.

¹⁵⁷ «Избранное» Эрдмана будет издано только в 1990 году.

¹⁵⁸ Издана с купюрами в 1979 году, без купюр – только в 2008 году.

¹⁵⁹ Полный вариант этого романа был издан только в 1999 году.

¹⁶⁰ Ранние произведения Эренбурга были изданы только в первом томе его собрания сочинений (1962).

¹⁶¹ Статья Эренбурга была опубликована, когда главный редактор «Литературной газеты» Кочетов находился в отпуске; 14 августа, после возвращения Кочетова, была опубликована заметка учителя физики Н. Вербицкого «На пользу или во вред?: По поводу статьи И. Эренбурга», где утверждалось: «Вполне возможно, Б. Слуцкий в будущем будет писать хорошие произведения (в это хочется верить), но подавляющее большинство из того, что вы приводите в качестве образца, по-моему, очень мало похоже на поэзию» (с. 3).

поэт, еще вчера известный лишь в узких кругах, был выведен едва ли не в первые ряды советской поэзии. <...>

В сравнительно небольшой газетной статье Эренбургу удалось представить Бориса Слуцкого, у которого еще не было ни одного опубликованного сборника, как большого, состоявшегося поэта, уже вошедшего в литературу на законное, причитающееся ему по праву место.

Моя поэтическая известность была первой по времени в послесталинский период новой известностью.

Потом было несколько слав, куда больших, но первой была моя «глухая слава».

До меня все лавры были фондированные, их бросали сверху.

Мои лавры читатели вырастили на собственных приусадебных участках, – вспоминает Борис Слуцкий (*Б. Слуцкий*. С. 182).

Журналы в школе

В «Знамени» (№ 7) стихи Бориса Слуцкого («Сон», «Рассвет», «Поезда», «Летом», «Хуже всех на фронте пехоте!..», «Толпа на Театральной площади...»).

В «Молодой гвардии» (№ 1) подборка из пяти политически заостренных стихотворений Евгения Евтушенко («В дорогу», «Коммунисты», «Празднуйте Первое мая!», «И другие», «В пальто незимнем, в кепке рыжей...»). Как отмечается в Записке Отдела науки, школ и культуры ЦК КПСС от 26 сентября,

первый номер возобновленного журнала «Молодая гвардия» (1956, июль – август) почти целиком заполнен пустыми, бессодержательными и пошлыми вещами, а в ряде случаев политически вредными. В этом отношении особенно показательны стихи молодого поэта Е. Евтушенко – студента Литературного института им. А. М. Горького. В стихотворении «Празднуйте Первое мая» Е. Евтушенко призывает советских людей вернуть «первородное звучание» таким словам, как «коммунизм», «советская власть», «революция», «Первое мая». В стихотворении «В пальто незимнем...» он пытается уверить, что в нашей стране во всем торжествует несправедливость, большая правда подменяется «игрой постыдною в нее». В стихотворении «И другие» Е. Евтушенко противопоставляет советский народ и его руководителей, изображая руководителей людьми, у которых нет общих интересов с народом (Аппарат ЦК КПСС и культура. 1953–1957. С. 537).

Август

9 августа. Секретарь парторганизации ленинградских писателей Николай Луговцов, выступая на собрании партактива Дзержинского района, докладывает:

Очень интересную инициативу проявила группа писателей – В. Панова, А. Черненко, Л. Рахманов, которые предложили создать литературный сборник к сорокалетию Советского государства, чтобы в этот сборник писатели внесли лучшие, заветные произведения, что явилось бы ответом писателей на решения XX съезда партии в смысле повышения их мастерства, чтобы в их произведениях читатель видел биение партийного сердца писателей и великую правду тех дел, которые свершает народ нашей страны после XX съезда партии под руководством родной Коммунистической партии. Секретариат утвердил ответственным редактором этого сборника В. Панову и заместителем – писателя Далецкого¹⁶² (цит. по: М. Золотонос. Гадюшник. С. 551).

В этот же день секретариат правления Ленинградской писательской организации одобряет содержание кооперативного сборника «Литературная трибуна» и считает необходимым

приурочить выпуск сборника к концу октября 1956 г. в связи с предстоящей в ноябре широкой всесоюзной дискуссией по вопросам, рассматриваемым в сборнике» (цит. по: М. Золотонос. Гадюшник. С. 392).

10 августа. Подписан к печати первый том пятитомного Собрания сочинений Ивана Бунина (Библиотека «Огонек»: Издательство «Правда»; под наблюдением и с предисловием Льва Никулина). Тираж – 250 000 экземпляров.

12 августа. Из дневника Константина Федина:

Вчера Долматовский:¹⁶³ история с Бор. Пастернаком, отдавшим, то ли продавшим роман итальянскому издательству. Это «стало известно»...

Просьба ко мне: убедить Бориса не делать этого¹⁶⁴. «Но ведь уже сделано!» Так чтобы взял рукопись назад.

Разговор длился долго. И он до детскости беспочвенен. 1) Никто, от имени кого ко мне обращается Долматовский (Поликарпов, Сурков, Ажаев), не читал роман Пастернака. 2) Я его тоже не читал, а только слушал отрывки из первых частей. 3) Априори считается, что роман вреден или опасен на том основании, что «в списках ходит... одно стихотворение такого свойства, каким отличались стихи... белогвардейцев» (Это – Долматовский). 4) Неизвестно, может ли быть опубликован роман у нас, ибо никто не знает – был ли он отклонен какой-нибудь редакцией или издательством, давал ли кто-либо кому-либо о романе отзыв. Впрочем, «говорят», будто Пастернак давал

¹⁶² Этот так и не изданный сборник получит название «Прибой».

¹⁶³ В то время первый заместитель председателя правления Московской писательской организации, то есть Федина.

¹⁶⁴ Оказывается, первым посредником, которого с этим поручением направляли к Пастернаку, был Павел Антокольский, «и, – записывает в дневник Федина, – надо было бы у него узнать – выгнал его за дверь Пастернак или только над ним посмеялся» (Там же). Выгнать не выгнал, но... «Слышал я, – рассказывает Николай Любимов, – что Павел Антокольский приезжал к нему уговаривать его взять „Живаго“ из итальянского издательства, на что Пастернак ответил:– Павлик! Мы с тобой старики. Нам с тобой поздно подлости делать.– Смотри! Не сделай рокового шага. Не упавши в пропасть! – с актерско-любительским пафосом прохрипел Антокольский. – Возьми рукопись назад. Помни, что ты продаешь советскую литературу.– Да что там продавать? – возразил Пастернак. – Там уж и продавать-то нечего. Вы сами давно все продали – и оптом, и в розницу» (Б. Пастернак. Т. 11. С. 642).

рукопись редакции «Н<ового> мира» (я, член редколлегии «Н<ового> мира», об этом не слышал! Неизвестно, увезена ли рукопись за границу, или нет!.. (Константин Федин и его современники. Т. 2. С. 160).

14 августа. Из дневника Константина Федина:

Был в «Нов<ом> мире», говорил с Симоновым о Пастернаке. Его роман лежал в редакции примерно два месяца в ожидании возвращения Симонова из отпуска. Теперь С<имонов> обещает прочитать рукопись в течение недели.

Я сказал, что до прочтения романа вести какой-ниб<удь> разговор с П<астернаком> не буду (Там же).

15 августа. ЦК КПСС и Совет министров принимают решение о восстановлении Ленинских премий¹⁶⁵ и их присуждении ко дню рождения В. И. Ленина – 22 апреля.

На закрытом партийном собрании Ленинградской организации СП СССР снисходительно, хотя и вполне критически обсуждено требование Ольги Берггольц пересмотреть постановления ЦК ВКП(б) 1946–1948 годов. Вот, в частности, точка зрения Даниила Гранина:

По-моему, Берггольц хочет разобраться в некоторых вопросах. Что плохого в том, что она вынесла свои сомнения на закрытое партийное собрание? Я ревизии в ее выступлении не усмотрел. <...> Я же считаю, что оценка Зощенко была правильной. Что касается более широких вопросов постановлений, то для меня еще не все ясно (цит. по: М. Золотоносов. Гадюшник. С. 235).

16 августа. Старший оперуполномоченный 2-го отделения 1-го отдела 4-го управления КГБ подполковник Куликов обращается в Прокуратуру Союза ССР за разрешением на выемку письма Пастернака к Д. Г. Резникову, к которому приложен очерк «Люди и положения», так как его публикация за границей нанесет вред Советскому Союзу. Обращение визирует начальник 1-го отдела 4-го управления майор Бобков. 20 августа заместитель Генерального прокурора санкционирует это мероприятие (ГА РФ. Ф. Р-8131. Оп. 31. Ед. хр. 72724).

Не позднее 18 августа. Принято решение о преобразовании альманаха «Дон» в ежемесячный литературно-художественный и общественно-политический журнал. Главным редактором назначен Михаил Соколов.

22 августа. Из дневника Константина Федина:

Перед отъезд<ом> в Карач<арово> С<имонов> приезжал на Лавр<ушинский> – его впечат<ление> от ром<ана> и рукоп<ись> мне (К. Федин и его современники. Т. 2. С. 132).

24 августа. В ЦК КПСС направлена Записка председателя КГБ И. А. Серова «об имеющихся материалах в отношении писателя Пастернака Б. Л.», где сказано, что

писатель Б. Пастернак через Серджо д'Анджело, диктора на радиостанции Министерства культуры СССР, гражданина Италии и члена Итальянской коммунистической партии, в мае с. г. передал итальянскому издателю Фельтринелли рукопись своего неизданного романа «Доктор Живаго» с целью публикации его в Италии. <...>

Известно, что в апреле сего года Пастернак направил рукопись «Доктора Живаго» в редакцию журнала «Новый мир». Произведение отрецензировано, но согласие на публикацию еще не получено. <...>

¹⁶⁵ Премии с этим названием с 1926 по 1935 год присуждались за научные труды «в целях поощрения научной деятельности в направлении, наиболее близком идеям В. И. Ленина, а именно в направлении тесной связи науки и жизни».

С 1946 по 1948 год была написана первая часть романа «Доктор Живаго», в котором отражено его идеалистическое мировоззрение¹⁶⁶. Журнал «Новый мир», куда была передана рукопись, отказался публиковать роман как идеологически неприемлемый. Впоследствии рукопись романа получила хождение в литературных кругах.

В те же самые годы Пастернак установил контакт с рядом сотрудников британского посольства в Москве, через которых он поддерживал переписку с сестрой, проживающей в Лондоне¹⁶⁷.

В беседах с некоторыми представителями посольства он делал антисоветские заявления.

В основном благодаря этим контактам с 1946 по 1948 год Пастернак стал популярен в английской и американской печати, создав вокруг себя ореол «великого поэта-мученика», который не может приспособиться к советской действительности (Б. Пастернак: Pro et contra. С. 83–84).

После 24 августа. Из кандидатов в члены КПСС переведен Булат Окуджава.

26 августа. В «Правде» (с. 3–4) статья Б. Рюрикова «Литература и жизнь народа», где, в частности, сказано:

Нашлись отдельные литераторы, которые пытались представить как утратившие силу известные решения ЦК партии по вопросам литературы и искусства. Решения партии направлены против отрыва литературы от жизни народа, от политических задач современности, против забвения общественно-преобразующей роли искусства – и это принципиальное содержание партийных документов мы будем отстаивать в интересах развития литературы (с. 4).

30 августа. Из дневника Константина Федина:

Записка от С<имонова> и окончание рукописи <романа «Доктор Живаго»> мне (Константин Федин и его современники. Т. 2. С. 132).

Не позднее 31 августа. Из справки Отдела культуры ЦК КПСС, подписанной Д. Поликарповым и И. Черноуцаном:

Писатель Б. Пастернак сдал в журналы «Знамя» и «Новый мир» роман «Доктор Живаго». Экземпляр этого романа он переправил в Италию в издательство Фельтринелли с правом передачи для переиздания во Франции и Англии.

Подробно изложив содержание романа, авторы справки приходят к выводу:

В своем романе Б. Пастернак выступает не только против социалистической революции и советского государства, он порывает с коренными традициями русской демократии, объявляет бессмысленными, фальшивыми и лицемерными всякие слова о светлом будущем человечества, о борьбе за счастье народа. <...>

Роман Б. Пастернака является злобной клеветой на нашу революцию и на всю нашу жизнь. Это не только идейно порочное, но и антисоветское

¹⁶⁶ Ее первоначальное название «Иннокентий Дудоров: Мальчики и девочки».

¹⁶⁷ На самом деле Пастернак переписывался с обеими сестрами, которые жили в Англии, но не в Лондоне, а в Оксфорде. Никаких связей с сотрудниками посольства он не поддерживал, исключение составлял Исайя Берлин, личный знакомый его сестер, который приезжал в Переделькино к Пастернаку в середине августа 1956 года.

произведение, которое безусловно не может быть допущено к печати («А за мною шум погони...». С. 63–64, 69–70).

31 августа. Министр иностранных дел СССР Д. Т. Шепилов информирует партийное руководство:

Мне стало известно, что писатель Б. Пастернак переправил в Италию в издательство Фельтринелли рукопись своего романа «Доктор Живаго». Он предоставил указанному издательству право издания романа и право передачи его для переиздания во Франции и в Англии.

Роман Б. Пастернака – злобный пасквиль на СССР.

Отдел ЦК КПСС по связям с зарубежными компартиями принимает через друзей меры к тому, чтобы предотвратить издание этой антисоветской книги за рубежом...» («А за мною шум погони...». С. 63).

К Записке приложена подготовленная Д. А. Поликарповым и И. С. Черноуцаном справка, в которой подробно излагается оценка «этой клеветнической книги» (Там же. С. 63–70). Не исключено, что первые сведения в инстанции о передаче романа за границу поступили от Ольги Ивинской. Напуганная возможностью катастрофических последствий, она безуспешно попыталась забрать рукопись у Серджо Д'Анджело, а затем, – как сказано в ее воспоминаниях, – «подумав, пошла в редакцию журнала „Знамя“».

Там печатались уже стихи из «Доктора Живаго», лежал роман, который должен был читать Кожевников. А с Кожевниковым я была знакома еще с Высших государственных литературных курсов и надеялась говорить с ним не только как с главным редактором, но как с человеком, которому безразлична моя собственная судьба.

Откликаясь на это обращение, Кожевников организовал встречу Ивинской в ЦК КПСС с Д. А. Поликарповым, который, – вернемся к ее воспоминаниям, —

выслушал меня и сказал, что обязательно надо попробовать договориться с Д'Анджело:

– Встречайтесь с ним, говорите, просите всеми силами, чтобы он вернул рукопись. А мы действительно можем обещать ему, что в конце концов разберемся и сами напечатаем роман – там видно будет, с купюрами или без, – но, во всяком случае, дадим им возможность после нас печататься (О. Ивинская, И. Емельянова. С. 197, 198).

Как решался вопрос об этом произведении? – вспоминает Н. С. Хрущев. – Докладывал мне о нем Суслов, шефствовавший над нашей агитацией и пропагандой. Без Суслова в таких вопросах не могло обойтись. Он сообщил, что данное произведение плохое, не выдержано в советском духе. В деталях его аргументов не помню, а выдумывать не хочу. Одним словом, недостойная вещь, печатать ее не стоит. Такое решение и приняли. Полагаю, что на той стадии событий кроме Суслова никто из ответственных лиц романа не читал. Я сомневаюсь в том, что и Суслов его прочел. Ему тоже, наверное, дали справку с изложением содержания произведения на трех страничках. <...> Я, не читая, поверил и пошел на административные меры, самые вредные в отношении творческих людей.

Роман запретили. Запретили... (Н. Хрущев. Время. Люди. Власть. Кн. 4. С. 275, 276).

И далее, возвращаясь к судьбе книги, Хрущев говорит:

<...> не могу себе простить того, что ее запретили у нас. Я виновен в том, что не поставил о ней вопрос так же, как о «Синей тетради»¹⁶⁸. Разница (хотя и не оправдание) заключается в том, что я прочел «Синюю тетрадь» и увидел воочию глупость цензоров. Я попросил их дать разъяснения Президиуму ЦК. Они оказались несостоятельными, даже смешными, и мы без особых усилий справились с полицейской прытью. А «Доктора Живаго» я не прочел, да и никто в руководстве не прочитал. Запретили книгу, доверившись тем, кто обязан был по долгу службы следить за художественными произведениями. Именно этот запрет причинил много зла, нанес прямой ущерб Советскому Союзу. Против нас выступила за границей интеллигенция, в том числе и не враждебная в принципе к социализму, но стоящая на позиции свободы высказывания мнений (Там же. С. 281–282).

Август. Совет министров РСФСР принимает решение о передаче Московской Патриархии зданий и сооружений, расположенных на территории Троице-Сергиевой Лавры в Загорске.

Формируется, как указывают позднейшие исследователи, ядро Лианозовской группы художников и поэтов.

Лето. Первая повесть Абрама Терца (Андрея Синявского) «Суд идет» с помощью Элен Пельтье переправлена во Францию¹⁶⁹.

Но, – рассказывает Людмила Сергеева, – напечатана она была только в 1959 году, пропустили вперед «Доктора Живаго», так Синявским объяснила ситуацию Элен (*Л. Сергеева*. С. 285).

См. комментарий Ивана Толстого:

Готовая к печати терцевская повесть «Суд идет» пролежала на Западе без движения целых три года, потому что ЦРУ – для антисоветского скандала – нужна была не маленькая повесть никому не известного автора, но большой роман знаменитого писателя (*И. Толстой*. С. 106).

Журналы в августе

В «Новом мире» (№ 8) рассказ Даниила Гранина «Собственное мнение»¹⁷⁰, роман Владимира Дудинцева «Не хлебом единым» (окончание – № 10)¹⁷¹.

И вот что о предыстории публикации своего романа рассказывает сам Дудинцев:

¹⁶⁸ См. 27 декабря 1960 года.

¹⁶⁹ С этой женщиной Андрея Синявского связывали давние и близкие отношения, о которых подробно рассказано в его романе «Спокойной ночи»: «К нам, на третий курс филфака, в 47-м году пришла француженка. Первая живая француженка и, вообще, единственная по Советскому Союзу в те далекие времена иностранка, зачисленная в Высшее Учебное Заведение. Говорили, ее отцу, военно-морскому атташе, стоило немалых усилий пробить, через Мининдел, дойдя до самого Молотова, чтобы дочери предоставили исключительное право учиться наравне со всеми, посещать лекции, сдавать экзамены <...>» (*Абрам Терц*. С. 354).

¹⁷⁰ Двухнедельник ЦК КПСС «Партийная жизнь» в 17-м, сентябрьском номере откликнулся на этот рассказ письмом полковника П. Стародубцева «Рассказ, вызывающий недоумение», где было сказано, что перед нами «антихудожественное, безыдейное и, по существу, вредное произведение» (с. 78).

¹⁷¹ «Общество ждало открытого слова – слова правды. И, видно, мне выпало такое счастье – сказать его, да еще быть понятым» (*В. Дудинцев*. С. 9). «В художественно-литературном отношении вещь обыденная для советской литературы, – дочитав роман, 26 октября пишет в дневнике Сергей Дмитриев. – Но по содержанию, по общественно-политическому настроению и тенденции очень интересная. <...>Разумеется, такой роман всех заденет. Недовольных будет очень много: все морально-политически единое общество будет недовольно. Слышал, что готовится разнос романа в „Партийной жизни“, что Союз советских писателей уже подготовил проработку романа на „свободной дискуссии“, заранее подготовленной, понятно. Однако, толпы собравшейся у Дома Союзов писателей молодежи, настроенной в пользу романа и его автора, заставили братьев-писателей призадуматься. Подумав, они отложили дискуссию-проработку» (Отечественная история. 2000. № 2. С. 147, 148).

Когда я принес «Не хлебом единым» в журнал «Октябрь» в бытность там главным реактором Храпченко, то мне отказали в печатании этой вещи. Отказали с жестами брезгливого возмущения. Все члены редколлегии встали, а я там тоже сидел – я тоже встал, и все, стоя, проголосовали против печатания моего романа, как это предложил впоследствии Герой Социалистического Труда Храпченко. <...>

А Симонов схватил роман, как окунь хватает блесну (В. Дудинцев. С. 54–55).

Однако, ввиду сопротивления некоторых членов редколлегии, публикация романа в «Новом мире» стала затягиваться, и Дудинцев, – как он вспоминает, – «побежал в альманах „Москва“ к Казакевичу» – и

прочитано было за сутки! За сутки было прочитано! <...>

А потом Казакевич мне и говорит:

– Дорогой Владимир Дмитриевич, не могу печатать. Не могу. Невозможно печатать. Слишком опасно. Вещь не пройдет (Там же. С. 54–57).

Тем не менее о передаче романа возможному конкуренту узнал Симонов и – по словам Дудинцева – закрычал:

«Немедленно засылайте в набор! Сейчас же чтобы был заслан в набор!» И роман был заслан в набор в «Новом мире». Тут же он сел и написал письменный протест в секретариат Союза писателей с жалобой на Казакевича, который переманивает авторов «Нового мира». <...> Одним словом, роман там пошел (Там же. С. 59).

В «Октябре» (№ 8) первая посмертная публикация Павла Васильева – поэма «Христовские ситцы», завершенная в 1936 году.

В альманахе «Наш современник» (№ 3; подписан к печати 17 августа) рассказ Владимира Тендрякова «Ухабы».

В «Иностранной литературе» (№ 8) роман Эриха Марии Ремарка «Время жить и время умирать» (окончание – № 9, 10).

В «Вопросах истории» (№ 8) статья С. М. Дубровского «Против идеализации деятельности Ивана IV». Этой публикацией, наделавшей шума среди историков, был, – по сведениям Сергея Дмитриева, – заменен еще более взрывоопасный доклад Дубровского, где автор

объявляет, что понятие прогрессивного в истории применимо только к революционному движению. Можно писать о прогрессивности Октябрьской социалистической революции, о прогрессивности революции 1905 г. Но это понятие нельзя применять при оценке Петра I или Ивана Грозного и т. п. Автор намеревается отказать в признании прогрессивности деятельности Невского, Донского, Минина и Пожарского, Грозного, Петра и, уж конечно, Екатерины, Суворова, Кутузова, Нахимова и пр. В порядке ликвидации последствий культа личности предлагает автор снести памятник Юрию Долгорукому, «основателю» Москвы (Отечественная история. 2000. № 1. С. 169).

Сентябрь

1 сентября. Запись в дневнике Корнея Чуковского:

Был вчера у Федина. Он сообщил мне под большим секретом, что Пастернак вручил свой роман «Доктор Живаго» какому-то итальянцу, который намерен издать его за границей. Конечно, это будет скандал. «Запрещенный большевиками роман Пастернака». Белогвардейцам только это и нужно. Они могут вырвать из контекста отдельные куски и состряпать «контрреволюционный роман Пастернака».

С этим романом большие пертурбации. Пастернак дал его в «Лит. Москву». Казакевич, прочтя, сказал: «оказывается, судя по роману, Октябрьская революция – недоразумение, и лучше было ее не делать». Рукопись возвратили¹⁷². Он дал ее в «Новый мир», а заодно и написанное им предисловие к Сборнику его стихов¹⁷³. Кривицкий склонялся к тому, что «Предисловие» можно напечатать с небольшими купюрами. Но когда Симонов прочел роман, он отказался печатать и «Предисловие». – Нельзя давать трибуну Пастернаку!

Возник такой план: чтобы прекратить все кривотолки (за границей и здесь), тиснуть роман в 3-х тысячах экземпляров, и сделать его таким образом недоступным для масс, заявив в то же время: у нас не делают Пастернаку препон.

А роман, как говорит Федин, «гениальный». Чрезвычайно эгоцентрический, гордый, сатанински надменный, изысканно простой и в то же время насквозь книжный – автобиография великого Пастернака. (Федин говорил о романе вдохновенно, ходя по комнате, размахивая руками – очень тонко и пронизательно, – я залюбовался им, сколько в нем душевного жара.) (К. Чуковский. Т. 13. С. 217).

И вот, для полноты объема, дневниковая запись самого Федина, также датированная 1 сентября:

Приезжал С<имонов> с письмом к П<астернаку> и днем – в «Нов<ом> мире».

2 сентября прибавляется еще одна лаконичная запись: «Вставка в письмо».

И наконец, 3 сентября третья, самая важная: «Подписал»¹⁷⁴ (Константин Федин и его современники. Т. 2. С. 132).

¹⁷² Реакция редакторов «Литературной Москвы» на роман Бориса Пастернака по-иному представлена в воспоминаниях В. Каверина: «В „Докторе Живаго“ около сорока печатных листов – уже поэтому он не мог появиться в нашем сборнике, для которого мы с трудом выбивали из Гослита в лучшем случае пятьдесят. Но была и более серьезная причина: роман не понравился Казакевичу, который отозвался о нем очень резко. – Вы можете представить себе Пастернака, который пишет о колхозах? – с раздражением спросил он меня. – Не без труда. – Ну вот. А он пишет – и очень плохо. Беспомощно. Есть прекрасные главы, но он не отдаст их нам. – Как вы думаете, почему он встретил нас так сурово? – Потому что „Литературная Москва“ для него – компромисс. Ему хочется, чтобы завтра же была объявлена свобода печати» (В. Каверин. Эпilog. С. 382–383).

¹⁷³ «Люди и положения».

¹⁷⁴ Федин, которого Пастернак еще в 1942 году называл своей «старейшей привязанностью», и в последующем принимал самое активное участие в травле поэта. Тем не менее, 23 апреля 1958 года Корней Чуковский в дневнике пересказал слова Пастернака о том, что тот «встретился на дорожке у дома с Фединым – и пожал ему руку – и что, в самом деле! начать разбирать, этак никому руку подавать невозможно!» (К. Чуковский. Дневник. С. 284). Та же снисходительность по отношению к Федину проявлена Пастернаком и в письме Жаклин де Пруайяр от 22 декабря 1959 года: «Мы прервали отношения, но это несерьезно. Они когда-нибудь возобновятся, когда всё изменится в более широких кругах, чем Союз писателей» (Б. Пастернак. Т. 1. С. 100).

2 сентября. В Новороссийске умер Марк Александрович Щеглов (род. в 1925).
Из письма Ариадны Эфрон Илье Эренбургу:

Мамина книга тихо продвигается по гослитовским дорожкам, оформление уже готово, видимо, скоро сядут в печать (Почта Ильи Эренбурга. С. 324).

Книга Марины Цветаевой будет подписана в печать спустя пять лет – 5 сентября 1961 года.

3 сентября

Ходил в Союз, – написал Василий Гроссман Семену Липкину. – Подал Ажаеву петицию о том, что нужно создать комиссию, которая от имени Союза возбуждала бы ходатайства о реабилитации погибших писателей, не имеющих родных. Назвал А. Лежнева, Пильняка, Анд. Новикова, Святополка-Мирского. Предложение встретило сочувствие. Ажаев обещал рассмотреть его на секретариате (*С. Липкин, А. Берзер. С. 33*).

4 сентября. Из дневника Любви Шапориной:

Вчера слушала разговор по телефону Веры Агарковой, Галиной подруги. Она говорит всегда громко, на всю квартиру. По-видимому, наставляла свою сослуживицу, преподавательницу истории: «О Петре надо теперь говорить, что он не новатор; все, что он сделал, было подготовлено при Алексее Михайловиче. Его очень превозносили последнее время, теперь не надо, он был жестокий тиран!»

Развенчан сейчас и Иван Грозный с Малютой Скуратовым, которых А. Н. Толстой изобразил в своей последней драме¹⁷⁵ кристально чистыми патриотами. Наша интеллигенция – плюй ей в глаза, она скажет: Божья роса, и еще поблагодарит.

Сталин – полубог, бьем ему земные поклоны. Раскулачили его, бьем поклоны Хрущеву.

А что Вере Агарковой – вчера Петр герой, гений, первый большевик¹⁷⁶, а сегодня ничто, она же не может над этим задумываться, не должна (*Л. Шапорина. С. 335*).

5 сентября – 3 октября. Первый в послевоенной истории круиз теплохода «Победа» вокруг Европы. Среди 423 пассажиров – представители партийно-советской номенклатуры, передовики производства, композитор Родион Щедрин с балериной Майей Плисецкой, эстрадные артисты Юрий Тимошенко и Ефим Березин (Тарапунька и Штепсель), певица Тамара Миансарова, режиссер Николай Акимов, писатели Расул Гамзатов, Даниил Гранин, Елена Катерли, Владимир Орлов, Сергей Орлов, Константин Паустовский, Леонид Рахманов, Александр Решетов, Всеволод Рождественский и др.

По воспоминаниям Д. Гранина, во время круиза он

записывал прежде всего всякое доброе слово о России. Затем – то, что меня удивляло и возмущало в капиталистической жизни (*Д. Гранин. Все было не совсем так. С. 255*).

нак. Т. 10. С. 553).

¹⁷⁵ Имеется в виду «драматическая повесть» «Иван Грозный» (1941–1943).

¹⁷⁶ Из поэмы Максимилиана Волошина «Россия» (1924): «Великий Петр был первый большевик...».

И совсем по-другому в своем выступлении на обсуждении романа В. Дудинцева представил эту поездку¹⁷⁷ Константин Паустовский:

Глухим, хрипловатым, тихим голосом он рассказал о своих впечатлениях от круиза вокруг Европы на теплоходе «Победа», кажется, первой такого рода туристической поездки, во время которой ему довелось наблюдать вблизи представителей «нового правящего класса». Они были как две капли воды похожи на дудинцевского Дроздова <...>

В душном возбужденном зале во время выступления Паустовского слышно было, как муха пролетит (*Л. Лазарев. Шестой этаж. С. 62*).

6 сентября. В Ленинграде и Москве начинаются гастролы Бостонского симфонического оркестра.

9 сентября. Приехавший в Москву А. И. Пантелеев рассказывает Лидии Чуковской,

как в Ленинграде проводили в Союз какого-то литератора, и Гранин дал отвод, сообщив, что из-за него погибли двое.

Встал Холопов:

– По таким причинам нельзя отвода давать. А то тут ползала исключить надо будет...

Раздался свист, шум... Холопов сказал:

– Я, конечно, извиняюсь, но назад свои слова не беру.

Нравы. Быт. Литература» (*Л. Чуковская. Дневник – большое подспорье... С. 122–123*).

13 сентября. Создана комиссия по литературному наследию Марка Щеглова во главе с Александром Твардовским.

Секретариат правления СП СССР назначает Николая Атарова главным редактором журнала «Москва».

ЦК КПСС принимает решение «о приглашении в СССР по линии ВОКС¹⁷⁸ в октябре с. г. французского художника П. Пикассо и проведении в Москве вечера, посвященного его 75-летию. Разрешено организовать небольшую выставку рисунков и литографий Пикассо» (цит. по: *В. Воловников. С. 55*).

19 октября заведующий Отделом культуры Д. А. Поликарпов и заведующий сектором этого отдела Б. М. Ярустовский докладывают в секретариат ЦК КПСС, что «на приглашение ВОКСа посетить СССР П. Пикассо ответил отказом, ссылаясь на плохое состояние здоровья» (Там же).

Не позднее 14 сентября. Борис Пастернак получает официальный ответ из редакции журнала «Новый мир» за подписями Б. Агапова, Б. Лавренева, К. Федина¹⁷⁹, К. Симонова¹⁸⁰, А. Кривицкого¹⁸¹, где сказано:

¹⁷⁷ Его собственно туристические наблюдения вошли в очерки «Географические записи» (Вокруг света. 1957. № 12), «Толпа на набережной» (Москва. 1958. № 3) и «Мимолетный Париж» (Октябрь. 1960. № 3).

¹⁷⁸ Всесоюзное общество культурной связи с заграницей. Председателем секции друзей науки и культуры Франции в этом обществе был Илья Эренбург.

¹⁷⁹ См. запись в дневнике Федина от 17 августа 1957 года: «Когда в „Новом мире“ редколлегия признала роман Пастернака неприемлемым, я подписал письмо Борису, отклоняющее роман, и сделал это по совести, потому что в романе, в сущности, содержится признание бесполезности всей нашей революции и бессмыслицы гражданской войны. Я действовал по убеждению своему, как писатель, по долгу, как редактор: автор дал мне рукопись, я не мог ее принять и сказал автору – почему» (Константин Федин и его современники. Т. 1. С. 578).

¹⁸⁰ По свидетельству Бориса Панкина, именно Симонов «<...> подготовил набросок письма. То есть это он так называл – набросок, когда поставил роман на обсуждение редколлегии. По существу же это был готовый документ, даже статья. Написать эти страницы было все равно что – сходить на исповедь. <...> Свои небольшие поправки внесли и соавторы» (*Б. Панкин. С. 182–183*).

Как люди, стоящие на позиции, прямо противоположной Вашей, мы, естественно, считаем, что о публикации Вашего романа на страницах журнала «Новый мир» не может быть и речи. <...>

Возвращаем Вам рукопись романа «Доктор Живаго» (Б. Пастернак: Pro et contra. С. 111, 112)¹⁸².

Письмо это, – докладывал в ЦК КПСС Константин Симонов, – объемом в тридцать пять страниц было написано с широкой аргументацией всех политических пороков романа с тем, чтобы в случае появления романа в заграничных издательствах можно было бы при помощи публикации этого письма предпринять одну из ряда возможных контрмер. Сама идея написания письма возникла при совместном обсуждении этого вопроса с товарищами Поликарповым и Сурковым в Отделе культуры ЦК КПСС. <...>

В 1956 году письмо <...> было направлено в ЦК КПСС, его читал Отдел культуры ЦК КПСС, читали секретари ЦК КПСС товарищ Суслов и товарищ Пospelов, и содержащаяся в письме критика романа Пастернака была сочтена правильной («А за мною шум погони...». С. 89, 90).

26 сентября Борис Пастернак в частном письме Т. В. Ивановой так оценил официальное письмо «Нового мира», признаваясь, что он «только что, наконец, прочел его»: ¹⁸³

Оно составлено очень милостиво и мягко, трудолюбиво продумано с точек зрения, ставших привычными и кажущихся неопровержимыми, и только в некоторых местах, где обсуждаются мои мнения наиболее неприемлемые, содержит легко объяснимую иронию и насмешку. Внутренне, то есть под углом зрения советской литературы и сложившихся ее обыкновений, письмо совершенно справедливо. Мне больно и жаль, что я задал такую работу товарищам (Б. Пастернак. Т. 10. С. 173–174)¹⁸⁴.

14 сентября. Главный редактор серии «Библиотека поэта» В. Н. Орлов на заседании редакционного совета издательства «Советский писатель» сообщает:

В настоящее время план пересматривается в сторону издания целого ряда поэтов, занимающих видное место в истории русской поэзии. <...> Там имеется целый ряд крупных поэтов XX века, которые должны быть изданы:

¹⁸¹ Не ясно, почему в этом перечне отсутствуют С. Голубов, М. Луконин, А. Марьямов и Е. Успенская, тоже состоявшие тогда в редколлегии. И только ошибкой памяти можно объяснить фразу Наталии Бианки о том, что будто бы «Катаев <он не был членом редколлегии> подписал письмо с маху, ему, как всегда, было все равно» (Н. Бианки. С. 31).

¹⁸² Можно предположить, что о существовании этого письма и о его отправке Пастернаку не знали не только московские литераторы, но и сотрудники журнала «Новый мир». Во всяком случае, Георгий Владимов, с августа 1956 года работавший в отделе прозы, вспоминает, что «начальство колебалось: печатать – не печатать, давайте подождем». А затем добавляет: «В 1957 году, когда в Москве проходил IV Всемирный фестиваль молодежи и студентов, пришел член редколлегии Борис Лавренев и стал рассказывать, что Борис Пастернак передал рукопись своего романа некому Фельтринелли, итальянскому коммунисту, издателю. Тот снял копию и уже объявляет о том, что он будет печатать по-русски. Почему-то Борис Лавренев – человек добрый (не злой, по крайней мере) – говорил очень зло и язвительно. Помнится такая фраза: „Если Пастернак не понимает, что это не шуточки, то не будет больше Бориса Пастернака“. Все настроились сразу против Пастернака – такая была реакция» (Л. Конелев, Г. Владимов // Знамя. 2019. № 7. С. 161).

¹⁸³ Наталия Бианки, которой К. Симонов поручил собрать в Переделкине подписи членов редколлегии под этим письмом, рассказывает, что она разыскала там Ольгу Ивинскую: «Я тут же усадила ее в машину и дала переписать письмо» (Н. Бианки. С. 32). Таким образом, его содержание могло стать известным Б. Пастернаку гораздо раньше 26 сентября.

¹⁸⁴ Официальный ответ из «Нового мира» («Какая-то отрицательная – внутренняя – рецензия на его роман за подписью двадцати человек!») – упоминает в дневниковой записи от 14 сентября и Л. Чуковская (Записки об Анне Ахматовой. Т. 2. С. 230). И раз так, то нужно, видимо, признать неосновательной версию, изложенную в воспоминаниях В. Каверина: «Отмечу, кстати, что под письмом „Нового мира“ стоит, без всякого сомнения, ложная дата. Оно было написано не в сентябре 1956 года, а значительно позже, когда роман появился в печати» (В. Каверин. Эпilog. С. 389).

Сологуб, Белый, Ахматова, Бунин – в этом году, Саша Черный – в будущем году, Хлебников и целый ряд крупных поэтов народов СССР.

Отвечая на вопрос Веры Кетлинской: «А как с Гумилевым?» – В. Орлов сказал:

Он фигурирует в сборнике начала XX века. Там будут поэты малого масштаба, которые должны быть представлены тоже.

В действительности издание крупных поэтов, связанных с Серебряным веком русской поэзии, в Большой серии «Библиотеки поэта» растянулось на десятилетия, пока выходила сама эта («синяя») «Библиотека поэта»: Александр Блок (1955), Иван Бунин (1956), Сергей Есенин (1956), Иннокентий Анненский (1959), Саша Черный (1960), Валерий Брюсов (1961), Владимир Маяковский (1963), Борис Пастернак (1965), Марина Цветаева (1965), Андрей Белый (1966), Константин Бальмонт (1969), Федор Сологуб (1975), Анна Ахматова (1976), Осип Мандельштам (1978). В Малой серии вышли однотомники Велимира Хлебникова (1960), Игоря Северянина (1975), Вяч. Иванова (1976), Николая Клюева (1977), Максимилиана Волошина (1977).

И лишь в «зеленой» «Библиотеке поэта» / «Новой библиотеке поэта» в Большой серии вышли: Николай Гумилев (1988, 2000), Владислав Ходасевич (1989), Максимилиан Волошин (1995), Вяч. Иванов (1995), Михаил Кузмин (1996, 2000), Зинаида Гиппиус (1999), Дмитрий Мережковский (2000), Владимир Набоков (2002), Георгий Иванов (2010). А Николай Клюев, Игорь Северянин, Велимир Хлебников в Большой серии не изданы до сих пор.

15 сентября. Подписан к печати московский сборник «День поэзии 1956». Тираж – 30 тысяч экземпляров. В его составе стихи Николая Асеева, Анны Ахматовой («Есть три эпохи у воспоминаний...»), Евгения Евтушенко, Николая Заболоцкого, Леонида Мартынова, Ксении Некрасовой, Бориса Пастернака («Рассвет»), Марии Петровых, Бориса Слуцкого, Арсения Тарковского, Марины Цветаевой, Семена Гудзенко, первая посмертная публикация двух стихотворений Павла Васильева.

Самое сильное впечатление 56-го года, – вспоминает Илья Фояков, – появление книги «День поэзии». <...> Она даже внешне отличалась от других сборников: в мягкой обложке, необычайно широкого формата, не помещающаяся ни на какие полки и стеллажи. Обложка была испещрена автографами поэтов, а внутри читатель мог найти наряду со стихами и размышлениями о поэзии большой дружеский шарж художника Игина «Редколлегия за работой». В нем можно было увидеть Бориса Пастернака, только что вышедшего из длительной полуопалы. Опала, к сожалению, была еще впереди. В этом же шарже был Сергей Михалков, еще сравнительно молодой. <...> Этот шарж был символом консолидации всех литературных сил. Тех, кто был на виду, и тех, кто волею судеб был задвинут в тень (цит. по: Л. Лурье, И. Малярова. С. 306).

16 сентября. На экраны страны выходит «Илья Муромец» – первый советский художественный широкоэкранный фильм (режиссер Александр Птушко).

18 сентября. Александр Твардовский получает предложение возглавить журнал «Октябрь».

Все время думаю, – записано в его рабочей тетради, – зовет меня к этой работе, хотя, как вспомнишь все муки, неудовлетворенность и т. п. и как подумаешь, что чего нужно написать <...> (А. Твардовский. Дневник. С. 237).

Вопрос о трудоустройстве Твардовского, видимо, всерьез волновал власти, о чем свидетельствуют воспоминания Наталии Бианки о том, как поэт, в 1954 году отставленный от

«Нового мира», предлагал ей перейти в возрождаемый журнал «Красная новь»¹⁸⁵, где он будет главным редактором (*Н. Бианки*. С. 34).

20 сентября. В письме, приглашающем Константина Федина к домашнему обеду, Борис Пастернак пишет:

Дома ничего не знают о судьбах романа, о редакционном послании и т. д. и т. д., я ото всего самого живого и важного своего их оберегаю, чтобы не беспокоить... (Константин Федин и его современники. Т. 2. С. 199).

К. Федин на этот обед явился, и, – вспоминает Евгений Пастернак, – «как обычно Святослав Рихтер и Мария Юдина играли на рояле, Анна Ахматова и Пастернак читали стихи» (*Е. Пастернак*. Борис Пастернак: Биография. С. 681).

Не позднее 22 сентября. Секретарь правления СП СССР Борис Полевой и председатель Иностранной комиссии СП Сергей Михалков обращаются к М. А. Суслову с инициативой:

Предлагаем создать ПЕН-клуб в Москве при Центральном доме Литераторов в самое ближайшее время с тем, чтобы еще до конгресса в Токио оформить его вступление в международную организацию. Руководство деятельностью ПЕН-клуба можно возложить на Иностранную комиссию СП СССР (Аппарат ЦК КПСС и культура. 1953–1957. С. 531).

Рассмотрев это предложение, заведующий Отделом культуры ЦК КПСС Д. А. Поликарпов и инструктор Отдела Н. И. Трифонова 28 сентября резюмируют:

Вступающие в ПЕН-клуб писатели должны присоединиться к «Хартии Пен-клубов», которая направлена на защиту свободы слова и мысли в буржуазном духе.

Хартия Пен-клубов содержит неприемлемые для советских литераторов положения: выступать против цензуры, использовать свое влияние в целях предотвращения классовой борьбы, критиковать правительство и т. п.

Учитывая эти обстоятельства, а также принимая во внимание и то, что советские литераторы имеют возможность участвовать в идеологической борьбе путем посещения капиталистических стран, без принятия на себя каких-либо неприемлемых обязательств, Отдел культуры ЦК КПСС не поддерживает предложение СП СССР о вступлении в международную организацию Пен-клубов.

На документе резолюция: «Согласиться. М. Сулов, П. Поспелов, Н. Беляев, А. Аристов, Е. Фурцева (Там же. С. 543–544).

22 сентября. В Москве гастроль Лондонского симфонического оркестра.

26 сентября. Отдел науки, школ и культуры ЦК КПСС по РСФСР сигнализирует «о серьезных идеологических недостатках в современной советской литературе».

Резкой критике подвергнуты стихи Евгения Евтушенко, опубликованные в «Молодой гвардии», и Расула Гамзатова, опубликованные в журнале «Нева», романы Владимира Дудинцева «Не хлебом единым», Николая Вирты «Крутые горы», рассказ Даниила Гранина «Собственное мнение», статьи Константина Симонова и другие произведения (Аппарат ЦК КПСС и культура. 1953–1957. С. 537–541).

Премьера фильма Марлена Хуциева и Феликса Миронера «Весна на Заречной улице».

30 сентября. В Москве проведен День поэзии. К этому событию приурочен и выпуск одноименного альманаха.

¹⁸⁵ Это намерение не было осуществлено.

На Международном кинофестивале в Дамаске первая премия (золотая медаль) присуждена фильму Сергея Юткевича «Отелло».

Конец сентября. Секретариат правления СП СССР обсуждает первый номер журнала «Молодая гвардия». Большое внимание уделено стихам Евг. Евтушенко, вызвавшим ряд критических замечаний со стороны заведующего Отделом пропаганды и агитации ЦК ВЛКСМ Н. Н. Месяцева.

Он, – как отмечалось позднее в сообщении «Московского литератора» (№ 1, 17 октября), – высказал странно прозвучавшее мнение, что поэт приписывает культу личности большее значение, чем он имел в действительности (с. 1).

Заклучивший обсуждение К. Симонов <...> решительно не согласился с зав. отделом агитации и пропаганды ЦК ВЛКСМ в его оценке стихов Е. Евтушенко. «...Чтобы журнал пользовался большой популярностью у молодежи, чтобы она его любила, надо полным голосом говорить о трудностях, о том, как мы преодолеваем эти трудности», – сказал К. Симонов (Там же).

Сентябрь. Утвержден состав Комитета по Ленинским премиям в области литературы и искусства.

В этом же месяце Элен Пельтье увозит машинопись романа «Доктор Живаго» в Париж, а Георгий Катков – в Великобританию.

Журналы в сентябре

В «Знамени» (№ 9)¹⁸⁶ «Новые строки» Бориса Пастернака («Во всем мне хочется дойти...», «Ева», «Без названия», «Весна в лесу», «Лето», «Осенний день», «Первый снег», «Быть знаменитым»).

Партийное руководство неожиданно оценило эту публикацию (и особенно входящее в нее стихотворение «Быть знаменитым») как пропаганду «безыдейности». По сообщению Вадима Кожевникова 16 октября на заседании редколлегии «Знамени», на недавней встрече в ЦК КПСС

т. Сулов говорил о том, как нужно относиться к нашим врагам, какую тактику они применяют. Он сказал тогда, что «вы, т. Кожевников, сами допустили очень большую ошибку и вот наиболее она зрима и вызывает возмущение в этом стихотворении, которым вы плюете в лицо советской литературы».

Объяснение Кожевникова¹⁸⁷ «принято не было», и разговор был продолжен на Секретариате ЦК,

на котором разбирались ряд ошибок, допущенных нашей литературой и печатными органами. На нем выступали и Сулов и Пономарев и другие

¹⁸⁶ Вместо намеченной публикации подборки стихов еще и в сентябрьском номере «Нового мира», о которой Б. Пастернак 4 августа сообщил в письме М. Баранович (Б. Пастернак. Т. 10. С. 153), в 10-м номере появилось только одно стихотворение – «Хлеб». «В № 12 планировался автобиографический очерк и четыре отрывка о Блоке, но в последнюю минуту они были вынуты из номера. Журнал отказывался „предоставлять трибуну Пастернаку“» (Е. Пастернак. Борис Пастернак. Биография. С. 682).

¹⁸⁷ «Я сказал, что я решил, что Пастернака надо публиковать почему? Потому что Пастернак ходит как бы в терновом венце мученика и тем более за рубежом, что его непубликация неправильно расценивается за рубежом против нас» (Там же).

и оценили как большую ошибку в публикации журналом «Знамя» этого стихотворения и цикла (РГАЛИ. Ф. 618. Оп. 16. Ед. хр. 254).

Предполагалось, судя по словам Кожевникова, и дальнейшее разбирательство этого инцидента на Президиуме Союза писателей. Однако оно не состоялось, шумиху, видимо, решили не раздувать, и в итоге на подборку стихов Пастернака не появилось ни одного отклика в советской печати.

В «Новом мире» (№ 9) поэма Семена Кирсанова «Семь дней недели».

В «Октябре» (№ 9) стихотворение Евг. Евтушенко «Свадьбы».

В «Театре» (№ 9) пьеса Александра Володина «Фабричная девчонка».

В «Юности» (№ 9) повесть Анатолия Гладилина «Хроника времен Виктора Подгурского».

Автору Анатолию Гладилину, – как отмечает Василий Аксенов, – не исполнилось еще и двадцати одного года.

<...> Нерадивый и легкомысленный студентик Литературного института, он в одночасье стал первым знаменитейшим писателем нашего поколения. Такого в советской литературе не случалось уже несколько десятилетий, с тех пор как «золотые двадцатые» сменились «чугунными тридцатыми». <...> Влюбленный неудачник впервые потеснил плечом розовощеких роботов комсомольского энтузиазма, и это произошло на страницах той самой ранней «Юности» (В. Аксенов. Одно сплошное Карузо. С. 315–316).

Октябрь

1 октября. Приказом по Росконцерту Джаз-оркестр Олега Лундстрема переводится из Казани в Москву и становится одним из ведущих джазовых коллективов страны.

Решение о реорганизации этого коллектива вызвало протест Отдела науки, школ и культуры ЦК КПСС по РСФСР, 11 июля 1957 года заявившего, что

в данном своем виде джаз О. Лундстрема будет активно способствовать массовой порче вкусов молодежи, вредно влиять на художественную самостоятельность, нанесет серьезный ущерб развитию музыкальной культуры.

<...> создание джаза О. Лундстрема является серьезным провалом в работе обоих министерств культуры¹⁸⁸, свидетельствующим о продолжающейся политике идеологических уступок влияниям буржуазного искусства, как это уже имело место недавно в области литературы (роман Дудинцева «Не хлебом единым»), кино (фильм «Тугой узел»), театра (пьеса «Был ли Иван Иванович?»¹⁸⁹), живописи (декадентская выставка молодых художников) (Аппарат ЦК КПСС и культура. 1953–1957. С. 687).

7 октября. В Большом зале Ленинградской филармонии творческий вечер в честь 50-летия со дня рождения Дмитрия Шостаковича, где, в частности, во втором отделении исполнялся вокальный цикл «Из еврейской народной поэзии».

Эти песни, – побывав на концерте, записывает в дневник Любовь Шапорина, – может быть, гениальны. Их трагичность потрясает. «Колыбельная», «Зима»; «смерть ребенка – в могиле Мойшеле»... простые слова именно своей простотой разрывают сердце.

Напрасно присоединил он к этим песням две фальшиво-жизнерадостные. —«Счастье». Юная колхозница (кто видел когда-нибудь евреев в колхозе?) поет о своей счастливой жизни в колхозе.

Совсем напрасно. Жаль (*Л. Шапорина*. С. 342).

13 октября. В «Известиях» статья дважды лауреата Сталинской премии Павла Соколова-Скала «Художник и народ», где сказано:

В буржуазной печати Запада в свое время в связи с открытием выставки французского искусства в Москве ставился вопрос: будет ли реабилитирован импрессионизм в СССР? При этом утверждалось, что только возрождение импрессионизма может вывести советское изобразительное искусство из тупика, в который оно якобы зашло.

Чем объяснить такую заботу западноевропейской буржуазной критики в процветании советского искусства?

Как показывает вся история импрессионизма, он порожден не тенденцией к более глубокому и всестороннему освоению действительности, а отходом художников от общественно-воспитательных задач искусства (с. 2).

15 октября эта статья будет перепечатана в «Правде» (с. 2–3), 16 октября – в «Советской культуре» (с. 2–3).

15 октября. Первый сбор труппы будущего театра «Современник» (тогда – «Студия молодых актеров»).

¹⁸⁸ СССР и РСФСР.

¹⁸⁹ Пьеса Назыма Хикмета.

На экраны выходит фильм Григория Чухрая «Сорок первый» – экранизация одноименного рассказа Бориса Лавренева.

Как вспоминает Наум Клейман, в ту пору студент ВГИКа,

финальный крик Марютки: «Нет... нет... синеглазенький!» произвел на всех нас ошеломляющее впечатление: во весь голос отменялся безусловный, как считалось, примат революционного долга над личным счастьем, над самой любовью. Переполненный зал как-то судорожно вздохнул (этот вздох остался в памяти как часть фонограммы фильма) и замер до самого конца сеанса, а когда экран погас – выдохнул ревом и овацией. Чухрая вынесли из зала как триумфатора (Кинематограф оттепели, 1998. С. 209).

15–22 октября. В московском кинотеатре «Ударник» и в ленинградском кинотеатре «Великан» проходит Неделя итальянского кино.

Как вспоминает Людмила Сергеева, в ту пору студентка МГУ,

очередь за билетами была, как за хлебом в войну. Я со своими друзьями дежурила в этой очереди – и днем, и ночью шла переключка, все писали свой номер химическим карандашом на ладони. <...> Вся эта эпопея закончилась до сих пор незабываемым чудом – мы увидели наконец увенчанную высшей наградой в Венеции «Дорогу» Феллини с Джульеттой Мазиной и Энтони Куинном, о которых только читали в польском журнале. <...> После «Дороги» мы шли по Большому Каменному мосту все зареванные и даже не могли говорить (*Л. Сергеева*. С. 50).

«Мы стояли, сменяя друг друга, целые сутки, чтобы посмотреть „Дорогу“ Феллини», – подтверждает ленинградка Елена Кумпан (*Е. Кумпан*. С. 295).

17 октября. Выходит первый номер информационного бюллетеня «Московский литератор» (и. о. ответственного редактора Д. Данин, с 3-го номера ответственный редактор В. Рудный), где сообщено, в частности, о том, что альманах «Литературная Москва» будет теперь выходить дважды в год. Среди произведений, отобранных для третьего сборника, который должен выйти в январе 1957 года, новые повести К. Паустовского, В. Тендрякова, стихи А. Твардовского, киноповесть В. Рудного, рассказы Ф. Кнорре, А. Злобина, О. Эрберга, Н. Заболоцкого, А. Суркова, П. Антокольского, А. Яшина, С. Липкина, статьи и очерки И. Эренбурга, К. Чуковского, К. Симонова, М. Щеглова, Эм. Казакевича (с. 3).

Третий выпуск «Литературной Москвы» в свет не вышел.

В этом же номере газеты статья Константина Федина «Начало», где сказано:

Откладывать дело с организацией «Современника» в долгий ящик после единодушной поддержки его всеми писателями, и в том числе Президиумами СП СССР и Московского отделения СП, не имеет никакого резона уже в силу того, что это – единственно верный и кратчайший путь к радикальному улучшению деятельности другого нашего издательства – «Советский писатель» (с. 1).

Рассказывая здесь же об этом проекте, Александр Бек указывает, что в издательских планах «наряду с выпуском новинок» «выпуск давно не издававшихся и несправедливо забытых произведений», «воспоминания писателей, а также имеющие литературное значение мемуары „бывалых людей“, посвященные славной истории советского общества». Говорится также

и о надеждах на «возобновление журналов „Красная новь“¹⁹⁰ и „Прожектор“, редакционные коллегии которых также должны быть избраны на демократических началах» (с. 3).¹⁹¹

Ни одно из этих намерений осуществлено не было.

Запись в дневнике Корнея Чуковского:

Был вчера Каверин, рассказывает, будто секретарь Хрущева вдруг позвонил Твардовскому. «Н. С. велел спросить, как вы живете, нуждаетесь ли в чем-ниб., что вы пишете» и т. д. Твардовский ответил: «Живу хорошо, не нуждаюсь ни в чем». – «А как ваш „Василий Теркин на том свете“? Что вы думаете с ним делать?» – «Думаю напечатать». – «Вот и хорошо. Теперь самое время» (К. Чуковский. Т. 13. С. 220)¹⁹².

В Гослитиздате подготовлено «Предложение на заключение издательского договора» на издание романа «Доктор Живаго»¹⁹³.

Разрешение Госиздата за № 8–1805 выдано 27 октября (РГАЛИ. Ф. 613. Оп. 10. Ед. хр. 7728).

Договор с автором будет подписан 21 января 1957 года.

18 октября. В «Литературной газете» (с. 3) статья Ильи Сельвинского «Народность и поэзия».

Ее внутренний смысл проясняет письмо Сельвинского Илье Эренбургу от 25 ноября, где, в частности, сказано:

Великодержавные славянофилы всеми правдами и неправдами добиваются того, чтобы провести в нашей общественности мысль, будто в советской поэзии существует только одна народная линия – это линия Твардовского, все остальное – интеллигентщина и космополитизм. Тогда как, – по мнению Сельвинского, – поэма о Теркине – это троянский конь: народная внешность при антикоммунистической сердцевине. (Вот уже добрых 10 лет, как я нигде не могу опубликовать своей статьи на эту тему). Для того чтобы парализовать влияние Теркина, необходимо в противовес ему создать обаятельный образ большевика, человека, который так же, как Теркин, вышел из народа, но в противоположность Теркину обладает революционным, коммунистическим взглядом на действительность. Такой образ еще не создан нашими поэтами: и это понятно – ленинец в частушку не влезет. Нужны иные масштабы (Почта Ильи Эренбурга. С. 331, 332).

19 октября. Из дневника Елены Булгаковой:

Днем позвонил и приехал Твардовский, привез «Мастера», сказал, что он потрясен, узнав, поняв, наконец, масштаб Булгакова: «Его современники не могут идти ни в какой счет с ним». Еще говорил много о своем впечатлении от романа, но кончил так: «Но я должен откровенно сказать Вам, Е. С., что сейчас нельзя поднимать вопроса о его напечатании. Я надеюсь, что мы вернемся

¹⁹⁰ См. 18 сентября.

¹⁹¹ В составленном, по-видимому, тогда же «Проекте о создании издательства московских писателей „Современник“» указывалось, что в издательстве «могли бы выходить: а) Литературно-художественный журнал московских писателей „Красная Новь“ б) Журнал современных рассказов, новелл и очерков „30 дней“» (РГАЛИ. Ф. 2533. Оп. 1. Д. 467).

¹⁹² Поэма «Теркин на том свете» будет напечатана через семь лет – «Известия» (17 августа 1963) и «Новый мир» (1963, № 8).

¹⁹³ «Меня, вспоминает главный редактор Гослитиздата А. И. Пузиков, – вызвали к высокому начальству. – Говорят, что у вас хорошие отношения с Борисом Пастернаком. Попробуйте уговорить его написать письмо Фельтринелли с просьбой задержать издание романа. Я ответил: – У нас нет договора на роман. Как мотивировать Пастернаку свою просьбу? – Заключите договор, начните с ним работу» (Ново-Басманная, 19. С. 489).

к этому, когда будет реальная возможность»¹⁹⁴. Привез мне в подарок свою книгу «Дом у дороги» с милой надписью. Когда я сказала ему, что М. А. его любил (а это так), был очень смущен и доволен: а я не думал, что он меня заметил (Е. Булгакова. С. 301–302).

Не позднее 20 октября. Редколлегия «Литературной газеты» принимает решение не публиковать резко критическую статью Виктора Дорофеева о романе Владимира Дудинцева «Не хлебом единым».

Как вспоминает Л. Лазарев,

Кочетов понимал, что на обсуждении роман будет горячо поддержан, что противники романа не отважатся выступить в так настроенной аудитории, и решил нанести упреждающий удар, напечатав разгромную статью Виктора Дорофеева. <...> нам раздали ее уже набранной, предупредив, что завтра будет обсуждение на редколлегии, в котором мы должны принять участие. Напечатать статью Дорофеева своей властью, минуя редколлегию и отдел литературы, Кочетов не решился, а может быть, надеялся, что на редколлегии выбьет «добро» на публикацию.

Но не тут-то было, участники обсуждения не склонны были поддаваться нажиму, осознавали, что вопрос решается принципиальнейший (Л. Лазарев. Шестой этаж. С. 59–60).

20 октября. Болгарскому городу Сталин возвращено историческое имя Варна. В этом же году возвращено имя польскому городу Катовице (ранее Сталиноград), в 1961 году очередь дойдет до немецкого Айзенхюттенштадта (Сталинштадт), румынского Брашова (Орашул-Сталин) и венгерского Дунауйвароша (Сталинварош).

21–25 октября. «Имеется требование издать роман у нас во что бы то ни стало. По-видимому, он выйдет из печати зимой несколько сглаженный и смягченный», – пишет Борис Пастернак своей сестре Лидии в Англию (Б. Пастернак. Т. 10. С. 184).

Об этом же сказано и в его письме Ю. Г. Вилляину, датированном концом октября: «Есть требование даже „из сфер“, чтобы роман был напечатан» (Б. Пастернак. Т. 10. С. 185).

21 октября. В Театре имени Вахтангова премьера спектакля «Ромео и Джульетта» в переводе Бориса Пастернака. Постановщик Рубен Симонов, в главных ролях Юрий Любимов и Людмила Целиковская.

22 октября ¹⁹⁵. На заседании секции прозы Московской писательской организации обсуждается роман Владимира Дудинцева «Не хлебом единым»¹⁹⁶. Открывший заседание Вс. Иванов заметил:

Я прочел роман В. Дудинцева с громадным удовольствием и большим волнением. <...> Роман полон человеколюбия, настоящего уважения к рядовому, маленькому человеку.

¹⁹⁴ Роман «Мастер и Маргарита» будет опубликован через десять лет (Москва. 1966. № 11; 1967, № 1).

¹⁹⁵ Владимир Дудинцев в книге «Между двумя романами» ошибочно датирует это событие 25 октября (с. 9).

¹⁹⁶ Как вспоминает Раиса Орлова, «билеты на обсуждение в клубе писателей распределял партком по строгим „номенклатурным“ спискам. <...> Мы остались после обеда и заблаговременно уселись на балконе. Зал заполнился задолго до назначенного часа, не одни мы ухитрились забраться досрочно. Долго не начинали. Снаружи шумела толпа, висели на окнах. Наконец, сквозь толчею пробрались Владимир Дудинцев, руководитель обсуждения Всеволод Иванов, редактор „Нового мира“ Константин Симонов. Они не могли войти в здание из-за толпы, их провели через подвал» (Р. Орлова, Л. Конелев. С. 38). В номере «Московского литератора» от 3 ноября, где опубликован отчет об обсуждении, помещена и эпиграмма А. Раскина: Не удержат трем милиционерам Толпу, что рвется, клуб наш окружив... Да, видно, не единым «Кавалером» Читатель жив.

От имени редакции «Нового мира» К. Симонов попросил собравшихся «серьезно и объективно проанализировать роман», подчеркнув, что «большой интерес к роману не должен свести разговор о нем просто к славословиям».

С кратким анализом романа выступил Л. Славин, увидевший в книге В. Дудинцева не только значительное литературное, но и общественное явление:

...перед нами вещь выстраданная, в ней и наша боль, и наша радость, и наши надежды, и наш оптимизм. Здесь не только правда фактов, но и правда чувств.

Роман высоко оценили в своих выступлениях Н. Атаров («...Дудинцев создал своеобразную энциклопедию борьбы за технический прогресс»), С. Михалков («Я прочитал роман и считаю его явлением в нашей литературе примечательным и, несмотря на его отдельные недостатки, явлением принципиально положительным»),¹⁹⁷ В. Овечкин («Роман написан мужественно, в нем нет обывательского смакования трудностей»), В. Тендряков («В последнее время появлялись такие, более или менее смелые произведения, но ни в одном из них так открыто и так сильно не было сказано о дряни»), В. Кетлинская («Дудинцев <...> по-моему, сделал очень хорошее и прогрессивное дело»), а также А. Авдеенко, А. Исбах, Т. Трифонова (Обсуждаем новые книги // Литературная газета, 27 сентября. С. 3–4). Важнейшим событием обсуждения явилось выступление К. Паустовского, который, в частности, сказал:

Я не собираюсь говорить о литературных достоинствах или недостатках романа Дудинцева. Дело сейчас не в этом. Роман Дудинцева – крупное общественное явление. Это первое сражение с дроздовыми. На дроздовых наша литература должна обрушиться всей силой своего гнева, пока дроздовы не исчезнут из нашей действительности. Поэтому меня несколько смутили услышанные здесь слова, в которых я уловил оттенок благодушия, слова о том, что дроздовщина – это не так уж страшно, что это вчерашний день. Ничего подобного. Дроздовых – тысячи (Л. Лазарев. С. 62).

К. Симонов подчеркнул:

Мне роман В. Дудинцева дорог тем, что в нем живет глубокая вера в силу советской власти, в силу нашего народа и общества (Обсуждаем новые книги // ЛГ, 27 сентября. С. 4).

Сравните позднейший комментарий В. Дудинцева:

Я вспоминаю те давние времена, когда в Союзе писателей шло обсуждение моего романа «Не хлебом единым», он тогда уже был набран в «Роман-газете» и мог выйти тиражом в два с половиной миллиона.

Многие дальновидные писатели в своих выступлениях отмечали, что «автор соблюдает в своем произведении нормы критики», тогда установленные XX съездом КПСС. Но галерка – в основном студенты – была недовольна, она требовала большей решительности, настаивала на более громком битье в колокола и барабаны. И вот некоторые писатели под влиянием студенческого экстремизма начали острее критиковать изображенную в романе бюрократию. Сидящие в первом ряду стали записывать такие выступления, и тогда

¹⁹⁷ И еще одна цитата из речи С. Михалкова: «<...> писателю начинают приписывать чуть ли не выступление против наших порядков, когда даже невооруженным глазом видно, что он выступает не против порядков, а против беспорядков, о которых смело и открыто говорят руководители партии и правительства».

находящийся со мной рядом Константин Симонов тихо сказал: «Все пропало...»¹⁹⁸

Действительно, через пару дней набор моего романа рассыпали и похоронили... (Аргументы и факты, 6–12 января 1989, № 1. С. 3).

Сравните также комментарий Льва Копелева:

В тот самый день, 23 октября 1956 года, когда для нас всего важнее было – состоится ли обсуждение романа Дудинцева, издадут ли его отдельной книгой, именно в этот день и в те же часы в Будапеште была опрокинута чугунная статуя Сталина, шли демонстрации у памятника польскому генералу Бему, который в 1948 году сражался за свободу Венгрии.

Там начиналась народная революция. А в наших газетах скупо и зло писали о «венгерских событиях» или «попытках контрреволюционного переворота». Мы тогда едва понимали, насколько все это связано с судьбой нашей страны и с нашими жизнями. Сталинцы оказались более догадливыми. Они пугали Хрущева и Политбюро, называя московских писателей «кружком Петефи»; в доказательство приводили, в частности, обсуждение романа Дудинцева и речь Паустовского, запись которой многократно перепечатывали и распространяли первые самиздатчики. Позднее ее стали забирать при обысках, как «антисоветский документ» (*Р. Орлова, Л. Копелев. С. 40*).

По воспоминаниям Евгения Долматовского, этот вечер в ЦДЛ стал предметом обсуждения в ЦК КПСС при участии Н. С. Хрущева, П. Н. Поспелова, Е. А. Фурцевой, Д. Т. Шепилова и министра культуры Н. А. Михайлова:

Поспелов докладывает:

– 22 октября у писателей состоялся политический митинг. Для создания ажиотажа Долматовский распорядился отпечатать в типографии две тысячи приглашений, а в зал вмещается пятьсот человек. Выступали Симонов, Паустовский. С трибуны произносили антисоветские речи, а публика их поддерживала. Кричали, шумели.

Самое удивительное, что Поспелов о романе Дудинцева, о том, что шло обсуждение романа, ни Хрущеву, ни его соратникам не докладывал, он только сообщал о моей политической ошибке: специально нагнали толпу, организовали опасную обстановку. Даже о том, что роман называется «Не хлебом единым», разговора в кабинете Хрущева не было. <...>

Во втором отделении этого спектакля появился немолодой товарищ с военной выправкой, мне не знакомый, но, кажется, никому здесь не знакомый. Он четко докладывает:

– Митинг в клубе писателей состоялся 22 октября. В этой связи напоминаю, что митинг в Будапеште, о котором я вам уже докладывал, с которого начались события, состоялся именно 22 октября, в тот же час. И тут и там главную роль играли писатели. Трудно поверить, что не имел места сговор. Итак, налицо сговор антисоциалистических сил. <...>

Никита Сергеевич разбушевался <...> (*Е. Долматовский. С. 142, 143*).

23 октября. В Москву пришли сообщения о многотысячных митингах в Будапеште, перерастающих в вооруженные столкновения.

¹⁹⁸ «За все это Симонов простился с креслом главного редактора „Нового мира“ и был отправлен в „почетную ссылку“ – на два года в Ташкент. А что означало для Симонова это место? Прежде всего он потерял возможность влиять на развитие общественной мысли, которую имел как главный редактор» (*В. Дудинцев. С. 12–13*).

24 октября. В Будапешт по просьбе правительства Эрнё Герё «для подавления контр-революционного мятежа» введены советские войска.

В Записке заместителя заведующего Отделом ЦК КПСС по связям с иностранными компартиями Д. П. Шевлягина сказано, что входящие в руководство Компартии Италии Пьетро Секкья и Паоло Роботти «обещали принять меры» по возвращению в СССР рукописи романа «Доктор Живаго».

В полученной сегодня (через посольство) от т. Роботти записке сообщается, что «вопрос с рукописью Пастернака разрешен и в ближайшее время она будет вам возвращена» («А за мною шум погони...». С. 71).

«Магадан все пустеет. Очень многие знакомые уже уехали, некоторые уезжают в 57 году», – пишет Евгения Гинзбург своему сыну Василию Аксенову (*В. Аксенов. «Ловите голубиную почту...»*. С. 53).

На Колыме Е. Гинзбург провела около 20 лет – сначала в качестве заключенной, затем ссыльнопоселенки.

В Государственном музее изобразительных искусств имени А. С. Пушкина открывается выставка «Бельгийское искусство XIX–XX вв.». На открытии присутствовали находившиеся в Москве с официальным визитом премьер-министр Бельгии, министр иностранных дел и вся бельгийская делегация. С советской стороны – Н. С. Хрущев, Н. А. Булганин, Д. Т. Шепилов, министр культуры СССР Н. А. Михайлов, президент Академии художеств СССР А. М. Герасимов и др.

Как вспоминает Игорь Голомшток, Хрущев

сидел на оттоманке во французском зале и рассказывал присутствующим, как в свое время такие картины писал своим хвостом осел (*И. Голомшток. С. 111*).

А вот мнение рядового посетителя выставки. 31 октября историк Сергей Дмитриев записывает в дневник:

Смотря на картины и рисунки бельгийцев, убеждаешься снова, что все разговоры о вырождении, распаде, тупике, загнивании буржуазного искусства наших дней (разумея всю первую половину и середину XX в.) – чепуха, высосанная из пальца (*Отечественная история. 2000. № 2. С. 148*).

С 28 ноября по 16 декабря эта выставка пройдет в Эрмитаже.

24 октября – 25 ноября. В Эрмитаже выставка Поля Сезанна к 50-летию со дня его смерти.

Кому была выгодна эта выставка, – негодовал Евгений Вучетич на совещании в Отделе культуры ЦК КПСС 22–23 февраля 1957 года, – какую цель преследовали руководители Эрмитажа, организовавшие эту выставку, проповедуя формализм, с которым боролись лучшие прогрессивные русские и советские художники на протяжении последнего полувека? (цит. по: *В. Воловников. С. 72*).

25 октября. В постановлении ЦК КПСС и Совета министров СССР «О мерах по улучшению работы МВД СССР» признано «нецелесообразным дальнейшее существование исправительно-трудовых лагерей как не обеспечивающее выполнения важнейшей государственной задачи – перевоспитания заключенных в труде».

Исправительно-трудовые лагеря МВД СССР этим постановлением преобразованы в исправительно-трудовые колонии «на базе промышленных и сельскохозяйственных предпри-

ятий». Это означает, по крайней мере, на бумаге окончание эпохи ГУЛАГа (ГАРФ. Ф. 9401. Оп. 12. Д. 315. Л. 140–146; <http://www.alexanderyakovlev.org/fond/issues-doc/1009162>).

На вечере в Доме архитектора, который приурочен к 75-летию со дня рождения Пабло Пикассо, выступают Илья Эренбург, Мартирос Сарьян, Сергей Коненков¹⁹⁹, Лев Руднев, Сергей Юткевич.

25–30 октября. В МГУ межвузовское совещание по вопросам изучения советской литературы, в котором приняло участие более 200 преподавателей университетов и пединституты страны.

На этом совещании, – вспоминает Вениамин Каверин, —

выступили Симонов, Дудинцев и я. Бесцветная, осторожная речь Дудинцева не запомнилась мне. Прочел я страницы своей статьи «Белые пятна», относившиеся к трагической истории Зощенко, – прочел полностью, без редакционно-цензурных купюр – и закончил словами: «Русская литература не может жить без правды». Симонов... О, Симонов, к моему изумлению, произнес блестящую речь, направленную против постановления ЦК 1946 года! Он резко критиковал его, он доказывал, что оно устарело, что давно пора его заменить документом, который открыл бы дорогу новым силам нашей литературы (В. Каверин. Эпилог. С. 350)²⁰⁰.

На это выступление обратили внимание и руководители Отдела культуры ЦК КПСС, в своей докладной записке сигнализировавшие, что Симонов

говорил, что наряду с верными в этих документах содержатся неверные положения, ориентировавшие нашу литературу и критику на путь лакировки и сглаживания жизненных конфликтов (Аппарат ЦК КПСС и культура. 1953–1957. С. 576).

К этому выступлению вернулся и секретарь ЦК КПСС П. Н. Поспелов на совещании в ЦК КПСС по вопросам литературы 10 декабря.

Особенно не понравились ему следующие слова Симонова: «Когда надо, литература должна уметь поставить и банки, и горчичники, и дать рвотного при засорении желудка».

– Неужели вы всерьез, Константин Михайлович, думаете, что главная задача нашей славной литературы заключается в том, чтобы накачивать советского человека такими произведениями, которые бы вызывали рвоту, чувство безысходности? Как у вас язык повернулся сказать такую странную и двусмысленную фразу! (цит. по: Ю. Аксютин. С. 243).

Не позднее 26 октября. Группа студентов Ленинградского технологического института (Ю. Михельсон, Анатолий Найман, Евгений Рейн, Дмитрий Бобышев и др.) выпускает стенгазету «Культура» со статьями о западноевропейском искусстве. 26 октября статьей-доносом

¹⁹⁹ Он, – рассказывает Илья Эренбург, – «огласил послание художника: „Я давно сказал, что пришел к коммунизму как к роднику и что все мое творчество привело меня к этому. Я рад, что выставку, включающую мои последние работы, увидит в Москве широкая публика. Я часто получал письма из Москвы, в том числе письма от художников. Пользуюсь случаем, чтобы выразить им свою любовь...“» (И. Эренбург. Люди, годы, жизнь. Т. 3. С. 411).

²⁰⁰ «Был ли это смелый, искренний, решительный шаг? – задается вопросом Вениамин Каверин. – Не знаю. Вероятнее всего, это была ставка, и, надо полагать, поддержанная кем-то в высших сферах. Там ведь и тогда не было полного согласия. Симонов – игрок и человек не робкого десятка. Он рискнул – и в ответ услышал оглушительные аплодисменты, в которых чувствовалось даже какое-то праздничное изумление. <...>В Отделе культуры ЦК под руководством Д. Поликарпова состоялось совещание, на котором была принята резолюция, осуждавшая наши выступления. Дудинцева корить было не за что, меня как беспартийного тоже можно было наказать только вербально, а Симонову, кажется, основательно влетело» (Там же. С. 350–351).

в многотиражной институтской газете на нее откликнулся Яков Лернер (тогда завклубом Технологического института, в будущем один из инициаторов травли Иосифа Бродского). Вот, например, цитата оттуда:

Надо прямо сказать, что редактор газеты «Культура» т. Хануков и члены редколлегии в своих статьях занимаются «смакованием» ошибок, имевших место в связи с разоблачением ЦК КПСС культа личности. Таковы статьи о М. Кольцове, фельетон о литературе.

В газете имеется попытка навязать свое мнение нашей молодежи по ряду вопросов, связанных с зарубежным кино, живописью, музыкой (статьи Наймана о кинофильме «Чайки умирают в гавани», статья Е. Рейна о Поле Сезанне и т. д.)... Редакция допускает коренные извращения. В отдельных статьях прямо клеветает на нашу действительность, с легкостью обобщая ряд фактов, и преподносит их с чувством смакования, явно неправильно ориентируя студентов на события сегодняшнего дня (цит. по: *Я. Гордин. Рыцарь и смерть*. С. 55–56).

А 4 декабря, – рассказывает Дмитрий Бобышев, – к ним присоединилась и статья А. Гребенщикова и Ю. Иващенко «Что же отстаивают товарищи из Технологического института?», напечатанная в «Комсомольской правде».

Название казалось задумчивым, нас называли «товарищами», и первой мыслью было: «Значит, братья не будут».

<...> Но <...> внутри мягко озаглавленной статьи шел политический мордобой. Расправа (*Д. Бобышев*. С. 158).

26 октября. В Государственном музее изобразительных искусств имени А. С. Пушкина открывается выставка Пабло Пикассо. На выставке, помимо произведений из фондов ГМИИ и Эрмитажа, представлены 40 работ, специально присланных художником. Как вспоминает Раиса Орлова,

тысячная толпа осаждала музей. Открытие задерживалось, и мы, стоявшие под лестницей, слышали голос Эренбурга: «Товарищи, мы ждали этой выставки двадцать пять лет, подождем еще двадцать пять минут...»²⁰¹ Как весело, победно мы тогда смеялись (*Р. Орлова, Л. Конелев*. С. 37)²⁰².

С 1 по 19 декабря эта экспозиция будет развернута в Эрмитаже.

В Академии художеств СССР совместная выставка произведений Вадима Сидура, Владимира Лемпорта и Николая Силиса.

29 октября. Объявлено, что войска советской армии выведены из Будапешта.

²⁰¹ Эти же свои слова Илья Эренбург приводит и в письме Пабло Пикассо от 3 ноября, рассказывая, что на вернисаже «была огромная толпа, она давила, чтобы прорваться в залы.<...> Во время открытия я вынужден был обратиться к толпе, ломившейся в двери, чтобы попасть на выставку; попросив успокоиться, я сказал: „Вы ждали 25 лет, можете ли вы подождать еще несколько минут?“» (*И. Эренбург*. На цоколе историй... С. 416–417).

²⁰² А вот как, – по воспоминаниям Флоры Литвиновой, – отнесся к этой выставке Дмитрий Шостакович: „Не говорите мне ничего о нем, он сволочь!.. – воскликнул Шостакович. Мы поражены. – Он сволочь: приветствует Советскую власть и наш коммунизм в то время, как его последователей, художников, в Советском Союзе преследуют, не дают им работать, травят...“ „Я все-таки встряла:– Но и ваших последователей преследуют.– Да, и я сволочь, трус, и прочее, но я в тюрьме. Вы-то понимаете, что я в тюрьме, и я за боюсь за детей и за себя, а он – на свободе, он может не лгать! Меня вот сейчас все страны приглашают приехать, а я не еду и не поеду до тех пор, пока не смогу говорить правду, ответить на вопрос, как мне нравится постановление ЦК о музыке, о моих произведениях. А он? Кто его за язык тянет? Все они – Хьюлет Джонсон, Жолио-Кюри, Пикассо – все гады. Живут в мире, где пусть и не очень просто жить, но можно говорить правду и работать, делать то, что считаешь нужным. А он – голубь мира! Ненавижу его, голубя! Ненавижу рабство мысли не меньше, чем физическое рабство» (*Ф. Литвинова*. С. 174–175).

30 октября. В «Литературной газете» (с. 4) заметка Георгия Гулиа «К событиям в Венгрии», начинающаяся словами:

Телеграф и радио принесли крайне огорчительную весть: на улицах Будапешта шли бои...

31 октября. В «Труде» статья Н. Жданова «Острый роман о современности», высоко оценивающая роман В. Дудинцева «Не хлебом единым»:

В. Дудинцев подробно обрисовывает в своем произведении силы, противодействующие его герою, мужественному и честному патриоту нашей страны, показывает ржавые рычаги большой бюрократической машины <...>

Роман отличается глубоким изображением правды жизни <...> В этом романе литературный талант В. Дудинцева <...> обрел настоящую идейную и художественную зрелость. <...> Боевой, острый роман В. Дудинцева служит хорошую службу нашему обществу» (с. 3).

В Ленинградском театре оперы и балета имени С. М. Кирова премьера балета Кара Караева «Тропюю грома».

Журналы в октябре

В «Новом мире» (№ 10) стихотворение Бориса Пастернака «Хлеб».

В «Октябре» (№ 10) поэма Евгения Евтушенко «Станция Зима».

В «Вопросах философии» (№ 5; сентябрь – октябрь) статья Б. А. Назарова и О. В. Гридневой «К вопросу об отставании драматургии и театра», где причиной этого «отставания» названо «непосредственное государственное руководство» (с. 94). Проводя в жизнь ленинское требование «поменьше „руководства“»,

надо и в театральном искусстве отказаться от непосредственного и повседневного «руководства» сверху и предоставить театральному искусству широкое самоуправление. <...> По-видимому, наиболее целесообразно было бы изъять вопросы искусства из ведения Министерства культуры и создать Академию искусств или даже Академию литературы и искусств. Эта форма организации, как показывает опыт Академии наук, разумно сочетает методы руководства и самоуправления (с. 91).

«<...> Изумительно резкая правда о советском театре», – охарактеризовал эту статью Корней Чуковский в письме Лидии Чуковской от 29 октября (К. Чуковский, Л. Чуковская. С. 364).

В «Иностранной литературе» (№ 10) статья Ильи Эренбурга «К рисункам Пабло Пикассо».

Ноябрь

2 ноября. В Коммунистической аудитории МГУ обсуждение романа Владимира Дудинцева «Не хлебом единым».

4 ноября. В «Правде» передовая «Преградить путь реакции в Венгрии!», где, в частности, сказано:

Народная Венгрия переживает дни, которые имеют решающее значение для судеб ее дальнейшего развития. Вопрос поставлен так: будет ли Венгрия и впредь идти по пути социалистического развития или в ней возьмут верх силы реакции, которые пытаются реставрировать порядки, отбрасывающие страну на десятилетия назад?

Советские танковые части вошли в Будапешт на рассвете 4 ноября. В 4 часа этим известием разбудили Имре Надя. <...> Этим началась новая глава в истории 1956 года и Венгрии.

Исключительно на веру приходится принимать слова А. И. Микояна:

При нем <при Хрущеве> я два-три раза обдумывал отставку из Политбюро (Президиума ЦК). В первый раз – в 1956 г. из-за решения применить оружие в Будапеште, когда я уже договорился о мирном выходе из кризиса. Еще один раз – из-за Берлина и Потсдамских соглашений, от которых он хотел в одностороннем порядке отказаться, публично заявив об этом осенью 1958 г. (А. Микоян. С. 598).

Черное воскресенье 4.11.1956, – записывает в дневник Сергей Дмитриев. – Сегодня факт военной интервенции СССР против Венгрии стал очевидным и был гласно провозглашен правительством СССР. Конечно, не без помощи небольшого фигового листика. Таким листиком явилось по мановению нашей дирижерской палочки выскочившее будто бы в Будапеште революционное рабочее-крестьянское правительство Венгрии во главе с Яношем Кадаром. <...> Стыдно быть русским. Стыдно потому, что хотя венгров подавляет не русский народ, а коммунистическая власть СССР, но русский народ молчит, ведет себя как народ рабов. Не может быть свободна нация, которая подавляет другие народы – говорили когда-то лучшие люди. Именем русского народа и его кровью творятся черные кровавые дела. И народ молчит. Его совесть спит, его сознание обмануто, в нем нет протеста против этих черных дел (Отечественная история. 2000. № 2. С. 149)²⁰³.

²⁰³ В статье сотрудника Международного Мемориала Алексея Макарова «Люди октября 1956 года» сведен воедино и проаннотирован список людей, протестовавших против оккупации Венгрии и привлеченных за это к уголовной ответственности. В нем 141 человек. «Социальный состав протестующих был разнородным – рабочие, интеллигенция (школьные учителя и журналисты), заключенные... Школьник Анатолий Латышев и философ Эрик Юдин. 8 из 141 человека были узниками сталинских лагерей по политическим статьям. Почти все протестующие – мужчины, довольно много молодежи – школьники (11 человек, в т. ч. большая группа школьников в Тбилиси), студенты и молодежь (половина списка – люди в возрасте до 35 лет). Среди регионов, в которых протесты были наиболее активными, можно выделить Ленинград, в котором действовало несколько молодежных кружков, выпускавших листовки, и Закарпатскую область (благодаря своей близости к Венгрии). В целом протесты зафиксированы в 11 республиках и 43 регионах. Формы протеста были разнообразными – листовки, стихи, публицистические статьи (распространявшиеся в молодежных кружках и еще не ставшие самиздатом), записи в дневниках, частные письма и письма в советские государственные и партийные органы (и, разумеется, в редакции газет). <...> Самой распространенной формой протеста были устные высказывания. В разговорах (как и в письменных текстах) люди осуждали вмешательство СССР во внутренние дела Венгрии, считали произошедшее революцией (а не „контрреволюционным мятежом“), подавлением восстания рабочих» (<http://www.cogita.ru/>

А вот датированный тем же годом отклик Наума Коржавина на подавление восстания в Венгрии – стихотворение «Баллада о собственной гибели»:

Я – обманутый в светлой надежде,
Я – лишенный Судьбы и души, —
Только раз я восстал в Будапеште
Против наглости, гнета и лжи.

Только раз я простое значение
Громких фраз ощутил наяву.
Но потом потерпел поражение
И померк. И с тех пор – не живу.

Грубой силой – под стоны и ропот —
Я убит на глазах у людей.
И усталая совесть Европы
Примирилась со смертью моей.

Только глупость, тоска и железо...
Память – стерта. Нет больше надежд.
Я и сам никуда уж не лезу...
Но не предал я свой Будапешт.

Там однажды над страшною силой
Я поднялся – ей был несродни.
Там и пал я... Хоть жил я в России. —
Где поныне влачу свои дни.

(Н. Коржавин. К себе. С. 158)

5 ноября. В «Правде» опубликованы «Обращение к венгерскому народу» Венгерского Революционного Рабоче-крестьянского Правительства во главе с Я. Кадаром (с. 1), другие официальные материалы (с. 3), а также информационное сообщение о том, что «новое правительство обратилось к командованию советских войск с просьбой оказать содействие в подавлении мятежников. Командование советских войск пошло навстречу просьбе Революционного Рабоче-крестьянского правительства», в результате чего «в течение 4 ноября события привели к полному поражению сил контрреволюции. В течение дня фашистские банды, засевшие в некоторых общественных зданиях, успешно подавлялись и капитулировали» (с. 1).

Результатом советского вмешательства стали людские жертвы. По венгерским данным, в стычках и боях погибло с венгерской стороны 2502 человека, 19 226 ранено. С советской стороны погибло в боях, умерло от ран и пропало без вести 720, ранено 1540 человек. Свыше 200 тыс. венгров покинули страну в первые месяцы после подавления восстания (*Р. Пихоя. С. 330*).

6 ноября. Секретари правления СП СССР К. Симонов, В. Ажаев, Л. Леонов, Г. Марков, В. Смирнов, Н. Тихонов обращаются в Совет министров СССР к В. М. Молотову с просьбой:

К настоящему времени Верховный суд СССР посмертно реабилитировал свыше 100 советских писателей, в прошлом несправедливо осужденных и безвременно погибших в тюрьмах, лагерях и ссылке. Среди них: Бабель, Киришон, Касаткин, Маркиш, Никифоров, Фефер, Ясенский и многие другие, внесшие в дело развития советской культуры вклад, который трудно переоценить.

Наследники этих писателей, члены их семей, в большинстве также подвергались незаконным репрессиям, перенесли тяжкие потрясения, потеряли близких людей, лишились здоровья, всего имущества.

В связи с безосновательным репрессированием писателей произведения их не издавались, и наследники были лишены возможности использовать принадлежащее им по закону после смерти писателей авторское право.

Мы просим, чтобы Совет Министров СССР разрешил Союзу писателей СССР по отношению к наследникам посмертно реабилитированных писателей устанавливать, в соответствии с законом, пятнадцатилетний срок наследования авторского права не со дня фактической смерти писателя, а со дня получения извещения о его реабилитации (Музыка вместо сумбура. С. 481).

Просьба секретарей правления СП СССР была удовлетворена, и соответствующее постановление Совета министров СССР (с пометой «Не для печати») 27 мая 1957 года было принято (Там же. С. 489).

Не позднее 7 ноября

К сорокалетию Октября, – вспоминает Илья Эренбург, – была созвана юбилейная сессия Верховного Совета. Собралась она на Центральном стадионе; впереди сидели депутаты, а за ними свыше десяти тысяч приглашенных. Хрущев читал длинное выступление, делал это он редко, обычно, прочитав страничку, засовывал текст в карман и переходил к живой речи. На этот раз он читал, часто ошибаясь, и лицо у него было сердитое. За ним сидел громоздкий Мао Цзэдун с непроницаемым лицом. Хрущев повторил восхваление Сталина: «Как преданный ленинист-марксист и стойкий революционер, Сталин займет должное место в истории. Наша партия и советский народ будут помнить Сталина и воздавать ему должное». Раздались аплодисменты (*И. Эренбург. Люди, годы, жизнь. Т. 3. С. 421*).

7 ноября. В Ленинграде на демонстрации за выкрики антисоветских лозунгов арестован студент Ленинградского университета Михаил Красильников – лидер группы молодых поэтов, впоследствии получившей название «филологическая школа» (Леонид Виноградов, Владимир Герасимов, Михаил Еремин, Александр Кондратов, Сергей Кулле, Лев Лифшиц (Лосев), Юрий Михайлов, Владимир Уфлянд).

Что он именно орал, проходя по Дворцовой площади, в точности неизвестно. Сам он на следствии и на суде говорил: «Был пьян, ничего не помню». Мне из тогдашних рассказов запомнилось «Свободу Венгрии!» и «Утопим крокодила Насера в Суэцком канале!». <...> Дело происходило в разгар подавления венгерского восстания и вскоре после суэцкого кризиса, так что недавно услышанное по «Голосу Америки» или прочитанное в советских газетах легко наворачивалось Мише на язык. Другие вспоминают и наоборот – «Утопим Бен-Гуриона в Суэцком канале!». Я не исключаю, что Миша мог кричать и то и другое, как он кричал «Сука!» независимо

от того, в чью пользу судил футбольный судья. Вроде бы он еще и орал: «Долой кровавую клику Булганина и Хрущева!» Вроде бы на это намекает и вынесенный ему приговор: «Красильников выкрикивал антисоветские лозунги, направленные против Советского строя, – так тавтологично говорится в приговоре, – и одного из руководителей Советского государства» (Л. Лосев. Меандр. С. 233).

8 ноября. В Бресте на базе гарнизонной комнаты-музея открыт Музей обороны Брестской крепости.

9 ноября. В «Правде» материал «Кровавые злодеяния фашистско-хортистских бандитов разоблачены перед всем миром: Рассказы очевидцев о преступлениях контрреволюции в Венгрии» (с. 6).

В 1963 году в Москве будет издан роман Александра Авдеенко «Черные колокола» об этом мятеже и его подавлении.

17 ноября. Картина Ильи Глазунова «Юлиус Фучик» получает Гран-при на IV Международном конгрессе студентов в Праге.

19–25 ноября. Неделя финских фильмов в СССР.

22 ноября. В «Литературной газете» открытое письмо Михаила Шолохова, Константина Федина, Леонида Леонова, Всеволода Иванова, Валентина Катаева, Ольги Форш, Александра Твардовского, Николая Тихонова, Константина Симонова, Константина Паустовского, Эммануила Казакевича, В. Каверина, Всеволода Кочетова и других (всего 35 подписей) «Видеть всю правду!», где в полемике с французскими писателями (Жан Поль Сартр, Веркор, Клод Руа, Роже Вайян, Симона де Бовуар, Жак Превьер и др.), протестовавшими против советского вторжения в Венгрию, сказано, что «советские солдаты, жертвуя своими жизнями, спасали десятки, а может быть, и сотни тысяч жизней от разгула фашистского террора» (с. 1).

22 ноября – 8 декабря. В Мельбурне XVI летние Олимпийские игры, на которых советские спортсмены завоевали наибольшее количество медалей (37 золотых, 29 серебряных, 32 бронзовые медали).

23 ноября. Лауреат пяти Сталинских премий скульптор Евгений Вучетич передает в Президиум ЦК КПСС письмо «группы деятелей социалистической культуры» (М. Бубеннов, С. Бабаевский, Ф. Панферов, Ф. Гладков, М. Исаковский, С. Васильев, М. Царев, Т. Семушкин, А. Марков, С. В. Смирнов, В. Пашенная, А. Тарасова, В. Мурадели, А. Лактионов, А. Герасимов, К. Юон и др. – всего 24 подписи), где сказано:

В результате того, что обсуждение решений XX съезда КПСС в творческих организациях было пущено на самотек, там подняли голову остатки разгромленных в свое время партией различных мелкобуржуазных, формалистических группировок и течений. Эти элементы выступают сейчас в тоге борцов за поправную правду. Они пытаются здоровую дискуссию о путях ликвидации последствий культа личности на фронте культурного строительства превратить в демагогическую политическую демонстрацию против самих основ ленинской политики партии в области литературы и искусств. <...>

Реваншистские элементы создают в творческих организациях обстановку идеологического террора, ведут разнузданную травлю литераторов и художников, которые поставили свое творчество на службу партии и народу. Эти демагогические элементы не брезгают ничем для того, чтобы оскандалить тех деятелей советской культуры, которые всегда самоотверженно боролись за линию партии, за социалистический реализм. Они объявляют

таких художников прислужниками культа, обливают их творчество грязными помоями, науськивают на них молодежь (Источник. 1994. № 4. С. 86, 87).

24 ноября. В «Литературной газете» (с. 1) письмо Мариэтты Шагинян, Павла Антокольского, Ильи Эренбурга, Владимира Ермилова, Максима Рыльского, Владимира Луговского, Александра Бека, Леонида Мартынова, Семена Кирсанова, Ольги Берггольц и других (всего 30 подписей), присоединяющихся к авторам открытого письма «Видеть всю правду!».

Текст мне не очень понравился – был пространен и порой недостаточно убедительным. Однако шла война, и рассуждать о том, что мы обороняемся не тем оружием, было глупо. Вместе с Паустовским²⁰⁴ и другими писателями я присоединился к письму (*И. Эренбург*. Люди, годы, жизнь. Т. 3. С. 416).

«Пастернак будто бы отказался подписать письмо Сартру и еще что-то брякнул. Но, может быть, это уже легенды», – 13 декабря записывает в дневник Александр Гладков (цит. по: *М. Михеев*. С. 371)²⁰⁵.

Здесь же (с. 2–3) двухподвальная статья Б. Платонова «Реальные герои и литературные схемы» – сдержанно-критическая (в полемике с Львом Славным, Вс. Ивановым и другими) оценка романа Владимира Дудинцева «Не хлебом единым».

Из письма Евгении Гинзбург Василию Аксенову:

Я работаю сейчас так много, что даже свыше сил. Дело в том, что в результате отчетно-выборного собрания я оказалась секретарем нашей партийной организации. Обстановка так сложилась, что отказаться было нельзя. И вот сейчас, после двадцатилетнего перерыва, приходится заново привыкать, хоть и не к очень масштабной, но все же партийной работе. <...> Одним словом, энергично «фукцирую». Выбрали меня и делегатом на городскую партийную конференцию (*В. Аксенов*. «Ловите голубиную почту...». С. 55).

До широкого распространения в самиздате книги Евгении Гинзбург «Крутой маршрут» оставалось чуть более десяти лет.

25 ноября. В Переделкине умер Александр Петрович Довженко (род. в 1894).

Не позднее 26 ноября. В ЦДРИ открыта выставка Аристарха Лентулова.

Из дневника Сергея Дмитриева:

Не будь революции и «дикого поля» господства «социалистического реализма» с подавлением всего прочего в живописи, Лентулов мог бы, возможно, выработаться в крупного художника той русской празднично-декоративной и земной живописи первой половины XX в., которая так щедро расцветала в творчестве Грабаря, Юона, Кустодиева, Судейкина, Ларионова, Кончаловского, Рериха, Куприна, Петрова-Водкина, Гончарова²⁰⁶. Но все это направление было смято и растоптано. Картины рассеяны, художники забыты. В национальной галерее – Третьяковской – пустота, провал от передвижников

²⁰⁴ Ошибка памяти: К. Паустовский подписал предыдущее письмо от 22 ноября.

²⁰⁵ Видимо, не только легенды. Ирина Емельянова вспоминает, как в Потаповский переулок, где жила Ольга Ивинская, «<...> явился неожиданный гость. <...> Это был В. Рудный, литератор, член редколлегии гонимого альманаха „Литературная Москва“» с просьбой уговорить Пастернака поставить свою подпись под текстом «<...> обращения советских писателей к писателям Венгрии, появившемся на другое утро в газетах». Вместе с Ивинской Рудный отправился в Переделкино, но «увы, план не осуществился. <...> Когда требовалось, Б. Л., надо сказать, умел быть резким, „жестоким“, как говорила мама. И мне до сих пор очень интересно, как, какими словами он выпроводил делегата? Для него, в отличие от меня, здесь не было даже поводов для размышлений» (*О. Ивинская, И. Емельянова*. Годы с Пастернаком и без него. С. 266–267).

²⁰⁶ Описка. Имеется в виду Наталья Гончарова.

до наших дней в лице Соколова-Скаля, А. Герасимова и прочих холстомазов (Отечественная история. 2000. № 2. С. 150).

26 ноября. Подписан к печати второй сборник «Литературная Москва»²⁰⁷. В его составе главы из романа «Последний из удэге» и «Записные книжки» А. Фадеева, роман «Поиски и надежды» В. Каверина, драма «Сонет Петрарки» Н. Погодина, «Деревенский дневник» Ефима Дороша, рассказы «Хазарский орнамент», и «Свет в окне» Ю. Нагибина, «Поездка на родину» Н. Жданова, «Рассказы о зверях и птицах» Бориса Ямпольского, «Рычаги» А. Яшина²⁰⁸ стихи Вл. Соколова, А. Суркова, Ю. Нейман, С. Маршака, С. Кирсанова, Н. Заболоцкого, Н. Тихонова, Я. Акима, С. Михалкова, М. Цветаевой, статьи «Реализм современной драмы» М. Щеглова²⁰⁹, «Поэзия Марины Цветаевой» И. Эренбурга, «Рабочий разговор» Л. Чуковской, «Заметки писателя» А. Крона²¹⁰, некролог «М. А. Щеглов»²¹¹.

И, как вспоминала Раиса Орлова,

... в газетах появились разгромные статьи²¹².

Критики ругали стихи Марины Цветаевой и вступительную статью Ильи Эренбурга, рассказ Александра Яшина «Рычаги», статью Александра Крона «Заметки писателя» против идеологической цензуры. <...> Но время все же становилось иным. Проработчикам возражали. Не все «проработанные» спешили каяться (Р. Орлова, Л. Конелев, 1990. С. 42).

²⁰⁷ «<...> Спасибо за драгоценный подарок, – 17 января 1957 г. благодарит Л. Пантелеев Лидию Чуковскую. – Читаю второй выпуск „Литературной Москвы“ – как чистую воду пью. Читаю с каким-то трепетным (простите) ощущением, что являюсь свидетелем очень большого события. А ведь выход этих книг – действительно, событие. Обе они войдут в историю нашей литературы – или как предвестие нового подъема ее, или, в худшем (к сожалению, очень и очень возможном) случае, как короткий просвет, „светлый луч в темном царстве“» (Л. Пантелеев, Л. Чуковская. С. 86).

²⁰⁸ В. Каверин приводит в воспоминаниях слова Александра Яшина: «Два года тому назад я послал этот рассказ в „Новый мир“. Кривицкий вызвал меня и сказал: „Ты, – говорит, – возьми его и либо сожги, либо положи в письменный стол, запри на замок, а ключ спрячь куда-нибудь подальше“. Я спрашиваю: „почему?“ – а он отвечает: „Потому что тебе иначе 25 лет обеспечены“» (В. Каверин. Эпilog. С. 357). Надо отметить, что само возникновение этого рассказа в творческой биографии А. Яшина, известного ранее по преимуществу своей сталинистской поэмой «Алена Фомина», стало для читателей большой неожиданностью. Появилась даже эпиграмма: Прошли былые времена, Была Алена Фомина. Встал поэт с другой ноги И нажал на рычаги. (Как было и как вспомнилось. С. 21) «Воистину, велик и значителен рассказ Яшина „Рычаги“, – 15 июня 1957 г., т. е. уже после „проработки“, записывает в дневник Сергей Дмитриев. – Значителен и велик не как явление художественно-литературное, а как явление самостоятельного движения мысли. Автор, вероятно, и не подозревает, какую страшную и всем известную правду, всеми замалчиваемую правду, он выговорил, выразил. С авторами так бывает» (Отечественная история. 2000. № 3. С. 155). «Автор „Рычагов“ навсегда останется в русской литературе, те рычаги кое-что повернули», – сказано в письме, которое Александр Солженицын 11 июля 1968 г. написал в коридоре перед больничной палатой, где в этот день умирал Яшин («Пусть Наступающий не будет слишком злым!»). С. 246). («За Андангой райские земли...»).

²⁰⁹ Принимая эту статью к печати, Эммануил Казакевич написал Марку Щеглову: «При чтении я испытывал чувство восхищения, давно уже не испытанное мной над критическими статьями. Думаю, что в Вашем лице наша советская литература – может быть, впервые – приобретает выдающегося критика» (Э. Казакевич. Слушая время. С. 384).

²¹⁰ «Самая умная статья в „Лит. Москве“ – Александра Крона: о театре. Острая, полная неотразимых силлогизмов», – записал в дневник Корней Чуковский (К. Чуковский. Дневник. С. 225).

²¹¹ Борис Пастернак, безуспешно предлагавший в «Литературную Москву» сначала отрывки из «Доктора Живаго», затем автобиографический очерк «Люди и положения» и стихи, отнесся к самой идее этого сборника – судя по июльскому письму Ольге Ивинской – без всякого энтузиазма: «<...> я теперь предпочитаю „казенные“ журналы и редакции этим новым „писательским“, „кооперативным“ начинаниям, так мало они себе позволяют, так ничем не отличаются от официальных. Это давно известная подмена якобы „свободного слова“ тем, что требуется, в виде вдвойне противного подлога» (Б. Пастернак. Т. 10. С. 146).

²¹² «Определить отправной пункт разгрома трудно», – говорит Вениамин Каверин, со ссылкой на Николая Погодина утверждавший, что «кампанию начал А. Корнейчук», оскорбленный жестким разбором его пьесы «Крылья» в статье Марка Щеглова «Реализм современной драмы». Этот «литературный вельможа» был членом ЦК КПСС и «своим человеком» в „высших сферах“ и, в частности, на даче Хрущева. Там-то и состоялся разговор, который слышал Н. Погодин. Помянув недавнее венгерское сопротивление, Корнейчук сравнил „Литературную Москву“ – ни много ни мало – с „кружком Петефи“. Как известно, так называлась группа венгерских литераторов, принявших самое деятельное участие в восстании 1956 года» (В. Каверин. Эпilog. С. 360, 361).

На экраны выходит фильм Марлена Хуциева и Феликса Миронера «Весна на Заречной улице».

29 ноября. Доцент В. И. Кулешов докладывает на закрытом партсобрании, что в стенгазете филфака МГУ

помещена статья об Ахматовой, в которой дана объективистская, политически неверная характеристика акмеизма (не сказано, что это направление было выражением империалистической идеологии). Назван Гумилев как вождь акмеизма («мастер стиха») и забыто (редактор сказал, что не знал об этом), что Гумилев был расстрелян Советской властью как белогвардеец за связь с кронштадтским мятежом.

Уже 1 декабря Отдел культуры ЦК информировал вышестоящие инстанции, особо подчеркнув, что

никто из преподавателей-коммунистов не нашел в себе смелости открыто выступить против этих уродливых пристрастий студентов-филологов, раскритиковать и высмеять их дурные вкусы (Аппарат ЦК КПСС и культура. 1953–1957. С. 577).

Ноябрь. Математик Револют Пименов пишет и распространяет в самиздате «Венгерские тезисы», посвященные подавлению советскими войсками восстания в Венгрии.

Осень. В Москве и Ленинграде гастроль Национального народного театра (Париж) под руководством Жана Вилара.

Журналы в ноябре

В «Знамени» (№ 11) повесть Павла Нилина «Жестокость» (окончание – № 12).

В «Новом мире» (№ 11) стихи Евгения Евтушенко («Октябрь», «Студенты», «Пионерский горн», «Давай поедem вниз по Волге...»).

Декабрь

1 декабря. В записке Отдела культуры ЦК КПСС «О некоторых вопросах современной литературы и о фактах неправильных настроений среди части писателей» дана оценка вызывающим споры партийным постановлениям 1946–1948 годов:

В постановлении о журналах «Звезда» и «Ленинград» есть неверные и нуждающиеся в уточнении оценки и характеристики, связанные с проявлением культа личности в методах руководства литературой и искусством в прошлые годы. В оценках отдельных произведений литературы, музыки и кино иногда допускались ненужная регламентация, административный тон, окрик и грубость в отношении авторов, имеющих ошибки в своем творчестве.

Однако основное содержание постановлений ЦК о журналах «Звезда» и «Ленинград» и о репертуаре драматических театров совершенно правильно и в важнейших своих положениях сохраняет свое значение и сегодня (Аппарат ЦК КПСС и культура. 1953–1957. С. 576).

И еще:

Что касается постановления ЦК о кинофильме «Большая жизнь», то ряд пунктов его ориентирует работников искусства не на отображение жизни, как она есть, со всеми ее трудностями и противоречиями, а на изображение, прежде всего, того, что должно быть (Там же. С. 577).

В той же записке:

Редактор журнала «Молодая гвардия» т. Макаров и редактор журнала «Знамя» т. Кожевников сообщили, что писателей почти невозможно побудить написать очерк о наших достижениях и успехах. Отклонение односторонне рассматривающих действительность произведений вызывает упреки в «консерватизме» и «зажиме критики», в приверженности к «старой линии» и т. д.

Газеты и журналы испытывают трудности в публикации очерков о положительном опыте и об успехах социалистического строительства» (Там же. С. 574–575).

И наконец:

Б. Пастернак сдал в журнал «Новый мир» и в Гослитиздат свой роман «Доктор Живаго», переправив его одновременно в итальянское издательство. Это произведение проникнуто ненавистью к советскому строю. Хотя роман Пастернака не был принят к печати, он имеет хождение в рукописи среди литераторов, а сам Пастернак пользуется в известных кругах и, в частности, среди студенческой молодежи славой непризнанного гения (Там же. С. 577).

1–19 декабря. В Эрмитаже выставка Пабло Пикассо, приуроченная к его 75-летию.

Кто видел в Эрмитаже выставку Пикассо, вероятно, обратил внимание, – говорилось 13 декабря на пленуме Ленинградского горкома КПСС, – как восторженно реагирует на эти последние работы Пикассо молодежь. Причем какая молодежь? Какая-то странная молодежь – стилиги с усиками, мальчишки, еще ничего не смыслящие в жизни. Это очень печальный факт. Это та зараза, которая притекает к нам через каналы активно

действующей реакционной идеологии Запада, очень активно действующей. <...> Почему Пикассо вызывает восторг искусством, где совершенно явно выражен распад интеллекта, абсолютный маразм, абсолютно гнилая психика! Вызывает восторг не потому, что молодой человек разбирается в этом деле, а потому, что новинка, запрещенный плод, ребята умничают, поддаются опасным влияниям <...> (цит. по: М. Золотоносов. Гадюшник. С. 466)²¹³.

28 декабря в решении бюро Ленинградского горкома КПСС указано, что

искусствоведы Эрмитажа оказались идеологически неподготовленными для разъяснения посетителям музея упаднического характера современного антиреалистического изобразительного искусства Запада (Там же. С. 483).

Мнение ленинградских коммунистов суммарно выражено в докладной записке первого секретаря обкома Ф. Р. Козлова (29 декабря), где сказано:

Большинство посетителей выставки высказали резко отрицательное отношение к формалистическим произведениям Пикассо и подчеркивали превосходство метода социалистического реализма над искусством формалистического направления. Однако отдельные посетители, преимущественно студенты, проявляли к формалистическим произведениям зарубежного искусства не критическое отношение, считая творчество Пикассо высшим достижением современного мирового искусства. <...>

Ленинградская партийная организация принимает меры к усилению воспитательной работы среди молодежи и пресечению вылазок антисоветских враждебных элементов (цит. по: В. Воловников. С. 79, 80–81).

3 декабря. Умер художник и фотограф, родоначальник дизайна и рекламы в СССР Александр Михайлович Родченко (род. в 1891).

4 декабря. В Малом театре премьера спектакля «Власть тьмы» по пьесе Льва Толстого. Режиссер-постановщик Борис Равенских. В ролях Елена Шатрова, Игорь Ильинский, Михаил Жаров и др. Как вспоминает Ильинский,

Не скрою, я боялся, что идеи Л. Н. Толстого в этой драме могут быть восприняты как не совсем современные. Я не мог *изменить* Льву Толстому, не мог изменить и современной советской идеологии. Был момент, когда я из-за этих внутренних противоречий отказался от роли (*И. Ильинский*. С. 535).

5 декабря. В Ленинградском Союзе советских художников открывается Осенняя выставка, устроенная по принципу «без жюри», то есть без предварительной цензуры, на которой представлены 1989 работ живописцев, скульпторов, графиков, прикладников.

Откликаясь на экспозицию статьей «Выставка без жюри», Лев Мочалов отметил, прежде всего, демонстративный отказ от идеологии и уход в жанры пейзажа и натюрморта:

Уже беглый осмотр экспозиции вызывает ощущение, что в стены Дома художников проник свежий ветер, заглянуло солнце. Не об отдельных, а о многих работах можно сказать, что они «спеты» непринужденным, искренним голосом. <...> Может быть, такое ощущение возникает потому, что мы видим главным образом этюды, пейзажи, натюрморты. Но хочется верить, что непосредственность чувства, присущая многим работам,

²¹³ Эта оценка вполне совпадает с позднейшим замечанием Ильи Глазунова, что «та выставка в Эрмитаже не показала нам ничего, кроме свободы выдумки и пустого трюкачества», хотя «некоторые, исполненные естественного чувства протеста, приветствовали выставку Пикассо, видя в ней вызов лакированному искусству периода „культ личности“» (*И. Глазунов*. С. 646).

является показателем оживления творческих исканий (Вечерний Ленинград, 11 декабря. С. 3).

Из письма Ивана Шевцова Сергею Сергееву-Ценскому:

В Москве, да и не только в Москве, реваншисты и космополиты орудуют вовсю. Пробуют развращать студенческую молодежь. Кое-где им это удается. Эренбург и его зарубежные друзья не прочь бы повторить и у нас «венгерский вариант». Да, к счастью, почвы в народе они не имеют. Они еще могут увлекать какую-то часть молодежи левой фразой, могут распространять анекдоты, клеветнические измышления и пр. К сожалению, могут еще захватывать позиции на фронте культуры. (Совсем недавно гл. редактором «Сов. культуры» назначен яркий реваншист Вульф Израйлович Орлов.) Но конец этому придет, непременно придет и, надо полагать, будет для них весьма печальным, бесславным (цит. по: *В. Огрызко. Охранители и либералы. Т. 2. С. 439*).

6–8 декабря. В Ленинградском Союзе советских художников дискуссия «Будущее советского изобразительного искусства»²¹⁴.

Научный сотрудник Эрмитажа Антонина Изергина, выступая в этой дискуссии 7 декабря, заявила:

И странно, и страшно подумать, что лет 5–6 тому назад мы не могли видеть ни Ренуара, ни Моне, ни Писарро.

<...> Сейчас это положение выправлено, и мы можем без патристических преувеличений сказать, что в этом году мы имели лучшую в мире экспозицию французского искусства второй половины XIX века. <...>

Но, товарищи, многие ли из нашего молодого поколения знают, что Русский музей может развернуть экспозицию, которая не только может стоять наравне, но во многом может победить французскую экспозицию, которую мы имеем. <...>

Может быть, товарищи, сейчас вы будете аплодировать мне, но все же я назову таких художников, как Малевич, Кандинский (*вписано*), Татлин, Филонов, Шагал (*вписано*).

Творчество этих художников определило трудный, сложный, полный борьбы, исключительно яркий период развития нашей русской и советской художественной культуры.

Сейчас мы слышали, что эти художники – труха, гниль, заваль, и все всем давно известны.

А вот мне интересно – известно ли людям, которые так легко об этом говорят? Многие из этих художников бесконечно более реалистичны, чем мы видим иногда сейчас! <...>

Мне кажется, что мы должны **обязательно** выставить работы этих художников и не только для того, чтобы знать историю нашего развития. <...>

Я стою за то, что действительно в борьбе, в соприкосновении с самыми различными течениями может рождаться подлинное творчество (*М. Золотоносов. Диверсант Маршак. С. 294, 295, 296, 297*).

Достоинно внимания и выступление художника Бориса Гурвича, состоявшееся 8 декабря в рамках этой же дискуссии:

²¹⁴ «Зал заседаний был переполнен. На заседаниях участвовало не менее четырехсот человек. Многие лица, желающие присутствовать на обсуждении, толпились перед зданием» (Аппарат ЦК КПСС и культура. 1953–1957. С. 582).

Последнее время открылся целый ряд выставок художников не столь крайних и спорных, как Филонов, Малевич или Татлин, выставок произведений людей, которые связываются с организацией, сыгравшей свою большую роль в русском искусстве, – с «Бубновым валетом». Как проходят эти выставки? Что на них характерного? Характерно на них то, что их «правят», что на них происходит своеобразная «меринизация» – выхолащивание творческого пути художника. Возьмем выставку Машкова. Она размещалась в двух залах: в одном зале Машков «не такой», в другом – Машков «приличный». Его лучшие «не такие» вещи лежат по подвалам музеев, и чтобы его показывать, его не нужно «правлять», не нужно, чтобы он стал «примерным мальчиком» на всем протяжении своей жизни. Такой же случай мы имели с выставкой Кончаловского, выставкой, о которой можно сказать: во что превращается даровитый, талантливый человек, если он хочет, должен и обязан быть академиком, но не укладывается в рамки Академии! Мне кажется, что это происходит пока со всеми выставками – и нашими, и зарубежными (Там же. С. 304).

6–10 декабря. В ЦК КПСС совещание (в течение пяти дней с перерывами) по вопросам литературы. На совещании выступили секретари ЦК КПСС Д. Т. Шепилов (6 и 10 декабря), П. Н. Поспелов (10 декабря)²¹⁵, писатели Александр Корнейчук, Всеволод Кочетов, Георгий Марков, Борис Полевой²¹⁶, Константин Симонов, Василий Смирнов, Алексей Сурков, Николай Тихонов.

Так, П. Н. Поспелов 10 декабря резко выступил против романа Владимира Дудинцева «Не хлебом единым»:

В своей основе, своими тенденциями он вызывает чувство уныния, пессимизма, безысходности. Везде стена бюрократизма. <...> Герою-одиночке по существу случайно удалось пробить эту стену, но стена бюрократизма остается в неприкосновенности. <...> Этот роман в очень неприглядном виде представляет нашу науку как убежище бездарностей, монополистов, рвачей и карьеристов.

Досталось в речи и Константину Симонову за попытку ревизовать постановление ЦК ВКП(б) «О журналах „Звезда“ и „Ленинград“»:

Товарищ Симонов, как уже здесь многие говорили, чрезмерно подчеркивает необходимость какого-то пересмотра известных решений ЦК по идеологическим вопросам, решений, принятых в 1946 году. <...> Из выступлений секретарей Союза писателей тт. Суркова, Маркова, Полевого, Тихонова видно, что они вовсе не поддерживают точку зрения т. Симонова и ту линию, которую он проводит в «Новом мире» и которая была так убедительно раскритикована в выступлениях тт. Поликарпова, Корнейчука и ряда других товарищей (*М. Золотоносов. Гадюшник. С. 486, 436*).

См. запись в дневнике Александра Гладкова от 13 декабря:

Несколько дней в ЦК происходило совещание работников ЦК, секретарей Союза Писателей и редакторов толстых журналов. <...> Друзин, Кожевников, Прокофьев говорили о наличии «литературного подполья»,

²¹⁵ Судя по стенограмме, присутствовали также Л. И. Брежнев, М. А. Сулов и Е. А. Фурцева.

²¹⁶ Полемизируя с Михаилом Шолоховым, выступившим на XX съезде КПСС, он, в частности, сказал: «Речь Шолохова, по моему твердому убеждению, нанесла существенный вред, и в этом надо отдавать себе отчет».

о том, что в случае возникновения событий подобных венгерским писатели займут антипартийные позиции и проч. Поликарпов (ЦК) резко напал на Симонова. <...> В конце выступил Шепилов примирительно, советуя писателям самим разобраться в своих делах и пр. (РГАЛИ. Ф. 2590. Оп. 1. Ед. хр. 95).

Здесь уместно процитировать самого Шепилова:

Я думаю, что самым неправильным и самым грубым для данного момента было бы административное запретительство, но осуждать, а не влиять и не дискутировать по этому вопросу, это значит загнать болезнь внутрь, это значит надевать на такого рода авторов венок страдальца и мученика со всеми вытекающими отсюда последствиями (РГАНИ. Ф. 5. Оп. 36. Ед. хр. 12).

Аналогичные встречи партийное руководство провело с художниками в феврале и с композиторами в марте 1957 года.

Не позднее 8 декабря. Образована комиссия по литературному наследию Сергея Есенина.

10 декабря. Произведения Михаила Врубеля экспонируются на выставке, открывшейся в Третьяковской галерее в честь 100-летия со дня его рождения.

В докладной записке заведующего Отделом культуры ЦК КПСС Д. А. Поликарпова и инструктора Отдела Е. Ф. Трущенко сказано:

Советское торгпредство в Швеции сообщает, что три шведских издательства обратились с просьбой разрешить им издание романа Дудинцева «Не хлебом единым». Торгпредство высказывает мнение, что следовало бы разрешить издание романа Дудинцева прогрессивному издательству «Арбетар Култур», чтобы лишить этой возможности буржуазные издательства, которые могут издать роман и не получив разрешения, сопровождая, однако, издание антисоветскими комментариями.

В свою очередь,

Отдел культуры ЦК КПСС считает возможным рекомендовать т. Дудинцеву согласиться на издание его книги в прогрессивном издательстве, написав к ней соответствующее предисловие, в котором автор выступил бы против тех, кто пытается использовать его книгу в антисоветских целях (Аппарат ЦК КПСС и культура. 1953–1957. С. 581).

11 декабря. В Союзе писателей СССР восстановлен (посмертно) Борис Пильняк.

12 декабря

<...> Органами государственной безопасности были арестованы студенты первого курса сценарного отделения Всесоюзного государственного института кинематографии Златверов В. М. и А. Кафаров.

<...> Златверов неоднократно вел политически вредные разговоры. Он считал, что в Советском Союзе нет демократии, что партийное руководство литературой и искусством наносит серьезный вред делу развития искусства, что внешняя политика нашей партии неустойчива, – докладывает в ЦК КПСС министр культуры СССР Н. А. Михайлов (Кинематограф оттепели, 1998. С. 213–214).

На другой день, 13 декабря, в актовом зале института собралось около 350 студентов разных курсов, – в Записке с грифом «Совершенно

секретно» сообщает М. А. Суслову уже секретарь Московского горкома КПСС И. Т. Марченко. – <...> Началось обсуждение факта ареста Златоверова²¹⁷ и Кафарова. Выступавший неоднократно студент Курманов, а также студенты Латинау²¹⁸, Перова²¹⁹, Мелява²²⁰, Голубкина высказывали мнение, что действия органов КГБ являются грубыми и неправильными и напоминают их действия в прошлом. <...> Вносилось предложение взять Златоверова и Кафарова на поруки, получить материалы из КГБ, чтобы студенты сами разобрались в обстоятельствах этого дела и вынесли свое решение. <...> Выступавшие студенты противопоставляли коллектив студентов партийной организации и дирекции института (Там же. С. 211)²²¹.

В ответ взбунтовавшимся студентам были, как обычно, даны «соответствующие разъяснения», а руководство ВГИКа должным образом «укреплено» новыми администраторами.

Ребят, – добавляет Наум Клейман, – не выпустили – Златоверов²²² загремел на шесть лет лагерей и потом пропал с нашего горизонта. Кафарова освободили через два года, он вернулся из Сибири в Баку, писал сценарии, начал пить и как-то странно погиб в 44 года... («Сегодня вечером мы пришли к Шпаликову». С. 193).

13 декабря. Из дневника Александра Гладкова:

Роман Дудинцева будет напечатан тиражом 30 000. Будет выпущен Гослитиздатом роман Пастернака (цит. по: М. Михеев. С. 371).

Заведующий Отделом культуры ЦК КПСС Д. А. Поликарпов уведомляет М. А. Суслова о том, что

в сентябре 1955 года Секретариат ЦК КПСС поручил 4 управлению Министерства здравоохранения СССР организовать лечение Шолохова М. А., поместив его с этой целью в больницу. <...> В настоящее время Шолохов находится в состоянии тяжелого запоя, скандалит, оскорбляет близких; носит с собой оружие. Прошу ЦК КПСС обязать начальника 4 управления Минздрава СССР т. Маркова А. М. организовать в принудительном порядке лечение Шолохова М. А. (цит. по: Г. Костырченко. С. 38).

15 декабря. В «Литературной газете» передовая «Литература служит народу», где, в частности, сказано:

Роман В. Дудинцева «Не хлебом единым» вызвал горячие споры, привлек многих читателей своим критическим пафосом, изображением дроздовщины. Но в этом романе, несмотря на некоторые его достоинства, положительное начало утонуло в бесконечных страданиях одиночки-изобретателя, который предстает неким мучеником. Писателю не хватило

²¹⁷ Правильно: Златоверов.

²¹⁸ Э. В. Лотяну (Loteanu).

²¹⁹ Ю. В. Перов.

²²⁰ Т. Г. Мелиава.

²²¹ «Причем, – вспоминает Наталия Рязанцева, учившаяся в ту пору во ВГИКе, – одного из этих студентов, собственно, никто не любил, как-то подозрительно все к нему относились, но все равно – защищали. А вот другого – Кафарова – наоборот, все любили и, как выяснилось позже, посадили его всего лишь за анекдоты. Он потом, когда уже отсидел, вернулся во ВГИК доучиваться...» (Кинематограф оттепели, 1998. С. 217).

²²² Так у Н. Клеймана.

верного, широкого взгляда на жизнь, чтобы всесторонне показать процессы, которые происходят в обществе.

18 декабря. Как сообщается в докладной записке Отдела культуры ЦК КПСС, на партийном собрании во ВГИКе

студент Шукшин в своем выступлении отметил, что в институте имеется свыше 70 студентов из стран народной демократии. Они разносят нередко вредную информацию (особенно из Польши и Венгрии), и учащиеся им верят.

В «Ленинградской правде» (с. 3) статья Ал. Дымшица «Правда жизни и краски художника» – критический разнос романа Владимира Дудинцева «Не хлебом единым»²²³.

19 декабря. Президиум ЦК КПСС, откликаясь на «контрреволюционный заговор против венгерского народа», задуманный под вывеской «фальшивых лозунгов свободы и демократии», утверждает текст закрытого письма ЦК КПСС «Об усилении политической работы партийных организаций в массах и пресечении вылазок антисоветских, враждебных элементов». В нем, в частности, говорится:

Обращают на себя внимание факты нездоровых настроений среди некоторой части писателей, художников, композиторов, работников вузов и научных учреждений. <...>

В выступлениях отдельных писателей проявляются стремления охаять советский общественный строй. Такой характер, очерняющий советские порядки и наши кадры, носило, например, выступление писателя К. Паустовского в Центральном доме литераторов при обсуждении романа В. Дудинцева «Не хлебом единым».

Среди части литераторов имеют место попытки поставить под сомнение партийные решения по идеологическим вопросам, пропагандировать и навязывать другим неправильные, вредные взгляды. Так, член КПСС, писательница О. Берггольц заявила на беспартийном собрании литераторов, что одной из основных причин, которые, якобы, давят литераторов и мешают движению литературы и искусства вперед, являются постановления, которые были приняты ЦК в 1946–1948 гг. по вопросам искусства (Доклад Н. С. Хрущева о культе личности Сталина на XX съезде КПСС. С. 396–397).

Несколько дней спустя на пленуме ЦК КПСС Н. С. Хрущев так прокомментировал это письмо:

– Я считаю, что у нас в партии не совсем правильно поняли решения XX съезда КПСС. Много тысяч людей освободили из заключения. Но там не только чистые были. Там и очень нечистые были – троцкисты, зиновьевцы, правые, всякая шваль. Теперь их тоже освободили. Некоторые из них восстановлены в партии. Восстановились и те, которые являются врагами нашей партии. Они сейчас болтают всякий вздор, а наши товарищи лапки сложили и держат нейтралитет. Это неправильно. Надо дать отпор таким людям: надо исключать из партии, если они будут проводить разлагающую

²²³ «В то утро, – вспоминает Ефим Эткинд, – я понял, что рецензия Дымшица поставила точку под нашим сотрудничеством и даже нашими добрыми отношениями. Выслушав меня до конца, он произнес длинную защитительную речь. „Поглядите на те два фонаря, – сказал он, показывая в окно. – На одном из них будете висеть вы, на другом я – если мы будем раскачивать стихию. Дудинцев этого не понимает, ему хочется вызвать бурю. А те, кто хвалит его роман, дураки и самоубийцы. Только твердая власть может защитить нас от ярости народных масс“. В этот раз он впервые произнес слово, запавшее мне в память: „Жлобokratия“. И добавил: „Это и есть то самое, что построено в этой стране и что они называют социализмом“» (Е. Эткинд. С. 395).

работу в ней, надо арестовывать. Другого выхода нет... Надо крепить органы разведки (цит. по: *Ю. Аксютин*. С. 244).

Вполне понятно, что до простых людей содержание этого закрытого письма дошло в виде слухов, иногда вполне диковинных.

Оказывается, – 5 января 1957 года записывает в дневник Ромэн Назиров, – дело посерьезнее, чем просто болтовня интеллигенции. В письме резко осуждается Союз Советских Писателей. Писатели потребовали у нашего начальства полной свободы печати. Они просили разрешения организовать собственное издательство на собственные средства. Они выступают против негласной государственной цензуры. Паустовский написал роман, в котором со страшной силой громил Сталина и сталинизм. Книгу не пустили. Костя Симонов написал роман «Мое поколение», в котором, по словам письма, оклеветал свое поколение, строителей Магнитогорска и Комсомольска, изобразил их ворами и уголовниками, спасавшимися от тюрьмы. В письме говорится далее, что, исправляя ошибки прежних лет, правительство освободило и реабилитировало массу политических заключенных, а они, неблагодарные, озлобленные люди, не ценят этого. Они стали вести открытую антисоветскую деятельность. В письме говорится, что МВД и КГБ свернули свою работу, что с этим пора покончить, что отныне будем жестоко карать все преступления, начиная от мелкой кражи и кончая антисоветской деятельностью.

Люди, которые слушали это письмо или слышали о нем, в панике заговорили, что нужно ожидать повторения тридцать седьмого года.

Еще летом или даже весной 1956 года друзья одного моего товарища говорили: «Эта слабина временная. Скоро опять все начнется»²²⁴. Как в воду глядели (*Р. Назиров*. С. 70–71).

Концертом в Зале имени П. И. Чайковского начинаются гастроли Ива Монтана в Москве.

Монтан симпатизировал коммунистам, его песни всюду крутили по радио – по признанию Новеллы Матвеевой, именно эти песни в 1954 году не то чтобы подтолкнули ее к сочинительству, но доказали его правомочность.

Монтан

подготовил русскую авторскую песню, задал ей вектор. Сильный голос тут не требовался, важнее были хорошая поэзия и новая интонация <...> Окуджава вспоминал, что Монтан, умудрившийся так просто и по-свойски петь о Париже, подтолкнул его к мысли так же свободно, без патриотических придыханий спеть о Москве (*Д. Быков*. Булат Окуджава. С. 278).

25 декабря. Сдан в печать первый вариант третьего выпуска альманаха «Литературная Москва». В его составе роман Константина Паустовского «Начало неведомого века», «Жизнь Мольера» Михаила Булгакова, повесть Владимира Тендрякова «Чудотворная», очерк Корнея Чуковского «Чехов», воспоминания Елены Усиевич, Юрия Либединского, Павла Антокольского, статья Андрея Туркова, стихи Бориса Пастернака («Ночь»), Анны Ахматовой, Михаила Светлова, Владимира Луговского, Леонида Мартынова, Семена Липкина, Роберта Рождественского и др. (РГАЛИ. Ф. 1579. Оп. 2. Д. 15).

Второй вариант будет сдан в печать 11 апреля 1957 года.

²²⁴ Разрядка здесь и выше Р. Назирова.

За ним последует третий, и наконец четвертый вариант будет представлен в Гослитиздат 30 ноября 1957 года.

В итоге третий выпуск так и не будет издан.

27 декабря. В Ленинградском театре оперы и балета премьера балета Арама Хачатуряна «Спартак». Хореограф Леонид Якобсон, художник Валентина Ходасевич.

Не позднее 29 декабря. Партийное собрание писателей Ростова-на-Дону принимает резолюцию, где, в частности, сказано:

собрание считает, что роман Дудинцева «Не хлебом единым» в целом искаженно изображает советское общество и не служит задачам коммунистического воспитания. <...> Собрание считает, что тенденция отдельных литераторов, пытающихся под флагом борьбы с культом личности нигилистически перечеркнуть достижения советского народа и советской литературы за тридцать девять лет, достойна всяческого осуждения.

29 декабря. На экраны выходит фильм Эльдара Рязанова «Карнавальная ночь». В главных ролях Людмила Гурченко и Игорь Ильинский.

Я помню тот поток света, радости и юмора, который врывается с этой картиной в нашу жизнь, – говорит режиссер Александр Орлов. – Фильм был настоящим событием, особенно для людей, живущих в провинции. Он был связан с концом сталинской эпохи, с началом оттепели, с надеждой на то, что уж теперь-то наша жизнь обязательно изменится к лучшему. Недаром герои Гурченко и Белова говорят в финале: «Счастье... Будет оно?» – «Обязательно будет!» (Бульвар Гордона, № 30, 27 июля 2010).

Из дневника Александра Гладкова:

Во всем чувствуется какая-то перемена в сторону некоторого торможенья распутившегося либеральничанья (РГАЛИ. Ф. 2590. Оп. 1. Ед. хр. 95).

30 декабря. Запись в дневнике Корнея Чуковского:

узнал от Фриды Вигдоровой, что было у Фурцевой собрание писателей, где Смирнов²²⁵ назвал Симонова троцкистом, «Новый Мир» троцкистским журналом, Паустовского – контрреволюционером и т. д., а заключил свою речь, что он готов стать на колени, чтобы писателям дали квартиры. После этого слово предоставили Федину. Федин сказал, что он тоже готов стать на колени, чтобы писателям дали квартиры, но при всем том он не согласен ни с одним словом Смирнова: Паустовский честный советский писатель, Симонов в настоящее время отсутствует, он с честью отстаивает советские интересы в Индии – и судить его в его отсутствие неэтично, что же касается «Нового Мира» и романа Дудинцева, нельзя не признать, что в их направлении много благородства и правды; он, Федин, вполне солидарен с их направлением, хотя и считает роман Дудинцева – незрелым. Вообще, – сказал он, – все эти расправы с писателями ни к чему не приводят, воспитывать писателей дубиной нельзя. Одно дело сделать тончайшую хирургическую операцию глаз, другое – шарахнуть по голове дубиной.

– Так вы нас считаете дубинами? – спросила Фурцева.

²²⁵ Василий Смирнов, в те годы секретарь правления СП СССР.

Федин уверил, что нет, но все же после его речи заготовленная резолюция была отменена и – можно считать, что на этот раз дубинка отложена в сторону (К. Чуковский. Т. 13. С. 224).

31 декабря. В «Правде» (с. 3) начинается публикация рассказа Михаила Шолохова «Судьба человека» (окончание – 1 января 1957 года).

На встрече нового, 1957 года в Георгиевском зале Кремля Н. С. Хрущев провозглашает тост в честь покойного И. В. Сталина.

«Общие итоги года тяжелые», – записывает в дневник Сергей Дмитриев (Отечественная история. 2000. № 2. С. 152).

Декабрь. Среди выдвинутых на Ленинскую премию романы Даниила Гранина «Искатели», Всеволода Кочетова «Братья Ершовы».

Издательство «Молодая гвардия» выпускает детективный роман Валентина Иванова «Желтый металл».

Главное достоинство этой в целом посредственной книжицы, – 3 мая 1957 года в письме Сергею Сергееву-Ценскому сообщил Иван Швецов, – состоит в том, что в ней впервые в советской литературе довольно выпукло даны отрицательными героями евреи и грузины. <...> В этом сила и ценность небольшого по объему романа, в правдивости изображенного. Весь ее тираж – 90 тыс. экз. разошелся в два дня. Говорят, скупали книгу сами герои – разные трозенпуды и т. д. (цит. по: В. Огрызко. Охранители и либералы. Т. 2. С. 445).

28 февраля 1957 года журнал «Крокодил» (№ 6) откликнулся на эту книгу фельетоном «Аллюры храбреца» (с. 5), а в апреле того же года, – продолжим цитировать письмо И. Шевцова, —

книгу объявили антисемитской. Решение принято жесткое – редактора книги Прусову уволили, на руководителей издательства «Молодая гвардия» наложили дисциплинарные взыскания (Там же)²²⁶.

Журналы в декабре

В «Новом мире» (№ 12) опубликованные «в порядке обсуждения» «Литературные заметки» Константина Симонова, значительная часть которых посвящена до сих пор не забытой статье «Правды» «Об одной антипатриотической группе театральных критиков» (28 января 1949):

Тогдашние руководители Союза писателей, в том числе автор этих строк, и целый ряд писателей и критиков не нашли в себе мужества сделать хотя бы попытку для доказательства однобокости и неправильности этой статьи и предупредить о ее тяжелых последствиях для драматургии. <...> Ряд писателей и критиков, в чьих произведениях и статьях отнюдь не всегда и все было правильно, но которые при всем том совершенно незаслуженно обвинялись в антипатриотизме, был практически на длительные сроки лишен возможности нормально работать в литературе.

²²⁶ И еще одна цитата, на этот раз из письма И. Шевцова от 20 мая 1957 г.: «Уверен, что в Тель-Авиве, Нью-Йорке и Париже встретили с радостью решение о запрещении „Желтого металла“. Симонисты тут одержали победу. Правда, сейчас „Желтый металл“ с любопытством читают люди, которые вообще редко что-либо из литературы читают (запретный плод). Это хорошо, пусть читают. И все-таки „в общем и целом“ происходит у нас что-то непонятное, странное, показывая нам то одну, то другую, совершенно противоположную, сторону» (цит. по: В. Огрызко. Охранители и либералы. Т. 2. С. 447).

<...> мы до сих еще не оценили прямо, без недомолвок, и неверный ход обсуждения вопросов театральной критики <...>, и ряд последовавших за этим выступлений печати²²⁷.

В тбилисском журнале «Мнатоби» (№ 11–12) «Люди и положения» Бориса Пастернака в переводе на грузинский язык публициста и литературного критика Георгия Маргвелашвили (1923–1989).

В «Гранях» (№ 32, октябрь – декабрь) «Обращение российского антикоммунистического издательства „Посев“ к деятелям литературы, искусства и науки поработанной России», где сказано:

Доводим до сведения писателей, поэтов, журналистов и ученых, не могущих опубликовать свои труды у нас на родине из-за партийной цензуры, – что российское революционное издательство «ПОСЕВ», находящееся в настоящее время во Франкфурте на Майне, предоставляет им эту возможность. <...>

1. Редакции журнала «ГРАНИ», газеты «ПОСЕВ» и фронтовых изданий пропагандно-революционного характера принимают рукописи, подписанные псевдонимами.

2. Вышеназванные редакции, как и само издательство, обязуются немедленно перепечатывать присланные рукописи на своих пишущих машинках, чтобы уничтожить малейшую возможность установить личность автора по почерку или по шрифту машинки (с. 3).

События года

В свет выходит первое «советское» издание Библии, подготовленное Издательским отделом Московской Патриархии. Тираж – 25 000 экземпляров. За основу было взято издание 1917 года, обновленное с учетом современной орфографии. При сверке текста использовались шестнадцать изданий русской Библии XIX–XX веков, а также Священное Писание на церковнославянском, греческом языках и на иврите.

293 священнослужителя, освобожденных из лагерей, стали вновь служить в храмах.

Председателем комиссии по литературному наследию Михаила Булгакова, созданной под председательством Александра Фадеева по постановлению Союза советских писателей еще 21 марта 1940 года, становится Константин Симонов. В новый состав комиссии вошли также В. Каверин, Виктор Розов, Владимир Пименов.

В Союз писателей СССР приняты Григорий Бакланов, Даниил Гранин, Фазиль Искандер, Кирилл Ковальджи, Владимир Огнев, Григорий Поженян, Владимир Саппак.

В сборнике «Стихи студентов» дебютная подборка 19-летнего Александра Кушнера.

В 1956 году, – вспоминает Раиса Орлова, – я была у Елены Феликсовны Усиевич по какому-то редакционному делу. И она сказала мне: «Ничего вокруг не изменилось. Но если меня завтра арестуют, никто не поверит, что Усиевич – враг народа». И это действительно существенная перемена для моего и для старших поколений, для тех, кто пережил. А молодые? (Р. Орлова. Воспоминания о непрошедшем времени. С. 75).

²²⁷ «Публикация статьи К. Симонова „Литературные заметки“ является серьезной принципиальной ошибкой журнала. <...> Статья К. Симонова способствует возбуждению нездоровых настроений среди литераторов, разжигает реваншистские настроения и групповые страсти и может быть использована для дискредитации партийного руководства литературой и искусством» – сказано в справке Отдела культуры ЦК КПСС (цит. по: В. Огрызко. Охранители и либералы. Т. 1. С. 411).

Книги в СССР

Иван Бунин. Собрание сочинений: В 5 т. (М.: Правда); Евгений Винокуров. Синева: Стихи (М.: Сов. писатель); Константин Воробьев. Подснежник: Рассказы (Вильнюс: Гослитиздат); Евгений Евтушенко. Шоссе энтузиастов: Стихи (М.: Моск. рабочий);²²⁸ Михаил Зощенко. Избранные рассказы и повести. 1923–1956 (Л.: Сов. писатель); Илья Ильф, Евгений Петров. Двенадцать стульев; Золотой теленок: Романы / Предисловие К. Симонова (М.: Гослитиздат); Владимир Луговской. Солнцеворот: Книга лирики (М.: Сов. писатель); Владимир Максимов. Поколение на часах: Стихи, поэмы, переводы (Черкесск);²²⁹ Булат Окуджава. Лирика: Стихотворения и поэма «Весна в Октябре» (Калуга);²³⁰ Юрий Олеша. Избранные произведения / Предисловие В. Перцова (М.: Гослитиздат); Михаил Пришвин. Собрание сочинений: В 6 т. (М.: Гослитиздат); Роберт Рождественский. Испытание: Стихи и поэма (М.: Сов. писатель); Ярослав Смеляков. Строгая любовь: Книга стихов (М.: Сов. писатель); Борис Томашевский. Пушкин. Кн. 1. 1813–1824 (М.; Л.: Изд-во АН СССР); Евгений Шварц. «Тень» и другие пьесы (Л.: Сов. писатель).

Книги за рубежом

В. С. Варшавский. Незамеченное поколение / Предисловие издательства (Нью-Йорк: Изд-во имени Чехова); Сергей Максимов. Бунт Дениса Бушуева: Роман (Нью-Йорк). Владимир Набоков (Сирин). Весна в Фиальте и другие рассказы (Нью-Йорк: Изд-во имени Чехова); Федор Степун. Бывшее и несбывшееся: В 2 т. (Нью-Йорк: Изд-во имени Чехова); Глеб Струве. Русская литература в изгнании: Опыт исторического обзора зарубежной литературы (Нью-Йорк: Изд-во имени Чехова).

Фильмы года: 10 из 85

«Без вести пропавший» (режиссер Исаак Шмарук), «В добрый час!» (режиссер Виктор Эйсымонт), «Весна на Заречной улице» (режиссеры Феликс Миронер и Марлен Хуциев), «Дело № 306» (режиссер Анатолий Рыбаков), «Карнавальная ночь» (режиссер Эльдар Рязанов), «Необыкновенное лето» (режиссер Владимир Басов), «Павел Корчагин» (режиссеры Александр Алов и Владимир Наумов), «Солдаты» (режиссер Александр Иванов), «Сорок первый» (режиссер Григорий Чухрай)²³¹, «Убийство на улице Данте» (режиссер Михаил Ромм).

На первых местах по количеству посещений в прокате картины «Карнавальная ночь» (48,6 млн зрителей), «Два капитана» (32,2 млн зрителей), «Дело Румянцева» (31,5 млн зрителей) и итало-американский фильм «Война и мир» (31,4 млн зрителей).

²²⁸ Эта книга вышла – «после полутора лет редактирования, после долгих раздумий над ней издательского аппарата „Московского рабочего“, после того, как это изд-во твердо обещало издать книгу ко Дню поэзии», и только после того, как 19 сентября Евтушенко пожаловался в секретариат Союза писателей и на издательство, и лично на своего редактора Владимира Фирсова (Литературная Россия, 27 апреля 2017 года).

²²⁹ Единственный стихотворный сборник будущего прозаика, редактора журнала «Континент».

²³⁰ «И вышла, – вспоминает Булат Окуджава, – наконец, маленькая книжечка очень плохих стихов, потому что я писал – ну о чем я мог? – я писал стихи в газету к праздникам и ко всем временам года. Значит: весна – стихотворение, зима – стихотворение, по известным шаблонам» (цит. по: М. Гизатулин. С. 214–215).

²³¹ На X Международном кинофестивале в Канне (1957) фильму присужден Специальный приз жюри «За оригинальный сценарий, гуманизм и романтику».

Освобождение и реабилитация ²³²

Освобождены литераторы Анна Баркова²³³, Аркадий Белинков, Виктор Боков, Виктор Василенко, Владимир Дмитриевский, Дмитрий Дудко, Яков Зунделович, Александр Солженицын, Георгий Трифонов (Михаил Демин);

актриса Мария Капнист;

художники Андрей Вингорский, Анатолий Григорьев, Дмитрий Самополенко, Григорий Шевяков.

Освобождены и реабилитированы литераторы Лидия Багрицкая (Суок), Лев Гумилев, Елизавета Драбкина, Андрей Егунов, Виктор Луи, Руфь Тамарина, Варлам Шаламов²³⁴, Алексей Эйсер;

художники Алла Андреева, Ирина Борхман, Соломон Гершов, Евгений Додонов, Сергей Ивашев-Мусатов, Наталья Изнар, Александр Малешевский, Гай Протопопов, Борис Свешников, Юло-Ильмар Соостер;

искусствовед Елена Бубнова;

композитор Юлий Хайт, певица Лина (Каролина) Прокофьева.

Реабилитированы литераторы Гайк Адонц (посмертно), Николай Александров, Глеб Алексеев (Чарноцкий) (посмертно), Николай Ангарский (Клестов) (посмертно), Александр Аросев (посмертно), Сергей Астрейко (посмертно), Сергей Ауслендер (посмертно), Виктор Бабушкин, Виктор Багров (посмертно), Александр Барченко (посмертно), Григорий Березкин, Анна Бескина (посмертно), Иван Беспалов (посмертно), Петр Билинкевич (посмертно), Константин Богатырев, Алексей Болотников (посмертно), Константин Большаков (посмертно), Яков Бронштейн (посмертно), Николай Брыкин, Петр Бузук (посмертно), Аркадий Бухов (посмертно), Витольд Вандурский (посмертно), Иван Васильев (посмертно), Николай Васильев (посмертно), Павел Васильев (посмертно)²³⁵, Георгий Венус (посмертно), Филипп Вермель (посмертно), Артем Веселый (Николай Кочкуров) (посмертно)²³⁶, Павел Вискне (посмертно), Семен Виленский, Иван Винокуров (посмертно), Петр Витязев (Ферапонт Седенко) (посмертно), Иван Востриков (посмертно), Георгий Вяткин (посмертно), Нина Гаген-Торн, Алексей Гастев (посмертно), Михаил Герасимов (посмертно), Семен (Авраам) Гехт, Антал Гидаш (посмертно), Александр Гладков, Татьяна Гнедич, Леонид Грабарь-Шполянский (посмертно), Матвей Грин, Борис Губер (посмертно), Сергей Динамов (посмертно), Захар Дичаров, Юрий Домбровский²³⁷, Николай Домовитов, Генрих Домский (посмертно), Михаил Доронин, Лев Драновский (посмертно), Михаил Дьяконов (посмертно), Елена Евнина, Сергей Ермолинский, Александр Есенин-Вольпин, Анатолий Жигулин²³⁸, Александр Зава-

²³² «После XX съезда КПСС, – как указывают Виктор Бердинских и Владимир Веремьев, – освобождено подавляющее большинство заключенных, арестованных по политическим статьям. Если в 1954–1955 годах лишь менее 90 тысяч человек из них были выпущены на свободу, то в 1956–1957 годах Гулаг покинуло уже около 310 тысяч „контрреволюционеров“. На 1 января 1959 года в лагерях оставались 11 тысяч политических заключенных. Чтобы ускорить процедуру их освобождения, в ИТЛ направили более 200 специальных ревизионных комиссий, амнистировавших большое количество узников. Однако освобождение пока еще не означало реабилитации. За два года (1956–1957) реабилитировано менее 60 тысяч человек. Подавляющему же большинству пришлось ждать многие годы, а иным и десятилетия, чтобы получить желанную справку. Тем не менее, 1956 год остался в памяти людей как год „возвращения“» (В. Бердинских, В. Веремьев. С. 117).

²³³ Вновь арестована и осуждена в 1957 г. См. 1965 г.

²³⁴ По делам 1937 и 1941 гг. По делу 1929 г. будет реабилитирован (посмертно) только в 2000 г.

²³⁵ В 1957 г. посмертно восстановлен в Союзе писателей СССР.

²³⁶ В этом же году восстановлен в СП СССР

²³⁷ В этом же году восстановлен в СП СССР.

²³⁸ «Они хотели сделать из меня врага народа, но не смогли. Партия, ЦК КПСС пришли ко мне на помощь и вернули в жизнь, разоблачив негодяев! Как хорошо, что есть на свете справедливость», – 15 февраля комментирует в дневнике эту новость сам Жигулин (цит. по: В. Колобов. Читая дневники поэта. С. 193).

лишин (посмертно), Владимир Зазубрин (посмертно), академик Иван Замотин, Николай Зарудин (Эйхельман) (посмертно), Сергей Ингулов (посмертно), Вивиан Итин (посмертно), Александр Исбах, Иосиф Кассиль (посмертно), Иван Катаев (посмертно)²³⁹, Петр Кикутс (посмертно), Виктор Кин (Суровикин) (посмертно), Владимир Кириллов (посмертно), Сергей Клычков (посмертно), Борис Коваленко (посмертно), Михаил Коновалов (посмертно), Сергей Колбасьев (посмертно), Лев Копелев, Наум Коржавин (Мандель), Николай Кочин, Александр Красин (посмертно), Иван Кулик (посмертно), Роберт Куллэ (посмертно), Ян Ларри, Раиса Левина, Абрам Лежнев (посмертно), Эмилия Литауэр (посмертно), Михаил Лихачев (посмертно), Михаил Лоскутов (посмертно), Иван Луппол (посмертно), Дмитрий Мазнин, Михаил Майзель (посмертно), Иван Макаров (посмертно), Адриан Македонов, Осип Мандельштам (посмертно)²⁴⁰, Павел Медведев (посмертно), Исай Мильчик (посмертно), Евгения Мустангова (Рабинович) (посмертно), Надежда Надеждина, Владимир Нарбут (посмертно), Василий Наседкин (посмертно), Андрей Николев (Андрей Николаевич Егунов), Георгий Никифоров (посмертно), Андрей Новиков (посмертно), Лев Овалов, Юлиан Оксман, Петр Орешин (посмертно), Михаил Ошаров (посмертно), Андрей Панов (посмертно), Петр Парфенов (посмертно), Валерьян Переверзев, Борис Пилипенко (посмертно), Борис Пильняк (посмертно)²⁴¹, Дмитрий Пинес, Леонид Пинский, Григорий Померанц, Валентин Португалов, Юрий Пославский (посмертно), Валериан Правдухин (посмертно), Иван Приблудный (посмертно), Израиль Разин (посмертно), Николай Рождественский (посмертно), Борис Ручьев (Кривошеков)²⁴², академик Александр Самойлович (посмертно), Алексей Селивановский (посмертно), Галина Серебрякова²⁴³, Николай Сетницкий (посмертно), Роман Сеф, Михаил Скачков (посмертно), Ярослав Смеляков, Наталья Столярова, Елена Тагер, Михаил Танич (Танхилевич), Александр Тарасов-Родионов (посмертно), Алибек Тахо-Годи (посмертно), Павел Толстой (посмертно), Раиса Торбан (Степанова), Герман Хохлов (посмертно), Борис Четвериков, Борис Чирсков, Вениамин Чисталев (посмертно), Борис Чичибабин (Полушин), Алексей Шадрин, Леонид Шемшелевич, Эдуард Шиллер (посмертно), Густав Шпет (посмертно), Зелик Штейнман, Юлиан Шуцкий (посмертно), Вольф Эрлих (посмертно), Григорий Юрьев (посмертно), Янкл Янкелевич (посмертно), Николай Янчевский (посмертно), Александр Энгельке;

кинорежиссер Александр Гавронский, киносценаристы Юлий Дунский, Валерий Фрид, кинооператор Владимир Нильсен (посмертно), артисты Кира Андроникашвили, Любовь Бабицкая, Евгения Гаркуша-Ширшова (посмертно), Йыван Кырля (Кирилл Иванов) (посмертно), Татьяна Лещенко (Лещенко-Сухомлина), директор «Мосфильма» Борис Бабицкий (посмертно), его заместитель Софья Соколовская (посмертно), начальник Главного управления кинопромышленности Борис Шумяцкий (посмертно);

художники Алексей Арцыбушев, Николай Бруни (посмертно), Александр Батурин, Дмитрий Беспяхотный (посмертно), Петр Буинцев, Михаил Врангель, Лев Вязьменский (посмертно), Марк Гальперин (посмертно), Григорий Деконский (посмертно), Евгений Додонов, Рудольф-Александр Древин, Борис Друганов (посмертно), Лидия Дурново, Марк Житницкий, Адольфий Зайцев (посмертно), Юрий Zubов, Павел Ирбит (посмертно), Густав Клунцис (посмертно), Федор Коннов (посмертно), Лев Кропивницкий, Вера Кузнецова-Кичигина, Федор Лабренц (посмертно), Ева Левина-Розенгольц, Константин Максимов (посмертно), Евгений Манке, Алексей Мереков, Николай Миллер, Мария Минцлова (посмертно), Васи-

²³⁹ В этом же году посмертно восстановлен в Союзе писателей СССР.

²⁴⁰ По делу 1938 г.

²⁴¹ В этом же году посмертно восстановлен в Союзе писателей СССР.

²⁴² Членство в Союзе писателей СССР восстановлено в 1957 г.

²⁴³ Членство в КПСС и в Союзе писателей СССР восстановлено в 1956 г.

лий Михайлов (посмертно), Макар Молчанов (посмертно), Иван Монотов (посмертно), Мария Мыслина, Петр Нерадовский, Михаил Потапов, Адольф Пуренин (посмертно), Дора Рогальская, Артур Рудзит (посмертно), Федор Русецкий, Александр Северденко (посмертно), Владимир Смирнов (посмертно), Борис Смирнов-Русецкий, Израиль Тавровский (посмертно), Владимир Тимирёв (посмертно), Игорь Фегединг (посмертно), Григорий Филипповский, Паула Фрейберг (посмертно), Гюли (Галина) Цивирко, Яков Цирильсон (посмертно), Марк Чаусовский (посмертно), Эльза Швалбе, Иосиф Шванг (посмертно), Юрий Шеплетто, Исаак Шерман (посмертно), Иван Шубин (посмертно), Иван Щеглов, Георгий Яковлев (посмертно), Вильгельм Якуб (посмертно);

реставраторы Яков Богатенко (посмертно), Николай Чернышев;

искусствоведы Владимир Аслин (посмертно), Ольга Бубнова, Михаил Ильин, Михаил Косинский, Александр Мавроган (посмертно), Николай Малицкий (посмертно), Александр Миллер (посмертно), Елена Мроз, Алексей Некрасов (посмертно), Николай Померанцев, Карл Ринкус (посмертно), Людмила Розова, Федор Шмит (посмертно);

композитор Александр Варламов, пианист Федор Дидерихс.

1957

Январь

2 января. Запись в дневнике Сергея Дмитриева:

Из дел общественных отметить можно медленное наступление реакции «на идеологическом фронте». Прижимают театры, писателей, журналы. В ход пошли снова покаянные выступления на собраниях, признание в своих ошибках и т. д. (Отечественная история. 2000. № 3. С. 151).

5 января. В «Литературной газете» статья Корнелия Зелинского «Поэзия и чувство современности» (с. 1–3), где тенденциозно истолковано стихотворение Бориса Пастернака «Рассвет» и сделаны политические упреки поэту.

Вскоре после напечатания этой статьи Вяч. Вс. Иванов (Кома) публично не подал Зелинскому руки, о чем сам Зелинский 31 октября 1958 года (см.) не преминул рассказать в своем выступлении на писательском собрании, где с демонстративным энтузиазмом поддерживали решение исключить Пастернака из Союза писателей и вдобавок требовали выслать его из СССР.

8 января. В ответ на предложение Отдела культуры принято постановление Секретариата ЦК КПСС «Об ознакомлении видных советских писателей-беспартийных с Закрытым письмом ЦК КПСС „Об усилении политической работы партийных организаций в массах и пресечении вылазок антисоветских, враждебных элементов“». В список допущенных вошли В. Ажаев, Б. Агапов, Вс. Иванов, В. Катаев, Б. Лавренев, Л. Леонов, Н. Погодин, С. Маршак, Б. Ромашов, Л. Соболев, Н. Тихонов, К. Федин, К. Чуковский, И. Эренбург, А. Арбузов, С. Антонов, В. Луговской, Г. Медынский, Г. Николаева, М. Светлов, В. Смирнов (Музыка вместо сумбура. С. 483).

В «Советской культуре» сообщение о том, что накануне, 7 января, Александр Герасимов «в связи с состоянием здоровья» (с. 3) ушел с поста президента Академии художеств СССР. И. о. президента (президентом с 1958 по 1962 год) стал Борис Иогансон.

Кстати, – замечает Михаил Золотоносов, – у кадровой замены 1957 г. был подтекст, для Герасимова исключительно обидный: он и Иогансон были врагами, поэтому на картине Иогансона «На старом Уральском заводе» (1937) фабриканту было придано портретное сходство с Герасимовым <...> Естественно, это обстоятельство было известно в художественной среде <...> (М. Золотоносов. Диверсант Маршак. С. 369).

9 января. Указами Президиума Верховного Совета СССР восстановлена национальная автономия балкарского, чеченского, ингушского, калмыцкого и карачаевского народов, упраздненная в 1943–1944 годах в связи с их депортацией в Среднюю Азию и Сибирь. Этим народам разрешено вернуться на Кавказ.

11 января. 4-е Главное управление Министерства здравоохранения СССР направляет в ЦК КПСС докладную записку с предложением подвергнуть Михаила Шолохова принудительному лечению от алкоголизма.

Обосновывая необходимость принудительных мер, профессор И. В. Стрельчук подчеркивает, что «дважды имел возможность видеть тов. Шолохова М. А., он крайне отрицательно относится к лечению. Он говорит, что по своей натуре „он парень неунывающий и мне выпивка не

вредит. Это своего рода пищевой рацион“». 7 марта Секретариат ЦК КПСС принял решение «обязать т. Шолохова М. А. в соответствии с медицинским заключением провести специальное лечение в условиях строго больничного режима» (З. Бар-Селла. С. 246–247).

12 января. По обвинению в антисоветской агитации и пропаганде (ст. 58.10 УК) арестован поэт Леонид Чертков.

Леонида Черткова, – рассказывает Людмила Сергеева, – за громкие возмущения по поводу Венгрии, которые он позволял себе в институте и других местах, начали вызывать в КГБ, провели дома обыск, нашли по их понятиям антисоветские стихи. <...> Со всеми мансардовскими тоже беседовали под протокол – пытались шить им групповое антисоветское дело. Но все держались стойко, никого не предали, группового дела не вышло (Л. Сергеева. С. 56).

Потом, – вспоминает Валентин Хромов, – был суд на Каланчевке. Кошмарное событие. В сравнении с ним будущий всем известный суд над Бродским – просто детский сад. Здесь – тихая расправа, там – громкий пиар. <...> Потом распространилось мнение: «Так набирают очки на нобелевку» (В. Хромов // Зеркало. 2016. № 48).

Л. Чертков был осужден на 5 лет, срок отбывал в Дубравлаге (Мордовия), освобожден в январе 1962 года.

Не позднее 14 января. Решением президиума Московской писательской организации принят в члены Союза писателей Борис Слуцкий (рекомендации П. Антокольского, Н. Асеева, С. Щипачева) и из кандидатов в члены Союза писателей переведен Юрий Трифонов.

15 января. В «Литературной газете» (с. 3) извлечение из выступления А. Суркова на пленуме правления СП Украины «Всесторонне изображать жизнь»:

Некоторые мещане у нас ликвидацию культа личности поняли так, что теперь вся грязь, которую они держали у себя на задворках души, в дальней части своего сознания, может быть выплеснута в качестве, как говорится, высокого достоинства искренности, правдивости и роскошной непринужденности натуры. Рядом с законным уточнением многих вопросов, и, в частности, вопроса о том, всегда ли мы соблюдали ленинские нормы в проведении национальной политики в нашей стране, рядом с глубоко исторически прогрессивной постановкой этих проблем возникли и перегибы, когда люди с позиций защиты национальных прав и национальной культуры любого из братских народов Советского Союза соскакивали или в великодержавный шовинизм, или в буржуазный национализм.

И сейчас, когда справедливо ликвидируются последствия перегибов, имевших место в пору борьбы с космополитизмом, раздаются голоса о том, что вся эта борьба объяснялась чистым наваждением.

Нет, это не наваждение.

<...> Перегибы перегибами, но космополитизм был и продолжает оставаться на вооружении нашего врага. <...> Проблема борьбы с космополитизмом, равно как и проблема серьезной и длительной борьбы с рецидивами буржуазного национализма и великодержавного шовинизма, остаются по-прежнему жизненными.

Выходит первый номер журнала «Советский экран». Ответственный редактор Н. А. Кастелин, автор монографии «Белинский – литературный критик» (М.: Искусство, 1950).

16 января. Заведующий Отделом ЦК КПСС по связям с иностранными компартиями Б. Н. Пономарев и заместитель заведующего Отделом культуры ЦК КПСС Б. С. Рюриков извещают инстанции о том, что

в августе 1956 года писатель Б. Пастернак передал итальянскому издателю Фельтринелли рукопись своего романа. <...>

После беседы с ним Б. Пастернак частично согласился с критикой его книги и признал необходимым переработать ее. В связи с этим было бы целесообразно направить от его имени письмо или телеграмму итальянскому издателю с предложением возвратить рукопись.

О содержании обращения Пастернака к Фельтринелли и порядке отправки его адресату можно будет договориться с т. Лонго²⁴⁴, прибывающим в Москву 17 января. Перед т. Лонго будет также поставлен вопрос о необходимости принять срочные меры по линии итальянских друзей в целях изъятия рукописи Пастернака и возвращении ее в СССР (Аппарат ЦК КПСС и культура. 1953–1957. С. 603).

17 января. На соискание Ленинской премии выдвинуты романы «Усадьба Пуоджюнасов» А. Ю. Вентуолиса, «Искатели» Д. А. Гранина, «Юрко Крук» П. С. Козланиюка, «Журбины» В. А. Кочетова, «Сердца молодых» Э. Я. Крустена, «Русский лес» Л. М. Леонова, «Весенняя пора» Н. Е. Мордвинова, «Пушкин в изгнании» И. А. Новикова, «Клокотала Украина» П. И. Панча, «Встретимся на баррикадах» Ф. С. Пестрака, «Просвет в тучах» А. М. Упита, «Балтийское небо» Н. К. Чуковского, «На расстанях» Якуба Коласа; повести «Сирота» Н. И. Дубова, «Золотой ручей» Н. Г. Золотарева, «Заре навстречу» В. М. Кожевникова, «Испытательный срок» и «Жестокость» П. Ф. Нилина, «Не ко двору», «Тугой узел», рассказы «Падение Ивана Чупрова», «Ухабы» В. Ф. Тендрякова; сказка «Приключения Незнайки и его друзей» Н. Н. Носова; «Районные будни», «На переднем крае», «В том же районе», «Своими руками», «Трудная весна» В. В. Овечкина; пьесы «Золотая карета» Л. М. Леонова, «Крылья» А. Е. Корнейчука, «В добрый час!» В. С. Розова; сборник юмористических, сатирических рассказов и фельетонов Остапа Вишни, том 2-й. 1950–1955 гг.; сборник «Стихи 1945–1955 гг.» Д. И. Гулия, стихи и поэмы С. Р. Кулачикова-Эллэя, Л. Н. Мартынова, Эдуардаса Межелайтиса, Мусы Джалиля, Я. В. Смелякова; монография «Александр Андреевич Иванов: Жизнь и творчество. Том I и II» М. В. Алпатова, книга «Мастерство Некрасова» К. И. Чуковского (см.: Литературная газета. С. 3).

Ольга Берггольц обращается с письмом в ЦК КПСС (копии в Ленинградский обком КПСС и партбюро Ленинградского отделения СП СССР), где признает ошибочными свои выступления об отмене партийных постановлений по вопросам литературы и искусства:

Надеюсь, что дальнейшей своей работой, смысл которой для меня состоит только в служении народу и партии, я докажу, что эта моя ошибка была лишь случайной (Аппарат ЦК КПСС и культура. 1953–1957. С. 620).

19 января. В «Правде» речь Н. С. Хрущева на состоявшемся 17 января приеме в посольстве КНР, где сказано:

В нашем понимании «сталинист», как и сам Сталин, неотделимы от великого звания коммуниста. <...> Мы критиковали Сталина не за то, что он был плохим коммунистом. Мы критиковали его за некоторые отклонения,

²⁴⁴ Луиджи Лонго – заместитель генерального секретаря ЦК Итальянской компартии.

отрицательные качества, за то, что он допустил серьезные ошибки. <...> как говорится, дай бог, чтобы каждый коммунист умел так бороться, как боролся Сталин (с. 2).

Не позднее 21 января. В докладной записке министра культуры СССР Н. А. Михайлова о влиянии «буржуазной идеологии» на художественную интеллигенцию Москвы и Ленинграда, в частности, сказано:

В состав нового правления Московского союза советских художников в октябре 1956 г. были избраны такие живописцы и искусствоведы, которые в течение многих лет отстаивали формалистические взгляды (О. М. Бескин, Р. Р. Фальк, П. В. Кузнецов, В. В. Рождественский, А. А. Каменский).

Используя справедливое недовольство художников недостатками в области нашего искусства, поднявшие голову формалистические элементы пытаются возглавить творческие союзы и навязать им свою ошибочную программу.

Ряд художников и критиков открыто выступил и против партийного и государственного руководства искусством. На собрании московских художников в октябре 1956 г. критик В. И. Костин с возмущением сказал: «Неужели нужны еще чиновники, стоящие над творческими союзами!» (Аппарат ЦК КПСС и культура. 1953–1957. С. 606).

21 января²⁴⁵. Чтобы оттянуть итальянскую публикацию «Доктора Живаго», Гослитиздат наконец заключает с Борисом Пастернаком договор на издание романа. Первое упоминание об этом – еще в дневниковой записи Лидии Чуковской от 3 января:

Она <А. А. Ахматова> обедала в Переделкине у Бориса Леонидовича. Роман его все-таки будет печататься! Слава Богу. В Гослите. Подписан договор. Борис Леонидович объявил Анне Андреевне, что он счастлив – да, да, вообще совершенно счастлив. Во всех отношениях (*Л. Чуковская. Записки об Анне Ахматовой. Т. 2. С. 234*).

Впрочем, комментируя начатую редакторами работу по «излечению» романа, Пастернак 7 февраля в письме главному редактору Гослитиздата А. И. Пузикову заявил:

я не только не жажду появления «Живаго» в том измененном виде, который исказит или скроет главное существо моих мыслей, но не верю в осуществимость этого издания и радуюсь всякому препятствию (*Б. Пастернак. Собр. соч. Т. 10. С. 204*).

22 января. Отдел культуры ЦК КПСС в своей докладной записке сообщает, что

Гослитиздату было рекомендовано отказаться от издания романа В. Дудинцева в связи с идейными недостатками этого произведения. Издательству «Молодая гвардия» было разрешено выпустить этот роман тиражом 30–50 тыс. экз. с тем, чтобы лишить демагогических элементов поводов для утверждений о том, что роман В. Дудинцева «запрещен». <...>

Однако бюро ЦК ВЛКСМ приняло решение не выпускать отдельным изданием роман В. Дудинцева. Как сообщил т. Шелепин, бюро ЦК ВЛКСМ исходило из того, что молодежь не поймет, почему роман, подвергнутый критике, издается в молодежном издательстве.

²⁴⁵ Договор за № 8818 находится в фондах РГАЛИ (Ф. 613. Оп. 10. Ед. хр. 7728), что позволяет оспорить идущую от Е. Б. Пастернака датировку этого события 7 января.

Тем не менее,

Отдел культуры ЦК КПСС считает, что выпуск романа В. Дудинцева небольшим тиражом с верным по направлению предисловием автора был бы целесообразен. <...> Передача романа для выпуска в другое издательство вызвала бы новые нежелательные разговоры (Там же. С. 613).

Компромисс был найден, и роман «Не хлебом единым» выпустило издательство «Советский писатель» 30-тысячным тиражом.

26 января. В «Литературной газете» отчеты об отчетно-выборных партсобраниях писателей Москвы и Ленинграда.

В Москве с отчетным докладом выступил В. Сытин, подвергший резкой критике роман В. Дудинцева «Не хлебом единым», рассказ Д. Гранина «Собственное мнение», стихотворение Е. Евтушенко «И другие», поэму С. Кирсанова «Семь дней недели», а также выступление О. Берггольц, «в котором ревизовались постановления ЦК по идеологическим вопросам». «Главный наказ, который мы должны сделать себе, – это держать идеологический порох сухим», – заявил Е. Долматовский, осудивший роман В. Дудинцева и особенно выступление К. Паустовского в его защиту. Роман «Не хлебом единым» критиковали также М. Гус, В. Тевелян и др.

В Ленинграде (21 января) основными объектами критики явились выступление О. Берггольц и речь К. Симонова на Всесоюзном совещании заведующих кафедрами советской литературы.

О. Берггольц в своем письме в партийную организацию признала правильность критики в ее адрес.

В. Кетлинская, не присутствовавшая на собрании из-за болезни, просила огласить ее письмо. В нем она сообщала о своем отношении к ряду принципиальных вопросов, обсуждавшихся на последних партийных собраниях, а также к роману «Не хлебом единым». Однако ее заявление не удовлетворило собравшихся. В письме не чувствуется искреннего признания В. Кетлинской своих ошибок (с. 3).

29 января. Выпущен фильм Александра Алова и Владимира Наумова «Павел Корчагин» – вторая по счету экранизация романа Николая Островского «Как закалялась сталь» с Василием Лановым в заглавной роли.

31 января. Военная коллегия Верховного суда СССР отменяет приговор в отношении участников так называемой «антисоветской троцкистской военной организации» от 11 июня 1937 года за отсутствием состава преступления. М. Н. Тухачевский, И. П. Уборевич, И. Э. Якир, А. И. Корк, Р. П. Эйдеман и другие реабилитированы посмертно.

В «Литературной газете» отчет о пленуме правления Московской писательской организации, озаглавленный «Поэзия в 1956 году». С докладом выступил Лев Ошанин, который, положительно оценив творчество Л. Мартынова, Н. Заболоцкого, В. Луговского, В. Казина, Е. Винокурова, Евг. Евтушенко, Я. Смелякова и других, в частности заявил:

Едва ли не единственный член Союза писателей, продолжающий жить как бы в башне из слоновой кости, – это Б. Пастернак. Он предпочитает четыре стены своей комнаты общению с людьми. Жалко крупного художника, автора «Лейтенанта Шмидта», обрекшего себя на одиночество, ушедшего в своеобразную «внутреннюю эмиграцию» (с. 1).

На киностудии «Мосфильм» партийное собрание, на котором обсуждается письмо ЦК КПСС «Об усилении политической работы партийных организаций в массах и пресечении вылазок антисоветских враждебных элементов».

Судя по протоколу собрания, острой критике, наряду с кинорежиссерами А. Роомом (фильм «Сердце бьется вновь») и Михаилом Швейцером (фильм «Саша выходит в люди»)²⁴⁶, подвергнуты и литераторы:

Публицист Тарсис написал объемистое исследование (100 п. л.), в котором продолжает опровергать марксизм. Не так давно писатель Пастернак написал контрреволюционный роман „Доктор Живаго“. Ошибочные взгляды писателя Константина Симонова становятся почти знаменем советской литературы (Кинематограф оттепели. 1998. С. 71).

Январь. В ограниченное распространение поступает первый номер журнала «Америка», издание которого было прекращено в 1948 году.

В Гослитиздате подписана к печати книга избранных стихотворений Бориса Пастернака с его вступительным очерком «Люди и положения».

Больше года, – 29 июня пишет Б. Пастернак А. Синявскому, – шла подготовка и составление моих избранных стихотворений. Над книгой живо и плодотворно поработал составитель Н. В. Банников, а я написал для нее биографическое вступление <...> Долго верили, что книга будет издана. Я редко, периодами, и очень слабо разделял эту веру. Но нынешняя обстановка ничего от этих вероятий не оставила. Книги не напечатают, так же как и «Доктора Живаго», романа в прозе, об издании которого тоже была речь (Б. Пастернак. Т. 10. С. 235).

Пастернак не ошибся: оба эти издания не были осуществлены.

Журналы в январе

В «Новом мире» (№ 1) статья Валерии Герасимовой «Живое единство», где о романе «Не хлебом единым», ранее публиковавшемся в том же журнале, сказано, что В. Дудинцев объемно вылепил фигуры «моральных отщепенцев», но,

к сожалению, не сумел, как мне кажется, раскрыть образы их непримиримых противников, воплощающих ведущие принципы нашей жизни, – академика Флоринского, Галицкого и других – с той художественной полнотой и силой, как они того, конечно, заслуживают (с. 257).

В «Знамени» (№ 1) роман Натальи Ильиной «Возвращение» (окончание – № 4). В «Октябре» (№ 1) статья Вл. Баскакова «О смелости подлинной и мнимой» – резкая критика рассказа Д. Гранина «Собственное мнение», а заодно повестей С. Залыгина «Свидетели» и М. Бреженера «Пусть не сошлось с ответом», романа О. Черного «Опера Снегина».

В «Звезде» (№ 1) поэмы Владимира Луговского «Берлин-1936», «Москва-1956».

В «Технике – молодежи» (№ 1) научно-фантастический роман Ивана Ефремова «Туманность Андромеды» (продолжение №№ 2–6, 8, 9, 11).

²⁴⁶ Как рассказывает Олег Табаков, снимавшийся в этой ленте, «незадолго до окончания монтажно-тонировочного периода фильма „Саша вступает в жизнь“ (другой вариант названия „Саша выходит в люди“), были опубликованы роман Владимира Дудинцева „Не хлебом единым“ и рассказ Александра Яшина „Рычаги“. Тогдашние клеветы из идеологических холуев Никиты Сергеевича Хрущева не только быстро разносили эти „очаги инакомыслия“ в литературе, но и стали шарить по другим видам искусства. <...> В отношении кинематографа был намечен объект главного удара – фильм Швейцера по сценарию Тендрякова. Молотили Швейцера дружно и настойчиво» (О. Табаков. Т. 1. С. 159). После многочисленных пересъемок картина вышла в ограниченный прокат, но практически была положена на полку. В 1988 году фильм был выпущен в изначальном виде под авторским названием «Тугой узел».

Февраль

2 февраля. Заведующий Отделом науки, школ и культуры ЦК КПСС по РСФСР Н. Д. Казьмин и инструктор этого отдела М. В. Колядич направляют в инстанции записку «О создании Союза писателей РСФСР», где сказано, что

это положительно скажется на творческом процессе в республике, явится большим политическим фактом, поможет устранить ненормальное положение литераторов РСФСР в Союзе писателей СССР» (Аппарат ЦК КПСС и культура. 1953–1957. С. 617).

Не позднее 5 февраля. В ЦДРИ первая выставка работ 26-летнего ленинградского студента Ильи Глазунова.

Как указано в информационном письме заместителя заведующего отделом науки и культуры Московского горкома КПСС Е. Соловьевой,

идею выставки подали Яков Флиер (пианист), Б. Филиппов (директор ЦДРИ) и члены правления ЦДРИ Б. Ефимов и О. Лепешинская. Выставка не согласована с МОСХом и Главным управлением ИЗО Министерства культуры и другими организациями, в т. ч. с Б. В. Иогансоном – учителем Глазунова, в то время как известно, что персональные выставки студентов, как правило, не проводятся.

Дирекция института им. Репина и тов. Б. В. Иогансон, когда узнали, что открылась выставка Глазунова, возмутились этим вопросом (*И. Глазунов*. С. 684).

Никогда, – говорит годы спустя Глазунов, – не забуду море людей, пришедших на открытие выставки никому не известного ленинградского студента-дипломника. Волны зрителей, как прибой, нарастали с каждым днем. А в день обсуждения выставленных мною работ накатил просто «девятый вал», для укрощения которого была вызвана конная милиция. Я пребывал словно в полусне – все происходящее казалось мне миражом. <...>

К сожалению, эта моя первая атака на великую ложь официального искусства сегодня старательно замалчивается нашими искусствоведами. Очевидно, потому, что мне были чужды в одинаковой степени как догматы соцреализма, так и великая ложь и террор авангарда «передового коммунистического искусства». <...> Мое инакомыслие и моя неожиданная выставка сделали меня, как отмечали тогда многие западные газеты, «первым диссидентом» (*И. Глазунов*. С. 678, 679).

Я очень хорошо помню, – 28 июня 1962 года на заседании редколлегии «Литературной газеты» вспоминал Валерий Косолапов, – как об этой выставке страшно гневно говорил непосредственный учитель Глазунова Б. В. Иогансон, когда накануне съезда художников в ЦК собирали группу художников, чтобы поговорить о предстоящем съезде. (Вел тогда заседание Шепилов...) Я помню, как яростно, гневно топтал эту выставку Иогансон, открытую Глазуновым без ведома и вопреки желанию руководства Союза художников (цит. по: *В. Огрызко*. Охранители и либералы. Кн. 2. С. 164–165).

В течение следующих пяти лет у Глазунова не было ни одной выставки, и ни одна его картина не была приобретена государственной закупочной комиссией.

Чем живет художник? – задавал риторический вопрос В. Косолапов. – Живет он тем, что пишет портреты дипломатов, жен дипломатов, отпрысков дипломатов и разных иностранных гостей, посещающих Советский Союз. Эти иностранные гости больше о нем знают, чем советские люди.

Все это идет через Министерство иностранных дел, а квартира, где мы были, и мебель с бирками хозо МИДа. Потому что там, где он жил, он сказал, что в таких условиях я иностранцев принимать не могу и рисовать не буду. Его снабдили служебным удостоверением МИДа, и он в квартире, снимаемой МИДом, принимает иностранцев и рисует портреты. (За портреты он берет 80–100 рублей в новых деньгах.) (Там же. С. 165)

5–6 февраля. Передавая французской переводчице Жаклин де Пруайар «машинопись из „Нового мира“ с небольшой авторской правкой» (Б. Пастернак. Т. 4. С. 655), Борис Пастернак поручает ей хлопоты по изданию романа «Доктор Живаго» во Франции.

В начале февраля, – говорит Иван Толстой, – Жаклин отнесла два тяжелых тома <...> во французское посольство в Москве, где работала ее знакомая Анастасия Дурова, и та, безусловно нарушая внутренние правила, отослала «Живаго» в Париж дипломатической почтой, которую КГБ не контролировал (по крайней мере, официально). К середине февраля секретный груз добрался до рю Френель, парижского семейного дома Жаклин <...> (И. Толстой. С. 122).

6 февраля. Определением Военной коллегии Верховного суда СССР реабилитирован Александр Солженицын.

Под давлением партийного руководства, стремящегося предотвратить или хотя бы задержать издание «Доктора Живаго» в Милане, Борис Пастернак написал Дж. Фельтринелли:

В нашем государственном издательстве настаивают, чтобы я отправил Вам телеграмму с просьбой задержать итальянское издание моего романа до времени его издания здесь в отредактированном виде. Я предложил бы Вам предельный срок, к примеру, в шесть месяцев. Подчинитесь этой отсрочке, если это не противоречит Вашим планам, и дайте телеграмму в ответ не мне, а по адресу издательства: Москва. Новая Басманная 19. Гослитиздат (Б. Пастернак. Т. 10. С. 201).

Подписан к печати первый номер журнала «Творчество» как органа Союза советских художников. Главный редактор Еремия Меликадзе.

Не позднее 8 февраля. Из студенческого дневника Ромэна Назирова:

«Детали» из МГУ. Прошла дискуссия о романе Дудинцева. Старенький профессор делал доклад о художественных особенностях романа «Не хлебом единым». Студенты послушали, послушали – да и взбунтовались. К черту художественные особенности, нам нужен идейный смысл романа! Началась ругань, начались выступления, и профессора принялись постепенно смываться. Дискуссия страшно затянулась. Все выступления носили острый, яростный характер. Книгу превозносили за ее остроту, за ее «революционность». На трибуне появился растерянный Дудинцев. Очевидцы свидетельствуют, что очень мямлил и «держался трусливо». Он говорил, что его не так поняли, что он не то хотел сказать в своей книге, что его «революционность», короче говоря, преувеличена. *В конце концов студенты освистали Дудинцева!* Ни больше, ни меньше. Выступил один поляк, очень

способный парень, которого называют «будущим Белинским» (если не ошибаюсь, дискуссия происходила у филологов МГУ). Этот молодой поляк сказал, что поражен выступлением Дудинцева. Можно ли назвать писателем такого советского писателя, который оправдывается и извиняется за то, что написал книгу, разоблачающую бюрократов и приспособленцев? Это было громовое выступление. Дискуссия длилась до 5 часов утра. На другой день все, кто не читал роман, кинулись искать в библиотеке «Новый мир» №№ 8–10. Но ректорат опередил студентов: «Новый мир» с романом перестали выдавать, говоря, что он занят. Студенты МГУ написали Дудинцеву уничтожающее письмо (*Р. Назиров. Из дневника 1957 года // Назировский архив. 2016. № 2. С. 83*).

15 февраля. В Союзе писателей СССР восстановлен (посмертно) Павел Васильев. И. М. Гронский вспоминал:

Однажды я встретился на партконференции Краснопресненского района с поэтом А. Безыменским, сказал:

– Саша, я ставлю вопрос о реабилитации Павла Васильева.

– Как? Этого бандита!

– Тебе не стыдно бросаться такими словами?

– Пашка будет реабилитирован через мой труп!

Позвонил Елене Усиевич, она отреагировала:

– Иван Михайлович! Побойтесь Бога! Это же контрреволюционер, антисоветчик, а вы хотите поднять вопрос о реабилитации!

– Елена Феликсовна, нам с вами говорить больше не о чем! – я повесил трубку (*С. Гронская. С. 57*).

Три характеристики – от И. М. Гронского, Б. Л. Пастернака и Г. А. Санникова – решили дело.

19 февраля. Анна Ахматова подписывает с Гослитиздатом договор на издание книги «Стихотворения».

В правах члена СП СССР восстановлен Николай Вирта, исключавшийся в 1954 году из Союза писателей «за поступки, не совместимые с высоким званием советского писателя».

20 февраля. В «Крокодиле» (№ 5. С. 10–11) фельетон И. Рябова «Про смертяшкиных», в издевательском тоне трактующий главным образом публикацию стихов М. Цветаевой в «Литературной Москве» и вступительную статью И. Эренбурга к этой публикации.

«Литературная Москва», – в феврале написал Э. Казакевич в редакцию журнала «Крокодил», – и впредь будет считать своим долгом содействовать в духе решений XX съезда партии реабилитации ушедших от нас, забытых и оклеветанных литераторов, восстановлению поруганных литературных репутаций. Выступление тов. Рябова мы не можем истолковать иначе как стремление остановить, задержать плодотворные и необратимые процессы в нашей общественной жизни (*Э. Казакевич. Слушая время. С. 389*).

Письмом кандидату в члены Президиума и секретарю ЦК КПСС Д. Т. Шепилову откликнулся на этот фельетон Илья Эренбург:

<...> Месяц тому назад я долго беседовал с товарищами Сусловым и Пospelовым, которые меня заверяли в том, что с «администрированием» у нас покончено, что всем писателям предоставлена возможность работать и что не может быть речи о поощрении какой-либо групповщины. Вот что происходит на самом деле. <...> Вскоре после этого появилась

грубая статья Рябова в «Крокодиле» под названием «Смертяшкины», поносящая память Цветаевой и упрекающая меня за предисловие. Статья Рябова не литературная критика, а пасквиль. Наши поэты самых разных литературных течений – Твардовский, Маршак, Луговской, Исаковский, Щипачев, Антокольский, К. Чуковский и другие, написали в «Литературную газету» протест против статьи Рябова. Протест этот не был напечатан. Мало того, не только «Литературная газета» в отчете с собрания прозаиков, но и «Правда» – орган ЦК – выступили с нападками на Цветаеву и на мое предисловие. <...> Если руководство ЦО и ЦК становятся на сторону одного литературного течения против другого, то мне остается сказать, что заверения товарищей Суслова и Пospelова не подтверждаются действительностью. Мне было бы весьма тяжело видеть, что писателям, не разделяющим литературные оценки Рябова, Кочетова и их друзей, закрыт рот и что они должны отстраниться от участия в культурной жизни страны. Я надеюсь, что Вы как руководитель идеологического отдела ЦК рассмотрите поднятые мною два вопроса и примете справедливое решение (*И. Эренбург*. «На цоколе истории...». Т. 2. С. 431, 432).

Письмо И. Эренбурга было оставлено без внимания.

21 февраля. Дж. Фельтринелли получает подписанную Борисом Пастернаком телеграмму с просьбой отложить выпуск романа на итальянском языке до сентября.

22 февраля. В ЦДРИ выставка малоизвестных рисунков Сергея Эйзенштейна к фильмам «Иван Грозный» и «Александр Невский».

22–23 февраля. За несколько дней до открытия Первого всесоюзного съезда советских художников в Отделе культуры ЦК КПСС проходит совещание художников, в котором принимает участие 141 человек: секретари ЦК П. Н. Пospelов, М. А. Суслов, Д. Т. Шепилов, ответственные работники ЦК, секретари обкомов КПСС, министр культуры СССР Н. А. Михайлов, начальник ГлавПУРа А. С. Желтов и др.

Выступая на совещании, скульптор Евгений Вучетич недоумевал:

Критик <В. И.> Костин на заседании Министерства культуры СССР в присутствии тов. Молотова предложил освободить наше искусство от руководства государством и партией. <...> Нас удивляет, что партийная организация МОССХ, да и правление МОССХ, не удосужились до сих пор обсудить антипартийную вылазку Костина. Спрашивается, как же могло случиться, что за последние годы в Московском союзе создалась такая нездоровая обстановка? Как могло случиться, что в столичном коллективе, который состоит из здоровых прекрасных художников, была попытка отстранить партию от руководства искусством? (цит. по: *В. Воловников*. С. 10–11).

Не позднее 23 февраля. Выходит первый номер журнала «Москва» (подписан к печати 2 февраля). Главный редактор – Николай Атаров.

25 февраля. В Ницце умер Марк Александрович Алданов (род. в 1886).

28 февраля. Комитет по Ленинским премиям в области литературы и искусства сообщает, что для дальнейшего обсуждения отобранный роман «Русский лес» Леонида Леонова, цикл стихотворений «Моабитская тетрадь» Мусы Джалиля, «Районные будни» и другие очерки Валентина Овечкина, литературное исследование «Мастерство Некрасова» Корнея Чуковского (см.: Литературная газета. С. 3).

В «Литературной газете» статья «Америка без прикрас» Александра Казем-Бека, который 38 лет прожил в эмиграции, сначала во Франции, а затем в США, где был профессо-

ром русской литературы в Коннектикутском колледже, а теперь принял решение возвратиться в Советский Союз. В статье сообщается:

В Соединенных Штатах немало больших писателей, выдающихся ученых и замечательных музыкантов (последние, между прочим, – почти сплошь родившиеся в Европе эмигранты <...>). И все же Соединенные Штаты так и не создали своей самобытной, подлинно национальной культуры (с. 4).

Протестуя против такого «приговора», Илья Эренбург направил письмо в редакцию «Литературной газеты», но его отказались печатать. Тогда Эренбург напрямую обратился к секретарю ЦК КПСС Д. Т. Шепилову, после вмешательства которого письмо все-таки было опубликовано 23 марта – впрочем, с комментарием: «Печатаю письмо Ильи Эренбурга, редакция не видит достаточных оснований для такой оценки статьи А. Казем-Бека» (с. 4). А главный редактор «Литературной газеты» Всеволод Кочетов, 15 апреля направляя Шепилову письма читателей, поддерживающих А. Казем-Бека, присовокупил, что Эренбург

не считает нужным со своими статьями и письмами обращаться (как это обычно делают литераторы) непосредственно в редакцию газеты, а обращается в ЦК КПСС как в почтовое отделение (Вопросы литературы. 1993. № 4. С. 270).

Решением секретариата правления СП создана комиссия по литературному наследию Осипа Мандельштама в составе А. Ахматовой, Н. Мандельштам, З. Паперного, А. Суркова, Н. Харджиева, Е. Хазина, И. Эренбурга.

28 февраля – 7 марта. В Москве проходит I Всесоюзный съезд советских художников²⁴⁷, учредивший Союз художников СССР. Его первым секретарем избран Константин Юон.

Незадолго до съезда, 2 февраля, в «Литературной газете» напечатана статья Бориса Полевого «Раздумья на выставке» (с. 3), в которой наряду с пространным восхищением работами художника-анималиста Евгения Рачева попутно были критически задеты репродукции картин «Тройка» Александра Герасимова и «В новую квартиру» Александра Лактионова.

Без обиняков о ведущих представителях соцреализма несколькими месяцами раньше в статье «Накануне съезда» (Искусство. 1956. № 3) высказался ответственный секретарь Московского союза советских художников Аркадий Гиневский:

Такие художники, как А. Герасимов, В. Ефанов, Д. Налбандян, И. Тоидзе и некоторые другие, работы которых провозглашались образцами следования традициям русской школы, а на самом деле порывали с лучшими из этих традиций, уводили советское искусство в сторону от великих заветов русской школы (с. 23)²⁴⁸.

Как вспоминает Андрей Турков,

²⁴⁷ «Характерно, что на московском собрании художников в декабре 1956 г. не были избраны делегатами Первого Всесоюзного съезда советских художников такие мастера, как А. М. Герасимов, Е. В. Вучетич, М. Г. Манизер, С. М. Орлов, А. И. Лактионов, В. П. Ефанов, Н. В. Томский, Г. И. Мотовилов, Ф. П. Решетников, А. М. Грицай, П. П. Соколов-Скаля, П. А. Кривоногов, Н. Н. Жуков. Б. В. Иогансон, хотя и был избран делегатом, но по числу полученных голосов занял одно из самых последних мест (157 место из 173)» (Аппарат ЦК КПСС и культура. 1953–1957. С. 606). Поэтому Оргкомитету Союза советских художников СССР было предложено «обеспечить избрание в качестве делегатов съезда выдающихся живописцев и скульпторов Москвы, Ленинграда и Киева на собраниях художников в союзных республиках. Предоставить для этого республиканским союзам художников право провести дополнительные выборы делегатов в связи с увеличением численного состава этих союзов» (Там же. С. 610).

²⁴⁸ А. Гиневский докатился «в конце концов до критики и подрыва основы основ советского искусства», – 5 января 1957 года указала газета «Советская культура» в фельетоне «Дешевая слава» (с. 2), автором которого значится анонимный «Журналист».

присутствовавший на съезде секретарь ЦК КПСС Д. Т. Шепилов произнес речь, понятую слушателями как проявление новых, более либеральных веяний» (А. Турков. Что было на веку... С. 171).

Председатель правления Ленинградского Союза советских художников Иосиф Серебряный в содокладе о живописи предложил:

если бы в наших художественных музеях мы показывали в определенной пропорции наиболее яркие образцы формалистического искусства 20-х годов – Татлина, Малевича, Кандинского, Филонова и ряда других, мы бы не совершили ошибки и, может быть, прояснили некоторые нездоровые головы, млеющие перед «новым» искусством Запада (Материалы Первого Всесоюзного съезда советских художников. С. 74).

Вполне по тем временам либеральной была и принятая съездом резолюция: метод социалистического реализма

предусматривает общность идейных и политических воззрений художников. Однако эта общность не только не исключает, но и предполагает многообразие и богатство жанров, форм, стилей, средств художественного выражения, определяемых особенностями творческой индивидуальности художника (Там же. С. 348).

Февраль. Здание московского Манежа, где долгие годы располагался правительственный гараж, передано городу под Центральный выставочный зал для проведения Юбилейной Всесоюзной художественной выставки.

В феврале впервые с 1930-х годов открылась квартирная выставка в Москве. Ее устроителем был художник Игорь Куклис. Свидетельствует Валентин Хромов:

На улице Чаплыгина около Покровских ворот в квартире физика Валентина Рокотяна, с февраля по апрель и по май на эту выставку стояла очередь по всей лестнице и выходила даже на улицу. Когда я выходил из метро «Площадь Дзержинского», «Лубянка» нынешняя, то там уже спрашивали, а где выставка? Стояла картонная коробка, на которой было написано «На краски», и туда клали деньги, и на эти деньги друзья Куклиса очень долго гуляли. Все стены были увешены в три ряда работами. Результаты творчества 55–57-го года все были на этой выставке от пола до потолка. Был вечер поэта Красовицкого, были академик Ландау, Лившиц академик, его секретарь. Они там сели с трех часов до 12-ти ночи, все смотрели и открывали рот. Ландау говорил: «Я люблю стихи Лермонтова, но то, что я слышал сегодня, меня потрясло». Выставка была довольно смелой по тем временам (цит. по: М. Уральский. Избранные, но незванные. С. 84–85).

Журналы в феврале

В «Коммунисте» (№ 3; февраль) редакционная статья «Партия и вопросы развития советской литературы и искусства», где подчеркивается, что постановления ЦК партии 1946–1948 годов по вопросам литературы и искусства

сыграли огромную роль в дальнейшем развитии художественного творчества по пути социалистического реализма. <...> Атаки на постановления ЦК из враждебного нам лагеря, склонность некоторых наших товарищей представить их устаревшими, не отвечающими требованиям

нового периода – все это рассыпается в прах при беспристрастном и объективном анализе²⁴⁹ (с. 15).

Речь в статье идет также об ошибках журнала «Новый мир», опубликовавшего роман В. Дудинцева «Не хлебом единым», рассказ Д. Гранина «Собственное мнение», поэму С. Кирсанова «Семь дней недели», и о неверных положениях статьи А. Крона «Заметки писателя», напечатанной в сборнике «Литературная Москва», № 2. Там же:

Кое-кто неправильно толкует призыв партии поднять бичующую силу нашей сатиры до уровня гоголевской и щедринской. Забывается при этом, что сатира Гоголя и особенно сатира Салтыкова-Щедрина была направлена на расшатывание основ существовавшего тогда строя.

Тогда как

цель нашей сатиры – беспощадное осмеяние всего мешающего движению народа к коммунизму, то есть *утверждение* советского строя путем критики недостатков (с. 21).

В «Неве» (№ 2) статья Льва Плоткина «Богатство советской литературы», где сказано:

У нас и до сих пор появляются статьи, в которых подсчитывается, сколько пьес на тему об интеллигенции написано и сколько драматических произведений о рабочем классе поставлено на сцене. Конечно, для чиновного отчета важны эти цифры, но при чем здесь искусство? Неужели то обстоятельство, что будет написано еще несколько десятков слабых пьес о рабочем классе, доставит радость кому-нибудь, кроме чиновничьего сердца?! (с. 190–191).

Эта статья <...> – указывает Андрей Тюрин, – получила отповедь со стороны руководства города, была названа «опасным явлением», вызвавшим в областном и городском комитетах «серьезную тревогу» (А. Тюрин. С. 69).

В «Знамени» (№ 2) цикл стихов Бориса Слуцкого «Давным-давно». В «Москве» (№ 2) стихи Бориса Слуцкого «Мы, раненные корпуса „Один“», «О погоде», «Лошади в океане». В «Иностранной литературе» (№ 2) пьеса Бертольта Брехта «Добрый человек из Сезуана».

²⁴⁹ По рассказу И. С. Черноуцана, в 1984 году записанному Натаном Эйдельманом, эти постановления «Никита хотел отменить, но Сулов предложил повременить; приказано их не переиздавать и не ссылаться...» (с. 296).

Март

5 марта. В «Литературной газете» двухподвальная статья Дм. Еремина «Заметки о сборнике „Литературная Москва“» (с. 2–3), где отмечается, что во втором выпуске этого издания возобладали «недуг мелкотемья» и «недуг уныния» (с. 2), «тенденция нигилизма, одностороннего критицизма в оценках и в отношении ко многим коренным явлениям и закономерностям нашей жизни» (с. 3).

Особенно резкой критике подвергнут рассказ Александра Яшина «Рычаги», походя охая статья Александра Крона «Заметки писателя», осуждены стихи Николая Заболоцкого, Марины Цветаевой, Семена Кирсанова, Конст. Ваншенкина, Юлии Нейман и Якова Акима.

Они, эти произведения, – издержки, а не завоевания советской литературы на ее едином с партией и народом трудном и сложном, но победоносном, героическом пути²⁵⁰ (Там же).

Читал ублюдочную статью Е. Ну их всех к чертовой матери! Надо делать свое дело», – 14 марта в письме Э. Казакевичу откликнулся на эту статью К. Паустовский (<http://paustovskiy-lit.ru/paustovskiy/letters/letter-284.htm>).

5–8 марта. На пленуме правления Московской писательской организации, открывшемся вступительным словом К. Федина²⁵¹, с докладом «О некоторых проблемах развития прозы» выступил Д. Еремин, который подчеркнул:

К сожалению, в прошлом году появились и такие произведения, в которых авторы не нашли своей правильной позиции, не учли обобщающей силы искусства, не сумели с реалистической полнотой решить поставленные перед собой идейно-творческие задачи. Это прежде всего роман В. Дудинцева «Не хлебом единым» и рассказ Д. Гранина «Собственное мнение», опубликованные в «Новом мире», рассказы А. Яшина «Рычаги», Н. Жданова «Поездка на родину», Ю. Нагибина «Свет в окне», появившиеся во втором сборнике «Литературной Москвы». <...> Причины таких срывов надо искать в идейной незрелости этих писателей, оказавшихся несостоятельными, когда перед ними встали сложные вопросы жизни, в слабости мастерства, особенно проявившейся в обрисовке положительных героев (Литературная газета. 19 марта. С. 1).

²⁵⁰ Появление этой статьи, как вспоминал В. Каверин, в газете, которой руководил тогда «В. Кочетов, убежденный сталинист, один из злобных губителей нашей литературы, человек с маниакальной направленностью ума», вызвало активные протесты. Так, Вс. Иванов направил в «Литературную газету» письмо, в котором заявил о своем выходе из редколлегии в связи с тем, что В. Кочетов «не желает считаться с мнением отдельных членов редколлегии» (В. Каверин. Эпилог. С. 371) и что «ни тов. Еремин, ни кто другой не имеет права, критикуя, становиться в позу судьи и бездоказательно бросать *политические обвинения!*» (Там же. С. 372). «Наша писательская общественность, – писал Вс. Иванов, – остро нуждается в атмосфере доверия и взаимного уважения, и редколлегия „Литературной Москвы“ за свою редакторскую работу вполне заслуживает поощрения и помощи от писателей» (Там же).

²⁵¹ «Был у Казакевича, – 30 июня записывает в дневник К. Чуковский. – Остроумен, ёдок по-прежнему. Говорили о Федине – и о его выступлении на пленуме. Федин с огромным сочувствием к „Лит. Москве“ и говорил (мне), что если есть заслуга у руководимого им Московского отделения ССП, она заключается в том, что это отделение выпустило два тома „Лит. Москвы“. А потом на Пленуме вдруг изругал „Лит. Москву“ и сказал, будто он предупреждал Казакевича, увещевал его, но тот не послушался и т. д. Я склонен объяснять это благородством Федина (не думал ли он таким путем отвратить от „Лит. Москвы“ более тяжелые удары), но Казакевич говорит, что это не благородство, а животный страх. Тотчас же после того, как Федин произнес свою „постыдную“ речь – он говорил Зое Никитиной в покаянном порыве: „порву с Союзом“, „уйду“, „меня заставили“ и готов был рыдать. А потом выдумал, будто своим отречением от „Лит. Москвы“, Алигер и Казакевича, он тем самым выручал их, спасал – и совесть его успокоилась» (К. Чуковский. Дневник. С. 235).

На пленуме, – как сказано в отчете «Литературной газеты», – завязались длительные споры вокруг произведений, помещенных в сборнике «Литературная Москва», опубликованной в «Литературной газете» статьи Д. Еремина об этом сборнике и романа В. Дудинцева «Не хлебом единым» (с. 1).

Сборник «Литературная Москва» наиболее последовательно защищал один из его редакторов В. Каверин²⁵². Отдельные положения, высказанные В. Кавериным, поддержали Л. Чуковская, М. Алигер, С. Кирсанов, А. Турков. Резко критически о «Литературной Москве» и романе В. Дудинцева высказались Г. Бровман, З. Кедрина, М. Алексеев, Б. Бялик, Н. Чертова.

В прениях в поддержку В. Дудинцева высказались также Е. Евтушенко, Ф. Вигдорова, Л. Кабо; с осуждением романа – Х. Аджемян, Ю. Бондарев, Б. Галин, А. Коптяева, В. Сафонов, Г. Серебрякова²⁵³, В. Тевекелян, Т. Трифонова, Л. Якименко.

Дважды выступивший на пленуме В. Дудинцев попытался защитить свой роман, назвав его критиков «паникосеятелями»²⁵⁴. Ему возражали П. Федоров («Появилась „чернящая“ литература, но она быстро закончит свое печальное существование»), О. Писаржевский («<...> Дудинцев приходит к ложному убеждению, что борьба с бюрократизмом начинается с его произведения»), М. Прилежаева («Слушая выступление Дудинцева, я все время ждала, что он скажет что-то светлое, доброе, обращенное к молодежи, с чем после этого захочется идти на трудовые подвиги, но этого я так и не услышала») (с. 3).

8 марта с ответом на речь В. Дудинцева от имени редколлегии «Нового мира» выступил К. Симонов:

Мне неоднократно приходилось отстаивать ту точку зрения, что при всех недостатках романа Дудинцев писал его с добрыми намерениями. Но вот в той позиции, которую занял здесь Дудинцев в своем выступлении, я этих добрых намерений не усматриваю. Больше того, в этом выступлении я усматриваю дурное намерение. Оно состоит в том, чтобы под внешним покровом смелости уйти от прямого, по-настоящему смелого и требующего действительного гражданского мужества ответа на вопрос – что в романе, вопреки основному замыслу автора (а я хочу продолжать в это верить), оказалось работающим не в ту сторону? <...>

Мне кажется, что Дудинцев до конца, глубоко не задумался над тем, что к полному коммунизму есть только один путь – через диктатуру пролетариата, со всеми вытекающими из нее последствиями, о которых нам нет причин застенчиво умалчивать, ибо писатель социалистического общества не тяготится, а гордится тем, что он работает под руководством партии, не стыдится, а гордится тем, что он полностью и безраздельно ставит себя на

²⁵² Как рассказал В. Каверин, «работой пленума руководил прятавшийся где-то за сценой (и так не появившийся в зале) А. Сурков. Без сомнения, именно он определил все дальнейшее направление дискуссии. Редкий оратор обошел мою речь. Н. Чертова утверждала, что я не понял Еремина. П. Бляхин сказал, что тон моего выступления „не делает мне чести“. Б. Галин заявил, что ему „было обидно слышать здесь речь Каверина“, а Б. Бялик утверждал, что я „возобновляю нравы, мешающие свободному выражению мыслей“. Эти нападки были немедленно перенесены в широкую прессу <...>» (В. Каверин. Эпилог. С. 365–366).

²⁵³ «Она, – вспоминает В. Дудинцев, – прямо плясала на трибуне, рвала гипюр на груди и кричала, что этот Дудинцев...! Вот я, говорит, я была там! Вот у меня здесь, смотрите, следы, что они там со мной делали! А я все время думала: спасибо дорогому товарищу Сталину, спасибо партии, что послала меня на эти страшные испытания, дала мне возможность проверить свои убеждения!» (В. Дудинцев. Между двумя романами. С. 98).

²⁵⁴ Отдел науки, школ и культуры ЦК КПСС по РСФСР в докладной записке, разосланной членам и кандидатам в члены Президиума, секретарям ЦК КПСС, признал это выступление В. Дудинцева «политически вредным». С осуждением позиции В. Дудинцева было рекомендовано выступить К. Симонову, опубликовавшему роман Дудинцева «Не хлебом единым» в «Новом мире», «поскольку Симонов является членом Центральной Ревизионной Комиссии Коммунистической партии Советского Союза» (Аппарат ЦК КПСС и культура. 1953–1957. С. 626, 629).

службу интересам народа, осуществляемым в форме диктатуры пролетариата, и сознательно отвергает в своем творчестве то случайное, наносное, что могло бы в том или ином случае работать вопреки интересам этой диктатуры (с. 3).

И тут, – вспоминает В. Дудинцев, – я потерял сознание (*В. Дудинцев. С. 99*).

Оценивая это выступление, важно иметь в виду, что на К. Симонова было оказано беспрецедентное, даже по тем временам, давление. С ним дважды встречались секретари ЦК КПСС П. Н. Поспелов и Д. Т. Шепилов, требуя, чтобы он дал «развернутую критику романа Дудинцева и его речи на пленуме». И только после второй беседы в ЦК, состоявшейся 7 марта, Симонов, как сказано в докладной записке Шепилова, дрогнул,

заверил нас, что без всяких колебаний, по своей личной глубокой убежденности выступит на Пленуме и подвергнет суровой критике Дудинцева, речь которого вызывает у него искреннее возмущение (*В. Огрызко. Охранители и либералы. Кн. 1. С. 413*).

Тем не менее эта речь К. Симонова была понята современниками как прямое предательство – см. написанное тогда же, но опубликованное только в 1989 году стихотворение Евгения Евтушенко «Письмо одному писателю» (май 1957):

Опять вы предали. Опять не удержались.
Заставила привычка прежних лет,
и как бы вы теперь ни утешались,
замкнулся круг. Назад возврата нет.

Не много ли скопилось тяжких грузов
на совести? Как спится по ночам?
Я понимаю бесталанных трусов,
но вам – чего бояться было вам?

Бывали вы талантливо трусливы.
Вы сами вдохновлялись ложью фраз,
и, располневший, но еще красивый,
с достоинством обманывали нас.

Но потеряла обаянье ложь.
Следят за вашим новым измененьем
хозяева – с холодным подозреньем,
с насмешливым презреньем – молодежь.

(*Е. Евтушенко. Первое собрание сочинений. Т. 1. С. 353*)

8 марта. Из дневника Сергея Дмитриева:

Над стилигами принято у нас смеяться. Но следовало бы задуматься. Постепенно именно эти как бы и странные фигуры становятся героями нашего времени. В них выражается (пусть крикливо, часто безвкусно и подражательно) желание обрести свой внешний облик, перестать быть людьми как все, стертыми людьми. <...> Зеленые пиджаки и яркие галстуки – протест против стертого стандарта советского общества строителей

будущих идеальных общественных строев. <...> *Чего они хотят*, это и самим им неясно. Но *чего они не хотят*, против чего фрондируют, кого хотят эпатировать всем своим обликом – это они понимают, чувствуют всем нутром своим (Отечественная история. 2000. № 3. С. 154).

13 марта. Подписан к печати последний прижизненный сборник Бориса Пастернака «Стихи о Грузии; Грузинские поэты: Избранные переводы» (Тбилиси: Заря Востока).

14 марта. Илья Эренбург как член комиссии по наследию Б. Пильняка обращается к ее председателю Николаю Погодину с предложением включить в состав планируемого трехтомника Пильняка «Повесть о непогашенной луне» – «если это не встретит трудностей» (И. Эренбург. «На цоколе историй...». С. 430).

Трудности, надо полагать, возникли, так что «Повесть о непогашенной луне» будет опубликована в журнале «Знамя» только в 1987 году (№ 12), а трехтомник Пильняка выйдет лишь в 1994 году.

Умер Николай Дмитриевич Телешов (род. в 1867).

16 марта. Степан Эрзя обращается к председателю Совета министров СССР Н. А. Булганину с письмом, где сказано:

Всю свою жизнь я трудился как скульптор.
Мною создано более 3000 произведений скульптуры, которые находятся во многих городах нашей родины и за рубежом.
Мне 80 лет. У меня хранится около двухсот моих скульптурных работ.
Прошу принять их от меня в дар нашему народу и моей любимой родине.
Желательно, чтобы коллекция не была разрознена и помещена в Русский музей (Аппарат ЦК КПСС и культура. 1953–1957. С. 640).

В ответ на это письмо министр культуры СССР Н. А. Михайлов 22 марта доложил Булганину, что его ведомство

считает целесообразным удовлетворить просьбу С. Д. Эрзя. Приносимую им в дар коллекцию произведений скульптора следует разместить в Государственном Русском музее, включив в экспозицию лучшие работы.

Помещение в экспозиции музея всей коллекции произведений С. Д. Эрзя нецелесообразно, поскольку в ее составе имеются и малозначительные и явно модернистские работы (Там же. С. 640–641).

18 марта. На экраны выходит фильм Константина Иванова «Солдаты» по мотивам повести Виктора Некрасова «В окопах Сталинграда».

Из Литературного института исключен студент 4-го курса Евгений Евтушенко – как сказано в приказе,

за систематическое непосещение занятий, неявку на зимнюю экзаменационную сессию и несдачу экзаменов в дополнительно установленный срок (И. Фаликов. Евтушенко. С. 86).

Во внимание, надо думать, было принято и то, что 8 марта, выступая на пленуме правления Московской писательской организации, Е. Евтушенко полемизировал с К. Симоновым, излагавшим точку зрения ЦК КПСС, и пытался «обелить Дудинцева» (Аппарат ЦК КПСС и культура. 1953–1957. С. 633).

Вскоре после этого выступления, – писал он, – меня исключили из Литинститута (Е. Евтушенко. Волчий паспорт. С. 348).

Обратившись к директору Виталию Озерову с просьбой о восстановлении, Евтушенко 9 апреля получил ответ от зам. директора по И. Серегина, где, в частности, сказано:

Вы стали одиозной фигурой в студенческом коллективе и сами себя поставили вне его, а приказ только оформил созданное Вами самим положение. Если Вы этого не понимаете, то обижайтесь на себя. <...>

Чего же Вы хотите? Люди верили Вам, а Вы сами подорвали в них веру в себя и требуете, чтобы Вам снова поверили на слово? Нет уж, извините, нема дурных! (Литературная Россия, 27 апреля 2017 года).

Диплом об окончании Литературного института Евтушенко получил только 5 января 2001 года.

19 марта. Заместитель председателя КГБ С. С. Бельченко в докладной записке с грифом «Совершенно секретно» сигнализирует о том, что после закрытия выставки С. Эрзи в его мастерскую, находящуюся в полуподвальном помещении²⁵⁵,

по сей день продолжается паломничество значительного количества посетителей, основную массу которых, как и прежде, составляет студенческая молодежь.

Мастерская Эрзя фактически превратилась в выставку, которую в отдельные дни посещало свыше двух тысяч человек.

В беседах с посетителями Эрзя по-прежнему выражает неудовлетворенность своим материальным положением, жалуется на «нечеловеческое» к нему отношение. Для того, чтобы подчеркнуть свое бедственное положение, Эрзя одевается теперь в тряпье, ходит в одних галошах, на постаменте одной из своих скульптур разбросал медные монеты и специально поставил банку для сбора денег. <...>

Результатом этого являются непрекращающиеся попытки со стороны отдельных лиц использовать имя скульптора для дискредитации советского строя и демагогических выпадов против политики партии в отношении советского изобразительного искусства (Аппарат ЦК КПСС и культура. 1953–1957. С. 637, 638).

Заместитель начальника Главного управления изобразительных искусств Министерства культуры СССР Ф. Л. Петров, в свою очередь, 22 марта доложил в ЦК КПСС, что положение С. Эрзи вполне удовлетворительно: ему «предоставлена большая мастерская, более 90 кв. м, и квартира из 2 комнат», «установлена персональная пенсия в размере 750 рублей. Затем эта пенсия увеличена до 1 299 руб., а в настоящее время возбуждено ходатайство об увеличении пенсии до 1 500 руб.», выданы за период с 1950 года «256 900 рублей за купленные у него произведения и в порядке творческой помощи». Однако, – сообщается далее, —

как и прежде, С. Д. Эрзя не пользуется ни предоставленным ему помещением мастерской, ни квартирой из 2 комнат и продолжает проживать в темной прихожей, принимать посетителей в загрязненной части мастерской и собирать денежные пожертвования от посетителей (Там же. С. 639).

22 марта. В Союзе писателей СССР восстановлен (посмертно) Александр Воронский. Президиум правления Московской писательской организации создал комиссию по литературному наследию Сергея Клычкова во главе с Вс. Ивановым.

22–28 марта. Неделя венгерских фильмов в Москве.

²⁵⁵ В этом полуподвальном помещении С. Эрзя прожил до своей смерти в 1959 году.

23 марта. На сцене МХАТа премьера трагедии Фридриха Шиллера «Мария Стюарт» (перевод Бориса Пастернака) в постановке Виктора Станицына. В главных ролях Ангелина Степанова и Алла Тарасова.

Из письма Ивана Шевцова Сергею Сергееву-Ценскому:

Да, вот еще одна новость: Шолохов дал согласие стать во главе журнала «Молодая гвардия»²⁵⁶. В Москве по этому поводу в среде русских, точнее, нееврейских литераторов – ликование. Авось, хоть один журнал будет вне их монополии. Хотелось бы, чтобы это был не просто разговор (цит. по: В. Огрызко. Охранители и либералы. Кн. 2. С. 443).

С. Сергеев-Ценский в несохранившемся ответном письме, видимо, усомнился в вероятности этого события. Поэтому 3 мая И. Шевцов вновь пишет ему:

Вы оказались правы в отношении М. А. Шолохова и «Молодой гвардии». Состоялось решение о назначении его главным редактором. Но затем рюриковы поставили перед М. А. такие условия, что он вынужден был отказаться.

Рюриковы²⁵⁷ – это силища! Пользуясь тем, что в связи с крайне напряженной обстановкой «верхи» не занимаются деталями культуры и идеологии, рюриковы спешат как можно больше здесь напакостить (Там же. С. 444).

24 марта. В «Комсомольской правде» статья студента 3-го курса философского факультета Киевского университета Евграфа Дулумана «Как я стал атеистом. Рассказ бывшего кандидата богословия» (с. 2–3), открывшая серию «исповедей» т. н. отреченцев и попов-расстриг в советской печати.

В это время, – комментирует протоиерей Александр Мень, – начались самые бурные, самые активные антирелигиозные выступления. <...>

Начались закрытия храмов, пресса была полна враждебных выпадов, появились первые самиздатские ответы.

<...> Не было газеты, будь то «Советский спорт» или какая-нибудь местная «Вперед», где бы ежедневно не долбилось, не долбилось... <...> Прямо стрельба из «катюш», из минометов... (А. Мень. С. 116, 117).

Эта статья вызвала анонимный стихотворный отклик «Новый Иуда», широко распространявшийся в церковной среде:

Верьте, не верьте, а сделалось чудо:
Снова в наш мир возвратился Иуда!
Только уже не за тридцать монет
Бога – Христа продает он, о нет!

²⁵⁶ Вот как об этой «новости» в разговоре с Виктором Астафьевым вспоминал Александр Макаров, бывший в то время главным редактором «Молодой гвардии»: «Собрались однажды обсуждать номера журнала, вышедшего за год, ну, не бог весть что в них было, но было, и вместо обсуждения прозы, поэзии, публицистики давай чихвостить редактора. Из ЦК комсомола мальчишки орут: „Он такой разэтакий!“, из секретариата Союза им поддакивают: „Да, да, расскакой и разэтакий“, – и кто-то из ораторов подает здоровую мысль: „Снять его, выгнать в шею, а Шолохова попросить возглавить журнал...“ – „Вот э-то да-а! Вот это здорово! Как раньше-то не додумались?!“ „Шолохова! Шолохова!“ И все это в моем присутствии, – горестно качая головой, рассказывал Александр Николаевич. – Не посоветовавшись ни с кем, в том числе и с самим Михаилом Александровичем. А они ведь поорут, подергаются, заранее зная, что Шолохов не пойдет, не поедет в Москву добивать последнее здоровье на этом журнальшике, и уйдут, разбредутся по своим уютным кабинетам, а мне ведь завтра в котле кипеть, журнал выпускать, с людьми, в присутствии которых меня с г...м смешали, работать» (цит. по: А. Кутейникова // Москва. 2012. № 12).

²⁵⁷ Б. С. Рюриков в 1955–1963 годах занимал пост заместителя заведующего Отделом культуры ЦК КПСС.

Глупыми баснями ловко торгуя,
В этом наживу немалую чую,
Сеет безбожье, безверье, туман
Новый Иуда – Евграф Дулуман.
<...>
Ну-ка! Поищем среди дулуманов
Светочей разума, мысли титанов, —
И не пытайтесь!
Подобных примеров
Не существует среди лицемеров!
Светом свечи можно ль солнце затмить?
Камешком можно ли гору накрыть?
Так и ничтожною тенью своей
Бога закрыть не сумеешь, пигмей!
Первый Иуда, предавший Христа,
Чувствовал – совесть его нечиста.
Мучился точно в кипящем котле
И успокоился только в петле.
У Дулумана иная сноровка.
Совести нет, не нужна и веревка —
Был бы лишь туго набитый карман...
Умер духовно Евграф Дулуман.

30 декабря 1959 года в числе «прочих бывших православных мирян, публично похуливших имя Божие», Е. Дулуман будет отлучен от Церкви.

25 марта. По обвинению в создании нелегальной антисоветской организации арестован математик Револьт Пименов.

6 сентября 1957 года он был, вместе с некоторыми другими членами организации, приговорен Ленинградским городским судом к 6 годам лишения свободы. Коллегия Верховного суда РСФСР отменила эти приговоры «за мягкостью», вследствие чего 4 февраля 1958 года Пименов получил 10 лет и поражение в правах на три года, Борис Вайль – 6 лет (ранее три года), Ирэна Вербловская и Игорь Заславский – по 5 лет (ранее по два года, позднее срок Заславскому был снижен до двух лет), Константин Данилов – 4 года (ранее два года). 26 июля 1963 года по ходатайству в первую очередь академика М. В. Келдыша и Александра Твардовского Пименов был освобожден условно с испытательным сроком в три года.

26 марта. В Сталинградском драматическом театре премьера спектакля «Бег» по пьесе Михаила Булгакова.

На экраны выходит фильм Григория Козинцева «Дон Кихот».

27 марта. В Кремле митинг дружбы между советским и венгерским народами, на котором присутствовало руководство как Венгрии, так и СССР.

Выступая, среди прочих, на митинге, Валентин Катаев говорил о «кознях врагов социализма»:

Втайне они вынашивали мрачные планы восстановить в Венгрии фашистский режим и оторвать Венгрию от социалистического лагеря. <...>
Принимая вас, мы радуемся, что мрачные дни прошлогодней осени уже позади (Правда. 28 марта. С. 1).

28 марта – 5 апреля. Второй Всесоюзный съезд композиторов.

Последнее время сижу на съезде композиторов, – 31 марта пишет Дмитрий Шостакович Исааку Гликману. – Слушаю выступления разного рода ораторов. Особенно мне понравилось выступление тов. Лукина. Он напомнил съезду о вдохновляющих указаниях А. А. Жданова о том, что музыка должна быть мелодичной и изящной. «К сожалению, – сказал тов. Лукин, – мы не выполняем это вдохновляющее указание!» Много ценного и интересного было и в других выступлениях (Письма к другу. С. 125).

30 марта. В Центральном Доме литераторов вечер, посвященный 75-летию Корнея Чуковского (ведущий – Ираклий Андроников).

1 апреля сообщено о награждении Чуковского орденом Ленина.

31 марта. Судя по протоколу заседания редколлегии альманаха «Литературная Москва», в списке произведений, представленных для публикации в третьем номере, находятся романы В. Гроссмана и Б. Пастернака, а также «Жизнь господина де Мольера» М. Булгакова (РГАЛИ. Ф. 1579. Оп. 2. Ед. хр. 1).

Март. В Воронеже выходит первый номер журнала «Подъем», датированный январем – февралем (подписан к печати 9 марта). Главный редактор Максим Подобедов.

До апреля. В Центральном театре Советской Армии премьера спектакля по пьесе Александра Володина «Фабричная девчонка» в постановке Бориса Львова-Анохина.

Журналы в марте

В «Октябре» (№ 3) роман Галины Николаевой «Битва в пути» (окончание – № 7).

Апрель

3 апреля. Принято Постановление ЦК КПСС «О работе Главлита СССР», гласящее: «...работники цензуры не должны оставлять без внимания политически ошибочные формулировки и положения, искажающие политику Партии и Правительства, и обязаны сообщать о них соответствующим партийным органам» (цит. по: А. Блюм. Как это делалось в Ленинграде. С. 32). Предусмотрена разработка единого Перечня сведений, не подлежащих разглашению в открытых изданиях.

4 апреля. С оглядкой на жесткую критику альманаха «Литературная Москва» секретариат правления Ленинградской писательской организации рассматривает подготовленные к печати сборники «Литературная трибуна» и «Прибой».

В соответствии с выводами специально образованной комиссии под председательством Александра Дымшица работа на сборнике «Литературная трибуна» прекращена. Бурные споры вызвали и включенные в сборник «Прибой» сказка Давида Дара «Прекрасная Глаша», миниатюры Виктора Голявкина, поэма Михаила Дудина «Вчера была война» и, в особенности, предполагавшиеся к изданию 9 стихотворений Осипа Мандельштама.

Тут уж я совсем не понимаю, – заявил Александр Дымшиц, – как можно в юбилейном году печатать Мандельштама? Какой тут критерий? Что может последовать за опубликованием стихов? Нездоровый интерес, ненужные разговорчики. С моей точки зрения, <...> опубликование стихов Мандельштама именно к этим датам – по меньшей мере, большая необдуманность, если не сказать большего – грубейшая безответственность (цит. по: М. Золотоносов. Гадюшник. С. 552).

10 апреля. На заседании секретариата правления Ленинградской писательской организации продолжается спор о правомерности опубликования стихов Осипа Мандельштама в сборнике «Прибой».

В защиту Мандельштама выступил Владимир Орлов:

Мандельштам – большой поэт. <...> И даже у него в тех стихах, которые мы хотим опубликовать, мы видим, что наша советская жизнь переучивала и его. Может быть, мы заблуждались, но нам казалось, что в этих стихах именно даже и у него прозвучала тема любви к нашим людям, к нашей стране.

Петра Капицу стихи Мандельштама разочаровали «низким уровнем мастерства». Половинчатую позицию занял Даниил Гранин – признавшись, что «две трети» этих стихов он читать не мог, относя это за счет своей поэтической неграмотности», Гранин все же нашел, что «одна треть стихов не представляет из себя ничего криминального и могла бы быть опубликованной». Окончательный вердикт сформулировал первый секретарь правления Александр Прокофьев:

Лично я <...> не разрешаю редколлегии печатать стихи Мандельштама. Пусть она проходит через мой запрет, через запрет Секретариата (цит. по: М. Золотоносов. Гадюшник. С. 553).

Было, – указывает Михаил Золотоносов, – решено продолжить работу над альманахом, но Панова сразу сложила с себя обязанности главного редактора в знак протеста против идеологической цензуры – редактором стал Далецкий, в итоге стихи Мандельштама напечатаны не были (Там же).

Как не был, впрочем, издан и сам альманах.

11 апреля. В Гослитиздат представлен второй вариант третьего выпуска альманаха «Литературная Москва».

21 апреля – 20 мая. Среди 535 участников 3-й выставки произведений молодых художников Москвы и Московской области появился и Оскар Рабин со своими первыми авангардистскими работами.

И однажды, – вспоминает Генрих Сапгир, – члены отборочной комиссии Молодежной выставки увидели: тощий молодой человек в больших очках ставит у стены совершенно необычные холсты – на больших плоскостях было изображено... это были сильно увеличенные детские рисунки. Это было ни на что не похоже. Это были первые произведения поп-арта в России. Теперь это понятно. Но тогда смущенные вконец члены МОСХа все-таки отобрали пару холстов. И выставили, не подозревая, что натурой художнику послужили рисунки его дочери Катечки (Арион. 1997. № 3. С. 84).

22 апреля. Ленинских премий в области литературы и искусства удостоены Сергей Коненков за скульптуру «Автопортрет», Леонид Леонов за роман «Русский лес»²⁵⁸, Муса Джалиль (посмертно) за цикл стихотворений «Моабитская тетрадь», Сергей Прокофьев (посмертно) за Седьмую симфонию, Галина Уланова за выдающиеся достижения в области балетного искусства (см.: Литературная газета, 23 апреля. С. 3).

Ленинских премий могли бы дать больше, – 3 мая в письме Сергею Сергееву-Ценскому комментирует Иван Шевцов. – Но я рад, что не дали Шостаковичу и ему подобным. А такая опасность была²⁵⁹. Могли бы дать художнику Вл. Серову за картину «Зимний взят». Хорошая картина. Но автор «антикосмополит», Эренбурги его ненавидят (цит. по: В. Огрызко. Охранители и либералы. Т. 2. С. 445).

В «Правде» статья В. М. Молотова «О Ленине» (с. 3–4), где Сталин не упоминается вовсе, а о преступлениях против народа говорится весьма отвлеченно: «Мы знаем, что отдельные ошибки, и иногда тяжелые ошибки, неизбежны при решении столь больших и сложных исторических задач. Нет и не может быть гарантии на этот счет ни у кого» (с. 4). В целом же, по утверждению Молотова, политика партии была всегда правильной, и сама партия «была всегда верна знамени ленинизма».

В Ленинградском театре оперы и балета имени С. М. Кирова премьера балета Сергея Прокофьева «Каменный цветок». Дирижер – Юрий Гамалей, балетмейстер – Юрий Григорович, ассистент балетмейстера и постановщик спектакля Алла Шелест, художник – Симон Вирсаладзе. Роль Хозяйки Медной горы исполняет Алла Осипенко.

²⁵⁸ См. оценку, которую 25 апреля 1963 года Н. С. Хрущев дал этому произведению на заседании Президиума ЦК КПСС: «<...> Слушайте, нуднейшая вещь. Когда я читал, я весь покрыл себя синяками, и то мог только первую книгу прочесть, вторую взял – ну никак не идет, никакие возбудительные средства не действуют» (Президиум ЦК КПСС. Т. 1. С. 710).

²⁵⁹ «Я горячо люблю Вас как великого артиста и человека и поэтому не могу Вам не высказать несколько мыслей по поводу голосования в комитете по Ленинским премиям, происшедшего вчера. <...> – еще 10 апреля написал Дмитрий Шостакович Давиду Ойстраху. – <...> К моему великому удивлению и огорчению, Вы „не прошли“. Ваша кандидатура собрала мало голосов. Требуется набрать более трех четвертей. Не собрали до нужного числа голосов три кандидатуры, в том числе и Вы. Первоначально музыкальная секция решила выдвинуть только одну кандидатуру (7-ю симфонию Прокофьева). После небольшой истерики, которую я учинил, решили выдвинуть и Вас. Вернее, решили включить Вас в бюллетень для тайного голосования. При последнем обсуждении бюллетеня некоторые члены комиссии, в том числе и „певица“ Чебан, высказали мысль, что Ваше искусство недостаточно понятно народу, что многие люди Вашей скрипке предпочитают „что-нибудь другое“, „более понятное, ясное“ и тому подобное. Не слишком горячо поддержал Вас Т. Н. Хренников. Я покричал, и Вас включили в бюллетень. Однако должного количества голосов Вы не собрали. Знайте, дорогой Додик, что лучшие музыканты всего мира, весь наш народ и все народы мира присудили Вам все премии. Признание, которого Вы удостоились, должно быть Вам дороже всего» (Дмитрий Шостакович в письмах и документах. С. 340). Давид Ойстрах станет лауреатом Ленинской премии в 1960 году.

В апреле 1959 года эта постановка будет перенесена на сцену Большого театра.

Отвечая на письмо Бориса Пастернака о сроках выхода поэтического «Избранного», главный редактор Гослитиздата А. И. Пузиков пишет:

Книгу отпечатаем в мае, а за ней приналяжем на «Живаго». Г. И. Владыкин <директор издательства> согласен, чтобы Вашего доктора лечил (редактировал) Старостин. Через две недели займусь вплотную романом. Советую <...> думать о здоровье и не встречаться с людьми, которые могут Вас волновать. У Вас один ответ. Гослитиздат роман издает. Работаю, переделываю, дополняю. Сейчас болен. Поправлюсь – продолжу работу. Срок – сентябрь. Я глубоко верю в благополучное завершение всех наших начинаний (цит. по: *Е. Пастернак*. Борис Пастернак. Биография. С. 689).

Пастернак, как мы знаем, в это не верил. Однако 16 декабря, спустя почти месяц после выхода романа в Милане, написал Елене Благиной:

<...> Около года назад Гослитиздат заключил договор со мной на издание книги, и если бы ее действительно выпустили в сокращенном и цензурированном виде, половины неудобств и неловкостей не существовало бы. Но даже и теперь, когда преувеличивая значение создавшейся нескладицы, тем самым способствуют возникновению шума по поводу этого случая в разных концах света, даже сейчас выпуск романа в открыто цензурированной форме внес бы во всю эту историю тишину и успокоение (*Б. Пастернак*. Т. 10. С. 288).

28 апреля. В «Комсомольской правде» статья Л. Парфенова «Чайльд гарольды с Тверского бульвара» (с. 4) – среди «отрицательных героев» студенты Литературного института Белла Ахмадулина, Юнна Мориц, Юрий Панкратов, Иван Харабаров.

Якобы за идейность, – в тот же день записывает в дневник Нина Бялосинская. – А на самом деле просто удар по тем, кто выступал против полного списания Пастернака на дискуссии в Литинституте. И как же она шита белыми нитками. Многозначия. Никогда не поверю, что Белла Ахмадулина сказала: «Я аполитична». А Юнна <Мориц>? Надо один раз посмотреть на нее, чтобы убедиться, какой это советский человек. Вот подлость.

И еще одна дневниковая запись, уже от 6 мая:

Теперь «правое крыло» Литинститута <...> настаивает, чтобы этих (самых талантливых) ребят исключили. Директор²⁶⁰ мечется. Он в очень тяжелом положении. Понимает, что исключать нельзя. Но и с реакцией ссориться боится. Пока дело обходится без исключения. Но жмут на этих ребят крепко (*Н. Бялосинская* // Знамя. 2018. № 8. С. 58).

29 апреля. Из письма Ариадны Эфрон Ю. Н. Братовской и Н. Г. Астафьевой:

Мамина книга продолжает висеть в воздухе, оттиски раздали кому-то на консультацию, и от этих отзывов будет зависеть ее дальнейшая судьба «быть или не быть». С нетерпением жду возвращения из Японии Эренбурга, с ним всё легче, и он может многое сделать, несмотря на то, что все взъелись именно на предисловие (цит. по: *В. Огнев*. Амнистия таланту. С. 177).

²⁶⁰ В. М. Озеров.

А взъелись, – комментирует автор одной из внутренних рецензий на эту книгу Владимир Огнев, – на предисловие, которое в виде статьи «Поэзия Марины Цветаевой» было опубликовано во втором сборнике «Литературной Москвы» (1956). Начались нападки на подготовленный сборник, книгу приостановили, верстку дали на отзыв, как оказалось, не одному мне. Сборник вышел несколько лет спустя, сокращенный и без предисловия²⁶¹ (Там же).

На экраны выпущен фильм Александра Зархи «Высота». В главных ролях Николай Рыбников, Инна Макарова, Геннадий Карнович-Валуа, Марианна Стриженова.

Апрель. Апрелем помечен первый номер журнала «Вопросы литературы», но подписан к печати он 28 июня. Первый главный редактор – Александр Дементьев (до 1959 года).

Виктор Некрасов проездом через Париж впервые посещает Италию. Итогом этой поездки стал путевой очерк «Первое знакомство: Из зарубежных впечатлений» (Новый мир. 1958. № 7–8).

Из дневника Владимира Лакшина:

Встретил случайно А. Т<вардовского> <...> Он говорил, что рад тому, что разрешили такие слова, как победа, родина, писать с малой литеры (В. Лакшин. «Новый мир» во времена Хрущева. С. 23).

Журналы в апреле

В «Новом мире» (№ 4) три стихотворения Евгения Евтушенко («Утренние стихи», «Какое наступает отрезвление...», «Со мною вот что происходит...»).

²⁶¹ В 1961 году, и с предисловием, но не И. Г. Эренбурга, а В. Н. Орлова.

Май

1 мая. Луи Арагону присуждена Международная Ленинская премия «За укрепление мира между народами».

Из дневника Геннадия Шпаликова:

На первомайской демонстрации в колонну Куйбышевского района влились четыре баптиста. Пользуясь замешательством толпы и всеобщим весельем, баптисты вскинули полотнище белого цвета, на котором был написан лозунг «Любовь есть Бог». Баптисты приехали в Москву из Кзыл-Орды ради этого первомайского дня. Их забрали люди в одинаковых пальто (Сегодня вечером мы пришли к Шпаликову. С. 143).

4–11 мая. На Третьей выставке акварелей московских художников, которая проходит в Центральном доме художника, широко представлены работы Роберта Фалька.

1–7 июня эта же выставка экспонировалась в ЦПКиО имени М. Горького.

5 мая. Умер Михаил Фабианович Гнесин (род. в 1883).

В Москву прибывает 24-летний канадский пианист Гленн Гульд, первый североамериканский пианист, посетивший Россию после смерти Сталина. Он проведет в СССР две недели и даст несколько концертов в Москве и Ленинграде. 7 мая состоялось его первое выступление в Большом зале консерватории: в программе – Бах, Бетховен, Арнольд Шёнберг, Альбан Берг. В первом отделении звучит музыка Баха.

Во время длинного антракта (приблизительно сорок пять минут, как принято в России) большая часть публики бросается к телефонам, чтобы рассказать своим друзьям о том, что они только что пережили. Поднимается настоящая буря, и толпы москвичей со всех концов города съезжаются к консерватории. Когда начинается второе отделение, в зале яблоку негде упасть, а многие еще остались на улице. <...> Гульд вынужден сыграть на бис «Фантазию» Свелинка и десять «Гольдберг-вариаций», прежде чем ему позволили закончить концерт. Он еще кланяется, когда начинают гасить свет, и его атакуют при выходе из консерватории. <...>

Русская публика никогда не слышала такого пианиста, как Гульд. Даже сегодня те, кто присутствовал на его концертах в 1957 году, <...> отмечают, что Гульд был для них кем-то вроде пришельца с другой планеты и завоевал их чувства мгновенно. Позже Гульд вспоминал, что был «принят, как кинозвезда» (К. Баззана. С. 154, 155).

Популярность Гульда столь велика, что он соглашается дать четвертый (бесплатный) концерт – утром 12 мая в Малом зале Московской консерватории. Речь идет о концерте-лекции, названном им «Музыка на Западе», на котором, по просьбе Ростроповича и других музыкантов, он представил Шёнберга и нововенцев. В России этот репертуар был уже давно запрещен. <...> Он играл Сонату Берга, Вариации Веберна и две части Третьей сонаты Кшенека. Исполнение сопровождалось краткими комментариями, касающимися музыки нововенцев, и музыкальными примерами. «Это было одно из самых волнующих музыкальных событий, в которых я принимал участие», – рассказывал он Каршу (Там же. С. 156, 157).

8 мая. В залах Академии художеств СССР открывается персональная выставка Александра Дейнеки, где демонстрируются около двухсот семидесяти произведений живописи, графики, скульптуры, монументального и декоративно-прикладного искусства.

8 мая – 2 июня. Первые гастроли театра «Берлинер ансамбль», созданного Бертольтом Брехтом, в Москве и Ленинграде. Советские зрители увидели «Жизнь Галилея», «Мамашу Кураж» и «Кавказский меловой круг».

Как указывает Борис Зингерман,

спектакли Берлинского ансамбля, показанные в Москве в 1957 году, в разгар «оттепели», живо напомнили о Мейерхольде и его новаторских режиссерских приемах: политическая тематика, социальный гротеск, монтаж аттракционов, неожиданный лиризм, знаменитое «остранение» (цит. по: Е. Абелюк, Е. Леенсон. С. 11).

9 мая. В «Литературной газете» статья Владимира Луговского «Поэзия – душа народа» (с. 2–3), где, в частности, сказано:

Наш «нигилизм» в поэзии – это мода, естественно, преходящая, но мода. Когда талантливый и страстный поэт Е. Евтушенко в своей небольшой поэме «Станция Зима» подвергает все и вся критическому подозрению, – это все очень по-юношески. Если из него получится мужчина-поэт, он будет писать по-другому (с. 3).

10 мая. Премьера Второго концерта для фортепиано с оркестром Дмитрия Шостаковича.

В Ленинградском Театре эстрады концерт Александра Вертинского – последний в его сценической карьере.

Очень высокая художественная культура, цельность и органичность, – 15 мая записывает в дневник Сергей Владимиров. – Сейчас все это – как воспоминание (печальное, ушедшее) – вся эта жизнь, о которой он поет. И как воспоминание она не кажется такой искусственной. Всё, всё в прошлом. Не допел программы, очень устал. Старое, бабье лицо. На аплодисменты радостные глаза, пожимал руки (С. Владимиров. С. 118–119).

В ленинградской газете «Смена» подборка стихотворений участников литературного объединения Горного института с предисловием Глеба Семенова. Здесь Владимир Британишский, Леонид Агеев, Нина Королева, Александр Городницкий, Глеб Горбовский, Олег Тарутин. Большинство авторов печатаются впервые. Здесь же дебютное стихотворение Александра Кушнера «Почтовый ящик».

11 мая. В Московском Театре сатиры премьера спектакля по пьесе Назыма Хикмета «А был ли Иван Иванович?»

Сейчас это трудно представить, но около театра стоял кордон конной милиции. Обычно мы говорим о ней в переносном смысле, а тут это действительно был единственно возможный способ поддержания порядка «на подступах» к театру.

<...> Пьеса показывала реалии окружающей нас жизни – времени освобождения от кошмара культа личности, она повествовала о неумирающем, как крошка Цахес, Иване Ивановиче, иными словами, о стойкой тени партбюрократии, тени, способной обрести плоть даже в чистой по природе душе человека, которому поручили в Стране Советов управлять каким-либо, даже самым малым человеческим социумом. Иван Иванович перерождался

из хорошего человека в чудовищно раздувшуюся, набрякшую от сознания собственного «авторитета» бюрократическую машину.

Главную роль в этом спектакле блистательно играл Борис Тенин. Зрители были в восторге. Как говорят в таких случаях, они «висели на люстрах». Иногда действие прерывалось аплодисментами, которые длились минут пять (*Г. Менглет. С. 283, 284*).

Несмотря на успех, после пяти премьерных показов спектакль по указанию министра культуры СССР Е. А. Фурцевой был запрещен.

Причина: и в пьесе, и в спектакле «по-прежнему сохраняется нарочитая, крикливая критика наших недостатков, связанных с последствиями культа личности», – докладывает заведующий Отделом науки, школ и культуры ЦК КПСС по РСФСР Н. Д. Казьмин, находя «нежелательным показ спектакля „А был ли Иван Иванович?“ в том виде, как он поставлен Московским театром Сатиры» (Аппарат ЦК КПСС и культура. 1953–1957. С. 659, 660).

13 мая. В ЦК КПСС совещание писателей, на котором Н. С. Хрущев публично откликнулся на роман Владимира Дудинцева «Не хлебом единым»:

Вот здесь говорят – можно ли критиковать, вскрывать недостатки, никто из вас не вскрывал еще. Дудинцев – это цыпленок, ему ли вскрывать недостатки партии, которые сам ЦК вскрывает? Он их не понимает (Никита Сергеевич Хрущев. Два цвета времени. С. 455).

Он, – вспоминает о речи Хрущева Вениамин Каверин, – говорил два часа. <...> Пересказать его речь невозможно. Она была похожа на обваливающееся здание. Между бесформенными кусками, летящими куда придется, не было никакой связи. Начал он с заявления, что нас много, а он один. Мы написали много книг, но он их не читал, потому что, «если бы он стал их читать, его бы выгнали из Центрального Комитета». Потом в середину его речи ворвалась какая-то женщина «нерусской национальности», которая когда-то обманула его в Киеве. За женщиной последовал главный выпад против Венгрии с упоминанием о том, что он приказал Жукову покончить с мятежниками в три дня, а Жуков покончил в два. Вот здесь, кажется, он и перешел к «кружку Петефи», подражая которому некоторые писатели попытались «подбить ноги» советской литературе. Кажется, он не назвал «Литературную Москву»²⁶², но совершенно ясно было, что речь идет именно о ней. Тут же досталось и всему Союзу писателей в целом.

<...> Как ни бессвязна была речь Хрущева, смысл ее был совершенно ясен. «Они хотели устроить у нас „кружок Петефи“, и совершенно правильно, по-государственному, поступили те, кто ударил их по рукам». Это было подхвачено, это передавалось из уст в уста. Именно это софоновская команда положила в основу клеветнического утверждения, что мы хотели организовать какой-то «параллельный центр» в литературе. Пахло арестами, тем более что Хрущев в своей речи сказал, что «мятежа в Венгрии не было бы, если бы своевременно посадили двух-трех горлопанов» (*В. Каверин. Эпилог. С. 371, 372*).

По впечатлениям Александра Твардовского,

²⁶² Ее он в своей речи все-таки упомянул, назвав «грязной и вредной брошюрой», из чего, – говорит инструктор Отдела культуры ЦК Игорь Черноуцан, – стало ясно, что альманаха Хрущев «в глаза не видел» (Цит. по: *У. Таубман. С. 339*).

речь Хрущева – она многими благоговейно и дословно записана – рассеяние последних иллюзий. Все то же, только хуже, мельче. Рады одни лакировщики, получившие решительную и безоговорочную поддержку. <...>

Вечером после совещания поехали на могилу Фадеева. С поминок на поминки, как сказал очень удрученный Овечкин (А. Твардовский. Дневник. С. 264).

Накануне, по просьбе Всеволода Кочетова, Хрущев принял его лично, выслушал жалобы на пытающихся исподволь выйти из административно-партийного повиновения коллег, в частности на авторов и редакцию альманаха «Литературная Москва» (М. Алигер, В. Дудинцев и др.), и в своей речи поддержал самую махровую охранительную демагогию.

Выступая 28 июня на пленуме ЦК КПСС, Кочетов опять пугал происками писателей-фрондеров и восхищался большевистской принципиальностью Хрущева, осадившего их:

За последний год положение в литературе складывалось просто, я бы сказал, трагически. <...>

Появляются один за другим романы вроде романа Дудинцева, рассказы, театры наводняются спектаклями черт знает какими. Это волновало всю партию.

Наступает наш писательский пленум. <...> Перед ним произошел решающий для нас разговор с Никитой Сергеевичем, потому что ходили всякого рода слухи по поводу позиции тов. Хрущева по отношению к литературе, якобы он сказал, что не надо вмешиваться в писательские дела и т. д. Всякие подобные слухи деморализовали и тормозили работу среди писателей. А подавляющее большинство писателей, как показал писательский пленум, – 99,99%, стоит на правильных позициях. Только какая-то кучка, до крайности активная, создавала массовидность протеста против партийности нашей литературы и умелыми объединенными действиями создавала угрожающее положение в нашей писательской организации. Она была за размагничивание советской литературы.

В этот момент и произошел решающий разговор. На завтра должен был состояться пленум. Никто из этой кучки, которая только что потрясла основы социалистического реализма и партийности в литературе, – никто из этой кучки на пленуме не сказал ни слова. Это сыграло ясную и определенную роль. Большое значение имела в этом деле большевистская, партийная речь тов. Хрущева. Мы радовались ей, это был для нас праздник – для подавляющего большинства советских писателей. Перед этим была просто ужасная муть (Молотов. Маленков. Каганович. 1957. С. 409, 410).

Помимо Кочетова, Хрущев беседовал с другими литераторами и критиковал альманах «Литературная Москва» за «порочные в идейном отношении произведения и статьи». В результате выпуск альманаха был прекращен, но никаких санкций к участникам не последовало. И более того. Результатом встречи стало поручение, которое Хрущев дал И. С. Чернуцану:

Давайте-ка подумаем, как нам приободрить этих литераторов. Что, если в следующее воскресенье собрать всех московских писателей и артистов у меня на даче? Пусть погуляют, поудят рыбу, потом подадим им обед на свежем воздухе. Идите, распорядитесь (цит. по: У. Таубман. С. 339).

14 мая. В «Литературной газете» статья Бориса Соловьева «Смелость подлинная и мнимая» (с. 1–3) – резкая критика рассказов А. Яшина «Рычаги» и Д. Гранина «Собственное мнение».

Примером неверного изображения нашего общества, характера наших людей может послужить и стихотворение Р. Рождественского «Утро», также опубликованное в сборнике «Литературная Москва» (сборник первый). Стихотворение носит аллегорический характер, но смысл этих аллегорий совершенно ясен. Если верить автору, то только сейчас наступает «рассвет», а вот до недавней поры в нашей жизни господствовала сплошная «ночь», воплощенная в облике страшного существа, подчинявшего людей своей безраздельной власти и заставлявшая их служить себе – одному себе, больше ничему и никому (с. 1).

Резко осуждены также «Литературные заметки» К. Симонова (Новый мир. 1956. № 12), статья С. Штут «У карты нашей литературы» (Новый мир. 1956. № 9), где «завышены» оценки творчества И. Бабеля и Б. Пастернака, заметка А. Марченко «Взыскательный мастер» (Литературная газета. 1956. № 112), посвященная стихам Н. Заболоцкого.

В этой заметке дается крайне одностороннее представление о Н. Заболоцком, неверно ориентируется и сам поэт, в творчестве которого подчеркивается и выделяется стремление уйти от реальной жизни, противопоставить ей бесплотную «грезу».

14–17 мая. III пленум правления СП СССР открыл К. Федин. Вступительное слово произнес А. Сурков. Затем началось обсуждение заранее разосланного коллективного доклада секретариата правления СП СССР «О некоторых вопросах развития советской литературы после XX съезда КПСС».

В докладе подчеркнуто, что,

говоря о последствиях культа личности, было бы неправильно преувеличивать его вредное влияние. <...>

Не оставляя в тени ни одного отрицательного явления в развитии советской литературы в годы распространения культа личности, мы не должны забывать, что **социалистическая природа нашего общества** помогала большинству писателей избежать пороков, принесенных культом личности.

<...> Однако в 1956 году были единичные выступления в печати и на собраниях, где прямо или чаще всего косвенно отдельные литераторы ставили под сомнение правильность некоторых решений партии по вопросам литературы в послевоенные годы.

Таковы были публичные выступления О. Берггольц и К. Симонова с требованием пересмотра партийных решений по идеологическим вопросам, принятых в 1946–1948 гг. (Литературная газета, 16 мая. С. 1).

Резкой критике в докладе подвергнуты роман В. Дудинцева «Не хлебом единым», рассказы Д. Гранина «Собственное мнение», А. Яшина «Рычаги», поэма С. Кирсанова «Семь дней недели», стихотворение М. Алигер «Самое главное», пьесы «В тихом переулке» А. Мовзона, «Человек ищет счастье» А. Школьника, «Дело Рогозина» А. Плоткина и др.

Из выступлений:

П. Бровка: В докладе секретариата довольно пространно разбираются недостатки романа В. Дудинцева и некоторых других произведений, но мне кажется, что эта критика дана в какой-то обтекаемой форме, с постоянными оговорками. <...>

Роман В. Дудинцева и подобные ему произведения – явление в литературе отрицательное. <...> Мы не можем мириться с тем, что у нас появляются произведения, в которых возводится клевета на нашу действительность (Литературная газета, 21 мая. С. 1–2).

С. Михалков: В последнее время в нашей литературе каким-то потоком появились произведения, вызывающие, мягко говоря, недоумение и тревогу: путанные статьи, двусмысленные рассказы, странные стихи. Авторы этих произведений, скажем, А. Яшин или В. Дудинцев, метя в противника, попадают в своих. Не хотели, но попали (Там же. С. 2).

В. Закруткин: Еще до приезда на пленум мы слышали о тех довольно тревожных и горестных делах, которые происходили среди некоторой части московских писателей. Почему же эти товарищи не говорят, чего они хотят, почему они не отстаивают свою точку зрения? Если получилось так, что отдельные наши произведения принял на вооружение враг, надо, чтобы авторы этих произведений сказали об этом.

Мы ждем, чтобы эти московские товарищи вышли сюда, на трибуну, и сказали, что они думают, чего они хотят, какие позиции они отстаивают в литературе, что они намерены делать завтра и послезавтра (Там же. С. 3).

М. Бажан: Среди нашей интеллигенции нашлись, к сожалению, неустойчивые люди, которые думали в панике, что необходима переоценка всех ценностей, полная смена вех. Неправильно ставился вопрос и о личности И. В. Сталина. Многие ретивые редакторы дошли до того, что имя Сталина стали вычеркивать из наших произведений. <...>

Зачеркивать все, что было сделано Сталиным доброго, зачеркивать весь тот путь, который мы прошли, веря в Сталина как воплощение наших мечтаний и идеалов, видя в Сталине воплощение партийной воли и партийного руководства, было бы недостойно честных советских людей и честных советских писателей (Там же).

Е. Долматовский: Некоторые наши товарищи с какой-то подвижнической страстью принялись искать и выпячивать теневые стороны нашей жизни. А вокруг этих заблуждений уже, как назойливые мухи, стала кружиться околосредственная шушера. <...>

Мне отвратительно нытье, которым занялись некоторые наши поэты. Но посмотрите, что поддерживается в критике. Лидия Чуковская объявила Заболоцкого классиком литературы. А ведь в стихах Заболоцкого преобладает унылый и маленький мирок. Произведения же оптимистического звучания подвергаются нападкам или замалчиваются (Там же. С. 4).

В. Кочетов: О «Рычагах» и прочем говорили уже достаточно. Мне хочется сказать о последней части трилогии «Открытая книга» В. Каверина. Каверин очень обстоятельно расписывает всякого рода «зажимщиков» и бюрократов. Но ведь только на «зажимщиках» и бюрократах книгу о современной жизни не построишь, только через них сегодняшнюю жизнь не покажешь (Там же).

А. Дымишиц: Неправильно причислять некоторые произведения, принадлежащие прошлому, к каким-то значительным явлениям нашей жизни. Имена Хлебникова, Цветаевой, Мандельштама становятся известными, но иногда они популяризируются неверно, и молодежь под влиянием этого начинает увлекаться ими. Сейчас снова поднимают Цветаеву. Что же тогда

делать с Ахматовой? Ведь по сравнению с Цветаевой она неизмеримо выше. Цветаева – явление крошечное. <...>

На днях в Ленинграде была проведена, на мой взгляд не совсем удачно, дискуссия о поэзии, на которой выступил очень уважаемый и любимый всеми наш поэт П. Антокольский, который начал безудержно расхваливать творчество Б. Пастернака.

Я помню, какое для нас в свое время имели значение поэмы «1905» и «Лейтенант Шмидт», но последующий путь Пастернака нас огорчал и огорчает по сей день. Я думаю, что такими стихами, какие печатает Пастернак сейчас, он расплачивается за отход от жизни, за позицию, которую он занял. И неверно его возносить перед лицом молодежи, для части которой он становится знаменем эстетства и жречества в литературе (Литературная газета, 22 мая. С. 1).

Е. Поповкин: Здесь подверглись критике сборник «Литературная Москва», журнал «Новый мир», подверглись критике некоторые писатели Москвы. Но я, товарищи, не слышал здесь голоса гг. Казакевича, Алигер, Каверина, Рудного. Я полагаю, товарищи москвичи, что над этим следует подумать, так как иначе мне, человеку, живущему в Крыму, придется вернуться и рассказать, что их позиции так и остались неясными для нас, участников пленума (Там же. С. 2).

Л. Соболев: Пройдет еще год-два, и начисто забудутся эти «гениальные», «непонятые» рассказы, романы, стихи. Да, забудутся. Это пена на волне, прокатившейся по нашей стране после XX съезда партии. А пена, как известно, лопается (Там же).

П. Антокольский: <...> самое больное – это появление ряда принадлежащих перу членов Московского отделения Союза писателей произведений и статей, о которых приходится говорить как о тяжелом и горьком явлении в нашей общей жизни.

И я здесь прямо признаюсь. Мне сейчас нелегко переоценивать свое прежнее отношение к подобным произведениям, сложившееся тогда, когда я еще не видел, что стоит за всем этим. Что отражают эти произведения, появившиеся одно вслед за другим? Отражают ли они труд великого советского народа на всех участках его жизни так, как мы знаем об этом труде; отражают ли они думы, чаяния и надежды народа и даже его волю? Нет. Эти произведения отражают идейные шатания у некоторых элементов из кругов нашей интеллигенции (Там же. С. 3).

Н. Чертова: В конце концов, не так уж плохо, что мы услышали с трибуны пленума правления Московского отделения выступления и Каверина, и Алигер, и Кабо, и, наконец, выходящую из всяких рамок речь Дудинцева в его поистине непонятном состоянии самоупоения. Гораздо хуже было бы, если бы все они промолчали. Теперь мы ясно видим, что происходит, а главное, знаем, что надо нам делать. И уже делаем, правда, пока еще, с моей точки зрения, с излишней предосторожностью, с подкладыванием мягких подушечек уговаривания и увещаний. Если говорить о коммунистах, имена которых здесь назывались – о Рудном, о Маргарите Алигер и тех, которые стоят за ними, – мне кажется, наступило время прямого и резкого большевистского разговора с ними (Там же).

А. Сурков в своем заключительном слове подверг критике «половинчатые, уводящие от принципиального спора» выступления М. Шагинян, В. Овечкина и К. Федина на этом пле-

нуме, призвал «воспитывать молодое поколение на героических традициях классиков нашей многонациональной и мировой литературы», а не на творчестве М. Цветаевой, Б. Пастернака, подчеркнувших

своей биографией и своими стихами постороннее отношение к тому, что делает и делал за последние сорок лет наш народ. <...>

Позиция, занятая редакторами «Литературной Москвы» на обсуждении второго сборника в Доме литераторов и на пленуме правления Московского отделения, явно показала их боевое стремление настаивать на всем, что содержит этот сборник, и делать из этой позиции определенную литературную платформу, в которой идейно-политические моменты преобладают над стилевыми. И странно, что на этом пленуме товарищи предпочли отмалчиваться, не доверили пленуму своего кредо, своих сомнений и своих убеждений. <...>

«Подвиг молчания» в наших условиях – ширма, прикрывающая мелочность мелкобуржуазного фрондерства. Замкнувшись в скворечник молчаливого отсутствия, можно очень легко оказаться в стороне от жизни. Нужно набраться мужества и переоценить свои ложные позиции.

Было бы крайне вредно, если бы мы сочли деятельность нашего пленума, проходившего на большом накале политической страсти, каким-то сигналом к стрельбе по инакомыслящим в литературно-творческих вопросах. Задача убеждения, задача перевоспитания была и остается для нас главной задачей и базой для настоящей консолидации. Но осуществлять сплочение нужно на четкой идейной платформе, объединяя все живые силы литературы и отменяя всё, что мешает ее развитию (Там же).

18 мая. На X Международном кинофестивале в Каннах специальная премия «за оригинальность сценария, гуманизм и высокую романтику» присуждена фильму Григория Чухрая «Сорок первый».

Одобрив предложение академиков М. А. Лаврентьева и С. А. Христиановича, Совет министров СССР принимает постановление «О создании Сибирского отделения Академии наук СССР». В состав отделения были включены Западно-Сибирский, Восточно-Сибирский, Якутский и Дальневосточный филиалы Академии наук СССР, академические институты в Красноярске и на Сахалине (см.: Решения партии и правительства по хозяйственным вопросам. С. 347–349).

19 мая. На правительственной даче в Подмоскowie состоялась встреча руководителей Коммунистической партии и Советского правительства с писателями, художниками, скульпторами, композиторами.

Для участников встречи был дан обед, во время которого состоялся оживленный обмен мнениями по вопросам литературы. С речами выступили товарищи Н. С. Хрущев, Д. Т. Шепилов, А. И. Микоян, К. А. Федин, А. А. Сурков, Б. В. Иогансон, Т. Н. Хренников, Л. С. Соболев, К. М. Симонов, М. В. Исаковский, С. В. Михалков, А. Е. Корнейчук, Е. А. Долматовский, М. Турсун-заде, С. В. Герасимов, Н. М. Грибачев, М. И. Алигер, Е. Е. Поповкин. <...>

Встреча, – как указывается в официальном сообщении, – прошла в обстановке исключительной сердечности и теплоты (Правда, 20 мая, С. 1).

Около трех сотен гостей, – вспоминает Алексей Аджубей, —

катались на лодках, на тенистых полянах их ждали сервированные столики отнюдь не только с прохладительными напитками. Обед проходил под шатрами. Легкий летний дождь, запахи трав и вкусной еды – все должно было располагать к дружеской беседе. Но шла она довольно остро. Выступали многие известные писатели, актеры, музыканты, художники. У каждого была своя боль (А. Аджубей. Те десять лет. С. 169).

И чем больше эта боль выплескивалась, тем большее возбуждение охватывало Хрущева.

И вот как оценивается эта встреча в документальном рассказе Владимира Тендрякова «На блаженном острове коммунизма» (март 1974):

Крепко захмелевший Хрущев оседлал тему идейности в литературе – «„лакировщики“ не такие уж плохие ребята... Мы не станем цацкаться с теми, кто нам исподтишка пакостит!» – под восторженные выкрики верноподданных литераторов, которые тут же по ходу дела стали указывать перстами на своих собратьев: куси их, Никита Сергеевич! свой орган завели – «Литературная Москва»!

<...> Весь свой монарший гнев Хрущев неожиданно обрушил на Маргариту Алигер, повинную только в том, что вместе с другими участвовала в выпуске альманаха.

– Вы идеологический диверсант! Отрыжка капиталистического Запада!

– Никита Сергеевич, что вы говорите?.. Я же коммунистка, член партии...

<...> Но Хрущев обрывал ее:

– Лжете! Не верю таким коммунистам! Вот беспартийному Соболеву верю!..

Осанистый Соболев <...> усердно вскакивал, услужливо выкрикивал:

– Верно, Никита Сергеевич! Верно! Нельзя им верить! <...>

Через несколько дней по Москве разнесся слух, что поведение Никиты Сергеевича на приеме осуждается... даже в его ближайших кругах (Новый мир. 1988. № 9. С. 27–28)²⁶³.

Во время приема на госдаче после III пленума правления СП СССР, кажется, Борис Полевой представил Даниила Гранина В. М. Молотову, который, как вспоминает Гранин, по поводу рассказа «Собственное мнение» сразу сказал: «Что же вы, – он укоризненно покачал головой. – Зачем вам, это же против партии. Вот роман „Иду на грозу“²⁶⁴ у вас хороший», на что Гранин возразил: «Но ведь надо же, Вячеслав Михайлович, иметь собственное мнение!»

²⁶³ «Хотя, – вспоминает Лазарь Каганович, – эта речь была потом в печати изложена довольно гладко, но это была „запись“, хотя стенограммы за столом не вели (а если она и была, то вряд ли нашлась бы хоть одна стенографистка, которая сумела бы записать сказанное). И на обычной трибуне, когда он выступал без заранее написанной речи, речь его была не всегда в ладах с логикой и, естественно, с оборотами речи, а тут не обычная трибуна, а столы, украшенные архитектурными „ордерами“ в изделиях стекольной и иной промышленности, для „дикции“ заполненные возбуждающим содержанием. Можно себе представить, какие „культурные“ плоды дало такое гибридное сочетание содержимого на столе с содержимым в голове и на языке Хрущева. Это был непревзойденный „шедевр ораторского искусства“» (Л. Каганович. С. 577). Несдержанность Хрущева и резкость, с какой он выступал, произвела столь сильное впечатление на его товарищей по Президиуму ЦК, что нашла отражение даже в материалах июньского пленума ЦК КПСС. Вот фрагмент стенограммы: «Молотов. Когда советским писателям говорят, что „сотрем в порошок“, – это не воспитание. Хрущев. Я говорил о тех людях, которые поднимут руку на партию, а не о всех писателях. Молотов. Если же оказывать какое-либо воспитательное воздействие на писателей, нужны соответствующие методы. Этих методов в данном случае не оказалось. Поспелов. Это был замечательный метод – метод прямоты, доверия, острой товарищеской критики (Молотов, Маленков, Каганович. С. 105).

²⁶⁴ На эту ошибку памяти обратил внимание М. Золотоносов, отметив, что речь шла наверняка о романе «Искатели», так как роман «Иду на грозу» был издан через пять лет (М. Золотоносов. Гадюшник. С. 481).

Молотов помрачнел, резко так согнал с лица приветливость. Наступила неприятная пауза (*Д. Гранин. Причуды моей памяти. С. 197*).

Откликом на эту встречу стало четверостишие Ильи Сельвинского «В минуту отчаяния», написанное тогда же, но опубликованное только спустя 32 года (*Огонек. 1989. № 37. С. 20*):

Как жутко в нашей стороне...
Здесь только ябеде привольно.
Здесь даже воля всей стране
Дается по команде: «Вольно!»

21 мая. В Ленинграде умер Александр Николаевич Вертинский (род. в 1883).

23 мая. На экраны выпущен фильм Григория Козинцева «Дон Кихот». В заглавной роли Николай Черкасов.

25 мая. В «Литературной газете» передовая статья «Народ ждет новых книг», где члены редколлегии и авторы альманаха «Литературная Москва» охарактеризованы как замкнутая группа, «стоящая на позициях нигилизма и ревизионизма».

Этим же днем датировано письмо в редакцию «Литературной газеты» (копии в Секретариат СП СССР и Московское отделение СП):

Критикуя альманах «Литературная Москва», редакция «Литературной газеты» по непонятным нам соображениям упоминает фамилии лишь четырех членов редколлегии альманаха, а именно: тт. Э. Казакевича, М. Алигер, В. Каверина и В. Рудного.

Мы, нижеподписавшиеся, тоже являемся членами редколлегии альманаха «Литературная Москва», как это указано на заглавном листе первого и второго сборников, и полностью несем ответственность за их содержание (цит. по: *О. Розенблюм, М. Тендрякова // Знамя. 2019. № 7. С. 148–149*).

Под обращением подписи А. Бека, К. Паустовского, В. Тендрякова.

А уже 28 мая Э. Казакевич, К. Паустовский, А. Бек, М. Алигер, В. Тендряков, В. Каверин, В. Рудный обращаются к секретарю ЦК КПСС Д. Т. Шепилову «с просьбой защитить нас от клеветы и травли, организованной недобросовестными людьми» (*РГАЛИ. Ф. 1579. Оп. 2. Д. 22*).

Эти протесты во внимание приняты не были.

29 мая. В Ленинградском театре имени Ленинского комсомола прогон спектакля «Матресская тишина» по пьесе Александра Галича.

Однако, — как вспоминает Галич, — какое-то очень высокое начальственное лицо вызвало директора театра и приказало ему прекратить репетиции. Тот растерялся: «Но, позвольте, спектакль уже на выходе, что же я скажу актерам?!» Подобные мелочи начальственное лицо не интересовали, поэтому оно лишь усмехнулось и ответствовало: «Что хотите, то и скажите! Можете сказать, что автор сам запретил постановку своей пьесы!...» В результате спектакль был снят с репертуара (*М. Аронов. Александр Галич. С. 108*).

Не позднее 30 мая. В Центральном доме работников искусств открывается выставка, на которой впервые после длительного перерыва представлены работы художников «Мира искусства».

Правда, – говорит Михаил Золотоносов, – это были эскизы декораций и костюмов из частных коллекций, но тем не менее «реабилитация» состоялась (М. Золотоносов. Диверсант Маршак. С. 362).

Реакционная роль этого декадентского объединения достаточно хорошо известна, – 12 ноября 1957 года откликнулась на выставку газета «Советская культура». – <...> Кажется, у русского реалистического искусства не было более непримиримого врага, чем «Мир искусства» (с. 4).

31 мая. Из докладной записки Б. С. Рюрикова, И. С. Черноуцана и В. Е. Баскакова в ЦК КПСС:

Следует сказать, что фрондерствующая группа московских литераторов пытается оказать влияние и на другие виды искусства. Так, например, на художественном совете киностудии «Мосфильм» Э. Казакевич, А. Твардовский отстаивали вместе с автором сценария В. Тендряковым порочный кинофильм «Тугой узел», который был объявлен подлинно партийным, программным для нашего искусства произведением (Аппарат ЦК КПСС и культура. 1953–1957. С. 678).

Весна. По распоряжению первого секретаря Ленинградского обкома КПСС Ф. Р. Козлова во дворе Горного института сожжен опубликованный в конце 1956 года небольшим тиражом сборник «Стихи», составленный из произведений участников литобъединения под руководством Глеба Семенова. В составе этого сборника – стихи Андрея Битова, Владимира Британишского, Лидии Гладкой, Глеба Горбовского, Александра Кушнера и др. молодых поэтов.

Наш студенческий сборник сожгли в институтском дворе,
В допотопной котельной, согласно решению парткома.
Стал наш блин стихотворный золы неоформленным комом
В год венгерских событий, на хмурой осенней заре, —

в 1992 году в стихотворении «Горный институт» вспомнил это событие Александр Городницкий (А. Городницкий. Стихи и песни. С. 223).

Журналы в мае

В «Знамени» (№ 5) – «Стихи о Севере» Варлама Шаламова²⁶⁵. В «Москве» (№ 5) – стихи Давида Самойлова: «Осень сорок первого», «Берлинский май» (из поэмы «Ближние страны»), «Черный тополь», «Зрелость», «Цирк»²⁶⁶.

В «Октябре» (№ 5) «Два стихотворения Евг. Евтушенко («Я на сырой земле лежу...» и «Я у рудничной чайной...»).

²⁶⁵ «В Москве, – вспоминает Шаламов, – есть человек, который является как бы дважды моей крестной матерью – Людмила Ивановна Скорино, рекомендовавшая когда-то самый первый мой рассказ „Три смерти доктора Аустино“ – в „Октябрь“ в 1936 в № 1 Панферову, Ильенкову и Огневу и в 1957 году в „Знамени“ напечатавшая впервые мои стихи – „Стихи о Севере“» (В. Шаламов. Т. 4. С. 308).

²⁶⁶ «По существу, первая моя публикация» (Д. Самойлов. Поденные записи. Т. 1. С. 286).

Июнь

2 июня. Опубликовано новые правила приема в вузы.

Если этим хотят уничтожить фрондерский дух молодежи, – комментирует в дневнике Давид Самойлов, – то скорее добьются обратного. Интеллигентская молодежь пойдет на заводы, где интеллектуальное фрондерство превратится в социальное. С другой стороны – рабочие придут в вузы и сомкнутся с интеллигенцией там. База фрондерства расширится, изоляция интеллигенции уменьшится (*Д. Самойлов. Поденные записи. Т. 1. С. 286–287*).

3 июня. Секретариат ЦК КПСС принимает решение о создании Союза работников кинематографии СССР. Учредительный съезд Союза кинематографистов СССР состоится только в 1965 году.

4 июня. В Магадане вновь арестован писатель и сценарист Аркадий Добровольский, с 1937 года отбывавший два срока на Колыме и оставшийся там как вольнонаемный. Как написала 14 сентября Варламу Шаламову Е. Е. Орехова, жена Добровольского,

суд состоялся здесь 10–11 сего месяца. Аркадий получил 8 лет. С обвинительным заключением я не знакома, но из подслушанного у двери во время судебного заседания знаю, что речь шла об антисоветской агитации, о слушании радио и о враждебных взглядах Добровольского. Свидетелей 5 человек, из них один – приятель Аркадия еще по 36 году на Неринге, вместе тачки катали и в жестяной банке на костре чай варили. Этот приятель показал, что взгляды Добровольского и убеждения – антисоветские. Жалкий трус и подлец! Аркадий сказал ему после его показаний, сказал так громко, что и за дверью я услышала: «Ну, Петро, пусть тебя рак совести сожрет!» От защиты Аркадий отказался и вел себя на протяжении этих двух дней, как должен себя вести мужчина и настоящий человек, не совершивший никакого преступления. Все показания отрицал, на все вопросы отвечал обстоятельно и на высоте эрудиции. Может быть, не надо было так ясно обнаруживать свое превосходство... В перерыве секретарь прибежала вниз, где была отведена комната, и просила Аркадия говорить не так быстро и «более понятными словами». Я – что я... я знаю, что мой муж, как и в 37 году, ни в чем не виноват, что он перед всеми предстал мужчиной и человеком честным и что долгая неволя куда лучше той свободы, которую имеют сейчас друзья вроде Петра Андреевича (*В. Шаламов. Собр. соч. Т. 6. С. 159*).

Именно в магаданскую тюрьму Добровольскому пришло официальное сообщение о его реабилитации по делам сначала 1937, а затем и 1944 года.

В «Советской культуре» отчет о II пленуме правления Союза художников СССР, где, в частности, сказано: «Очень плохой фальшивкой под Сезанна являются натюрморты О. Целкова» (с. 3).

5 июня. В Ялте умер Владимир Александрович Луговской (род. в 1901).

На партийном собрании ленинградских писателей, посвященном итогам III пленума СП СССР, признали свои «ошибки» Даниил Гранин, опубликовавший рассказ «Собственное мнение», и Вера Кетлинская, ранее поддерживавшая роман В. Дудинцева «Не хлебом единым».

На этом же собрании резкой критике подвергнуты уже подготовленные к печати сборник «Литературная трибуна» и альманах «Прибой». Главная претензия к сборнику состояла в следующем:

зачем и кому понадобилось редколлегии давать в сборнике, выходящем в юбилейный год, накануне празднования 40-летия советской власти, подборку стихов Мандельштама (цит. по: А. Тюрин. С. 63).

Резкую критику «Прибоя» содержало выступление главного редактора «Невы» С. А. Воронина:

Такой «Прибойчик» лучше всяких слов говорит о том, что групповщина существует не только в Москве, но что ее корни глубоко гнездятся и в нашей писательской организации. Скорее это группочка довольно влиятельных писателей, которая, как это ни странно для нашего времени и строя, командует в издательствах, оказывает давление на газеты и журналы, шумит в секциях» (Там же. С. 64).

Для рассмотрения материалов сборника «Литературная трибуна», составителем и редактором которого был литературный критик, редактор в журнале «Звезда» Анатолий Горелов, была создана специальная комиссия. Она

обнаружила несколько статей, которые были исключены из сборника из-за своей «ревизионистской» направленности. Особое внимание привлекла статья Горелова «О свободе творчества», в которой усматривалось намерение доказать «пагубность партийного и общественного воздействия на литературу». Помимо этого Горелов был обвинен в попытках опубликовать несколько неправильных статей в журнале «Звезда» и уволен из его редакции (Там же).

Разгром обоих «ревизионистских» начинаний будет 10 июня продолжен и на общем собрании ленинградских писателей.

Не позднее 6 июня. На объединенном собрании парторганизаций московских писателей и правления СП СССР²⁶⁷ с докладом выступил В. Сытин, который подчеркнул:

Известно, что в прошлом году ряд писателей допустил ошибочные устные выступления, опубликовал статьи, содержащие неверные положения, произведения, искаженно отражающие нашу действительность. Некоторые из них – К. Симонов, О. Берггольц, В. Губарев – с партийной ответственностью отнеслись к критике в свой адрес и признали свои заблуждения. И зря кое-кто из литераторов иронизирует по этому поводу. Прямое и честное признание коммунистом своих ошибок – это партийный долг. Нельзя не отметить, что и беспартийный писатель С. Кирсанов, серьезно отнесясь к критике своей поэмы «Семь дней недели», заявил, что решительно переделывает свое произведение.

К сожалению, иначе ведут себя В. Дудинцев и В. Каверин.

<...> Члены редколлегии «Литературной Москвы» коммунисты Э. Казакевич, М. Алигер, В. Рудный, В. Тендряков, упорствуя в своих ошибках, пошли по пути разобщения со своими товарищами по партийной и писательской организациям. Активно защищая свои позиции на пленуме московского правления и не желая внять голосу справедливой критики, товарищи из «Литературной Москвы» затем на третьем пленуме правления Союза писателей СССР решили оборонять свои позиции молчанием.

²⁶⁷ Оно, – как вспоминает Владимир Тендряков, – «<> для вящего устрашения было собрано не в Доме литераторов на Воровского, а в Краснопресненском райкоме партии. <...> Председательствует Сергей Сергеевич Смирнов <...>» (Знамя. 2019. № 7. С. 154).

<...> Из опыта идеологической борьбы нашей партии с чуждыми влияниями надо научиться делать правильные выводы. Это необходимо сказать и тем товарищам, которым импонирует ложная стойкость, – скажем, М. Алигер. Но это не стойкость, а упрямство, помноженное на самолюбие и зазнайство! (Литературная газета, 6 июня. С. 3).

С резким осуждением «упорствующих в молчании» членов редколлегии «Литературной Москвы» выступили М. Гус, Ф. Панферов, А. Чаковский, который заявил, что «упорное молчание может навести на мысль, что речь идет не о заблуждениях, а о сознательной фронде» (Там же).

Затем выступил Э. Казакевич. Крайне односторонне, – как отмечено в газетном отчете, – рассказав о деятельности редколлегии «Литературной Москвы», он отстаивал произведения, опубликованные во втором сборнике.

В выступлении Э. Казакевича, – подчеркивает репортер «Литературной газеты», – не сказалось желание честно признать совершенные ошибки, именно поэтому оно не удовлетворило собрание.

Этого желания не было и в письме М. Алигер, оглашенном на собрании, и в выступлении А. Яшина, которое показалось присутствовавшим крайне наивным уже потому хотя бы, что автор до сих пор не может уяснить, в чем порок «Рычагов» (Там же).

С осуждением этой позиции выступили О. Писаржевский, Л. Шейнин, А. Сурков, Г. Гайдовский, Е. Долматовский («Я хорошо знаю М. Алигер и Э. Казакевича, и у меня сложилось впечатление, что их поведение объясняется ложной игрой в храбрость. А между тем это не храбрость, а дешевая демагогия» – Там же).

На собрании с речью выступила кандидат в члены Президиума ЦК КПСС, секретарь ЦК и МК КПСС Е. А. Фурцева.

6 июня. Образовано оргбюро Союза работников кинематографии СССР. Председателем Оргбюро утвержден И. А. Пырьев, его заместителями – С. И. Юткевич и А. М. Згуриди.

11 июня. На общем собрании московских писателей с докладом, жестко обличающим ряд публикаций «Нового мира» и «Литературной Москвы» за «одностороннее изображение действительности», выступил К. Федин²⁶⁸.

Э. Казакевич в своем выступлении, а также М. Алигер и А. Бек, письма которых были оглашены на собрании, признали справедливой критику ошибок, допущенных «Литературной Москвы», и заявили, что своей дальнейшей работой исправят эти ошибки²⁶⁹ (Литературная газета, 13 июня. С. 1).

В единогласно принятом решении отмечаются единодушие и сплоченность московских писателей, которые на всем протяжении

²⁶⁸ Как вспоминает Вениамин Каверин, «накануне его выступления, 11 июня 1957 года, К. Паустовский и В. Рудный были у него – в поисках защиты, и он сказал с запомнившейся твердостью: „Литературную Москву“ я в обиду не дам“. На другой день он не только воспользовался личным разговором между ним и Казакевичем, но и бессовестно солгал, утверждая, что на пленуме не нашлось защитников критикуемой книги альманаха. Можно ли сомневаться в том, что он думал одно, а говорил и писал другое? Нет. „Мы потеряли Федина“, – сказал мне Казакевич, когда после собрания поздним вечером мы возвращались домой. Этого не случилось бы, если бы он сам не потерял себя, решившись на прямое предательство, в котором не было ничего загадочного (как это кое-кому казалось) и которое было неизбежным следствием его литературной смерти» (В. Каверин. Эпilog. С. 366–367).

²⁶⁹ «Только два члена редколлегии – Паустовский и я – не покались, – говорит В. Каверин. – Паустовский отказался, а мне как неисправимо порочному это даже не предложили» (В. Каверин. Эпilog. С. 368).

истории советского общества ощущали себя верными помощниками Коммунистической партии в осуществлении ее великих целей (Там же).

13 июня. В Союзе писателей СССР восстановлен (посмертно) Борис Корнилов.

15 июня. Из дневника Сергея Дмитриева:

Братья-писатели продолжают вкуче подличать и выслуживаться. «Проработка» Дудинцева, Гранина, Яшина, Алигер, Кирсанова, «Литературной Москвы» идет всесоюзно. В Тифлисе, в Киеве, в Минске, в Ленинграде. В последнем собрание писателей одобрило «принципиальную критику проявлений гнилого скептицизма в литературе». Правда, на собрании отсутствовали В. Панова, В. Кетлинская, А. Горелов, Ю. Герман. А прилежный А. Дымшиц заявил: и «у нас нашел отражение пресловутый „подвиг молчания“». Целый ряд видных писателей просто не почтил своим присутствием наше собрание» (Отечественная история. 2000. № 3. С. 155).

16 июня. В «Правде» два подвала заняла статья Константина Федина «Писатель и жизнь» (с. 3–4). Как записывает в дневник Сергей Дмитриев,

всё о том же, всё о «групповщине», о 2-м сборнике «Литературной Москвы», о рассказе Яшина, романе Дудинцева, а более всего о том, почему не кается редакция злосчастной «Литературной Москвы», как смеет не каяться, как не понимает, что нужно каяться, нужно говорить, что требуют. Так почтенный писатель учит других писателей, а заодно и читателей, лицемерию. По Федину, нет никакой разницы между Союзом советских писателей и Коммунистической партией. Там и тут требуется полное внешнее единство мнений (Там же. С. 156).

Премьера спектакля по пьесе Леонида Леонова «Золотая карета» на сцене Ленинградского театра имени Ленсовета.

18–19 июня. Президиум ЦК КПСС на своем внеочередном заседании смещает Н. С. Хрущева с поста Первого секретаря ЦК КПСС и обсуждает вопрос о целесообразности сохранения поста Первого секретаря. В руководстве партии и СССР возникает раскол.

В Ленинграде на площади Искусств перед зданием Государственного Русского музея состоялось торжественное открытие памятника А. С. Пушкину, сооруженного скульптором М. К. Аникушиным и архитектором В. А. Петровым. Открытие памятника было приурочено к празднованию 250-летия основания города.

20 июня. Из письма Бориса Пастернака Джанджакомо Фельтринелли:

У нас роман²⁷⁰ никогда не будет издан. Лишения и беды, которые, возможно, ожидают меня, когда появятся заграничные издания и не будет аналогичного советского – это не наше дело, ни мое, ни Ваше.

Нам важно только, чтобы работа, невзирая на это, увидела свет, – помогите мне в этом (Б. Пастернак. Т. 10. С. 233).

22–29 июня. Внеочередной Пленум ЦК КПСС. По словам Леонида Млечина,

ключевую роль в спасении Хрущева в те дни сыграли председатель КГБ Иван Серов и министр обороны Георгий Жуков. Жуков самолетами военно-транспортной авиации со всей страны доставлял в Москву членов ЦК, а Серов их правильно ориентировал. Члены ЦК собрались в Свердловском

²⁷⁰ «Доктор Живаго».

зале, заявили, что они поддерживают первого секретаря и пришли требовать от членов президиума отчета: что происходит? (*Л. Млечин. Фурцева. С. 224*).

Выступая на Пленуме, а затем и на XXII съезде КПСС, Н. Г. Игнатов огласил заявление, с которым группа членов ЦК КПСС – сторонников Хрущева – обратилась в Президиум ЦК КПСС:

Нам, членам ЦК КПСС, стало известно, что Президиум ЦК непрерывно заседает. Нам также известно, что вами обсуждается вопрос о руководстве Центральным Комитетом и руководстве Секретариатом. Нельзя скрывать от членов Пленума ЦК такие важные для всей нашей партии вопросы.

В связи с этим мы, члены ЦК КПСС, просим срочно созвать Пленум ЦК и вынести этот вопрос на обсуждение Пленума.

Мы, члены ЦК, не можем стоять в стороне от вопросов руководства нашей партии (Молотов, Маленков, Каганович. 1957. С. 281).

Когда, – продолжил свой рассказ уже на съезде Н. Г. Игнатов, – доложили Президиуму об этой просьбе, фракционеры подняли страшный шум.

<...> Как вы думаете, почему? Да как это члены ЦК осмелились к ним обратиться?! Товарищ Хрущев и другие поддерживавшие его товарищи решительно настаивали на приеме членов ЦК. И тогда это так называемое арифметическое большинство – фракционеры предложили, чтобы членов ЦК принял не Президиум, а один из их сторонников – Булганин или Ворошилов. Увидев, куда гнет эта группа, Никита Сергеевич Хрущев заявил, что и он пойдет на встречу с членами ЦК, и настоял на своем. И какое это было счастье для судьбы нашей партии! (Правда, 25 октября 1961 г. с. 3).

22 июня. Пленум ЦК КПСС отменяет решение о смещении Н. С. Хрущева с поста Первого секретаря ЦК КПСС.

29 июня. Июньский пленум ЦК КПСС (22–29 июня), обсудив, как сказано в официальном сообщении, вопрос об «антипартийной группе Маленкова Г. М., Кагановича Л. М., Молотова В. М.» (и примкнувшего к ним Д. Т. Шепилова),

вывел из состава членов Политбюро ЦК и из членов ЦК КПСС тт. Маленкова, Кагановича, Молотова; снял с поста Секретаря ЦК КПСС и вывел из состава кандидатов в члены Президиума ЦК и из состава членов ЦК т. Шепилова (Правда, 4 июля. С. 1)²⁷¹.

Как указывает Рой Медведев,

у группы Молотова было большинство: к ней присоединились также Н. А. Булганин, М. Г. Первухин, М. З. Сабуров и Д. Т. Шепилов, не говоря уже о Кагановиче, Маленкове и Ворошилове. Но Молотов просчитался. Он не имел большинства на Пленуме ЦК, который был созван по требованию сторонников Хрущева. Молотов не пользовался поддержкой ни КГБ, во главе которого стоял И. А. Серов, ни армии, во главе которой стоял Г. К. Жуков. Большинство членов ЦК КПСС опасались, что с приходом к власти Молотова снова начнутся репрессии среди партийного и государственного

²⁷¹ «Все противники Хрущева, – свидетельствует Леонид Млечин, – были выброшены из политики. Маленкова отправили директором гидроэлектростанции в Усть-Каменогорск на Алтае, Кагановича – управляющим трестом „Союзасбест“ в город Асбест Свердловской области. Они находились под наблюдением местных органов КГБ. Молотова вывели из состава ЦК, 29 июля 1957 года освободили от должности министра государственного контроля, 3 августа утвердили послом в Монголии» (*Л. Млечин. Фурцева. С. 228*).

аппарата. Поражение группы Молотова на июньском Пленуме ЦК КПСС было настолько полным, что даже сторонники Молотова проголосовали за принятие постановления, осуждавшего ее деятельность. Воздержался при голосовании лишь сам Молотов. <...> Это был единственный случай в истории КПСС, когда Центральный Комитет партии не подчинился решению своего Президиума (Политбюро) и отменил его решение (Юность. 1989. № 3. С. 78).

Сообщение о Пленуме было опубликовано только 4 июля.

Борьба, завершившаяся на пленуме, – записывает 4 июля в дневнике Давид Самойлов, – не была борьбой идеологической и не отражала настроений широких слоев народа. Это была борьба внутри сложившегося правящего новообразования. Значение этой борьбы в том, что она является важным этапом социального самосознания этой прослойки, победой его наиболее организованного, активного крыла – партийного аппарата.

«Фракционеры» (а их большинство!) не были поддержаны именно потому, что несли в себе традицию прежнего Политбюро, стоявшего над классом аппаратчиков. Такого рода орган нужен бы<л> в период складывания диктатуры и не нужен в пору сложившегося самосознания. <...>

Низы партии встретили сообщение о пленуме с недоумением, кое-кто с неприязнью (Д. Самойлов. Поденные записи. Т. 1. С. 288, 289).

Таким образом, – 10 июля комментирует победу Хрущева Сергей Дмитриев в своем дневнике, – процесс, который занял примерно 6–10 лет после смерти Ленина (1924–30–34 гг.) и завершился установлением диктатуры Сталина как единственного вождя и руководителя партии, государства и народа, сейчас протекает как будто бы быстрее. Трудно сказать, завершился ли он. Но пока что понадобилось лишь 4 года для восстановления фактического единодержавия. Конечно, полностью история не повторяется. Внешность единодержавия может быть различная. Приемы единодержавцев также, равно их вкусы и претензии. Нельзя забывать и того, что Сталину ко времени установления им своего единодержавия было 50 лет (примерно 1929 г.), а Хрущеву же близится в 65 (в 1957 г.) (Отечественная история. 2000. № 3. С. 157–158).

И еще один комментарий – 23-летнего уфимского студента-филолога Ромэна Назирова:

Интересно, как «реагнёт» на это простой народ. Рабочие будут за Молотова. Евреи за Кагановича. Крестьяне за Маленкова. Московские интеллигенты за Шпилова. Недовольство Хрущевым еще более увеличится. Скоро Хрущев перевыполнит норму глупостей.

Июнь. Танцевальный ансамбль «Березка» впервые гастролирует во Франции.

Журналы в июне

В Тбилиси выходит первый номер журнала «Литературная Грузия» (на обложке: № 1, июнь). Подписан к печати 25 мая 1957 г. Редактор Константин Лордкипанидзе (до 1962).

В «Иностранной литературе» (№ 6) эссе Ильи Эренбурга «Уроки Стендаля»²⁷².

В докладной записке от 2 августа, подписанной заместителем заведующего Отделом культуры ЦК КПСС Б. С. Рюриковым и инструктором Отдела Е. Ф. Трущенко, указывается, что

²⁷² Восторженным письмом от 7 августа откликнулась на эту публикацию Светлана Сталина (Аллилуева), в ту пору научный сотрудник ИМЛИ АН СССР (см.: «Я слышу всё...», С. 347–355).

обзор пути Стендаля Эренбург использовал, чтобы высказать (открыто, а чаще эзоповым языком) «свои фрондерские взгляды на политику партии в области советской литературы и искусства».

В журнале «Новое время» (№ 29, за 18 июля 1957 г.) помещена статья И. Эренбурга «14 июля», которая также начинена «шпильками» и во многом смыкается по смыслу со статьей о Стендале.

Поэтому, как сказано,

Отдел культуры ЦК КПСС считает, что подобные выступления в печати наносят идеологический вред. Следовало бы указать главному редактору журнала «Иностранная литература» т. Чаковскому и главному редактору журнала «Новое время» Т. Леонтьеву на ошибочность опубликованных ими в таком виде статей И. Эренбурга и необходимость более требовательного подхода к публикуемым материалам.

Было бы целесообразно рекомендовать редакции «Литературной газеты» выступить с критикой неправильных утверждений И. Эренбурга (Аппарат ЦК КПСС и культура. 1953–1957. С. 692, 693–694).

Выполняя эту рекомендацию, «Литературная газета» 22 августа выступила с резко осуждающей Эренбурга статьей Н. Таманцева «В чем же все-таки „уроки Стендаля“?». На нее язвительным эссе «Стендаль в СССР и живое зеркало» откликнулся Луи Арагон:

Если я совсем не знаю, был ли бы в наши дни живой и пишущий в СССР Стендаль членом Союза советских писателей, то я зато хорошо знаю, что, даже будучи членом этого союза, он бы за каждое написанное им слово подвергался проработке со стороны всех Таманцевых... Обвинение против Эренбурга выходит далеко за пределы статьи о Стендале. <...> Сомнению подвергается весь Эренбург, его предыдущие статьи, само его творчество (*Les lettres françaises*, 1957, 19–25 IX).

Следом И. Эренбурга осудила Е. Книпович в статье «Еще об уроках Стендаля» (Знамя. 1957. № 10); 14 ноября 1957 года подробное изложение статьи Е. Книпович за подписью «Литератор» опубликовала «Литературная газета», озаглавив его «Точки над „и“». И наконец, А. Чаковский на заседании президиума Союза писателей признал, что «ошибкой редакции была публикация статьи И. Эренбурга „Уроки Стендаля“, содержащей полемику с основополагающими принципами советской литературы». После такого заявления какие-либо отношения с Чаковским Эренбург прекратил, а его отношения с «Иностранной литературой» возобновились только в 1964-м, когда Чаковский там уже не работал, хотя состав редколлегии и оставался прежним.

Июль

6 июля. В «Литературной газете» подборка информационных сообщений «С тобой, наш ленинский ЦК!» о том, что писатели-коммунисты Москвы и Киева единодушно поддержали постановление июньского Пленума ЦК КПСС об антипартийной группе Маленкова, Кагановича и Молотова. На собрании в Москве, состоявшемся 3 июля, выступили В. Сытин, А. Сурков, А. Первенцев, Л. Никулин, В. Кожевников, Н. Родионов, Е. Долматовский, Л. Ошанин, Б. Галин, Л. Лагин, который, в частности, заявил, что «никакие двурушники типа Шепилова не смогли сделать писателей „разменной монетой“ в своей борьбе против партийного руководства»²⁷³ (с. 1). В Киеве на партсобрании выступили М. Бажан, П. Тычина, О. Гончар, В. Собко, П. Панч, Л. Новиченко и др.

9 июля. В «Литературной газете» под рубрикой «По ленинскому пути» (с. 1) информационные сообщения о партсобраниях писателей Ленинграда, Минска, Челябинска, единодушно поддержавших решения Пленума ЦК КПСС.

Здесь же статья Мих. Алексеева «Взращенная партией», где, в частности, говорится:

Для нас, советских писателей, деятельность антипартийной группы Маленкова, Кагановича, Молотова и примкнувшего к ней Шепилова представляла особую опасность. Анализируя события последних двух лет, невольно приходишь к выводу, что была определенная связь их фракционной деятельности с ревизионизмом и нигилизмом, на какое-то время захватившими и некоторых литераторов. Так родились «идейки» вывода нашей литературы из-под влияния партии. Но эти жалкие «идейки» получили единодушный и весьма энергичный отпор на III пленуме правления Союза советских писателей. На этом пленуме присутствовал Шепилов, но он промолчал, хотя до этого очень охотно произносил длинные речи. Теперь-то ясно, почему он молчал: писательский пленум пошел вопреки желаниям этого двурушника и мелкого политика, пытавшегося сделать литераторов «разменной монетой» в своей борьбе против партийного руководства, как об этом справедливо говорилось на недавнем партсобрании московских писателей (с. 1).

11 июля. В «Литературной газете» под рубрикой «Наши сердца, наши таланты принадлежат народу и партии» (с. 2) информационные сообщения о партийных собраниях писателей Ростова-на-Дону, Новосибирска, Казани, Хабаровска, Алма-Аты, Ташкента, осудивших деятельность антипартийной группы Маленкова, Кагановича, Молотова и примкнувшего к ним Шепилова.

²⁷³ Запись в дневнике А. Твардовского: «Очередное закрытое письмо и предшествовавшие ему изустные новости не особенно задели на этот раз = жить нужно и должно и можно, могло быть, м. б., хуже. Жаль только, что без лжицы, фальши и актерства у нас ничто такое не обходится: Сурков и др. наготове. Не мне одному показалось на собрании 3.VII, что ораторов не пришлось бы менять в случае другого содержания документов» (А. Твардовский. Дневник. С. 277).

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.